

Андрей Плотников

Тайна смерти Рудольфа Гесса

Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы
Шпандау

Тайна смерти
Рудольфа Гесса

Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы
Шпандау

Тайна смерти
.....
Рудольфа Гесса
.....

Андрей Плотников

Тайна смерти
Рудольфа Гесса

Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы
Шпандау

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)63
ПЗ9

Плотников, Андрей Николаевич

ПЗ9 Тайна смерти Рудольфа Гесса: Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы Шпандау — М.: Кучково поле,
2018. — 384 с.: ил.; 24 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0914-6

Рудольф Гесс — один из самых таинственных иерархов нацистского рейха. Тайной окутана не только его жизнь, но и обстоятельства его смерти в Межсоюзной тюрьме Шпандау в 1987 году. До сих пор не смолкают споры о том, покончил ли он с собой или был убит агентами спецслужб. Автор книги — советский надзиратель тюрьмы Шпандау — провел собственное детальное историческое расследование и пришел к неожиданным выводам, проливающим свет на истинные обстоятельства смерти «заместителя фюрера».

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-9950-0914-6

© Плотников А. Н., текст,
иллюстрации, 2018
© ООО «Кучково поле», 2018

*Посвящается моей жене и детям,
а также всем друзьям и коллегам,
с кем рядом жил и работал в Германии*

ЧАСТЬ 1

ДНЕВНИК НАДЗИРАТЕЛЯ ШПАНДАУ

Первое знакомство (7 января 1986 года)

— *Are you from KGB, Mr. Plotnikov?** — этим вопросом сразу после знакомства и рукопожатия озадачил меня британский надзиратель господин Босуорт. Сегодня 7 января 1986 года, и я первый раз в должности надзирателя Межсоюзной тюрьмы для военных преступников Шпандау, или коротко МТШ, приехал на работу. Мы встретились с Босуортом рано утром в столовой для персонала тюрьмы. Что должен ответить на такой вопрос молодой советский человек, впервые в жизни столкнувшись с живым представителем мира капитализма не через экран телевизора, а завтракая с ним за одним столом?

Босуорт положил себе на поджаренный кусок хлеба яичницу-глазунью и посмотрел на меня, как бы пытаясь заглянуть внутрь. Видно, что ему очень хочется привести меня в замешательство. Англичанин много лет проработал в МТШ, у него хорошие отношения с советским персоналом тюрьмы, однако каждому новому советскому сотруднику при первой встрече он задавал этот, как ему казалось, каверзный вопрос и оценивал реакцию нового человека. По существу, ответ на вопрос был очевиден и одинаков, а вот поведение людей разное. Мир

* Вы из КГБ, господин Плотников? (англ.)

разделен железным занавесом, и лишь единицы советских людей имеют возможность свободного общения с представителями капиталистических стран. По всему земному шару гуляет миф о всесильности Комитета государственной безопасности СССР, и в каждом советском человеке, приезжающем на Запад, обычные граждане готовы видеть сотрудника этой спецслужбы. Если бы такой вопрос мне задали на официальной встрече, то можно было бы назвать это провокацией и заявить протест. А кому заявлять протест здесь? Обеденный зал пуст, только мы вдвоем сидим за одним столом. Босуорт режет глазунью ножом, я наливаю молоко в тарелку с кукурузными хлопьями. Есть еще официантка испанка Эберхард, которая уже несет мне омлет. На кухне трудится повар египтянин Эль-Дин. Ему помогает уроженка Ганы Йаххорст. Может, заявить протест официантке?

— К сожалению, господин Босуорт, я не из КГБ, — отвечаю я с улыбкой, глядя прямо в глаза собеседнику, и продолжаю: — А вы очень боитесь КГБ? Даже здесь, в Западном Берлине?

— Да, конечно, боюсь. КГБ — это страшная организация, у нее свои люди по всему миру, — уже тоже с улыбкой продолжает англичанин и тут же добавляет: — А почему вы сказали — к сожалению?

— К сожалению, потому что зарплата сотрудников КГБ значительно выше моей.

Босуорт смеется, глаза его теплеют. Мой первый контакт с представителем капиталистического мира на уровне обычного человеческого общения, а не лозунгов политинформации, состоялся.

На дворе начало 1986 года. В мире бушует холодная война. Территория бывшего Третьего рейха живет в полном соответствии с законами, установленными для него странами-победительницами во Второй мировой войне, — разделена на четыре зоны оккупации. На территории советской зоны оккупации Германии создана Германская Демократическая Республика, на

землях трех зон оккупации западных стран — Федеративная Республика Германия, бывшая столица единой Германии — Берлин — также разделена на четыре оккупационных сектора. Советский сектор Берлина, так называемый Восточный Берлин, вошел в состав ГДР и получил название Берлин, став столицей Германской Демократической Республики. Три сектора, подконтрольных западным странам, образовали Западный Берлин.

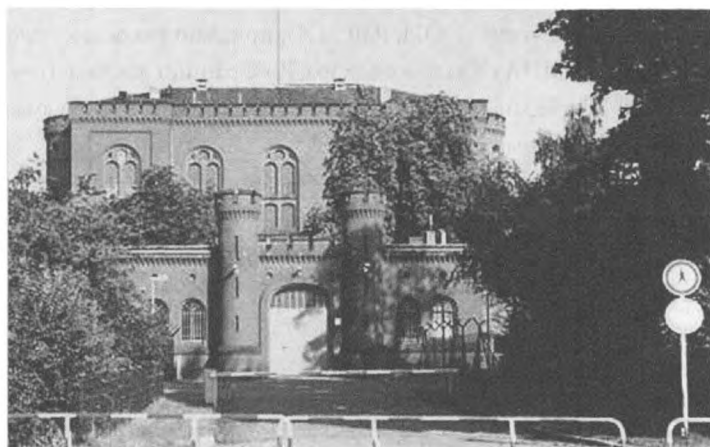
В Западном Берлине под управлением четырех держав — победительниц во Второй мировой войне Великобритании, Франции, СССР и США — работает Межсоюзная тюрьма Шпандау*. В Советском Союзе к руководству Коммунистической партией недавно пришел новый молодой генеральный секретарь Михаил Горбачев. Среди его заслуг: начатая в СССР антиалкогольная кампания. Правительство Великобритании возглавляет «железная леди» Маргарет Тэтчер. За ее плечами: затухание вооруженного конфликта в Северной Ирландии и победоносная Фолклендская война. В Соединенных Штатах 40-й президент — Рональд Рейган. Он объявил Советский Союз «империей зла» и развернул программу, названную журналистами «звездными войнами» — Стратегическую оборонную инициативу (СОИ, или SDI), призванную полностью обезопасить США от ядерного удара. Во Франции президент — Франсуа Миттеран — социалист и сторонник размещения американских ядерных ракет в Европе.

В этой обстановке началась моя работа в Шпандау. Работа, которая продолжалась около двух лет и завершилась после смерти единственного на тот момент узника тюрьмы — Рудольфа Гесса, «заключенного № 7».

* Официальное английское название *Allied Prison Spandau* — *Союзная тюрьма Шпандау*. По-немецки она именуется *Alliiertes Kriegsverbrechergefängnis in Spandau* — *Союзная тюрьма для военных преступников Шпандау*.

Первый рабочий день, 7 января

Время близится к 8 часам утра. Мы заканчиваем завтрак и идем в МТШ. Сегодня я дежурю вместе со своим коллегой — советским надзирателем Андреем Березным. Его задача — ввести меня в курс дела, объяснить все тонкости новой работы, познакомить с персоналом. Через дверь в больших воротах нас пропускают во внутренний двор тюрьмы. Британский часовой замирает в положении «на караул». На воротах дежурит французский надзиратель Парамон. Он проверяет мой новенький пропуск в МТШ, Андрея он знает в лицо. Знакомимся с фран-

Межсоюзная тюрьма Шпандау в 1986 году.
Снимок из архива автора

цузом и вместе заходим в дежурную комнату. Мне показывают нехитрое убранство: стол, стул, холодильник, вешалка, диван, монитор с изображениями с видеокамер наблюдения, два зарешеченных окна, шкаф с ключами от главных ворот и различных помещений тюрьмы, журнал несения дежурств. Желаем Парамону хорошей работы и выходим во двор. Британский часовой снова берет «на караул». Приветствуем его кивком головы и проходим в главное здание МТШ.

Несмотря на более чем столетнюю историю и большие потрясения, доставшиеся Берлину в XX веке, основное здание МТШ хорошо сохранилось. Монументальное сооружение из красного кирпича построено в форме креста. Однако сейчас используется только первый этаж тюрьмы и часть полуподвального помещения. Мы открываем массивную высокую дверь, поднимаемся на несколько ступенек, проходим через просторный холл и упираемся в стену. Точнее — в железную дверь в стене. Видно, что стена сооружалась гораздо позже основного здания. Рядом с дверью находится кнопка звонка. Ответом на наш вызов была тишина. Только через минуту послышался лязг ключей в замке, нас впустили внутрь. Британский надзиратель Орвин, которого мы меняли на дежурстве, готов был уйти сразу же. Буквально на ходу мы представились друг другу, пожали руки. Орвин ушел, а мы запираем железную дверь на ключ и остаемся во внутренней части МТШ, или, как здесь говорят, в «блоке». На очередные восемь часов дежурства Андрей будет старшим дежурным надзирателем, или, по-местному, «чифом»*, а я буду ему помогать и учиться.

Камерный блок представляет собой часть первого этажа основного здания тюрьмы: длинный коридор с камерами по бокам. Значительная часть камер не используется и закрыта на ключ. Под диктовку Андрея я делаю запись в книге старшего дежурного надзирателя:

* От англ. *chief* — глава, командир.

«7 января 1986 года. 7 ч. 55 мин. SU дежурные Березный и Плотников дежурство по МТШ от УК деж. Орвина приняли. Состав смены: ворота — FR деж. Парамон, блок — УК деж. Босуорт». Официальным языком общения в МТШ считается немецкий. Но в книгах дежурств надзиратели ведут записи на своих родных языках, зачастую смешивая разные языки. Это считается нормой и не вызывает ни у кого никаких затруднений. Вот и советские надзиратели, записывая ход дежурства на русском языке, используют сокращения:

SU — Советский Союз, советский;

FR — Франция, французский;

UK — Великобритания, британский;

US — США, американский.

Так же поступают и остальные надзиратели. Так как многие записи в книге дежурств стандартные, то легко понять их смысл на любом используемом в МТШ языке.

Формальности окончены, дежурство принято, можно осмотреться. Комната старшего дежурного надзирателя находится справа у входа в блок. Она перестроена из двух бывших камер. Под потолком два маленьких оконца в решетках, скудная обстановка: стол, стул, диван, холодильник. На стене четыре доски объявлений. Каждая сторона вывешивает на доске объявления для своих надзирателей. Там же висят инструкции надзирателям на всех постах. Андрей показывает одну из достопримечательностей МТШ и гордость советских надзирателей — шахматы. На внутренней стороне шахматной доски надпись на русском языке: *«Для советского персонала в Зап. Берлине 14 июня 1965 г. Шпандау».* Доска и шахматные фигуры изрядно потерты. Видно, что за 20 лет ими активно пользовались. Естественно, все советские надзиратели играют в шахматы. Но и среди западных представителей есть достойные соперники, особенно среди американцев. Как хорошо, что в детстве я немного увлекался шахматами и знаю, как ходят фигуры. Честь страны на международном уровне уронить нельзя!

Поговорив об особенностях отношений надзирателей разных стран внутри МТШ, мы идем в комнату санитаря. Она находится напротив комнаты старшего дежурного надзирателя через коридор. Судя по записи в книге дежурного, санитар Мелаоухи пришел в блок в 7.05. Тунисец по национальности, он единственный представитель несоюзного персонала, кому разрешен вход в блок и общение с заключенным. Обязанности санитаря обширны: он следит за состоянием заключенного, моет, бреет, стрижет его, убирает в камере заключенного и в блоке в целом. Санитар, по согласованию с дирекцией тюрьмы, закупает всякую мелочь для обеспечения жизни заключенного: туалетную бумагу, полотенца, бритвы, авторучки, носки, белье и прочие нужные вещи. Мелаоухи — дипломированный врач-реаниматор, и его основная обязанность — здоровье заключенного. Поэтому каждое утро он осматривает пациента, интересуется здоровьем, периодически измеряет пульс и давление. При необходимости следит за приемом лекарств, назначенных союзными врачами. Никаких самостоятельных назначений он делать не может. Сегодня Мелаоухи уже поинтересовался у заключенного самочувствием, измерил давление, помог сменить ночную пижаму на дневную одежду, поставил поднос с завтраком на столик у кровати и пожелал заключенному приятного аппетита.

Сейчас санитар возвращается в свой кабинет. Мы здороваемся, я представляюсь. Мелаоухи рассказывает, что самочувствие «Деда» нормальное, спал хорошо, настроение в норме. Однако в связи с холодной ветреной погодой санитар рекомендовал ему сегодня только одну прогулку. «Дед» согласился. У Мелаоухи хороший немецкий язык, но слово «Опа», в переводе с немецкого — «Дед», Мелаоухи произносит как-то особенно, с придыханием. Я уже знаю, что называть заключенного по имени и фамилии — Рудольф Гесс — в тюрьме запрещено. Обращаться же в соответствии с Уставом — «заключенный № 7» у многих сотрудников уже давно не поворачивается

язык. Чтобы найти выход из положения, по сложившейся, как я понял, уже длительное время традиции надзиратели обращаются к заключенному просто — «Вы». Заключенный отвечает тем же. Между собой сотрудники МТШ называют заключенного коротко — «Дед».

По длинному коридору идем к камере заключенного. Это самая дальняя камера в блоке, также перестроенная из двух смежных камер. В камере две двери, большие смотровые окна в дверях застеклены. В коридоре напротив камеры сидит в кресле британский надзиратель Босуорт, с ним мы сегодня уже встречались в столовой. Теперь он приветливо улыбается. Англичанин дежурит рядом с камерой, это называется «пост в блоке». На этом посту нет отдельного помещения для дежурного, только кресло и журнальный столик в коридоре. Через смотровые окна надзиратель может постоянно контролировать поведение заключенного, не заходя в камеру. Смотрим в окошко в двери. В камере старый человек, сидя на медицинской кровати, ест ложкой кашу. На груди за ворот рубашки заткнута салфетка. Судя по движениям челюстей, аппетит у старика хороший. Это и есть последний заключенный тюрьмы Шпандау — «заключенный № 7».

Мы с Андреем входим в камеру, здороваемся. «Номер семь» прекращает жевать, здоровается в ответ. Заключенному девяносто один год, и я отмечаю, что для своего возраста он выглядит довольно хорошо. Густые брови и глубоко посаженные глаза создают вид угрюмого настороженного человека.

— Моя фамилия Плотников, я новый советский надзиратель.

«Номер семь» внимательно смотрит на меня, кажется, что его глаза колются:

— Вы из Москвы?

Объясняю, что я не из Москвы, а из Краснодара. Заключенный просит уточнить, где это. Рассказываю, что город находится на юге Советского Союза, что это центр большого края,

простирающегося от реки Дон до Черного моря. Судя по всему, «номер семь» пытается представить себе, где все-таки находится Краснодар, но, видно, что он такого города не помнит.

— Река Дон — это рядом? — вдруг спрашивает он.

Я подтверждаю, что недалеко. Видать, с памятью у старика, как и с аппетитом, тоже неплохо. Вдруг он теряет к разговору всякий интерес, глаза опускаются, он вновь занялся едой. Мы выходим из камеры.

Рядом с камерой заключенного расположен лифт. Он построен всего два года назад и используется для вывода «заключенного № 7» на прогулку в сад. В торце коридора есть металлическая винтовая лестница. Она также ведет в сад и на верхние этажи тюрьмы. До постройки лифта заключенного водили на прогулку по ней. Осматриваем помещение за помещением. Помимо камеры «заключенного № 7» и неиспользуемых закрытых на ключ камер в блоке есть телевизионная комната — спаренная камера, в которой установлен большой цветной телевизор «Филипс». Есть гардероб, библиотека, ванная, санузел. У надзирателей свой санузел. Все это бывшие камеры, приспособленные под определенные нужды, в том числе в качестве кладовых. В одной из кладовых хранятся личные вещи заключенного, которые были при нем еще в мае 1941 года, когда он прилетел в Англию.

Внутреннюю охрану МТШ, то есть непосредственную охрану «заключенного № 7», осуществляют надзиратели четырех государств. От каждой страны по пять надзирателей, итого 20 человек со всего мира. С сегодняшнего дня в их состав вхожу и я. Дежурство ведется круглосуточно на трех постах: при входе в камерный блок (старший дежурный надзиратель), непосредственно у камеры заключенного (пост в блоке) и у входных ворот. График дежурств составлен таким образом, что на смене одновременно находятся представители трех стран. У четвертой страны перерыв, здесь это называется «пауза». Смена надзирателей производится три раза в сутки: в 0.00, 8.00 и 16.00.

Старший дежурный надзиратель заступает на свой пост на все восемь часов дежурства. А надзиратели в блоке и у ворот меняются местами через четыре часа, то есть дополнительно в 4.00, 12.00 и 20.00. Таким образом, исключается возможность принятия любой из стран односторонних мер в отношении заключенного и все надзиратели в течение своей смены имеют возможность непосредственно видеть своего подопечного.

Итак, первое знакомство с «рабочим местом» закончено, можно выпить кофе и уточнить особенности работы.

Рабочая одежда, 9 января

Сегодня мое первое самостоятельное дежурство. Я дежурю с 00.00 часов на посту у главных ворот. Вокруг тишина. За окном в лучах прожектора медленно падает снег. Очень похоже на русскую зиму. Ночью на посту делать особо нечего. Картинка на видеомониторе, кажется, застыла. На тумбочке в углу нахожу несколько газет и журналов. Их оставили другие надзиратели после прочтения. Не спеша перелистываю страницу за страницей, знакомясь по этим изданиям с новым для меня западным миром, с новым образом жизни. Неожиданно в старой газете *Die Welt* за декабрь месяц вижу карикатуру, изображающую поздравление советским генералом «заключенного № 7» с 91-м днем рождения. Подпись под рисунком гласит: «Почетному гражданину Советского Союза долгой жизни!» Что значит данная подпись? Почему этот рисунок опубликован в декабре, когда «номер семь» отметил свой день рождения еще в апреле? Много неизвестного предстоит мне еще здесь постичь.

За чтением время пролетело незаметно. Около четырех часов утра послышался стук в дверь, и в комнату вошел пожилой человек невысокого роста.

— Доброй ночи! Моя фамилия Фаулер, американский надзиратель, — представился он.

«Почетному гражданину Советского Союза долгой жизни!»

Я ждал его прихода. Теперь на воротах будет дежурить Фаулер, а мне предстоят очередные четыре часа дежурства в блоке. Делаю запись в книге дежурства, беру ключи от блока и иду в здание тюрьмы. Старший смены сегодня французский надзиратель Пэнсар. Мы поздоровались, француз молча сделал запись в книге. Никаких вопросов. Все надзиратели знают друг друга, и всем уже известно, что у русских появился новый сотрудник. Чужие здесь не ходят!

По длинному коридору иду к камере заключенного. В ночной тишине эхом отдаются шаги по каменному полу. Невольно стараюсь не шуметь. Свет в коридоре выключен, только на посту надзирателя горит настольная лампа. Заглядываю в окошко двери. Камера освещена легким синим светом, что позволяет видеть всю обстановку. «Номер семь» спит на спине, укрывшись одеялом, рот слегка приоткрыт. Голова приподнята довольно высоко, медицинская кровать позволяет регулировать подъем. Убеждаюсь, что заключенный спокойно дышит, и сажусь в кресло дежурного. Можно что-нибудь почитать.

В 8.00 меня сменил на посту французский надзиратель Деденон. Я позавтракал в столовой, но отправляться домой мне пока рано. Сегодня предстоит еще одна важная задача — приобретение рабочей одежды. Каждому новому надзирателю полагается: 1 пальто, 1 плащ, 1 костюм, 2 рубашки, 2 галстука, 1 пара обуви. Одежда приобретается за счет бюджета МТШ в одном из берлинских магазинов. Ответственной за обеспечение одеждой является британская сторона. Поэтому вместе с британским надзирателем Уитли мы отправляемся в магазин «С&А» в районе Курфюрстендамм. Советские надзиратели между собой называют магазины этой компании «Советской Армией», так как аббревиатура фирмы напоминает буквы на погонах советских солдат — «СА».

Выбор одежды в магазине впечатляет советского человека: цвета, фасоны, размеры на любой вкус. Московский ГУМ мог бы позавидовать такому многообразию. Уитли здесь хорошо знают, поэтому управляющий, одетый в жилетку, ведет нас в отдельную комнату, предлагает кофе. Англичанин поясняет мне, что в большом зале выставлены только образцы, основная часть товара находится на складе. Вежливый управляющий ловко снимает с меня мерки, уточняет пожелания, дает указания продавцам. Я не успеваю допить свою чашку кофе, как в комнату начинают приносить и развешивать на специальной стойке различные вещи. С галстуками определяюсь быстро: им положено быть черными однотонными, выбора нет. С рубашками тоже: одна белая, другая голубая. Это стандартный набор. С костюмом сложнее. Никаких конкретных требований к нему нет, просто нужен темный костюм. Уитли советует брать пиджак с двумя брюками, так выгоднее. Оказывается, есть костюмы в таком комплекте! Никогда раньше не слышал. Примерив несколько моделей, останавливаюсь на темно-сером костюме. У него, правда, только одни брюки, но фасон пиджака очень нравится. Два невиданных мной ранее кармана на правом боку, один над другим, придают ему свое-

образный шарм. Только одна проблема — брюки длинноваты. Хотя нет, это не проблема. Управляющий замеряет нужную длину и обещает, что сейчас все будет в порядке. Пока я выбираю пальто и туфли, брюки возвращают подшитыми, длина в норме. Я долго решаю, какой взять плащ. Есть два прекрасных образца, черного и светлого бежевого цвета. После колебаний и советов с Уитли выбираю длинный черный плащ. Продавцы раскладывают мои обновки в красивые пакеты с надписью «С&А» и помогают загрузить в машину. Можно отправляться домой.

Межсоюзная тюрьма, 11 января

В 8.00 заступил на дежурство в блок. К моему приходу заключенный уже проснулся. Санитар Мелаоухи провел медицинский осмотр, помог ему переодеться и справиться с утренними процедурами. Тележка с завтраком для заключенного стоит пока в коридоре. Шаркающей походкой, опираясь на палку, «номер семь» мимо меня возвращается из умывальной комнаты в свою камеру. На секунду останавливается рядом, поднимает голову, изучающе смотрит на меня, как бы убеждаясь, что знаком со мной, и молча продолжает движение. В камере он взгромождается на кровать. Санитар приподнимает изголовье, чтобы было удобно сидеть, ставит на откидной столик завтрак, желает приятного аппетита и уходит.

«Номер семь» медленно ест, периодически останавливаясь. Иногда он засыпает, потом просыпается, открывает глаза и продолжает жевать. Завтрак затягивается. Есть время вкратце познакомиться с историей и особенностями тюрьмы.

По поручению Международного военного трибунала в Нюрнберге Контрольный совет над Германией и Межсоюзная комендатура в Берлине приняли решение об использовании в качестве места для отбытия наказания главными немецкими военными преступниками старого тюремного

здания в районе Шпандау по адресу Вильгельмштрассе, 23, в британском секторе Берлина. Управление и охрана тюрьмы были возложены на четыре великие державы на равных основаниях.

МТШ начала свою деятельность и получила свое название «Межсоюзная тюрьма Шпандау» 18 июня 1947 года, когда в нее были переведены осужденные Нюрнбергским трибуналом военные преступники — руководители Третьего рейха: бывший заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс, бывший имперский министр экономики Вальтер Эммануэль Функ, бывшие гросс-адмиралы Рэдер и Дёниц, бывший имперский руководитель молодежи и гаулейтер Вены Бальдур фон Ширах, бывший имперский министр военной промышленности Альберт Шпеер и бывший имперский министр иностранных дел и имерский протектор Богемии и Моравии барон Константин фон Нейрат.

Семь военных преступников были приговорены к различным срокам тюремного заключения, а именно:

Гесс, Функ и Рэдер — к пожизненному;

Ширах и Шпеер — к 20 годам;

Нейрат — к 15 годам;

Дёниц — к 10 годам.

Первые трое были освобождены по состоянию здоровья досрочно: Нейрат — 6 ноября 1954 года, Рэдер — 26 сентября 1955 года, Функ — 16 мая 1957 года. 1 октября 1956 года по истечении десятилетнего заключения из тюрьмы был освобожден Дёниц. А когда окончился их двадцатилетний срок заключения, в полночь с 30 сентября на 1 октября 1966 года тюрьму покинули Ширах и Шпеер.

В настоящее время в МТШ отбывает пожизненное заключение единственный заключенный — Рудольф Гесс, «заключенный № 7». Свои тюремные номера заключенные получали по прибытию в МТШ при выходе из автобуса. Гесс выходил последним, поэтому получил номер семь.

Руководство МТШ осуществляет Дирекция тюрьмы, где каждую из сторон представляет директор. Раньше все директора были офицерами вооруженных сил соответствующей страны. В настоящее время офицером является только советский директор — подполковник Черных. Функции председателя в Дирекции осуществляют все директора в порядке очереди: Великобритания, Франция, СССР, США. Директора решают все вопросы жизни тюрьмы, для этого регулярно, не реже одного раза в неделю, проводятся заседания. Дирекция принимает свои решения единогласно. Таким образом, любое распоряжение по МТШ — изменение режима заключенного или, например, увеличение объема закупок писчей бумаги для нужд тюрьмы, — вступает в силу только при согласии всех четырех директоров.

Каждая сторона представлена также лечащим врачом. Врачи собираются на заседания, как правило, раз в месяц. Врач председательствующей стороны следит за состоянием здоровья заключенного в течение своего месяца. В случае необходимости председательствующий врач имеет право созвать внеочередное заседание врачей для принятия каких-либо решений или для выработки рекомендаций директорам. Факт председательствования не дает права принимать решения в одностороннем порядке.

Советская, американская и британская стороны, кроме того, имеют в своем штате переводчиков. Они осуществляют синхронный перевод на заседаниях директоров и врачей и на других мероприятиях, а также цензуру и письменные переводы текущих документов. Французский директор обходится без переводчика и использует на заседаниях директоров английский язык.

Про внутреннюю охрану тюрьмы я уже рассказывал. Обязанности надзирателей на постах утверждены всеми четырьмя директорами, и каждый директор имеет право контролировать несение дежурства любым надзирателем независимо от представляемой тем страны.

Для несения внешней охраны каждая союзная держава в свой месяц назначает военный караул численностью около тридцати человек. Часовые несут службу на шести сторожевых вышках, расположенных по периметру территории тюрьмы, а также на одном внутреннем посту около входных ворот. Суточный состав караула располагается на территории МТШ в караульном помещении рядом с главными воротами.

Первого числа каждого месяца в 12.00 происходит смена председательствующего директора и караулов наружной охраны тюрьмы. Охрану тюрьмы несут:

Великобритания — январь, май, сентябрь;

Франция — февраль, июнь, октябрь;

СССР — март, июль, ноябрь;

США — апрель, август, декабрь.

Представитель военного командования страны, несущей внешнюю охрану, один раз в месяц проводит инспекцию тюрьмы. От Англии, Франции и США инспекцию обычно проводят коменданты секторов Западного Берлина. От СССР инспекцию проводит начальник Отдела внешних сношений штаба Группы советских войск в Германии.

Директора и другие представители стран-союзников, постоянно работающие в тюрьме, составляют союзный персонал МТШ. Каждая союзная сторона сама подбирает для себя сотрудников и отвечает за их действия.

Кроме союзного персонала в МТШ работает несоюзный, который делится на две группы:

— персонал, имеющий право входа в здание тюрьмы: два секретаря, два повара заключенного, два рабочих-электрика, один истопник, один санитар;

— персонал, не имеющий права входа в тюрьму: два повара столовой персонала, три официантки, три посудомойки, одна уборщица.

Членами несоюзного персонала, имеющими право входа в здание МТШ, не могут быть представители союзных госу-

дарств и лица немецкой национальности. Всему несоюзному персоналу, за исключением санитара, категорически запрещены контакты с заключенным. Предварительный отбор несоюзного персонала на вакантные должности осуществляет советский директор. Проверку несоюзного персонала по линии безопасности проводят британские специальные службы.

Основные расходы по содержанию МТШ в размере до одного миллиона марок ФРГ в год несет Сенат Западного Берлина. В эти расходы входят:

- заработная плата всему несоюзному персоналу;
- содержание тюрьмы и принадлежащих МТШ жилых и служебных помещений;
- обеспечение надзирателей формой;
- содержание заключенного.

Расходы, связанные с трехразовым питанием союзного персонала, находящегося на дежурстве, и одноразовым питанием несоюзного обслуживающего персонала взяли на себя четыре державы, каждая в свой месяц председательствования. На эти цели расходуется:

- советской стороной — 24 тыс. марок ГДР в год;
- американской — 40 тыс. марок ФРГ в год;
- английской — 35 тыс. марок ФРГ в год;
- французской — 20 тыс. марок ФРГ в год.

График дежурств на год, 13 января

Время 0.00 часов. Сегодня я — «чиф», т. е. старший смены. Делаю стандартную запись в книге дежурного о приеме дежурства. Вместе со мной дежурство несут: «ворота — FR деж. Морель, блок — US деж. Робинсон». Иду в блок к камере заключенного. «Номер семь» спокойно спит, положив руки вдоль туловища. Робинсон читает газету в кресле. Все в порядке. Возвращаюсь на свое место, наливаю чашку кофе и пытаюсь разобраться с графиком дежурств на год.

График дежурств надзирателей на год составляется секретарями и согласовывается с директорами МТШ. Помимо информационного содержания он наглядно показывает существующую в МТШ практику свободного смешивания различных используемых в тюрьме языков, несмотря на то что официальным языком МТШ считается немецкий. Название документа сделано на четырех языках: английском, французском, русском и немецком. Названия месяцев даны только по-немецки. Названия постов и время дежурства написаны только на английском языке и обозначают:

Chief — старший смены,

Gate — пост на главных воротах,

Cells — пост в блоке.

Пояснительная надпись в конце документа о воскресных днях сделана на трех языках: английском, французском, немецком. Буквы в расписании дежурных смен обозначают:

В — представитель Великобритании (сокращение от «британский»);

Р — представитель Советского Союза (сокращение от «русский»);

Ф — представитель Франции (сокращение от «французский»);

А — представитель США (сокращение от «американский»).

Непосвященному человеку трудно разобраться в подобном многоязычном документе, а для сотрудников МТШ это является устоявшейся нормой.

Годовой график ясно показывает, что завтра у советской стороны пауза, т. е. на дежурстве в МТШ никого из советских надзирателей не будет. А, например, 11 августа этого года старшим смены с 0.00 часов будет представитель Великобритании.

Время летит быстро. Робинсон и Морель поменялись постами. В книге дежурного сделал записи:

«03.55 US деж. Робинсон убыл из блока».

«04.00 FR деж. Морель прибыл в блок».

WORK SCHEDULE / TABLEAU DE TRAVAIL / ПЛАН РАБОТЫ / DIENSTPLAN 1986

JANUAR			7 (19) 31	8 20	9 21	10 22	11 23	12 24	13 25	14 26	15 27	16 28	17 29	18 30
FEBRUAR			12 24	1 25	(2) 26	3 27	4 28	5 17	6 18	7 19	8 20	(9) 21	10 22	11 (23)
MÄRZ			8 20	(9) 21	10 22	11 (23)	12 24	13 25	1 (2) 26	3 27	4 28	5 29	6 (30)	7 31
APRIL			1 (13) 25	2 14	3 15	4 16	5 17	(6) 18	7 19	8 (20)	9 21	10 22	11 23	12 24
MAI			7 19 31	8 20	9 21	10 22	(11) 23	12 24	1 13 (25)	2 14	3 15	(4) 16	5 17	6 (18) 30
JUNI			12 24	(1) 13	2 14	3 (15)	4 16	5 17	6 18	7 19	(8) 20	9 21	10 (22)	11 23
JULI			(6) 18 30	7 19 31	8 (20)	9 21	10 22	11 23	12 24	1 (13) 25	2 14	3 15	4 (27) 28	5 17 29
AUGUST			11 23	12 (24)	13 25	14 26	(3) 27	4 28	5 16 (17)	6 18	7 19	8 20 (31)	9 21	(10) 22
SEPTEMBER			4 16 (28)	5 17	6 18	(7) 19	8 20	9 (21)	10 22	11 23	12 24	1 13	2 14 (14)	3 15 27
OKTOBER			10 22	11 23	(12) 24	1 13 (26)	2 14	3 15	4 16	(5) 17	6 18	7 19 (19)	8 20	9 21
NOVEMBER			3 15 27	4 (16) 28	5 17	6 18 (30)	7 19	8 20	(9) 21	10 22	11 (23)	12 24	1 13 25	(2) 14 26
DEZEMBER			9 (21)	10 22	11 23	12 24	1 13	2 14 (14)	3 15	4 16 (28)	5 17	6 18	(7) 19	8 20
00.00 to 08.00	H Cells	Chief Gate	B R F	B A R	F R A	A B F	R B F	A B R	R F A	F A B	F R B	R A B	A F R	B F A
08.00 to 16.00	H Cells	Chief Gate	R F B	A R B	R A F	B F A	B F R	B A A	F R R	F A F	A B F	R B R	A B A	F R B
16.00 to 24.00	H Cells	Chief Gate	F B R	R B A	A F R	F A B	F R B	R A B	A R F	A F A	B F R	B F A	R A A	A F F

() = Sunday / Dimanche / Sonntag

График дежурств надзирателей МТШ на 1986 год

До конца смены в журнале появляются еще записи:
«07.20 санитар Мелаоухи прибыл в блок».
«07.50 повар Моте доставил завтрак».
«08.00 SU деж. Плотников дежурство по тюрьме FR деж. Одуэну сдал».

Дежурство в блоке и на воротах, 15 января

С 16.00 дежурю в блоке. «Номер семь» в камере, удобно устроившись на своей универсальной кровати, просматривает газеты. Через какое-то время он встает, выходит в коридор и медленно идет в туалет. По дороге он на мгновение останавливается, смотрит на меня изучающе и следует дальше. Для себя отмечаю, что «заключенный № 7» хорошо знает время и порядок смены надзирателей и просто уясняет для себя, кто из них заступил на дежурство. «Номер семь» возвращается в камеру уже без остановок, располагается на кровати и углубляется в газеты.

Основной обязанностью надзирателя в блоке является постоянное наблюдение за заключенным. Он сопровождает заключенного на прогулки, принятие ванны, в комнату санитара и во всех других случаях. Надзиратель присутствует во время проведения религиозных служб. Любые сношения неофициального характера между заключенным и персоналом тюрьмы запрещены, надзиратель следит за этим. Санитару запрещено разговаривать с заключенным, за исключением вопросов исполнения служебных обязанностей. Соблюдение данного правила — также обязанность надзирателя. «*Надзиратель должен быть постоянно настороже, чтобы пресечь попытки самоубийства заключенного*», — говорится в обязанностях надзирателя на посту в блоке.

Санитар Мелаоухи привез тележку с ужином для заключенного, заправил ему за ворот салфетку, убрал газеты, поставил поднос с едой на столик. Приятного аппетита!

Я иду в телевизионную комнату. Она расположена напротив камеры заключенного через коридор. Окна в дверях телевизионной комнаты позволяют видеть входную дверь камеры заключенного. Включаю телевизор, ищу программу новостей. Что сегодня происходит в мире? Телеканал «Би-Би-Си» передает, что вчера американский зонд «Вояджер-2» приблизился к планете Уран. Раньше я не обратил бы внимания на это сообщение. Но с приходом на работу в Шпандау мои новостные интересы значительно расширились. Дело в том, что космонавтика является одним из увлечений «номера семь». В тюремной библиотеке много книг о космонавтике, в камере над кроватью заключенного висит карта Луны. Поэтому, естественно, что космонавтика стала привлекать и мое внимание. Думаю, что и «номер семь» отметит сообщение об американском зонде, когда получит эту информацию из газет или телевидения. Заключенный почти каждый день заходит в телевизионную комнату, как правило, после ужина и чаще всего смотрит новости. Хотя, по рассказам надзирателей, две недели назад в новогоднюю ночь «Дед» ушел спать только в 3 часа утра, смотрел шоу *Revue de Paris* из ночного клуба *Le Paradis Latin**.

Около 8 часов вечера я меняю на посту у ворот французского надзирателя Деденона. Проверяю наличие всех ключей и записываю в книгу дежурного на воротах: «20.00 Дежурство и ключи от FR деж. Деденона принял и сдал US деж. _____». Сдача дежурства будет только через четыре часа, но форма записи почему-то принята такая. Я знаю, что в соответствии с графиком мне на смену придет американец, но пока не знаю, кто именно. По сложившейся традиции запись делается с пробелом и дописывается затем при смене дежурных. Формальности окончены, можно посмотреть в окно на заснеженный Берлин.

* Театр-кабаре *Le Paradis Latin* — одно из самых известных и старейших развлекательных заведений Парижа, большинство его представлений — в стиле бурлеск.

А если совсем точно, то называется этот город Западный Берлин — уникальное место в мире.

Западный Берлин — особое политическое образование, существующее с 1949 года на территории американского, французского и британского секторов оккупации Берлина. Население — более 2 миллиона человек. Западный Берлин является анклавом, со всех сторон окруженным территорией ГДР, которая включает в себя советскую зону оккупации собственно Германии и советский сектор в Берлине (Восточный Берлин).

Статус Западного Берлина определяется совокупностью четырехсторонних договоров СССР, Великобритании, США и Франции, достигнутых на Ялтинской конференции. В отличие от Восточного Берлина, входящего теперь в Германскую Демократическую Республику и являющегося ее столицей, Западный Берлин не является частью Федеративной Республики Германия, он не считается федеральной землей, его представители не имеют права голоса в Бундестаге, а граждане освобождены от воинской повинности. Верховной властью в городе является трехсторонняя военная комендатура. Законодательную власть осуществляет Палата депутатов (парламент), избираемая на 4 года. Исполнительная власть представлена Сенатом Берлина (правительством) во главе с правящим бургомистром. Конституция ФРГ здесь не действует, тем не менее Западный Берлин использует в качестве валюты немецкую марку ФРГ. Сообщение между Западным Берлином и ФРГ возможно по воздушным коридорам или автомобильным и железнодорожным транспортом по территории ГДР.

Дежурство на воротах и в блоке, 17 января

Я позавтракал в столовой и с 8.00 заступил на дежурство на воротах. Пост на главных воротах — это место взаимодействия тюрьмы с внешним миром. В обязанности надзирателя входит общение со всеми людьми, постучавшими в ворота, и проверка

пропусков у лиц, входящих на территорию тюрьмы. Право входа на территорию тюрьмы имеют:

- союзный и несоюзный персонал по специальным пропускам, подписанным всеми четырьмя директорами;
- военнослужащие, несущие наружную охрану тюрьмы, в сопровождении офицера или унтер-офицера согласно утвержденному списку;
- посетители при предъявлении специального временного пропуска, подписанного всеми четырьмя директорами;
- лица, вызванные для производства работ, по временному пропуску, подписанному председательствующим директором, в сопровождении военной охраны.

Надзиратель, несущий службу на воротах, отвечает также за сохранность тюремных ключей и за их выдачу под соответствующую подпись в журнале учета. Ключи от блока могут выдаваться только старшему смены и надзирателю в блоке.

Надзиратель имеет право обыскивать весь персонал и посетителей, а также их портфели и сумки, если он подозревает нарушение мер безопасности. Запрещены для проноса на территорию тюрьмы:

- огнестрельное и холодное оружие различного рода, а также боеприпасы (кроме караула);
- взрывчатые, отравляющие и легковоспламеняющиеся вещества;
- фотоаппараты и кинокамеры;
- фото-, кино-, магнитофонные пленки и видеозаписи;
- магнитофоны и различные записывающие устройства;
- радиоаппаратура различного назначения;
- медикаменты и наркотики (если нет специального разрешения председательствующего директора).

Во время дневной смены на воротах скучать не приходится. Городской почтальон принес почту. Вошел секретарь Мукенгешай, потом истопник Икак Мата. Два английских офицера прибыли для проверки караула. Рабочий Хотидис вышел за

территорию, его позвали в столовую заменить электрическую розетку. Время проходит быстро.

В полдень американский надзиратель Новак пришел мне на смену. Я пообедал и отправился на дежурство в блок. «Номер семь» дремлет, сидя на кровати в камере, на столе стоит посуда с едой. Непонятно, закончил он уже обед и отдыхает или просто задремал между переменной блюд.

Минут через сорок обед и послеобеденный отдых заключенного закончились. «Номер семь» вышел из камеры, традиционно оценил взглядом надзирателя и не спеша отправился сначала в туалет, а затем в гардеробную комнату. Предстояла послеобеденная прогулка в саду, поэтому заключенному надо было одеться. Он самостоятельно надел на себя штаны с начесом и вязаный джемпер, затем теплые непромокаемые штаны на лямках и пиджак. Поверх всего надел серое непродуваемое ветром пальто, подпоясался широким ремнем. Санитар помог заключенному обуться в теплые «дутые» сапоги, надел на голову шапку и завязал завязки. Помог надеть и варежки на резинке, пропущенной через рукава пальто. Процесс одевания занял примерно минут 30–40. Я сообщил старшему дежурному надзирателю — французу Одуэну о готовности, и мы с заключенным отправились на прогулку.

На лифте прямо из блока мы спустились вниз, прошли через маленький дворик, огороженный металлическим забором, и очутились в тюремном саду. На улице солнечно, стоит легкий морозец. Ночью шел снег, но дорожки в саду уже расчищены. Это с утра потрудились рабочие из состава несоюзного персонала — поляк Мельницкий и грек Хотидис. «Заключенный № 7» вышел на центральную дорожку сада длиной метров 50 и стал ходить по ней взад и вперед. Двигается он медленно, опираясь на палку и шаркая ногами, иногда останавливаясь. Поэтому каждый круг занимает примерно 7–10 минут. Я стою в центре и наблюдаю за ним. На втором круге он останавливается около меня и спрашивает:

— А в Москве сейчас холодно?

— В Москве сейчас не очень холодно, примерно минус пятнадцать, — отвечаю я.

По выражению лица заключенного ясно, что такая температура и понятие «не очень холодно» не являются для него тождественными. Он молча продолжает движение. После трех проходов мы идем к маленькому садовому домику, я открываю ключом дверь. «Номер семь» располагается в кресле, я — на скамье у стены. При теплой погоде заключенный находится в домике довольно долго. Он дремлет, читает газеты, дышит свежим воздухом. Но сейчас зима. Поэтому, передохнув минут 15, «заключенный № 7» продолжает пешеходную прогулку. Сделав еще два полных круга по дорожке, он направляется к выходу из сада. Через 5 минут мы с ним уже выходим из лифта в блоке. Прогулка закончилась.

Цензура в тюрьме, 19 января

Я с 16.00 в блоке. К моему приходу «номер семь», сидя на кровати, что-то пишет, вероятно, письмо. Заключенному разрешается отправлять и получать одно письмо в неделю. Для этого ему еженедельно выдается четыре стандартных листа бумаги, причем каждый лист имеет пометку цензора.

По поручению директоров цензура в МТШ возложена на советского и британского переводчиков. Цензуре подвергаются все поступившие в адрес заключенного печатные издания и его переписка. Цензуру проходят также программы телевизионных передач. Письма, поступающие в адрес заключенного от родственников, с которыми он имеет право переписываться, и письма, которые заключенный пишет в ответ, копируются и перед отправкой адресату просматриваются цензорами. Цензоры ведут строгий учет как выданной бумаги, так и количества получаемых заключенным писем.

Книги, присланные заключенному его родственниками, также просматриваются цензорами. Прошедшие цензуру кни-

ги проштамповываются и ставятся в тюремную библиотеку. Книги, непропущенные цензурой, отсылаются обратно отправителю.

Ежедневные газеты на немецком языке, отобранные по одной каждой союзной стороной, просматриваются соответствующим директором или назначенным им представителем. Все газеты после прочтения их заключенным уничтожаются. По решению директоров для заключенного выписываются четыре газеты: *Die Welt* («Мир»; ФРГ), *Frankfurter Allgemeine Zeitung* («Франкфуртская всеобщая газета»; ФРГ), *Der Tagesspiegel* («Ежедневное зеркало»; Западный Берлин), *Neues Deutschland* («Новая Германия»; ГДР), а также еженедельная программа телевизионных передач. Выдача газет и их изъятие являются обязанностью старшего дежурного надзирателя.

Цензоры обязаны следить за тем, чтобы вся входящая и исходящая корреспонденция заключенного, получаемые им печатные издания и просматриваемые им телепередачи не содержали запрещенной для него информации. Запрещенным для заключенного является освещение исторических событий или событий его частной жизни, происшедших в период с 1933 по 1945 год. Содержащие подобную информацию места в печатных изданиях и в переписке вырезаются цензорами, а соответствующие телепередачи запрещаются полностью.

«Номер семь» закончил писать, сложил написанное в папку и убрал в тумбочку. Он вышел в коридор, взял со столика у камеры несколько газет и вернулся на место. Доставляемые заключенному газеты уже обработаны цензорами, поэтому на многих страницах зияют дыры от вырезанных статей. Когда на одном газетном листе с двух сторон встречаются две, три, а то и четыре запрещенные статьи, от листа остается практически только окантовка. Но «номер семь» уже привык к такому порядку. Он не спеша, страницу за страницей просматривает свежую прессу. Сожаление вызывают интересные статьи, не яв-

ляющиеся запрещенными, но частично удаленные, т. к. на другой стороне листа была напечатана запрещенная статья. Заключение уже несколько раз обращался к директорам с просьбой предоставить ему заинтересовавшую его ту или иную статью в полном объеме. В журнале с недельной программой передач также встречаются вырезанные места. Это значит, что передача, информация о которой удалена, запрещена для просмотра заключенным.

Между тем у заключенного начинается ужин. Я иду в телевизионную комнату. На немецком телеканале ZDF идет обсуждение подготовки к полету на космическом челноке «Челленджер» американской учительницы Кристи Макколифф. Учительница английского языка, американской истории и экономики из маленького городка Конкорд победила в конкурсе на полет в космос, в котором участвовало свыше 10 тысяч кандидатов. Она прошла трехмесячную подготовку к полету. Предполагается, что Криста проведет из космоса для детей два урока по 15 минут, которые будут транслироваться телевидением по всему миру. Однако оказывается, не все так просто. Часть находящихся в немецкой студии участников беседы считают, что объявление конкурса для кандидатов на полет — это хороший пропагандистский ход президента Рейгана, сделанный в период предвыборной кампании 1985 года, призванный урегулировать трения в отношениях между администрацией Белого дома и профсоюзом работников просвещения. Мне пока сложно разобраться в этой ситуации.

После шести часов вечера настало время ужина и для меня. Я иду в столовую, затем подменяю на воротах англичанина Орвина, пока он ужинает. Потом возвращаюсь в блок и остаюсь за старшего надзирателя, француз Пэнсар уходит на ужин. Вот такой порядок ужина надзирателей принят в МТШ.

В 20.00 мы с Орвином меняемся постами, и дежурство продолжается.

Старший дежурный надзиратель, 21 января

В 8.00 я заступил на дежурство старшим смены. На воротах дежурит американец Джордан, в блоке — француз Парамон. Санитар наводит порядок в ванной комнате. Заключенный завтракает. Все идет по плану.

Служебные обязанности старшего дежурного надзирателя обширны. Он отвечает за соблюдение правил и инструкций по внутренней безопасности тюрьмы, контролирует несение службы всеми надзирателями и деятельность несоюзного персонала на территории тюрьмы. Старший дежурный надзиратель имеет право по своему усмотрению производить обыск в камере заключенного. Он следит за выдачей пищи заключенному, чтобы не допустить пропуска запрещенных предметов. В его обязанности входят контрольные обходы всех постов надзирателей и камерного блока для поддержания постоянной бдительности. Все события старший надзиратель фиксирует в рабочей книге.

Я не спеша обхожу блок, одну камеру за другой. В одной из пустых камер внимание привлек маленький клавесин — музыкальный инструмент. Вероятно, он попал сюда из большой тюремной церкви. Но когда он здесь оказался и каким образом — это остается для меня загадкой. Даже на вид можно сказать, что сделан инструмент как минимум в прошлом веке. Я подкачал меха, нажал клавишу, послышались звуки. Инструмент работает!

На улице плохая погода, поэтому по рекомендации санитара сегодня у «заключенного № 7» будет только одна прогулка после обеда, а пока он под присмотром Парамона занимается в камере своими делами. Дежурство идет по плану. В моей рабочей книге одна за другой появляются записи:

«11.40 FR деж. Парамон убыл из блока».

«11.45 повар Коррейя доставил обед».

«12.10 санитар Мелаоухи убыл из блока».

«12.30 US деж. Джордан прибыл в блок, я убыл из блока».

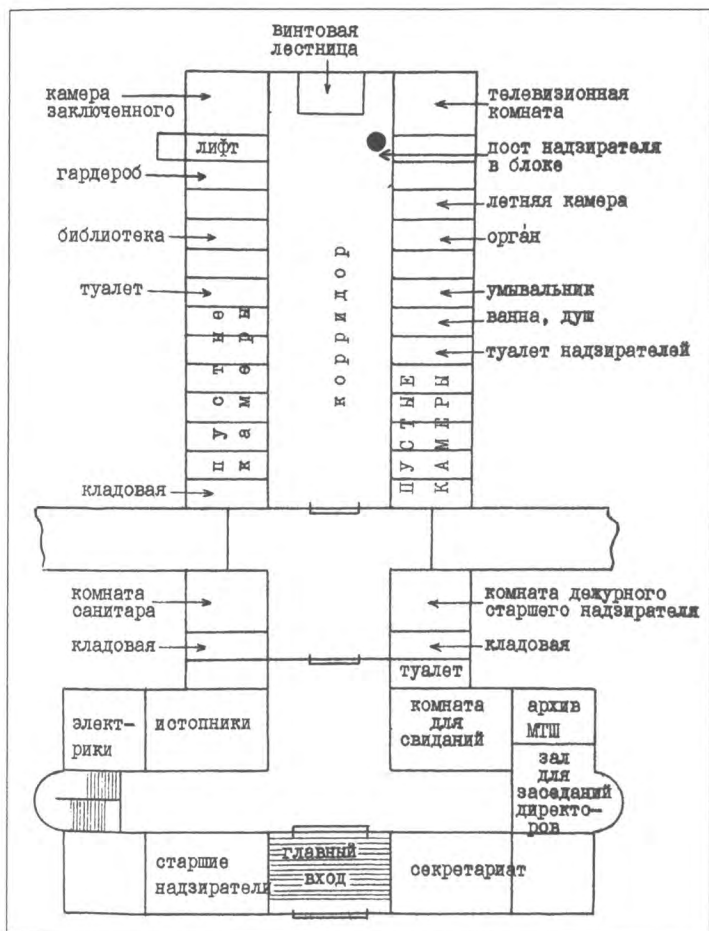

Схема первого этажа и камерного блока МТШ

«12.50 я прибыл в блок».

«14.15 заключенный выведен на прогулку в сад».

Примерно через полчаса после того, как Джордан вывел заключенного на прогулку, решаю проверить их в саду. Я не иду в лифт, а открываю ключом дверь и по металлической винтовой лестнице спускаюсь вниз, сразу из здания тюрьмы попадаю в сад. Джордан одиноко стоит под деревом в конце централь-

ной дорожки, заключенного не видно. Завидев меня, Джордан направляется к садовому домику. Я иду туда же, открываю дверь. «Номер семь» отдыхает в домике, раскинувшись в кресле. Все в порядке. В принципе, инструкция надзирателю не дает четких указаний, за сколько метров от заключенного ему положено находиться. Главное — обеспечить безопасность.

Американский надзиратель Джордан — единственный чернокожий надзиратель в МТШ. С самого прихода в тюрьму в 1979 году между ним и единственным заключенным происходят разные мелкие конфликты. По своему убеждению «номер семь» до сих пор остается нацистом и в отношении Джордана ведет себя как настоящий расист, в меру, конечно, возможностей. Жестами, поведением, мимикой он всячески показывает неприязнь к чернокожему американцу, может даже оскорбить. Джордан не хочет скандалов, боится лишний раз вызвать неудовольствие подопечного. А так как ответить заключенному он практически ничем не может, то просто сторонится его по возможности. Вот и на прогулке в саду, в одном маленьком домике вместе с «номером семь» Джордану очень некомфортно, поэтому он и гуляет сам по себе. Директора тюрьмы знают о таком положении дел, но ситуация от этого не меняется.

Семь заключенных Шпандау, 24 января

Заступил в ночную смену в блок. «Заключенный № 7» спокойно спит. Я иду в комнату старшего надзирателя выпить кофе. «Чифом» сегодня работает американский надзиратель Фаулер. Он сидит за столом, читает какую-то книгу. Мы обмениваемся парой фраз, я наливаю кофе и устраиваюсь на диване.

Фаулер — это легенда Шпандау. Он работает надзирателем в тюрьме с момента ее основания. Вечером 18 июля 1947 года именно Гарвей Фаулер вместе с другими надзирателями встречал заключенных в тюрьме. Самолетом их доставили из Нюрнберга в аэропорт Берлин-Гатов и на автобусе привезли в МТШ.

Первым из автобуса вышел Бальдур фон Ширах — 40-летний стройный мужчина, руководитель Гитлерюгенда и гаулейтер Вены. Международный военный трибунал приговорил его к 20 годам лишения свободы.

Фаулер громко назвал:

— Заключенный № 1.

Вторым вышел 55-летний Карл Дёниц, главнокомандующий Военно-морскими силами Германии. Его приговорили к 10 годам заключения. В тюрьме он стал заключенным № 2.

Далее показался барон Константин фон Нейрат, 71 год. Дипломат до мозга костей, член Имперского совета обороны, имперский протектор Богемии и Моравии получил № 3. Суд лишил его свободы на 15 лет.

Номер 4 достался Эриху Рэдери, 71 год, адмиралу-инспектору германских Военно-морских сил, бывшему главнокомандующему ВМС. Его приговорили к пожизненному заключению.

Пятым из автобуса вышел 42-летний Альберт Шпеер. Строго одетый, спортивного вида мужчина был личным архитектором Гитлера, а затем имперским министром военной промышленности. Его ожидало 20 лет пребывания в Шпандау.

56-летний Вальтер Функ, президент Имперского банка, был приговорен судом к пожизненному заключению и получил в тюрьме № 6.

Последним из автобуса вышел Рудольф Гесс, 53 года, бывший заместитель фюрера по партии, имперский министр и второй преемник Гитлера после Геринга, также приговоренный к пожизненному заключению. В Шпандау он стал № 7.

С этого момента на многие годы семь заключенных утратили свои настоящие имена. Персонал тюрьмы обращался к ним только по номерам. Называть заключенных по имени или фамилии было запрещено.

У заключенных изъяли личные вещи и аккуратно занесли их в инвентарный список. В частности, у Функа отобрали 1575 рейхс-

марок, запонки и золотой зажим для воротника. На Гесса записали китель капитана люфтваффе, летный комбинезон, шлем и летные ботинки — вещи, в которых он улетел в Англию в 1941 году.

Фаулер может подтвердить, что «номер семь» всегда был для надзирателей заключенным-проблемой. Сначала Гесс отказывался работать в саду. Он заявил надзирателям:

— Что бы сказали обо мне люди на воле, если бы увидели меня в таком качестве? Они могут увидеть меня из соседнего высокого здания и тогда точно подумают, что я сошел с ума. Нет, я не собираюсь поступать подобным образом.

Потом «заключенный № 7» отказывался вставать и выходить на работу. На основании директорской проверки его признали виновным в неповиновении и наказали 15-дневным арестом с содержанием в карцере. Там он не имел права ни писать, ни читать, а мог только выходить на прогулку на один час.

Например, в декабре 1950 года в книгу старшего дежурного были записаны «особые происшествия»:

3 декабря

6.45 Завтрак выдан всем, за исключением Функа и Гесса. Гесс отказывается вставать, умываться и завтракать. Заявляет, что он болен. Дважды был отдан приказ встать, но он игнорировал его самым неприличным образом.

8 декабря

Американский надзиратель Оуэнс и британский надзиратель Рид обыскали камеры. В камере заключенного № 7 были найдены два куса белого хлеба и порция масла. На заседании директоров было решено прикрепить на дверь камеры распоряжение, позволяющее надзирателям, если они считают необходимым и оправданным, силой поднимать заключенного с постели.

18 декабря

Заключенный № 7 утверждает, что он болен и не может помогать при уборке помещения. Матрац убран с кро-

вати, так как посчитали, что это единственный путь вынудить заключенного подняться. На следующее утро № 7 снова жалуется на боли и заявляет, что он не может встать. Его снова вытаскивают из постели. Немного по-сопротивлявшись, он выходит из камеры и что-то бурчит себе под нос. Надзирателю Бюллену показалось, что он услышал слово «свиньи». Наказание — лишение на 15 дней бумаги и книг, изъятие постели на время работы.

Управление оккупированной Германией, 25 января

С 16.00 дежурю на воротах. Двое прохожих остановились с внешней стороны шлагбаума, что-то обсуждают, фотографируют МТШ. Я наблюдаю за ними в окно и на экране видеомонитора. Здание тюрьмы привлекает молодое поколение берлинцев. Им интересно, что за этими красными стенами еще живет дух последней мировой войны. Пожилые берлинцы, пережившие то страшное время, ускоряют шаг, проходя мимо МТШ. Они хорошо понимают, кто истинные хозяева в Германии и в их городе.

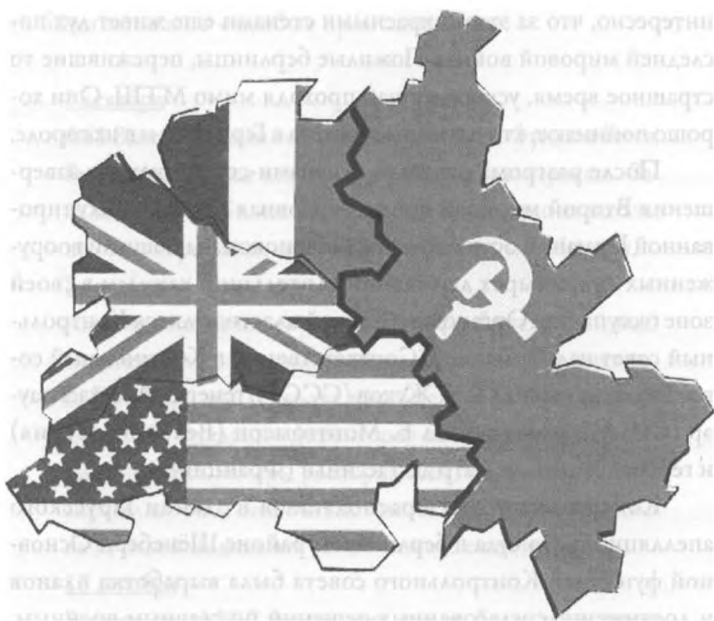
После разгрома фашизма странами-союзниками и завершения Второй мировой войны верховная власть в оккупированной Германии осуществлялась главнокомандующими вооруженных сил четырех держав-победительниц, каждым в своей зоне оккупации. Органом верховной власти являлся Контрольный совет над Германией. Соответственно в Контрольный совет входили маршал Г. К. Жуков (СССР), генерал Д. Эйзенхауэр (США), фельдмаршал Б. Монтгомери (Великобритания) и генерал Ж.-М. де Латр де Тассини (Франция).

Контрольный совет располагался в здании Прусского апелляционного суда в берлинском районе Шёнеберг. Основной функцией Контрольного совета была выработка планов и достижение согласованных решений по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для

всей Германии, которые должны приниматься единогласно. Каждая из сторон сохраняла полную ответственность за управление своей зоной оккупации. Учредительное заседание Контрольного совета над Германией состоялось 30 июля 1945 года одновременно с проходившей Потсдамской конференцией.

20 марта 1948 года Советский Союз бойкотировал заседание Контрольного совета в знак протеста против проведения Лондонского совещания шести держав, и больше Контрольный совет на заседания не собирался. Однако формально он существует, и здание Контрольного совета несколько десятилетий поддерживается в рабочем состоянии.

В соответствии с договоренностями между странами Антигитлеровской коалиции весь Берлин, как и Германия, был поделен на четыре оккупационных сектора. Совместное управление союзниками районом Большой Берлин осуществлялось

Условная схема деления Берлина на сектора оккупации

**Коменданты секторов Западного Берлина (слева направо):
француз Поль Каварро, британец Патрик Г. Брукин,
американец Джон Х. Митчел. 1986 год**

Межсоюзнической комендатурой, находящейся в подчинении Контрольного совета. После выхода СССР из Контрольного совета над Германией в Межсоюзнической комендатуре также остались только три страны.

Советский сектор оккупации составили районы: Панков, Вайсензее, Пренцлауэр-Берг, Митте, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Кёпеник и Трептов.

В свой сектор оккупации в Берлине американские войска прибыли спустя два месяца после окончания войны, заняв шесть районов: Кройцберг, Нойкёльн, Темпельхов, Штеглиц, Целлендорф, Шёнеберг. В настоящее время оккупационные власти США в Западном Берлине официально именуется Миссией США в Берлине. Глава миссии — посол США в ФРГ, заместитель главы миссии — комендант американского сектора и командующий войсками США в Западном Берлине, в отсутствии посла он осуществляет общее руководство Военной администрацией США в Западном Берлине.

Английские войска прибыли в Берлин в июле 1945 года, заняв районы Тиргартен, Шарлотенбург, Вильмерсдорф

и Шпандау. Официально оккупационные власти Великобритании в Западном Берлине именуется администрацией. Глава администрации — посол Великобритании в ФРГ, заместитель — комендант британского сектора, в отсутствие посла он выполняет общее руководство Английской военной администрацией.

Французские войска прибыли в Берлин 12 августа 1945 года, заняв районы Веддинг и Райникендорф. Высший французский орган в Западном Берлине — Французская военная администрация. Глава администрации — посол Франции в ФРГ, заместитель — комендант французского сектора и командующий французскими войсками в Западном Берлине.

С 1952 года жителям западных секторов Берлина был запрещен вход в советскую зону оккупации Германии, где в 1949 году была провозглашена Германская Демократическая Республика. Но передвижение внутри оккупационных секторов Большого Берлина оставалось беспрепятственным вплоть до возведения ГДР 13 августа 1961 года Берлинской стены, разделившей город на Западный и Восточный Берлин.

Потсдам, 26 января

Сегодня у советской стороны «пауза». Это значит, что сегодня мы не едем на дежурство в МТШ. Там работают только британцы, французы и американцы. Мы сегодня отдыхаем.

Советские надзиратели живут на территории ГДР в городе Потсдам, в районе Берлинерфорштадт. Это тихий окраинный район Потсдама, практически не задетый военной разрухой. Поэтому на соседней с нами улице в старинных особняках располагаются британская и французская военные миссии связи, аккредитованные при главнокомандующем Группой советских войск в Германии. Недалеко от нашего дома находится пре-

красное озеро, а за ним большой парк, в котором расположен дворец Цецилиенхоф. Именно в нем с 17 июля по 2 августа 1945 года проходила знаменитая Потсдамская конференция, определившая шаги по послевоенному устройству Европы. Это была третья и последняя встреча «большой тройки» Антигитлеровской коалиции.

В пяти минутах ходьбы от нашего жилого дома расположено и наше служебное помещение — здание советского отделения Межсоюзной тюрьмы Шпандау. Совсем недалеко протекает река Хафель, а над ней мост Глиникебрюкке, соединяющий Потсдам и Западный Берлин. На мосту дежурят пограничники ГДР. Мост закрыт для массового движения. Только автомобили дипломатов и военных миссий связи изредка пересекают здесь границу. Но мост имеет свою историю. Кто не смотрел знаменитый советский фильм «Мертвый сезон»? Впечатляет мужество разведчиков, их готовность к самопожертвованию для достижения цели, эффектно смотрится завершающая сцена обмена советского и американского разведчиков. Все знают, что в основу фильма положена судьба советского разведчика Рудольфа Абеля. Гораздо меньше людей знают, что обменяли Абеля на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса, пилота самолета-разведчика «У-2», сбитого над Свердловском. Еще меньше людей посвящены в то, что обмен состоялся в феврале 1962 года на этом самом мосту Глиникебрюкке. Ну и только непосредственные участники того исторического события знают, что последнюю ночь перед ним Пауэрс провел в здании нашего отдела. Эту легенду сотрудники отдела передают из поколения в поколение. Так что теперь ее знаю и я. Рассказали мне и более свежую историю. Полгода назад, в июне 1985 года, на мосту состоялся очередной обмен арестованных на Западе разведчиков социалистических стран на западных разведчиков, арестованных в социалистическом блоке. Но в этой операции отдел не принимал никакого участия.

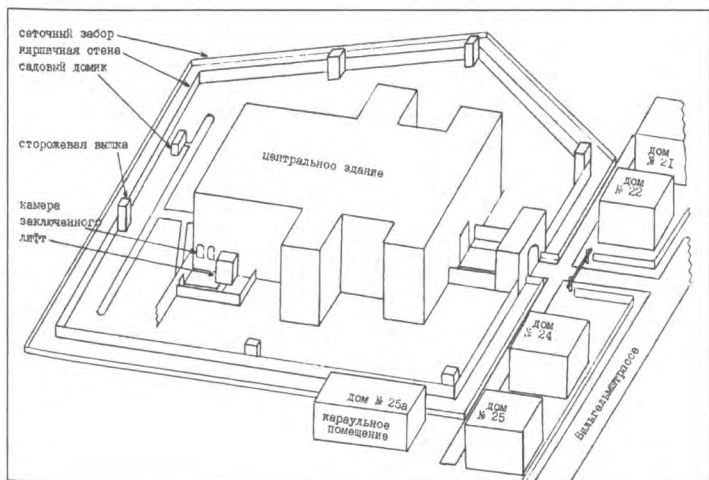
Территория МТШ, 28 января

С 16.00 дежурю на воротах. Британский караул готовится к сдаче смены, закончилось суточное дежурство. Я уже впустил новый состав караула на территорию тюрьмы. Разводящие повели часовых по постам, сержанты проверяют порядок в караульном помещении. Караульное помещение расположено рядом с комнатой дежурного надзирателя на воротах. Здесь же находится постоянный пост часового. Через полчаса смена караула завершена. Сменившийся караул выстраивается во внутреннем дворе в колонну по три, я открываю ворота, офицер дает команду, караул строевым шагом выходит из тюрьмы и направляется в казарму.

Территория тюрьмы обнесена каменной стеной высотой около 6 метров и забором из металлической сетки. Между ними сохранился фундамент электрического забора. Электрический забор с напряжением тока до 4000 вольт между двумя рядами колючей проволоки раньше также обеспечивал неприступность тюрьмы. В настоящее время остался лишь сеточный забор. По периметру каменной стены установлено шесть сторожевых вышек, на которых постоянно находятся часовые. Тюрьма имеет только одни входные ворота со стороны улицы Вильгельмштрассе. На территории тюрьмы находятся разрушенные здания бывших складских помещений, банно-прачечного хозяйства, лазарета, мастерских и других подсобных служб, а также угольный склад, сад, двор для прогулок. Большая часть тюрьмы в настоящее время не используется.

Кроме территории, окруженной стеной, к тюрьме также относятся несколько зданий, расположенных вдоль улицы Вильгельмштрассе. Эти здания обнесены сеточным забором, проход к ним контролируется дежурным надзирателем на главных воротах и закрыт для посторонних лиц шлагбаумом. В доме № 21 находится столовая для персонала МТШ.

Дом № 22 используется для проживания некоторых сотрудников из несоюзного персонала тюрьмы и их семей. В частности, в этом доме вместе со своей семьей живет санитар Мелаоухи. Дом № 24 используется в качестве складского помещения. В доме № 25 расположены квартиры для отдыха надзирателей СССР и США. В квартирах есть все для комфортного проживания 10–12 человек, они содержатся в чистоте и порядке и всегда готовы к использованию. Поддерживает порядок в квартирах уборщица-немка Клуст. В квартирах отдыхали советские и американские надзиратели в перерывах между дежурствами в 50–60-х годах, когда приезжали на дежурство в МТШ на целую неделю. Однако с конца 1960-х годов квартиры используются очень редко, но в любой момент готовы встретить постояльцев. Дом 25а служит казармой для проживания американского, английского и французского караулов в месяцы их охраны тюрьмы. В казарме располагаются военнослужащие, не задействованные в суточном карауле. Военнослужащие располагаются там постоянно в течение своего месяца. Советский караул этой

Общая схема территории МТШ

казармой не пользуется и каждые сутки приезжает на смену из Восточного Берлина.

В 20.00 мне на смену приходит американский надзиратель Джордан, и я продолжаю дежурство в блоке. «Номер семь» что-то пишет в своей камере, сидя на кровати. Я располагаюсь в кресле дежурного, открываю газету. Ближе к девяти часам вечера заключенный выходит из камеры и идет в телевизионную комнату. В 21.00 по многим каналам начнется выпуск новостей, «номер семь» старается быть в курсе всех мировых событий. Заключенный располагается напротив телевизора, я рядом.

— Американский космический челнок «Челленджер» взорвался на 73-й секунде полета, на высоте чуть более четырнадцати километров, — объявляет диктор.

— O Mein Gott!* — восклицает «номер семь».

Один и тот же сюжет показывают непрерывно: стартовая площадка, готовый к запуску корабль, на смотровой площадке приглашенные на церемонию запуска счастливые родственники и друзья астронавтов, старт ракеты, телевизионные камеры большого радиуса действия следят за полетом челнока, дымок из топливного бака, огненный оранжево-белый шар, огромное облако в виде двуглавого дракона. Камера периодически показывает охваченных ужасом гостей. У них на глазах только что погибли семеро астронавтов: их отцы, мужья, матери, жены.

Лицо заключенного напряжено, руки сжимают подлокотники кресла, глаза неотрывно смотрят на экран. Видно, что он взволнован. Пытаемся найти какую-либо информацию о старте челнока на других каналах. Но все каналы только повторяют один и тот же сюжет. «Номер семь» встает и выходит из телевизионной комнаты. В этот вечер он рано пошел спать.

* Боже мой! (нем.)

Устав МТШ, 31 января

Заступаю в ночную смену на ворота. Британский часовой на посту отдает мне честь в соответствии с воинским уставом. А вся жизнь в тюрьме и вокруг нее также определена уставом. Документ с названием «Тюремный устав союзной тюрьмы в Шпандау» был утвержден Контрольным советом над Германией 10 июня 1947 года. Уставом определялось, что верховная исполнительная власть над тюрьмой в Шпандау принадлежит Союзной комендатуре города Берлин. Высшей исполнительной властью является Правовой комитет Союзной комендатуры. Исполнительная власть состоит из четырех офицеров, которые образуют Дирекцию тюрьмы. В связи с тем, что в 1948 году советские представители вышли из состава Союзной комендатуры, верховная исполнительная власть и высшая исполнительная власть фактически перестали существовать как единые четырехсторонние органы. Из всех органов власти МТШ единой осталась лишь исполнительная власть — Дирекция тюрьмы. Представителями Верховной исполнительной власти американской, британской и французской сторон стали коменданты соответствующих секторов Западного Берлина. Функция Верховной исполнительной власти с советской стороны осуществляется начальником штаба Группы советских войск в Германии через начальника Отдела внешних сношений. Соответствующие изменения были внесены в Устав МТШ в 1950–1960-х годах.

Значительные изменения в первоначальной редакции Устава в части внутренней жизни тюрьмы были сделаны в апреле 1954 года. В случае если состояние здоровья заключенного потребует сложного лечения или серьезной хирургической операции, которые не могут быть удовлетворительно проведены в тюрьме, больного разрешили поместить на определенный срок, согласованный четырьмя директорами тюрьмы, в ближайший от тюрьмы госпиталь, находящийся в распоряжении од-

ной из оккупирующих Германию держав. При этом директора продолжают нести ответственность за охрану заключенного. Одновременно были сделаны некоторые послабления в режиме содержания заключенных. В частности, свет в камере по просьбе заключенного может быть выключен в любое время после 18 часов 45 минут, заключенным разрешили разговаривать между собой во время работы и прогулок, несколько смягчились процедуры переписки и свиданий, в комнате свиданий сняли решетки, которые мешали заключенному и посетителю видеть друг друга. Именно тогда было принято решение пополнить тюремную библиотеку четырьмя ежедневными газетами, по одной по выбору каждого из четырех директоров.

Следующие изменения в тюремном режиме конкретно «заключенного № 7» были приняты в марте 1970 года, после возвращения его с лечения в британском военном госпитале. При этом подчеркивалось, что все изменения в тюремный режим вносятся в связи с состоянием здоровья заключенного. Он был переведен в сдвоенную камеру, в которой разрешили установить медицинскую кровать, предоставленную британским военным госпиталем. Также было принято решение не закрывать камеру заключенного на ключ. Время подъема заключенного изменено с 6.00 часов на 7.00 часов, продолжительность завтрака установлена с 7.45 до 8.30, разрешена дополнительная двухчасовая прогулка. Заключенный стал получать диетическое питание и был освобожден от физической работы. Уборка камеры поручалась теперь санитару.

1 октября 1982 года полномочные представители четырех союзных держав подписали протокол, определяющий действия, которые будут предприняты в отношении Межсоюзной тюрьмы Шпандау в случае смерти заключенного. Предусмотрено, что тело умершего после обычных процедур будет направлено самолетом в Баварию и передано там его семье для захоронения в узком семейном кругу. Тюрьма Шпандау после выполнения ею функций Межсоюзной тюрьмы будет снесена.

Архивы тюрьмы будут сняты на пленку и переданы в копии представителям всех четырех сторон. Подлинники подлежат уничтожению по договоренности всех четырех сторон.

В 4.00 француз Пэнсар сменил меня на воротах, я иду в блок. «Номер семь» спокойно спит. Я располагаюсь в кресле дежурного в коридоре напротив камеры, открываю газету.

Заклученный проснулся около семи часов утра, долго кряхтит и потягивается в постели, встает и делает легкую гимнастику. Затем выходит в коридор, включает в своей камере свет, идет в туалет. По дороге традиционно останавливается, изучая, кто находится на дежурстве. Вскоре появляется санитар Мелаоухи, начинается утренний медицинский осмотр. Затем санитар с «заклученным № 7» идут в ванную комнату. Стоя в коридоре, через раскрытую дверь я вижу, как санитар усаживает заклученного в кресло, повязывает салфетку и начинает медленно брить. Бритва на аккумуляторах, поэтому провод при бритье не мешает. Про себя отмечаю, что в Советском Союзе таких бритв я еще не встречал.

Глава 2 ЗАМЕСТИТЕЛЬ ФЮРЕРА (Февраль 1986 года)

Западный Берлин, 1 февраля

С 16.00 заступаю «чифом». А пока еду из Потсдама в Западный Берлин на дежурство. В отделении у нас три машины. На черной «Волге» обычно ездит советский директор МТШ. Но иногда она возит и надзирателей на смену. Красные «Жигули» шестой модели, как правило, используются для хозяйственных нужд, но периодически совершают поездки и в Шпандау. Чаще же всего смену надзирателей обеспечивает зеленый микроавтобус РАФ, или просто «Рафик». За исключением дня-паузы, три раза в сутки один из автомобилей везет из Потсдама в МТШ очередного дежурного надзирателя и возвращается с надзирателем, закончившим смену. Водителями автомобилей являются солдаты срочной службы, прикомандированные к отделению МТШ из Отдела внешних сношений штаба Группы советских войск в Германии.

Несмотря на то что в Потсдаме мы располагаемся рядом с границей с Западным Берлином, проехать из одного города в другой просто так нельзя. 13 августа 1961 года руководством ГДР было принято решение о закрытии границы с Западным Берлином, и вся западная часть Берлина была окружена стеной. Теперь это инженерно оборудованная и укрепленная государственная граница Германской Демократической Республики с Западным Берлином. Для проезда через стену и въезда в Западный Берлин существуют только несколько специально оборудованных контрольно-пропуск-

ных пунктов. Через один из таких пунктов — КПП Штаакен — мы обычно въезжаем в Западный Берлин. Дорога до КПП занимает около получаса.

Наш «Рафик» приближается к КПП Штаакен. Пограничники ГДР знают наши машины и открывают «зеленую линию». При нашем приближении шлагбаум заранее поднимается, и мы без остановок въезжаем в пограничную зону. Проезжаем около 50 метров и через предупредительно открытый очередной шлагбаум попадаем на нейтральную полосу. Еще около 50 метров, и нас встречает пост западноберлинской полиции. Как и в ГДР, шлагбаум предупредительно открывается. Мы в британском секторе Западного Берлина. До МТШ остается минут 10–15 езды.

Построенная в 1961 году стена физически разделила Берлин на две части. Многие жители Берлина в один день лишились работы или квартиры, многие семьи оказались разделены. Вместе с возведением стены были отрезаны основные городские коммуникации: водопроводы, канализация, газопроводы, электросети. Берлинский метрополитен был разделен на две независимо работающие транспортные системы. Некоторые бывшие ранее едиными линии оказались разорваны. Две линии западноберлинского метро идут из западной части города в западную часть через восточную часть. Поэтому на этих двух линиях в общей сложности 15 станций, находящихся в восточном секторе, закрыты. Это так называемые станции-призраки. Аналогично устроены линии метро, находящиеся в основном в ГДР и частично проходящие под землей через Западный Берлин.

На смену в МТШ принято приходить минут на 10–15 раньше срока. С учетом дороги советские надзиратели должны своевременно выезжать из Потсдама. Французские надзиратели также пользуются своим служебным транспортом для поездок на смену в МТШ. Американские и британские надзиратели приезжают в МТШ на личных автомобилях.

Мы подъезжаем к МТШ. На входе в тюрьму французский часовой отдает честь. Сегодня в полдень французский караул пришел на смену английскому, и французский директор стал председательствовать на заседаниях директоров. Все идет по заранее расписанному плану.

Тюремный сад, 5 февраля

С 8.00 дежурю на воротах. Идет обычная дневная суета. Пришли на работу секретари, городской почтальон принес почту, французский офицер проверил караул. Около 10 часов в дверь позвонил незнакомый мужчина. Я открыл смотровое окно в воротах, незнакомец представился:

— Пастор Габель, — и протянул оформленный по всем правилам пропуск в МТШ. Проверив пропуск, я открыл дверь, пастор направился в главное здание тюрьмы. Религиозное обслуживание заключенных предусмотрено Уставом МТШ. Духовное лицо назначается Дирекцией тюрьмы. С 1977 года тюремным пастором является Шарль Габель — капитан французской армии, военный духовник французского гарнизона в Западном Берлине. Чаще всего пастор приходит к заключенному по средам в первой половине дня. За прошедший месяц работы у меня не было дежурства в среду в этот период времени, поэтому с пастором мы встретились впервые. Часа через полтора пастор покинул тюрьму.

После обеда у меня дежурство в блоке. Заключенный традиционно дремлет после приема пищи, я беру предназначенные для него газеты и располагаюсь в своем кресле. В газете «Франкфуртер Альгемайне» между зияющих окон от вырезанной цензорами запрещенной для заключенного информации нахожу интересную статью: Великобритания и Франция объявили о своих планах построить тоннель под проливом Ла-Манш. Из четырех предложенных вариантов выбран один. Осталось окончательно урегулировать вопросы,

связанные с финансированием строительства. В тоннеле планируется проложить две железнодорожные колеи и открыть движение высокоскоростных поездов. Таким образом, в Лондон можно будет безопасно приехать из любой точки Европы на поезде. Интересно, сколько времени займет такая поездка из Германии? В 1941 году перелет Гесса из Германии в Англию на двухмоторном истребителе-бомбардировщике Me.110 занял около шести часов. Этот полет расколол всю жизнь «заместителя фюрера» на две части. Какие мысли и воспоминания придут теперь в голову «заключенному № 7», когда он прочитает эту статью?

Заключенный проснулся, сходил в туалет и направился в гардеробную комнату одеваться. Предстоит прогулка. Санитар Мелаоухи убрал оставшуюся после обеда посуду, поправил кровать, помог «номеру семь» одеться. Вдвоем с заключенным мы спускаемся на лифте вниз и выходим в сад.

Тюремный сад — большой засаженный деревьями участок земли позади основного здания тюрьмы. До прибытия семерых заключенных здесь росли сорняки и одичавший кустарник. Эти джунгли много лет никто не обрабатывал. Заключенным было поручено привести это место в порядок. Главным планировщиком и создателем тюремного сада был «заключенный № 5». Альберт Шпеер, архитектор, который должен был придать новый облик Берлину, для своей кипучей деятельности имел в саду всего несколько досок и кучу кирпича. Руки, которые в былые времена наметили для Германии проекты нового монументального архитектурного стиля, соорудили две простые скамьи под деревьями. В саду Шпеер полностью показал себя. Под его руководством заключенные проложили дорожки и сделали маленькие грядки, за которыми каждый лично ухаживал. Между собой семеро заключенных стали именовать это место «сад Шпеера» или «рай Шпеера». На кухню из сада доставлялись свежие бобы, капуста, сельдерей, свекла, картофель, лук, салат, тыква, петрушка и даже клубника. Но согласно порядку, суще-

ствующему в тюрьме, семерым заключенным запрещалось есть клубнику, которую они разводили. Это был уже «комфорт».

Гесс писал родным, что он «потеет как негр», когда сажает помидоры, морковь и капусту. На самом деле он совсем не восхищался работой в саду. Он жаловался, что должен выращивать табак для рабов никотина, в то время как сам был приверженцем здорового образа жизни. Еще на Партийном съезде 1938 года он призвал политических руководителей Германии отказаться от курения и алкоголя и посвящать ежедневно один час своему здоровью, так как «здоровье национал-социалистических вождей принадлежит нации». В тюрьме же перед любой работой в саду «заключенный № 7» старался куда-нибудь скрыться. Директора неоднократно обсуждали между собой вопрос: есть ли у них право заставлять заключенных работать в саду? Правовая инстанция рассмотрела создавшееся положение. Приговор суда не предусматривал ни одиночного заключения, ни принудительных работ. Положение было достаточно спорным. Но советская сторона все же настояла на том, что заключенные ввиду совершенных ими преступлений заслуживают принудительных работ и одиночного заключения. Сотрудники МТШ как легенду рассказывают историю о том, что во время работ в саду Гессу предложили полить грядки, на что он ответил:

— Отдайте шланг Дёницу, он у нас главный специалист по воде.

В 1970 году с учетом состояния здоровья заключенного в Устав МТШ были внесены изменения, и теперь от него не требуется никакой тяжелой работы, а сад предназначен только для прогулок.

История тюрьмы Шпандау, 8 февраля

Сегодня работаю старшим дневной смены. На воротах дежурит англичанин Орвин, в блоке — француз Морель. Заключенный в добром здравии. Он позавтракал, отдохнул, занимается

личными делами. Дежурство идет своим чередом. Примерно в 11.30 Морель покидает пост и идет на обед. Через час в блок приходит Орвин. «Номер семь» к этому времени уже закончил полуденную трапезу и дремлет. Мне тоже можно идти обедать.

Февраль — это в МТШ «французский» месяц. В частности, это значит, что за меню в столовой для персонала тюрьмы в этот месяц отвечает французская сторона, а конкретно — помощник директора надзиратель Деденон. Поэтому надзиратели — помощники директоров в свои месяцы не ходят на дежурство в тюрьму, а сосредотачиваются на закупке продуктов, составлении меню, контроле приготовления пищи. Ну и конечно, каждая сторона старается внести в рацион какие-то свои национальные особенности. Французы дают на обед красное вино. Оказывается, бокал красного вина в обед совсем не мешает дежурству надзирателей. По рецепту Деденона повар-египтянин Хано готовит замечательный луковый суп. Ну а главной изюминкой французской кухни в МТШ считается мясо лягушки под белым соусом с рисовым гарниром. Обед закончился, надо возвращаться на пост.

В 14.10 Орвин вывел заключенного на прогулку. Спустя полчаса я на лифте спускаюсь вниз и отправляюсь в сад с проверкой. «Номер семь» гуляет по дорожке, британский надзиратель Орвин находится рядом. Все в порядке. Обрато я возвращаюсь пешком по крутой винтовой лестнице. Я прохожу свой этаж, открываю ключом дверь, загораживающую проход на верхние этажи, и поднимаюсь на второй этаж. Если первый этаж тюрьмы имеет отдельное перекрытие, то вышестоящие два этажа представляют собой единое пространство с поэтажными проходами и выходящими на них дверями камер. Типичная многоэтажная тюрьма. Застекленные окна в потолке дают приличное освещение, позволяющее ориентироваться на этаже.

Здание тюрьмы было построено в период с 1878 по 1881 год. После завершения строительства до 1919 года здесь размещалась военно-дисциплинарная тюрьма. В период

с 1919 по 1939 год в тюрьме Шпандау содержались преступники-рецидивисты. Во время Второй мировой войны здание использовалось в качестве военной тюрьмы предварительного заключения, а также пересыльного пункта для заключенных, направляемых в концлагеря. В ней содержались военнопленные различных национальностей, а также военнослужащие вермахта, ожидающие приговора трибунала. После вынесения приговора заключенные тюрьмы Шпандау направлялись либо в места заключения, либо на казнь. Некоторые смертные приговоры приводились в исполнение непосредственно в тюрьме. Об этом свидетельствуют находящиеся в подвале здания тюрьмы камера смертников, а также демонтированная из «операционной комнаты» гильотина. Имеются также данные, согласно которым в 1939 году часть тюрьмы была освобождена и использовалась для проведения медицинских исследований на заключенных. Однако следов захоронения на территории тюрьмы не обнаружено.

Здание тюрьмы имеет три полных этажа и полуподвальный цокольный этаж. Оно построено в форме креста и рассчитано на содержание 600–800 заключенных. В настоящее время используются только первый этаж и часть цокольных помещений. Первый этаж расположен довольно высоко над уровнем земли, поэтому со стороны его можно принять за второй. В цокольном этаже сейчас расположены кухня для приготовления пищи заключенному, котельная и некоторые вспомогательные помещения.

Во многих камерах тюрьмы сохранились надписи, сделанные на стенах бывшими заключенными на немецком, польском, чешском, французском, английском и других языках. Имеется несколько надписей на русском языке, однако установить по ним каких-либо конкретных лиц, бывших узниками в тюрьме Шпандау, не представляется возможным.

Вдоль длинного ряда дверей, ведущих в камеры, иду к фасадной части здания и попадаю в тюремную церковь. По высоте

она занимает два этажа и раскинулась на всю ширину главного здания. Церковь прекрасно освещена благодаря огромным окнам в виде арок на всю стену. Фотографии МТШ с видом главных ворот и части основного здания гуляют по многим мировым изданиям. И совсем немногие люди догадываются, что видимая за главными воротами часть здания с арочными окнами является тюремной церковью. В помещении хорошо сохранилась мебель, подернутая слоем пыли. На одной из стен размещен огромный орган — музыкальный инструмент, которому могли бы позавидовать многие европейские храмы. К сожалению, систему воздуховодов кто-то демонтировал, инструмент молчит.

Я возвращаюсь в блок, в книге дежурного записываю:

«14.45. Проверил заключенного на прогулке. Замечаний нет».

Робинсон, 10 февраля

С 0.00 заступил в блок. Заключенный уже спит и, вероятно, видит хорошие сны, потому что лицо его спокойное и расслабленное. Я иду в комнату старшего дежурного надзирателя. Сегодня «чиф» — американец Робинсон. Он сидит в кресле, положив на рабочий стол ногу на ногу, и читает газету. Привычка американцев класть ноги на стол не нравится всем другим надзирателям в МТШ, но сделать ничего невозможно — такова их национальная традиция. Больше всего в этом меня поражает не только неуважение к собеседнику, но и к своему собственному организму. Ведь убрав ноги со стола, они тут же пьют на этом столе кофе и едят сэндвичи. По нашим понятиям — полная антисанитария!

Я наливаю чашку кофе, располагаюсь на диване, предлагаю Робинсону партию в шахматы. Он согласен и убирает ноги со стола. Расставляем фигуры, игра начинается. Я не являюсь профессионалом в шахматах, Робинсон тоже, поэтому игра идет с переменным успехом, главное — общение.

Робинсон расспрашивает о новом советском руководителе — генеральном секретаре ЦК КПСС Михаиле Горбачеве. Американец считает, что он сильно отличается от предыдущих советских лидеров. Особенно Робинсону нравится то, что Горбачев готов разговаривать с американцами и обсуждать любые вопросы. И, конечно, импонирует первая встреча Горбачева с президентом США Рональдом Рейганом в Женеве для обсуждения вопросов ядерного разоружения несколько месяцев назад. Лично Робинсон считает, что у двух стран — США и СССР — накоплено очень много ядерного оружия, его можно безболезненно сокращать. Со своей стороны я честно рассказываю, что люди в Советском Союзе, помимо международных успехов, связывают с Горбачевым и надежды на изменения внутри страны. Он молод, активен, у него есть все возможности улучшить жизнь людей. Робинсон согласен. Оказывается, у советских людей и американцев много общего. Разговор переходит на Афганистан. Робинсон говорит о захвате Афганистана советскими войсками и необходимости вывода их. Я, напротив, рассказываю об интернациональном долге и помощи афганскому народу. Если бы Америка не поставляла оружие афганским бандитам, там давно был бы уже мир и порядок. Американец считает, что США поставляют оружие коренным жителям для защиты своей страны от нападения СССР. По данному международному вопросу у нас разные точки зрения, но мы, не повышая голоса, продолжаем двигать фигуры по шахматной доске.

Постепенно разговор переходит с международных тем на бытовые. Самая интересная — борьба с алкоголизмом. Я рассказываю, что с приходом к власти Горбачева в СССР принят «сухой закон», ограничивающий производство вина, водки и других алкогольных напитков. Многие винные магазины закрыты. У меня на родине — на Кубани вырубаются виноградники. Хотя, по моей личной оценке, это неправильно. Почти в каждом дворе на Кубани всегда делали свое вино или

гнали самогон. Пить или не пить — зависит от человека, а не от ограничения спиртного. Простыми запретами пьянство не искоренить. Робинсон согласен. Он с подробностями рассказывает, что в начале века в США тоже был принят «сухой закон». Однако тут же появилось много банд гангстеров, которые занимались контрабандой спиртного и наживали себе большие состояния. Эти банды воевали между собой и с полицией. Дед Робинсона был в ту пору полицейским, участвовал в стычках с бандитами и рассказывал о тех жестоких временах внуку. Робинсон считает, что «сухой закон» в СССР долго не протянет.

За разговорами и шахматами время пролетело быстро. Следующие четыре часа мне предстоит дежурство на воротах.

«Пауза», 11 февраля

Сегодня у советских надзирателей «пауза». Мы не едем в МТШ, но с утра собираемся в своем офисе. По дороге обращаю внимание, что возле моста Глиникебрюкке необычная суета: походы к мосту перекрыты полицией ГДР и людьми в штатском, на подъезде к мосту припарковано много гражданских и полицейских автомобилей. Может, кто-то пытался перебежать через границу в районе моста? А может, ждут какое-нибудь высокое лицо с инспекцией? У собравшихся в офисе моих коллег тоже много разных предположений.

Около 11 часов дня кавалькада автомобилей на большой скорости подъехала к мосту со стороны Потсдама. Часть автомобилей осталась у моста, а несколько — отправились на мост. Что происходило на середине моста, нам не видно. Однако минут через пятнадцать с моста на большой скорости съехали несколько машин и, не останавливаясь, направились в сторону Потсдама. Часть стоявших у моста машин ринулась вслед за ними. Колонна скрылась из вида. Полиция начала снимать оцепление. Что это было?

Вдруг Би-Би-Си передало сообщение:

«Только что на мосту Глиникебрюкке, соединяющем Западный Берлин и Потсдам, произошел обмен освобожденного из заключения советского диссидента Анатолия Щаранского и трех агентов западногерманской и американской разведок, задержанных в социалистических странах, на пятерых шпионов социалистического блока, арестованных на Западе».

Мировая история творится рядом с нами.

Жизненный путь «заместителя фюрера», 12 февраля

С 16.00 заступил в блок. Я приехал на смену минут на двадцать раньше срока, так принято в МТШ. Заключение еще переодевается после прогулки. Он медленно с определенными усилиями снимает с себя верхнюю одежду, переобувается. Опираясь на палку и слегка приволакивая ногу, шаркающей походкой направляется в камеру. Типичный старик. А когда-то одним из его титулов был «заместитель фюрера».

Рудольф Вальтер Рихард Гесс родился в египетском портовом городе Александрия 26 апреля 1894 года в семье предпринимателя, владельца экспортно-импортной фирмы Importfirma Neß & Co, стоявшего во главе немецкой диаспоры в Египте. В то время Египет был английской колонией. В доме отца — Фрица Гесса часто бывали английские офицеры, маленький Рудольф играл с английскими детьми. С тех времен у него и зародилась любовь к далекой могучей стране — Великобритании.

До четырнадцати лет мальчик жил с родителями в Александрии, а в 1908 году Рудольфа поместили в школу-интернат в Бад-Годесберге на Рейне. Через три года семнадцатилетнего выпускника интерната отправили в Швейцарию в коммерческое училище. Через год, по окончании обучения, Гесс переехал в Мюнхен и устроился на работу в торговую лавку. По примеру отца его ждала купеческая карьера. Но началась Первая мировая война.

В августе 1914 года 20-летний Гесс вступил добровольцем в 7-й Баварский полевой артиллерийский полк, откуда позже был переведен в 1-й Баварский пехотный полк. С полком он отбыл на Западный фронт. Он отличился в боевых действиях и в 1916 году получил унтер-офицерское звание, а в октябре 1917 года — звание лейтенанта резерва. Был дважды ранен, был награжден Железным крестом обоих классов. Весной 1918 года после нескольких просьб он был командирован в школу летчиков. По окончании школы Гесс получил направление на фронт, но в ноябре 1918 года война закончилась. В декабре лейтенант Гесс был уволен с военной службы. Он вернулся в Мюнхен. Как и большинство немцев, он воспринимал проигранную войну как личную боль и считал германских парламентских политиков изменниками.

В 1919 году как бывший фронтовик, без экзаменов, Гесс поступил на экономический факультет Мюнхенского университета. Весной 1920 года в мюнхенской пивной «Штернэккерброй» студент Гесс услышал оратора от Немецкой рабочей партии (ДАП) — одной из множества небольших националистических групп в Баварии. Это был Гитлер. Он высказывал идеи, которые были близки и Гессу: «Версальский договор — преступление руководства страны перед немецким народом. Буржуазное правительство изменило фронтовым солдатам. Закулисные руководители всего этого — евреи». Речь произвела на Гесса большое впечатление, и он решил вступить в партию. Вскоре партия сменила название на Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Вместе со своей подругой Ильзой Прель, впоследствии ставшей женой, Гесс расклеивал партийные плакаты, распространял листовки, организовал по приказу Гитлера первую «студенческую сотню» для военизированных подразделений НСДАП — Штурмовых отрядов (СА).

В июле 1921 года Гитлер возглавил партию и стал председателем НСДАП, а Гесс постепенно все больше превращался в секретаря Гитлера. Он начал последовательно создавать миф

вокруг своего «трибуна». Тот титул, которым в 1933 году уже каждый ребенок в Германии именовал Гитлера, придумал Гесс. Он первый стал называть Гитлера «фюрер», то есть «вождь народа».

В ноябре 1923 года Гитлер впервые попытался творить историю. За год до этого Муссолини в Италии своим походом на Рим показал, как можно завоевать власть в находящемся в глубоком политическом кризисе государстве. 8 ноября Гитлер решился на государственный переворот. Он вместе с группой вооруженных штурмовиков ворвался в мюнхенскую пивную «Бюргербройкеллер», где собрались члены баварского правительства. Он решил взять в заложники руководителей земли Бавария и вынудить их поддержать поход на Берлин. Немаловажную роль в проведении «Пивного путча» сыграл Рудольф Гесс, являясь руководителем студенческого батальона СА. Но уже на следующий день путч был подавлен. В течение нескольких дней были арестованы все его лидеры, кроме Геринга и Гесса, они бежали в Австрию.

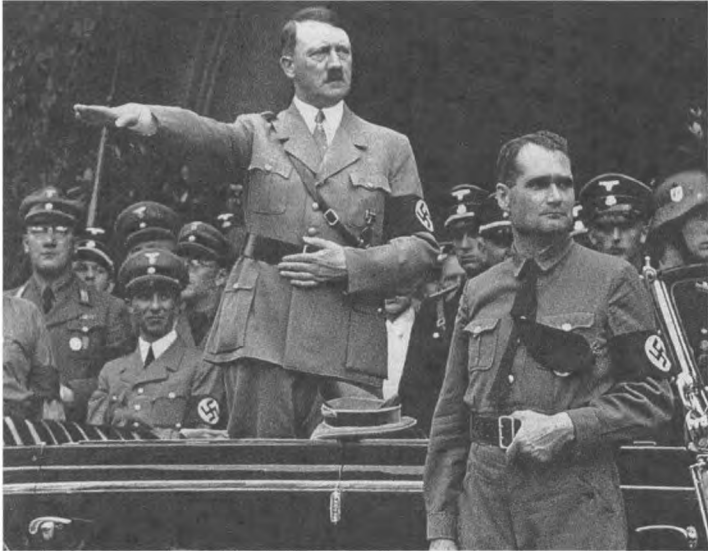
Последовавший за путчем судебный процесс Гитлер использовал как политическую сцену для своего ораторского таланта. Пассажи из его оправдательных тирад перепечатывали газеты. Неудавшийся переворот стал триумфом. Приговоры мятежникам были мягкими. Гитлера приговорили к пяти годам тюрьмы и к штрафу на сумму 200 золотых марок с перспективой условного освобождения в случае хорошего поведения через шесть месяцев. Видя это, Гесс отправился в Мюнхен, чтобы сдать властям. «Больше, чем Учителю, мне не дадут», — успокаивал он своих родителей. После нескольких дней процесса Гесс был осужден на 18 месяцев тюрьмы и помещен вместе с Гитлером в крепость Ландсберг. Гесс получил камеру рядом с Гитлером, при этом двери камер никогда не запирались.

Находясь в заключении, Гитлер планировал будущее национал-социалистического движения и работал над книгой «Майн кампф» («Моя борьба»). Гесс играл при этом несколько ролей

сразу: партнера в споре, изобретателя рубрик и подопытной публики. Его прямое влияние на идейную конструкцию, которую Гитлер создал в своей книге «Майн кампф», было значительным. Гесс при этом был не только секретарем, который печатает рукопись для автора, но и консультантом. Прежде всего в книге Гитлера нашли отклик геополитические тезисы университетского учителя Гесса, генерала в отставке профессора Карла Хаусхофера. Студент Гесс был ассистентом профессора, часто бывал у него дома с частными визитами и научное кредо учителя сделал своим. Его основная идея гласила: «Немецкому народу не хватает витального (жизненного) пространства, которое можно найти только на востоке». Эта идея стала центральным стержнем и во внешнеполитической части книги «Майн кампф».

В Ландсберге Гитлер также разработал новую концепцию партийной борьбы. «Мы должны проникнуть в Рейхстаг, — заявил он. — Нам понадобится больше времени для того, чтобы победить марксистов по числу голосов, чем для того, чтобы их перестрелять, но, в конце концов, их собственная конституция гарантирует нам путь к успеху». В тюрьме узники пробыли недолго. Уже в декабре 1924 года Гитлера освободили под честное слово, а через некоторое время следом за ним вышел на волю и Гесс.

После освобождения из Ландсберга Гитлер начал добиваться своей цели легальными средствами. Предвыборные поездки, партийные мероприятия и речи, речи, речи — НСДАП начала свой долгий поход за голосами избирателей. На первых порах дело шло туго. НСДАП на выборах в Рейхстаг до 1930 года никогда не набирала больше 2 % голосов. В годы борьбы Гесс постоянно находился рядом со своим вождем. В качестве секретаря он составлял планы поездок и ездил вместе с Гитлером с одного мероприятия на другое. В официальной обстановке они обращались друг к другу на «Вы», в личных отношениях давно уже перешли на «ты». Остальные приближенные отмечали стабильно благожелательное отношение вождя к Гессу. В июле 1929 года Гесс был назначен личным адъютантом Гитлера.

Р. Гесс и А. Гитлер в 1930-е годы

В эти годы Гесс уже был чем-то вроде серого кардинала партии. Он занимался и сбором пожертвований, хотя все еще не имел никакого официального титула. Выгодные контакты с рурскими промышленниками были прежде всего делом Гесса. Их щедрые пожертвования позволили НСДАП опередить на очередных выборах все прочие партии.

Экономический кризис, безработица и агония правительства превратили НСДАП в массовое движение. На выборах в Рейхстаг в июле 1932 года партия получила 37 % голосов — больше, чем другие партии. Но ожидания Гитлера, что его назначат рейхсканцлером, не сбылись. Обе радикальные партии — национал-социалисты и коммунисты — достигли того отрицательного большинства, которое полностью блокировало работу парламента. В результате парламента был распущен.

В декабре 1932 года Гитлер назначил Гесса руководителем Центральной политической комиссии. Он стал своего рода генеральным секретарем партии с полномочиями,

которые на бумаге распространялись на все подразделения НСДАП. Вся партийная пресса и все депутаты, выбранные от НСДАП, были поставлены под контроль Гесса. А 30 января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером и уже 21 апреля назначил Гесса заместителем фюрера. Но с новым титулом не было связано никакое увеличение реальной власти. Заместителем Гесс считался только внутри партии, а в ней как руководитель Центральной комиссии он уже был формально вторым человеком по рангу после Гитлера. Для Гесса это повышение означало нечто другое: он стал самостоятельным публичным деятелем.

«Легенда МТШ», 14 февраля

С 0.00 заступил дежурить на ворота. Американец Новак, которого я сменил на дежурстве, поведал печальную весть: умер американский надзиратель Фаулер. Не стало «легенды МТШ». Вечная ему память!

В 1952 году «заключенный № 3» фон Нейрат тяжело заболел и находился при смерти. Директора уже разработали меры, которые следовало бы принять в случае его смерти. Предполагалось, что в случае кремации трупа вся процедура заняла бы три часа. За это время труп отвезли бы в крематорий и после краткого богослужения пепел доставили бы назад в тюрьму. Было решено сделать это в ночное время, поставив в известность полицию и соорудив ограждение, чтобы удержать демонстрантов подальше от тюрьмы. Умершего должны были сопровождать: тюремный пастор, директора, надзиратели и 20 человек караула. Чтобы вызвать как можно меньше инцидентов с толпой демонстрантов на улице, директора наметили отправить другую процессию в качестве обманного маневра. Координация маршрута движения и действий «процессии прикрытия» возлагалась тогда на Фаулера. Однако Нейрат поправился и в 1954 году был освобожден досрочно по состоянию здоровья.

В 1955 году по состоянию здоровья был освобожден «заключенный № 4» Эрих Рэдер, приговоренный Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению. 1 октября 1956 года по истечении десятилетнего срока заключения освобожден «заключенный № 2» Дёниц. В 1957 году по состоянию здоровья освобожден приговоренный к пожизненному заключению «заключенный № 6» Функ. Когда 16 мая в 14 часов 23 минуты он под руку с женой выходил из тюрьмы, Фаулер дежурил на воротах и закрывал за бывшим заключенным тюремную дверь. В МТШ оставались еще трое заключенных.

В 4.00 старший американский надзиратель Робинсон пришел из блока мне на смену. Я выразил ему соболезнование в связи со смертью Фаулера. Робинсон посетовал, что раньше американских надзирателей было четверо, а не пятеро, как предусмотрено Уставом тюрьмы. Теперь их осталось вообще трое. Поиск, проверка и оформление нового сотрудника займет определенное время, в течение которого американским надзирателям придется дежурить не по восемь часов, как обычно, а по двенадцать. Иначе невозможно соблюсти график дежурств по тюрьме и обеспечить одно из главных требований — одновременное нахождение на смене надзирателей из трех государств.

Я заступил на пост в блоке. Заключенный спит, в блоке тишина, все нормально. Около 7 часов утра пришел санитар Мелаоухи.

— Сегодня будем купаться, — сказал он мне и начал готовить ванну. Вопрос о купании был согласован санитаром с заключенным еще вчера. «Номер семь» проснулся, как обычно, долго потягивался, сделал легкую зарядку, потом вышел из камеры и отправился в ванную комнату. Санитар помог ему раздеться, залезть в наполненную ванну, а затем долго мыл его разными шампунями. Потом насухо вытер все тело махровым полотенцем, феном высушил голову. Процедура приема ванны завершилась. А тут и французский надзиратель Одуэн пришел мне на смену.

Французская инспекция, 17 февраля

С 8.00 дежурю на воротах. Утро ничем не отличается от других. Листаю оставленную кем-то в дежурном помещении западно-берлинскую газету. Небольшая заметка рассказывает о побеге двух жителей Восточного Берлина в Берлин Западный. Мужчина приобрел легковой автомобиль — подержанную иномарку. Самостоятельно изготовил поддельные дипломатические номера, полностью внешне соответствующие номерам автомобиля одного из дипломатических представительств, расположенных в Западном Берлине. Вечером вдвоём с женой они подъехали к контрольно-пропускному пункту, расположенному на границе двух Берлинов, — Чекпойнт Чарли. Этот КПП постоянно используют дипломаты для поездок из одной части города в другую, поэтому машина с дипломатическими номерами сначала не вызвала подозрений. Пользуясь сумерками и замешательством пограничников ГДР, семейная пара без остановки проехала два кордона. Когда объявили тревогу, их автомобиль был уже рядом с нейтральной полосой. Он резко набрал скорость, и легкий шлагбаум не смог его остановить. Нейтральная полоса на этом КПП очень маленькая, поэтому через несколько секунд беглецы были уже под охраной западноберлинских полицейских.

Часам к одиннадцати французский караул начинает строиться во внутреннем дворе тюрьмы. Как пояснил мне выходящий из МТШ секретарь Мукенгешай, ожидается инспекция коменданта французского сектора. Однако прошло полчаса, инспектирующий не появился. Французский караул вернулся в караульное помещение. Вероятно, что-то пошло не по плану.

После обеда иду дежурить в блок. Старший смены надзирателей англичанин Босуорт сразу дает пояснения: инспекция задерживается. Приход инспекции в блок намечен теперь на 14.00, поэтому прогулка у заключенного будет после инспекции и время прогулки сокращается. Нарушаю традиционную

послеобеденную дремоту заключенного, рассказываю ему об инспекции и изменении прогулки. Он в курсе сегодняшнего распорядка, но задержкой инспекции недоволен и что-то возмущенно бурчит себе под нос.

Вскоре в сопровождении советского и французского директоров в блок прибыл комендант французского сектора Западного Берлина бригадный генерал Поль Каварро. Он поинтересовался у Мелаоухи состоянием здоровья заключенного, зашел в комнату старшего смены и со всем окружением направился к камере. Я поздоровался с пришедшими и открыл дверь камеры. «Номер семь» встретил инспекцию, стоя у своей кровати. Генерал дежурно поинтересовался у него состоянием здоровья, получил ответ, что все нормально, и собирался выйти из камеры. Но заключенный вдруг взял со столика у кровати приготовленную заранее газету «Франкфуртер Альгемайне» и, показывая на большую дырку на странице — результат работы цензора, сказал:

— В этой газете испортили интересную статью о комете Галлея. Дайте, пожалуйста, указания, чтобы мне принесли эту статью.

— Хорошо, — кивнул в ответ Каварро, и процессия покинула блок.

Инспекция МТШ может быть полной или сокращенной, в зависимости от желания инспектирующего. Полная инспекция занимает примерно 40–45 минут, сокращенная — около двадцати. Сегодня француз провел сокращенную инспекцию. При полной инспекции осматриваются все помещения в блоке: телевизионная, гардеробная, библиотека, кладовая с личными вещами заключенного и другие. Кроме того, осматриваются кухня, где готовят пищу для заключенного, подвальные помещения, карцер, комната с гробом. При желании инспектирующий может осмотреть верхние этажи главного здания. Французский генерал все это уже видел, поэтому сегодня решил не тратить время понапрасну. Ему предстоит еще провести строе-

вой смотр личного состава караула и проверить несение службы часовыми на постах. А затем по традиции его ждет праздничный обед в нашей столовой в компании всех директоров тюрьмы и приглашенных лиц.

Инспекция закончилась. Я даю команду заключенному собираться на прогулку. Минут через сорок мы на лифте спускаемся вниз и идем в сад. Сделав два круга по центральной дорожке сада, «номер семь» направляется к садовому домику на отдых. Садовый домик появился в Шпандау в 1978 году. Кому принадлежит идея его установки, сегодня доподлинно неизвестно. Примерные размеры домика — три с половиной на два с половиной метра. Это легкое сооружение в форме прямоугольного параллелепипеда, очень напоминающее морской контейнер. Снаружи домик обшит белыми пластиковыми панелями. Некоторые надзиратели даже называют его «Белым домом», но это не нравится американцам. Домик расположен недалеко от центральной дорожки, тропинка к его дверям вымощена красным камнем. Дверь домика и маленькое окно смотрят на дорожку. А противоположная сторона домика, выходящая в сад, — полностью стеклянная с широкими раздвижными дверями. Внутри домика находится маленький журнальный столик, кресло, стул, две скамьи и вешалка для одежды. Вся мебель в домике легкая, и обстановка может быть быстро изменена. Возле кресла стоит торшер, включенный в розетку, с длинным проводом-удлинителем. Это позволяет перемещать светильник в любое место домика, не выключая из розетки. «Номер семь» использует торшер при чтении газет.

Я отпираю дверь домика, пропускаю вперед заключенного, захожу сам. «Номер семь» располагается в кресле у окна, я — на стуле. На окне есть Т-образная ручка, которую «номер семь» использует в качестве опоры, садясь в кресло и вставая. Очень удобно. Сегодня на улице теплая погода, светит солнце, и, несмотря на зиму по календарю, пахнет весной. У меня на родине это называется «февральские окна». Заключенный

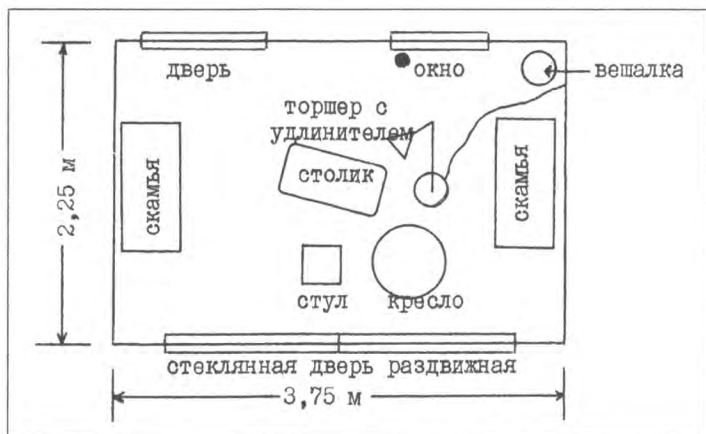

Схема садового домика

поднимается с кресла и просит меня переставить его поближе к стеклянной стене. Я переносу кресло, «номер семь» усаживается вновь. Он достает из кармана маленький будильник в футляре, переставляет стрелку звонка, ставит часы на столик. За стеклянной стеной великолепная картина зимнего сада: нетронутая снежная целина, деревья и кусты покрыты снегом, искрящимся на солнце. Изредка шапка снега срывается с веток деревьев. Вокруг тишина. «Номер семь» располагается удобнее, прикрывает глаза. Февральское солнце греет приветливо и комфортно через толстое стекло.

Через 15 минут звонок будильника прервал дремоту заключенного. Он потянулся, сидел еще немного, сложил будильник, встал и вышел наружу. Традиционные два круга по центральной дорожке сада — и мы возвращаемся в блок.

Истопник, 21 февраля

С 16.00 дежурю на воротах. Вошел французский караул. Вышел секретарь Сартор. Повар заключенного Моте закончил работу и покинул тюрьму. Истопник Икак Мата зашел в дежурную

комнату сдать ключи от котельной. Он загрузил уголь в бункер, проверил работу автоматики. До утра в тюрьме будет гарантировано тепло, Икак Мата может идти домой.

Чернокожий истопник — уроженец Экваториальной Гвинеи. Его страна получила независимость от Испании в 1968 году. В 1970 году Экваториальная Гвинея взяла курс на дружбу с СССР и другими социалистическими странами. В 1974 году Икак Мата — выпускник школы в гвинейском городе Бата, член Единой национальной партии трудящихся, был направлен на учебу в СССР в город Минск. За два года он освоил русский язык, а затем окончил экономический факультет Минского университета. Однако в 1979 году на его родине произошел военный переворот, президент страны и многие лидеры народного движения были убиты, тысячи людей оказались в тюрьмах. Национализированная прежним правительством частная собственность была возвращена бывшим владельцам. Страна ограничила сотрудничество с социалистическими странами и стала активно развивать отношения с Испанией и США. Возвращаться домой после окончания университета Икак Мата никак не мог. В Минске он женился на русской девушке Наташе, у них родилась дочь, но жить в СССР молодые люди не захотели. После нескольких переездов по европейским странам семья остановилась в Западном Берлине, Икак Мата работал дворником, рабочим на стройке, грузчиком. Наконец ему удалось устроиться истопником в тюрьму Шпандау, это значительный успех. Истопник не забыл язык своего племени — буби. Он знает испанский и французский — официальные языки его страны. Он в совершенстве владеет русским. Чтобы найти работу в Западном Берлине, Икак Мате пришлось выучить немецкий. А так как в МТШ много англоговорящего персонала, то в настоящее время истопник с успехом осваивает английский язык. Не во многих организациях мира уголь в котельной кидает такой полиглот!

Сейчас Икак Мата задержался у меня в комнате дежурного и жалуется на жизнь. Его жена — дипломированный врач, выпускница белорусского мединститута. Но в Западном Берлине не признают советские дипломы о высшем образовании. Кроме того, чтобы работать в такой социально значимой сфере, как медицина, иностранец обязан в совершенстве знать немецкий язык, а для этого пройти языковые курсы и сдать экзамен. Поэтому Наташа работает пока уборщицей в одной из больниц, учится на курсах.

Наш разговор прервал стук в дверь. Французский офицер просит открыть ворота, чтобы вывести сменившийся караул. Он уже построен у ворот во внутреннем дворе тюрьмы и только ждет команды для движения. Я прощаюсь с Икак Матой, выпускаю французских военных. Дежурство продолжается.

В 20.00 меня меняет американец Джордан. Я иду в блок. Около 9 часов вечера заключенный направляется в телевизионную комнату, я располагаюсь рядом. Мы смотрим новости. В мире ничего необычного не происходит. В Западной Германии идет борьба между партиями ХДС и СДПГ, в нее все активнее вмешиваются «зеленые». Франция ведет войну в Северном Чаде. После военного переворота формируется новое правительство Гаити. Советский Союз начал строить в космосе орбитальную станцию «Мир». Заключенный отдает мне пульт от телевизора, идет в туалет и готовится ко сну. Я переключаю канал за каналом и вдруг встречаю художественный фильм, рассказывающий о России начала века. Но сразу видно, что снимались не русские актеры, да и сцены русского быта показаны на западный манер. Я листаю программу телепередач. Фильм называется «Доктор Живаго», американская экранизация одноименного романа Бориса Пастернака*. В СССР этот роман,

* Имеется в виду фильм «Доктор Живаго» (*Doctor Zhivago*) режиссера Дэвида Лина, снятый в США в 1965 году по мотивам одноименного романа Бориса Пастернака с Омаром Шерифом в главной роли.

как и все творчество Пастернака, находится под запретом. Интересно, что же такого страшного написано в романе, что он попал под запрет?

Фильм дублирован на немецкий язык и, судя по программе, недавно начался. Вялотекущая любовная мелодрама на экране никак не затрагивает. Подобных сюжетов на местных телеканалах мелькают сотни. Но привлекает попытка американцев показать русскую жизнь так, как они ее представляют. Как же мало они о нас знают! Русские так не ходят, не жестикулируют да и чай пьют по-другому. Но постепенно сюжет затягивает, на неточности все меньше обращается внимания. На экране идет война: грохочет артиллерия, рвутся снаряды, в упор бьет пулемет. Вдруг из камеры заключенного доносится возглас:

— Ruhe!*

Все надзиратели знают, что таким образом «номер семь» дает понять, что он готов ко сну и просит соблюдать тишину. Лишать заключенного сна не входит в мои обязанности, поэтому я делаю звук телевизора тише. А телевизионный роман о любовном треугольнике продолжается. Но фильм явно затягивается по времени. Скоро завершение смены, конца фильма не предвидится, а я так и не понял, почему у нас в стране запретили это произведение Пастернака?

«Серый кардинал» Германии, 24 февраля

Еду на вечернюю смену в МТШ. Наш «Рафик» проезжает пригороды Потсдама, вырывается на автобан и направляется в сторону КПП Штаакен. Три автострады, построенные еще в 1930-е годы, расположены веером и связывают Западный Берлин с Западной Германией. Эти три дороги используются в основном для транзитных перевозок и поездок жителей Западного Берлина и Западной Германии. Но проходят они по

* Тишина! (нем.)

Рудольф Гесс выступает по радио с рождественским обращением к народу Германии

территории ГДР, поэтому весь транспорт на время поездки должен соблюдать законы этой страны. Полицейские ГДР призваны контролировать движение на автобанах, и они делают это мастерски. На участке дороги, где водители часто превышают скорость, в кустах у дороги располагается полицейский с прибором измерения скорости. Метров через 300–500 стоит автомобиль полиции, куда передаются данные от наблюдателя в кустах. После долгого стояния в очереди на пограничном контроле при выезде из Западного Берлина водители радуются свободе и жмут на газ. Тут их и поджидает возмездие. Штраф за превышение скорости составляет 30 марок ГДР. Но у транзитных водителей нет при себе марок ГДР, и им разрешается рассчитаться марками ФРГ. Это просто, так как официальный обменный курс восточной и западной марок, установленный в ГДР, — один к одному. На черном рынке за одну западную марку дают три восточных. За сутки по автобанам проходят десятки тысяч транзитных автомобилей.

Вечернюю смену я начал в блоке. Все идет своим чередом. «Заключенный № 7» поужинал и дремлет, полулежа в кровати с салфеткой за воротником, — умиротворенная картина. А ведь он был преемником Гитлера, которого по праву считают исчадием ада на земле. Как он им стал?

Я уже писал, что в апреле 1933 года Гитлер назначил Гесса своим заместителем по партии. Его основная функция состояла в том, чтобы обеспечивать выполнение партией задач, возложенных на нее фюрером, представлять позицию партии в государственных и законодательных органах с тем, чтобы «все полнее осуществлялись требования национал-социалистического мировоззрения». Партийной империи подчинялись сотни тысяч политических руководителей. Осенью 1933 года Гесс получил пост имперского министра без портфеля и стал полноправным членом правительства. Специальным указом на него был возложен контроль за всей деятельностью нацистского правительства и других государственных органов.

Для выполнения порученных ему задач Гесс создал организацию сродни министерской, которая в отдельных случаях исполняла функции того или иного министерства. Так, «ведомство Риббентропа» в Берлине должно было играть роль теневого министерства иностранных дел. Кроме того, под руководство Гесса была передана Заграничная организация НСДАП. Внешне она должна была держать немцев, проживающих за границей, в курсе всего происходящего в рейхе, позволяя им ощущать себя частицей германского общества. Под официальной вывеской фактически скрывалась служба пропаганды, пятая колонна, фактически разведывательная служба. По «вопросам технологии и организации» под началом доктора Фрица Тодта в Берлине была создана так называемая организация Тодта, прославившаяся строительством автострад и монументальных оборонных комплексов и имевшая прочные связи во всех сферах германской промышленности. Управление организацией осуществлялось из канцелярии «заместителя фюрера».

Под контролем Гесса был также создан департамент народного здравоохранения с двумя вспомогательными службами «по расовой политике» и «по исследованию родства», функции которых состояли в выявлении еврейской крови. К 1939 году подобных подразделений в прямом подчинении Гесса насчитывалось более двадцати, наиболее важным из которых был Центр связи и разведки. Таким образом, секретарь, всегда работавший рядом с Гитлером, превратился в главу учреждения.

Очень быстро Гесс завоевал народную любовь и наряду с Герингом стал самым популярным политиком Германии — после Гитлера, разумеется. Его влияние на массы было огром-

Рудольф Гесс и Вячеслав Молотов

ным. Его рождественские обращения по радио, проводимые под его руководством ритуальные массовые принесения при­сяги Гитлеру при свете факелов и под барабанную дробь, речи, которые он с пылающими глазами произносил на партийных съездах, — всем этим Гесс внес большой вклад в становление национального самосознания Германии.

Гесс принял активное участие в выработке законодательных норм против евреев. Начиная с марта 1933 года евреи легальным путем постепенно вытеснялись из жизни германского государства, чему, в частности, способствовал и подписанный Гессом декрет, исключавший их право требовать компенсации за понесенный ущерб в результате погромов. Затем появил­ся закон, запретивший евреям состоять на государственной службе. Шаг за шагом запреты распространились на трудовую деятельность и в других профессиональных сферах. В сентябре 1935 года печально знаменитые Нюрнбергские законы, защищавшие «германскую кровь и честь», запретили браки и внебрачные отношения между евреями и гражданами германской и родственной ей крови. Он был подписан Гитлером как руководителем государства, имперскими министрами внутренних дел и юстиции и заместителем фюрера Рудольфом Гессом — имперским министром без портфеля.

После реорганизации Гитлером военного и политического руководства 4 февраля 1938 года Гесс вошел в состав так называемого Тайного кабинета. 30 августа 1939 года он стал членом исполнительного Совета по обороне.

1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Адольф Гитлер выступал перед депутатами Рейхстага. Он появился на заседании в новеньком полувоенном мундире без знаков различия:

— Я не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом Германского рейха. Вот почему я снова надел тот мундир, который с давних времен был для меня самым святым и дорогим. И сниму его только после победы, ибо поражения я не

переживу. Если в этой борьбе со мной что-то случится, моим первым преемником станет мой товарищ по партии Геринг. Вы будете обязаны подчиняться ему, как фюреру, с такой же слепой верой и повиновением, как и мне самому. Если же что-нибудь случится и с Герингом, следующий на очереди мой преемник — партайгеноссе Гесс.

Обычный день, 26 февраля

С 8.00 заступаю старшим смены. Очень удивляюсь при входе в МТШ, потому что, гремя ключами, дверь отпирает сам американский директор тюрьмы Кин.

— Господин Кин, вас понизили в должности и перевели в надзиратели? — с улыбкой интересуюсь у него.

— Да, не справился с обязанностями директора, — шутит он в ответ.

На самом деле все объясняется просто. После смерти Фаулера американские надзиратели остались втроем и вынуждены дежурить не по восемь, а по двенадцать часов. Устав МТШ не запрещает такую практику, главное — соблюдается основное правило: наличие на смене представителей трех государств. Однако работу по двенадцать часов не одобряет американское трудовое законодательство, накладывающее жесткие ограничения на максимальное количество часов, которые работник должен отработать за неделю. Американцы уже ведут работу по оформлению нового надзирателя, но это не делается быстро. Поэтому американскому директору приходится регулировать ситуацию с рабочим временем и иногда самому выходить на смену в качестве надзирателя, чтобы соблюдать нормы американского трудового законодательства в отношении своих подчиненных. Сегодня директор Кин отработал ночную смену в блоке и на воротах, и американский надзиратель Новак в ближайшее время подойдет ему на смену. Я желаю Кину хорошего завершения дежурства и иду в блок.

Господин Кин работает в МТШ в качестве американского директора уже почти 14 лет с 1972 года. Но более известным во всем мире является его предшественник — Юджин К. Берд. Подполковник Берд был кадровым военным, служил в американском секторе Западного Берлина, а с 1964 по 1972 год занимал должность американского директора МТШ. Пользуясь своим служебным положением, американец собирал материал для книги и вел с «заключенным № 7» беседы на различные, в том числе запрещенные темы, пытаясь, в частности, выяснить: знал ли Гитлер о подготовке полета Гесса в Великобританию в 1941 году? Знал ли Гесс о плане нападении Германии на Советский Союз до своего вылета? Берд записывал беседы с заключенным на магнитофон, при этом пытаясь сохранить в тайне свою деятельность. Но американские спецслужбы узнали о неформальных контактах директора с заключенным и сделали доклад главе миссии США в Берлине. Берд был допрошен, помещен под домашний арест, а затем снят с должности американского директора МТШ. На этом закончилась и военная карьера подполковника. После отставки Берд остался жить с семьей в Западном Берлине. Правительство США официально запретило Берду публиковать книгу о Гессе. Но бывший директор игнорировал запрет. В 1974 году в Лондоне вышла его книга «Самый одинокий человек в мире: история о 30-летнем тюремном заключении Рудольфа Гесса». И хотя книга не вызвала эффекта разорвавшейся бомбы и не привела к раскрытию ранее неведомых межгосударственных тайн, но дала повод для новой активизации движения за освобождение Гесса во многих странах.

Помимо американца Новака вместе со мной на дежурстве еще француз Пэнсар. «Номер семь» жалуется на легкое недомогание, поэтому санитар Мелаоухи проводит более глубокое обследование заключенного с помощью медицинского оборудования, имеющегося у него в кабинете. «Номер семь» расположился на кушетке в комнате санитара, а Мелаоухи подклю-

ет к нему то одни, то другие датчики, снимает кардиограмму, измеряет давление и температуру. Через некоторое время осмотр заканчивается, по длинному тюремному коридору заключенный отправляется в свою камеру. Интересуюсь результатами обследования. По мнению санитаря, у «Деда» есть проблемы с работой сердца, периодически бывает нарушение сердечного ритма. Вероятно, на фоне легкой простуды появилось некоторое дополнительное недомогание. Но санитар не может сам ставить диагноз. Результаты обследования он передаст директорам, а те врачу французской стороны, так как сейчас в тюрьме «французский» месяц. Французский военный врач обсудит этот вопрос со своими коллегами-союзниками на очередном заседании врачей, и они совместно поставят диагноз и назначат лечение. При необходимости врачи проведут дополнительное обследование, а могут даже рекомендовать директорам пригласить нужного врача-специалиста со стороны.

Около 10 часов в дверь блока позвонили. Я открыл. Пастор Габель пришел к заключенному для проведения религиозной службы. На нем сутана, на груди большой крест, в руках Библия. Пастор с заключенным направились в камеру, в которой стоит клавесин. Пастор включил проигрыватель, поставил пластинку, и они вдвоем стали слушать музыку. По-моему, Бетховен. Когда пластинка закончилась, пастор открыл Библию и стал вслух читать псалмы. Завершив чтение, собеседники перешли к неспешному тихому разговору. Наблюдение за заключенным и процессом религиозной службы является обязанностью надзирателя в блоке. Но Пэнсар читает газету, сидя в своем кресле. Да и о чем волноваться? Габель уже девять лет является тюремным пастором и практически каждую неделю посещает заключенного. Он офицер армии союзников, а значит, к нему должно быть полное доверие. К тому же Габель и Пэнсар — соотечественники-французы. Однако все надзиратели знают, что пастор уже имеет замечания от дирекции тюрьмы за беседы с заключенным, выходящие за рамки его обязанностей, а год

назад он получил даже письменное уведомление от британского директора следующего содержания:

«Мне поручено от имени дирекции напомнить Вам действующие правила относительно отношений с заключенным № 7. Инструкция от 1947 года запрещает любую разновидность личных отношений с заключенным. Ваша духовная деятельность не дает Вам в этом отношении никакой особенной привилегии. Дирекция с сожалением восприняла известие, что Вы обсуждали с заключенным статью, появившуюся недавно в немецком журнале "Бунте". Дирекция надеется, что это нарушение правил останется исключением».

Пастор с заключенным вместе прочитали молитву «Отче наше», и служба на сегодня закончилась.

Морель, 28 февраля

Сегодня ночь я работаю «чифом». Заключенный спит, в тюрьме тишина. Французский надзиратель Морель, дежурящий в блоке, заходит ко мне в комнату старшего смены. Он наливает себе кофе, располагается на диване. Морель — любитель бульварных романов. Небольшие книжечки в мягких обложках он читает на каждом дежурстве. А еще Морель любит французское вино. Маленькая фляжка с красным вином постоянно скрывается в его карманах. Невысокого роста седой француз с добрым лицом работает в МТШ почти 30 лет. В ноябре 1959 года именно Морель обнаружил Гесса в постели, истекающего кровью. Заключенный пытался покончить собой. Для этого он разбил стекло своих очков и осколками разрезал вену поперек запястья. «Номер семь» использовал представившуюся возможность, когда Ширах и Шпеер работали в саду в присутствии надзирателя. Морель перетянул заключенно-

му руку и поднял тревогу. Вскоре прибыл советский врач. Он осмотрел рану и заявил, что имела место попытка сознательного самоубийства. Под местной анестезией врач тут же в тюрьме зашил рану. После этого случая у Гесса были изъяты все острые предметы: очки, ручки и даже зубные протезы. Эти вещи он теперь мог использовать только под надзором.

Старина Морель хорошо помнит, что в те времена отношения между тремя заключенными были очень натянутыми, они были вынуждены приспосабливаться друг к другу. Особенно большой антагонизм существовал между Ширахом и Гессом, и Шпееру приходилось играть роль моста в отношениях между двумя соседями по камере. Один из директоров тюрьмы в докладной записке констатировал: «Ширах ненавидит Гесса». Однажды Ширах подошел к Морелю, который в тот момент дежурил в блоке, и рассказал, что Гесс не выполнил порученную ему работу по уборке. Морель сделал Гессу замечание и вместе со старшим надзирателем заставил его закончить уборку.

В 1965 году у Ширахы возникли проблемы со зрением: отслоилась сетчатка, и он практически ослеп. Требовалась операция. Между директорами тюрьмы возникла длительная и жаркая дискуссия о целесообразности перевода Ширахы в госпиталь. Британский и американский врачи настаивали на направлении заключенного в госпиталь для обеспечения качественного лечения. Советская сторона считала, что операция может быть проведена прямо в тюрьме. И все-таки директора пришли к согласию о проведении операции в британском военном госпитале. Морель сопровождал Шираху при перевозе в госпиталь и может рассказать, что надзиратели столкнулись в ходе этой госпитализации с большими проблемами. Это был первый случай временного вывоза заключенного за пределы тюрьмы, порядок действий не был отработан. Госпиталь не был приспособлен для содержания военного преступника, для обеспечения полной безопасности. Кроме того, пришлось организовывать дежурство надзирателей сразу в двух местах: в тюрьме

и в госпитале. Тем не менее все трудности были преодолены. Английский военный офтальмолог сделал Шираху операцию. Однако зрение не улучшилось. Вскоре Ширах был возвращен в тюрьму. Через некоторое время французский директор МТШ выступил с предложением о проведении повторной операции с использованием новой технологии — лазерного луча. Для этого предлагалось пригласить немецкого профессора Майера-Швинерата из Эссена. И снова директора вели долгие споры о возможности такой операции. Ведь в соответствии с уставом МТШ оперировать нацистского преступника может только врач одной из четырех держав. В конечном итоге, после согласований вопроса в Москве, Лондоне, Вашингтоне и Париже, согласие было достигнуто. Немецкий профессор прибыл в Берлин и провел операцию. К Шираху вернулось зрение.

А 1 октября 1966 года Морель был старшим ночной смены надзирателей, как я сейчас. Несколькими часами ранее, ровно в полночь 30 сентября, Шпеер и Ширах покинули тюрьму, их двадцатилетний срок заключения закончился. В МТШ остался только «заключенный № 7». В то утро, в 6 часов, американский надзиратель, дежуривший в блоке, разбудил заключенного, выдал ему очки. «Номер семь» заправил постель, пошел в туалет, не посмотрев ни разу на камеры своих товарищей по заключению, и вернулся назад, на завтрак. Морель вместе с американским надзирателем контролировал все движения заключенного. Состояние его было подавленным, существовала опасность, что он вновь может попытаться покончить с собой.

Мы пьем с Морелем кофе и беседуем о берлинской погоде, о том, что городская слякоть уже надоела, как и вся зима. Но скоро придет весна, и это радует. Француз допил кофе, вымыл чашку, достал из кармана книжку с романом и отправился на свое место дежурства в блок.

Директора, 6 марта

Лучи утреннего весеннего солнца сквозь жалюзи на окнах проникают в комнату дежурного на воротах. Здесь у меня началась дневная смена. На улице чувствуется запах наступающей весны, который навевает далекие от работы мысли. Но трудовой день начался, надо работать.

Около 10 часов в тюрьму приехал советский директор подполковник Черных. Сегодня четверг — день заседания директоров. В этом месяце Черных председательствует на заседании, поэтому ему необходимо проверить готовность к подписанию проекта совместного протокола, составленного по результатам предыдущего заседания. Кроме того, надо еще раз уточнить формулировку вопросов, которые он сегодня предложит рассмотреть своим коллегам. Вскоре прибыл британский директор подполковник в отставке Ле Тиссьер. За ним появляется дуайен директорского корпуса — американский директор господин Кин. Последним из директоров в ворота МТШ я впускаю французского директора господина Планэ. Директора совместно несут коллективную ответственность за безопасность тюрьмы, но каждый из них, кроме того, также курирует какую-либо сторону деятельности администрации. Советский директор отвечает за наем и организацию работы несоюзного персонала. На британского директора возложена эксплуатация и поддержание в надлежащем состоянии всех тюремных построек. Кро-

ме того, он осуществляет связь с оккупационными властями, ведь Шпандау находится в британском секторе Берлина. Задача американского директора в МТШ — закупка и обеспечение функционирования технических систем и оборудования. Французский директор контролирует всю финансовую деятельность тюрьмы.

Господин Планэ — всего третий французский директор за всю историю МТШ: в кадровом вопросе французы придерживаются тактики стабильности. Британцы меняли своих директоров 14 раз, американцы — 15. Подполковник Черных — 21-й советский директор тюрьмы.

В зависимости от актуальности и остроты обсуждаемого вопроса заседания директоров могут длиться один час, а могут и десять. По любому обсуждаемому вопросу необходимо достижение полного единогласия всех четырех сторон. Если единогласия достичь не удастся, любой из директоров обладает правом вето, аналогично применяемому в ООН.

В комнате заседаний директоров стоит большой стол, за которым и проходят переговоры. Помимо директоров на них присутствуют переводчики и секретари тюрьмы в качестве стенографистов. Заседания директоров проводятся постоянно, несмотря на любую сложность международной обстановки. Они шли и в дни строительства Берлинской стены, и в дни знаменитого танкового противостояния на переходе Чекпойнт Чарли. Были моменты, когда замирали всякие контакты между правительствами СССР и других стран-союзников, но и тогда дискуссии в Шпандау продолжались, и тюрьма служила своеобразным мостом между Востоком и Западом. В МТШ ходит легенда, что в конце октября 1962 года, в самый разгар Карибского кризиса, когда мир стоял на пороге Третьей мировой войны, на очередном заседании директоров МТШ до позднего вечера шли споры по двум вопросам: нужно ли забирать у заключенного Гесса матрац для того, чтобы он поднялся, и нужно ли приобретать новый коленный бандаж для Шираха.

Изменения на границе, 10 марта

Я еду на утреннюю смену. На КПП Штаакен появилось новое сооружение. Почти на самом выезде с территории ГДР в нейтральную зону смонтировано новое заграждение — движущийся заградительный барьер. Огромный бетонный стержень сечением примерно метр на метр и длиной метров пять установлен на маленькие железнодорожные колеса и ходит по рельсам, перегораживая трассу и намертво преграждая путь любой технике. В обычном состоянии барьер отодвинут с проезжей части, заторможен стопором и с помощью нескольких больших пружин находится во «взведенном» состоянии. При попытке силового прорыва в сторону Берлина на любом автотранспорте дежурный нажимает кнопку, освобождается стопор, и барьер перекрывает дорогу. Прорваться в Западный Берлин на автомобиле на КПП Штаакен теперь вряд ли возможно.

На территории Западного Берлина навстречу нам выстроилась многокилометровая пробка легковых и грузовых автомобилей. Сегодня суббота, и тысячи западных берлинцев на выходные дни стремятся выехать на отдых в Западную Германию на своих автомобилях. Западноберлинская полиция никаких проверок не проводит, только упорядочивает выезд в нейтральную зону. А вот пограничники ГДР работают в поте лица, но пропускной способности КПП не хватает для такого потока машин. Поэтому пробка на переходе каждую неделю начинается выстраиваться с вечера пятницы.

О Горбачеве, 18 марта

Весна все больше дает о себе знать. На кустах и деревьях в саду МТШ набухают почки. Но сегодня дует ветер и на улице ощущения комфорта нет. «Заключенный № 7» как обычно прошелся по садовой дорожке, и мы с ним сидим в садовом домике. Здесь уютно. Я листаю газету, заключенный дремлет в своем

кресле. Через некоторое время будильник нарушает его сон. Несколько раз зевнув, потянувшись и окончательно проснувшись, он тоже берет газету и вдруг спрашивает:

— Ну, как Горбачев?

Не так давно в Москве прошел очередной съезд Коммунистической партии Советского Союза*, и западные издания неоднократно писали об этом событии. Их привлекает новый многообещающий термин «гласность». Избранный год назад генеральный секретарь ЦК КПСС им тоже во многом импонирует. Вот и сейчас «номер семь» увидел в газете фотографию Горбачева и решил поинтересоваться.

Я начинаю рассказывать, что пришел новый руководитель страны, молодой, и у людей с ним связано много надежд на то, что жизнь будет еще лучше. «Номер семь» с легкой улыбкой замечает:

— Молодой. Совсем молодой.

Он теряет интерес к беседе так же быстро, как и начал ее.

Питание заключенного, 22 марта

День я сегодня работаю старшим смены. Около 12 часов раздастся звонок в дверь. Я открываю. С тележкой, на которой возят пищу заключенному, у двери стоит повар Коррейя Дос Рейс. Я забираю тележку, закрываю дверь. Два повара готовят еду для заключенного: португалец Коррейя и индеец Моте. Их кухня расположена на цокольном этаже главного здания тюрьмы. Три раза в день, приготовив пищу, повара привозят ее на тележке к дверям блока и передают старшему смены надзирателей. Я открываю салфетку, накрывающую тележку. Сегодня на обед «номеру семь» приготовлен португальский суп-пюре и тушеная треска с овощами. Португалец любит готовить свои националь-

* Имеется в виду XXVII съезд КПСС, проходивший с 25 февраля по 6 марта 1986 года.

ные блюда, а заключенный доволен такой кухней. Я передаю тележку санитару, и Мелаоухи везет ее в блок к камере.

Диетическое питание рекомендовано для заключенного директорами несколько лет назад. А раньше все было по-другому. В соответствии с Уставом МТШ калорийность питания заключенных в Шпандау должна соответствовать норме немецкого тюремного пайка. Дополнительное питание могло выдаваться только по предписанию офицера-врача в связи с болезнью заключенного или в связи с его слабым физическим состоянием. В начальный период работы МТШ это требование неукоснительно соблюдалось. Но со временем западные партнеры в свои дежурства стали баловать узников и улучшать их меню. Вопрос о рационе питания был в те годы одним из самых конфликтных в обсуждениях союзников. Директора и военные врачи месяцами спорили о том, сколько калорий необходимо для каждого заключенного. Зимой, когда заключенные работали только в блоке, клеили конверты, все соглашалось с рационом питания по третьей категории. Но когда заключенные выполняли тяжелую работу в саду, западные союзники настаивали на введении второй категории (1999 калорий в день). Одним из аргументов было то, что заключенные в Шпандау в отличие от заключенных других тюрем не могут получать передачи продуктов. Советская сторона не соглашалась со второй категорией. Вопрос питания вышел за пределы тюрьмы и обсуждался в посольствах и даже правительствах стран-союзников.

Показательной является директива, полученная американским директором от своего руководства и прямо предписывающая в месяц американского председательствования «производить позволительное улучшение норм снабжения и увеличение питания для заключенных, страдающих сахарным диабетом или анемией». Для этого полагалось получить «в небольшом количестве масло, мармелад, мясо и сухое молоко». Дополнительный паек ни в коем случае не должен был превышать 1000 калорий. При этом американскому директору было реко-

мендовано: «Все соглашения об обращении с заключенными, которые мы подписали вместе с тремя державами, интерпретируйте гуманно и великодушно».

Курт Вальдхайм, 28 марта

Заключенный что-то пишет, сидя на кровати в камере. Я перебираю предназначенные для него газеты, лежащие на столике в коридоре. У меня вечерняя смена в блоке. Надо скоротать время и что-нибудь почитать. Но сегодняшняя пресса, как никогда ранее, полна больших дыр — результат работы цензоров. Пару дней назад газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью, обвинявшую бывшего генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма в участии в военных преступлениях нацистов во время Второй мировой войны. Ранее эта информация не была известна мировой общественности. Вероятно, она и дальше оставалась бы секретной, но сейчас Курт Вальдхайм стал кандидатом в президенты Австрии. Скоро выборы, и соперники наносят удар. Конечно, окончательный выбор будут делать граждане Австрии, однако бывший генеральный секретарь ООН — фигура глобального масштаба. Поэтому информационные агентства мира на все лады склоняют и развивают появившуюся новость о нацистском прошлом кандидата. Последствия этого мирового бума конкретно для МТШ — большие дыры на многих страницах во всех четырех разрешенных газетах.

Читать в газетах нечего, я иду в телевизионную комнату, переключаю канал за каналом. Советский Союз направил первую экспедицию на новую космическую станцию «Мир». Заключенному будет интересно. Ливийские ракетные катера пытались атаковать американскую авианосную группировку в Средиземном море. Два ливийских катера потоплены, потерь у американского флота нет. Интересно, зачем Ливии атаковать хорошо охраняемые авианосцы? Но основная новость — Курт

Вальдхайм и его военная служба. Документальные кадры о расцвете нацизма и нацистских преступлениях идут по всем каналам. В одном из роликов мелькает наш «заключенный № 7» рядом с Гитлером в роли «заместителя» на партийном съезде. На другом канале вижу его рядом с Герингом во время судебного процесса в Нюрнберге. А ведь это все запрещенная для заключенного информация. В программе телепередача нет никаких пометок цензора. Но они и не могли заранее предвидеть такой вал информации о нацизме по всем каналам. Запретить полностью просмотр телевизора? Для этого потребуется единодушное решение директоров. Пока оно будет достигнуто, история с Куртом Вальдхаймом уже забудется. Поэтому, если «номер семь» решит традиционно посмотреть перед сном новости, то французскому надзирателю Парамону, который сейчас дежурит на воротах, придется на месте принимать решение, что запретить, а что разрешить смотреть. Впрочем, Парамон, как это часто бывает, вполне может остаться сидеть в своем кресле и даже не войти в телевизионную комнату. В этом случае заключенный останется один на один со своим запретным прошлым.

Слежка, 30 марта

Через контрольно-пропускной пункт Штаакен въезжаем на территорию Западного Берлина. И вдруг сразу после КПП за нашим «Рафиком» пристраивается черный «Опель». Сначала не обращаю на него внимание, но через какое-то время становится понятно, он следует именно за нами. Кто это и что хочет? Может быть, это британская военная полиция усилила меры безопасности в своем секторе и негласно охраняет нас от возможных инцидентов? А может, наоборот, члены неонацистской организации, выступающей за свободу Гесса, отслеживают передвижение надзирателей МТШ? Тогда с какой целью? Взорвать? Расстрелять?

С широкого проспекта сворачиваем на тихую улочку Вильгельмштрассе, на которой расположена МТШ. Автомобильного движения здесь практически нет. «Опель» следует за нами. Слева от дороги начались казармы британской пехотной бригады, до въезда в тюрьму остается метров двести. «Опель» снижает скорость и сворачивает с дороги в переулок направо. Кто это был?

Врачи, 3 апреля

Сегодня «заключенному № 7» предстоит медицинский осмотр. Он проводится каждый месяц всеми четырьмя союзными врачами. Если же у заключенного возникают какие-то проблемы в течение месяца, то врач председательствующей стороны в любое время суток готов прибыть в Шпандау по звонку старшего дежурного надзирателя. Помимо медицинского осмотра в этот день проходит и заседание союзных врачей, а вместе с ним и своеобразная передача ответственности за здоровье заключенного от одного врача другому. Сегодня советский врач «передает» опеку над заключенным американскому врачу. Осмотр «номера семь» проводится в комнате санитаря, в которой имеется и некоторая аппаратура для диагностики. Мелаоухи тоже слегка волнуется: как коллеги-доктора оценят его деятельность?

«Заключенный № 7» в сопровождении надзирателя приходит в комнату для осмотра, санитар помогает ему разместиться на кушетке. Я как старший смены тоже обязан присутствовать на этой процедуре. Через некоторое время раздается звонок в дверь, и я впускаю в блок четырех союзных врачей.

Консилиум начинается с вопроса к заключенному о его самочувствие. Сначала «номер семь» жалуется на небольшие боли в области желудка. Потом рассказывает о проблемах с мочеиспусканием. Судя по лицам врачей и уточняющим вопросам, все эти проблемы им уже знакомы. Но вдруг заключенный заявляет:

— В последнее время у меня появились трудности с работой сердца. Я чувствую, что сердце бьется неравномерно, то замедляясь, то ускоряясь. Прошу установить мне кардиостимулятор.

Честно говоря, я слышал о такой штуке, но что это конкретно, не знаю. А «номер семь» говорит уверенно и со знанием дела. Когда он так подготовился? Американский врач на правах старшего пытается объяснить заключенному, что для установки кардиостимулятора нужна операция, а в его возрасте любая операция может быть опасна. Поэтому рекомендовать или не рекомендовать операцию можно будет только после всестороннего обследования и длительного наблюдения. Но «номер семь» непреклонен:

— Я знаю, операция проходит без общего наркоза. Поэтому думаю, что она не опасна.

Врачи не стали продолжать дискуссию, а перешли непосредственно к осмотру пациента. Потом заключенного попросили вдохнуть воздух и подуть в трубочку, проверили объем легких. Затем санитар измерил температуру, давление, разложил заключенного на кушетке и подключил датчики электрокардиографа.

Я уже знаю, что если врачи решатся на операцию или какое-то серьезное лечение, то это будет происходить в британском военном госпитале. Там имеется специально оборудованная палата, готовая в любой момент принять заключенного. В этом случае старший дежурный надзиратель и надзиратель в блоке будут дежурить в госпитале возле заключенного, а в МТШ останется только один надзиратель у главных ворот.

Осмотр закончился. Врачи объявляют «заключенному № 7», что состояние его здоровья за месяц существенно не изменилось и соответствует возрасту. Санитару ставится задача — продолжить прием препаратов, назначенных ранее союзными врачами. Все расходятся по своим местам.

Взрыв в «Ла Белль», 5 апреля

Суббота. Утром еду на дежурство. Сразу при въезде в Западный Берлин отмечаю, что что-то случилось. На пропускном пункте усиленный наряд западноберлинской полиции. Почти на каждом перекрестке стоят британские военные патрули. Въезд на территорию британского военного городка недалеко от тюрьмы охраняет бронетранспортер. У нашего тюремного шлагбаума дежурит машина берлинской полиции.

На завтраке французский надзиратель Пэнсар объясняет мне, что ночью взорвали военных в американском секторе Берлина. Есть погибшие. Больше он пока ничего не знает. Позавтракав, иду в тюрьму. Дежурный на воротах британец Орвин встречает меня вопросом: «Ты знаешь?..» Я пока мало знаю, Орвин тоже. Он еще не сменился с дежурства. Я беру ключи, иду в блок. По ходу здороваюсь со старшим дежурным надзирателем. Заключенный занят обычными утренними процедурами под руководством санитаря. Все нормально, можно включить телевизор и посмотреть новости. Однако пока идут отрывочные и противоречивые сюжеты о произошедшем. И только часа через два складывается общая картина случившегося.

Ночная дискотека «Ла Белль» (La Belle) — излюбленное место отдыха американских военнослужащих, расквартированных в Западном Берлине. В эту ночь на субботу она также была полна. Около часу ночи в помещении прогремел взрыв. Есть погибшие и много раненых. Количество пострадавших, по информации разных каналов, разное, но счет идет на сотни. Американские военные и западноберлинская полиция ведут расследование.

Библия, 7 апреля

Ночная смена на воротах. За окном спит Берлин. В дежурной комнате полумрак. Горит настольная лампа. В такое время удобно читать и размышлять о жизни. На тумбочке в углу,

как всегда, стопка свежей прессы, оставленной надзирателями. Но сегодня поверх газет лежит книга в хорошем синем переплете. Оказывается, Библия на русском языке. Не спеша листаю фолиант и отмечаю золотое тиснение на обложке, хорошую отбеленную бумагу, качественную печать. Как она оказалась здесь? Ясно, что принес ее кто-то из союзных надзирателей. Понятно также, что принесли специально для советских представителей. Зачем? Помочь скоротать время ночного дежурства? Приобщить к религии?

Во время обучения в университете у меня был предмет «научный атеизм». Даже зачет и экзамен были. Нам рассказывали, как критически подходить к написанному в Библии, как опровергать ее постулаты. Но саму Библию я держу в руках первый раз в жизни. Поэтому с интересом листаю страницы и просматриваю содержание, пытаюсь вспомнить университетский курс обучения, сравнить написанное с изученным в те годы. «Научный атеизм» на математическом факультете университета преподавали совсем мало да и не придирались сильно. Поэтому что-то из былых знаний уже стерлось в памяти. Но чтение самой Библии не захватывает, очень много непонятных моментов. Нужен переводчик с русского на русский или толкователь написанного. Через какое-то время откладываю книгу в сторону.

Пресса, лежащая на тумбочке в дежурке, ничья, а точнее — общественная. Любой надзиратель может как положить туда газету или журнал, так и взять. Поэтому Библию с тумбочки я смело могу забрать себе в качестве сувенира. Смущает одно: книга выпущена в издательстве «Посев», являющемся издательством антисоветского Народно-трудового союза (НТС), базирующегося в ФРГ. В советской прессе и по телевидению неоднократно рассказывалось о провокациях, проводимых членами этой организации. Может, и сегодня случайная русскоязычная Библия — начало провокации? Я возвращаю книгу в стопку прессы на тумбочку.

Подготовка к войне, 13 апреля

Сидим с «заключенным № 7» в телевизионной комнате и смотрим вечерние новости. В результате расследования взрыва в дискотеке «Ла Белль», произошедшего несколько дней назад, американцы пришли к выводу, что виновата Ливия. Ей предъявлен ультиматум: или выдать виновных во взрыве, или ее будут бомбить. На экране телевизора показывают американские авианосцы «Америка» и «Корал Си», перемещающиеся к берегам Ливии. Но «номера семь» больше интересуют американские бомбардировщики FВ-111, которые на авиабазе в Великобритании готовятся к вылету. На экране телевизора показывают, как к самолетам подвешиваются бомбы и ракеты, производится заправка. Совсем не верится, что это по-настоящему. Ведь настоящая война должна начинаться тайно, а не с демонстрации готовности к ней всему миру. Да и потом, от Великобритании до Ливии довольно далеко. Смогут ли самолеты долететь, отбомбиться и вернуться назад? Конечно, можно бы спросить мнение заключенного по этому вопросу. Много лет назад он после почти шести часов одиночного полета вывел свой самолет точно к намеченной точке над чужой территорией. Но «заключенный № 7» уже покидает телевизионную комнату и идет готовиться ко сну.

Радиостанции на машинах, 18 апреля

Доклад о слежке при следовании в МТШ по территории Западного Берлина и взрыв в американском секторе привели руководство Группы советских войск в Германии к решению о повышении мер безопасности советских надзирателей при поездках на дежурство. На каждый из автомобилей, совершающих поездки в МТШ, теперь установлена радиостанция. Дежурный в Потсдаме постоянно находится на связи. Разработана специальная кодовая таблица, с помощью которой можно сообщить

о своем местонахождении и о возникшей нештатной ситуации. Мы верим, наши своих в беде не бросят!

День рождения, 26 апреля

Сегодня «заключенному № 7» исполнилось 92 года. Я заканчиваю дневное дежурство в блоке, пора ехать домой. В течение дежурства ничего не говорило об особенностях сегодняшнего дня, он ничем не отличался от других. Не было ни праздничного торта, ни зажженных свечей, ни пышных речей. Никто не приходил к заключенному с поздравлениями. Интересно, а сам-то он помнит, что у него сегодня день рождения?

Наш «Рафик» выезжает за тюремный шлагбаум, но проезд по Вильгельмштрассе перекрыт. Несколько полицейских машин с мигающими маячками, металлические ограждения, полицейские с пластиковыми щитами и дубинками в руках — все говорит о том, что дело серьезное. За полицейским оцеплением видна группа агрессивно настроенных молодых людей с нацистскими эмблемами. Над ними развернут плакат, призывающий к освобождению Рудольфа Гесса. Неонацисты что-то кричат, вскидывают руки вверх в фашистском приветствии и пытаются теснить полицейский кордон. Они рвутся поближе к тюрьме. Полицейские быстро выхватывают из толпы одного из нападавших, заламывают руки и уводят в полицейский фургон. Действие продолжается дальше.

Регулирующий движение полицейский показывает нам, что нужно ехать в объезд. Мы трогаемся с места. Видно, что день рождения бывшего «заместителя фюрера» вне стен тюрьмы отмечается более активно, чем внутри.

Мистер Лонг, 5 мая

По пути на завтрак в столовую встречаю британского надзирателя мистера Лонга.

— Здравствуйте, господин Плотников! — говорит он с улыбкой и протягивает мне руку в тонкой лайковой перчатке. Среди моих знакомых не принято пожимать руку в перчатке, да и снять перчатку перед рукопожатием считается у русских признаком хорошего тона. Но мистер Лонг — это особый случай. Потомок старого английского аристократического рода, он с 1979 по 1981 год был британским директором МТШ, а после прихода подполковника Ле Тиссьера остался в тюрьме простым надзирателем. Я не знаю причин, побудивших его на такой поступок. Но с ним всегда интересно общаться. У него острый ум и хорошее чувство юмора. Он не кичится своим положением и работает наравне с другими британскими надзирателями. Но манерами, жестами, поведением отличается. Конечно, он не одевается в магазине С&А. Вот и сейчас на нем пальто цвета кофе с молоком из тонкой шерсти, зеленый шарф, в руках портфель из кожи крокодила. Мистер Лонг рассказывал мне, что очень скучает по своей конюшне в имении в Англии, где у него много породистых лошадей. А здесь, в Западном Берлине, нет условий для их содержания. Поэтому здесь у него только одна пара серых в яблоко. На моей родине — Кубани тоже любят лошадей. Поэтому у нас всегда есть общая тема для беседы.

Мы продолжаем разговор уже за столом, но на этот раз не про лошадей. В последнее время во всех английских бульварных газетах, которые во множестве приносят в МТШ британские надзиратели, со всеми подробностями обсуждается роман принца Эндрю и Сары Фергюсон. Дело, похоже, идет к свадьбе. Множество фотографий, сделанных папарацци, показывают жизнь этой пары, кажется, круглые сутки. Но что у них общего? Младший сын королевы Великобритании Елизаветы II, офицер Королевского военно-морского флота, красавец принц и огненно-рыжая вся в веснушках женщина с туманным прошлым. Эндрю мой ровесник, да и тезка к тому же. Поэтому, хотя я сам давно женат, но слежу за развитием их отношений, как и вся

Великобритания. Мнение господина Лонга в этом вопросе мне очень интересно.

Лонг не спеша рассказывает о том, что королевская семья с пониманием отнеслась к выбору принца и приняла Сару. Сама королева относится к ней благосклонно и согласна на брак. А что касается ограничения возможности наследования престола после такого брака, то у Эндрю есть старший брат Чарльз, и все равно престол останется за ним и его потомками, так что Эндрю в этом плане ничего не светит. Только если теоретически. Однако сам мистер Лонг считает, что Сара не является достойной парой для члена королевской семьи. Ей не хватает такта, чувства меры, хороших манер и еще много чего. Господина Лонга и многих его знакомых терзают сомнения, что Сара когда-нибудь может выставить в нехорошем свете и принца Эндрю, и королевскую семью, а значит и всю старую добрую Англию.

Завтрак закончился. Я иду работать.

Полет Рудольфа Гесса, 10 мая

Сегодня исполняется 45 лет с того дня, как «заместитель фюрера» совершил свой знаменитый полет в Шотландию. Соответственно уже 45 лет он находится в плену и тюрьме. Впечатляющий срок.

Летную школу Гесс окончил в октябре 1918 года в самом конце Первой мировой войны. Он совершил несколько вылетов над территорией Бельгии, однако в серьезные воздушные схватки ни разу не попадал. После завершения войны и демобилизации Гесс сохранил увлечение авиацией. В 1920 году, являясь членом Добровольческого корпуса фон Эппа, Рудольф Гесс летал на аэроплане во время усмирения мятежа «спартаковцев» в Руре. С началом партийной деятельности Гесс уговорил издателей «Фелькишер Беобахтер» купить «в целях рекламы» легкий самолет фирмы «Мессершмитт» и летал на нем над местами слетов и митингов. В 1932 году Гесс пришел вторым к финишу в престижной авиационной гонке «Цуг-

шпитце». После начала Второй мировой войны в 1939 году Гесс попросил у Гитлера разрешения поступить в люфтваффе. Гитлер не только отказал своему заместителю в этой просьбе, но и запретил летать в течение года. Но год прошел.

О ходе подготовки Гесса к перелету в Шотландию довольно подробно рассказал в заявлении под присягой в мае 1981 года бывший старший пилот фирмы «Мессершмитт» Гельмут Каден. Впоследствии его показания были перепечатаны во многих газетах и журналах.

По словам Кадена, Гесс впервые появился на заводе фирмы «Мессершмитт» в Аугсбурге летом 1940 года и попросил подготовить ему для ознакомительного полета самолет «Мессершмитт» Вf.109, на тот момент самый современный немецкий истребитель. Но главный пилот фирмы Вилли Штёр и профессор Мессершмитт убедили его, что одноместный истребитель Вf.109 является сложной в управлении машиной даже для опытных пилотов. При этом Каден подчеркивает, что Гесс именно попросил подготовить самолет, в то время как «заместитель фюрера» мог бы просто приказать.

Гесс вернулся в Аугсбург в сентябре 1940 года и в этот раз уже изъявил желание научиться летать на самолете Вf.110, двухмоторном истребителе-бомбардировщике, в экипаж которого входили два пилота. Было совершено не менее 10 полетов, прежде чем Штёр и Гесс поменялись местами в кабине, и последний полностью взял управление самолетом на себя. Затем Гесс стал совершать регулярные тренировочные полеты самостоятельно. При наличии благоприятной погоды он обычно приезжал на аэродром по воскресеньям, предварительно позвонив и попросив подготовить самолет. Завод в Аугсбурге серийно выпускал самолеты для фронта, и Гессу для полетов каждый раз давали другой самолет, проходящий в этот момент контрольно-испытательные полеты. Через какое-то время Гесс поинтересовался, нельзя ли оставить для него постоянный самолет? На заводе возражать заместителю фюрера не стали,

**Летчик Рудольф Гесс на Западном фронте
в ноябре 1918 года**

а Имперское министерство авиации после уточнения сведений вычеркнуло один самолет из листа поставок. Таким образом одна из машин была оставлена в Аугсбурге как опытный образец серии, и Гесс получил свой персональный самолет.

По желанию Гесса на самолете были произведены некоторые доработки. Блок управления радиостанцией был перенесен ближе к креслу пилота, чтобы летчик самостоятельно мог перестраивать частоту во время полета. С самолета были сняты пулеметы. Под крыльями были подвешены два дополнительных топливных бака по 900 литров каждый, что позволяло увеличить длительность полета с четырех до десяти часов, а дальность с 1600 до 4200 километров. Всю осень 1940 года при наличии погодных условий Гесс продолжал тренировочные полеты. При этом дополнительные баки не заправлялись,

они были одноразовыми, и предусматривалось их сбрасывание перед посадкой.

В субботу, 21 декабря 1940 года в Аугсбург позвонили и попросили подготовить самолет Гесса и заправить все баки. Появление заместителя фюрера на аэродроме никого уже не удивляло, подготовка к полету и взлет прошли как обычно. Адьютанты Гесса ждали своего шефа вместе с наземным персоналом в бюро аэродрома. Короткий зимний день заканчивался, когда через три часа самолет Гесса вернулся на аэродром. При этом Гесс смог сесть на заснеженную полосу заводского аэродрома, не сбрасывая дополнительные баки, а в самолете оставалось еще в общей сложности около двух тонн горючего. После приземления Гесс объяснил, что во время полета у него отказали рули направления. Осмотр показал, что ракетница выпала из своего держателя и заблокировала механизм руля направления. В своих показаниях Каден отмечает, что эта посадка является доказательством летного мастерства Гесса.

Вторую попытку полета в Великобританию, по словам Кадена, Гесс предпринял в воскресенье, 28 января 1941 года. И снова самолет вернулся в Аугсбург после более чем трехчасового полета. Гесс сказал, что он не смог при помощи бортовой радиостанции услышать радиостанцию Калунборга на севере Дании, частоту которой планировал использовать для навигации. Мощность датского передатчика оказалась слишком низкой. Это произошло несмотря на то, что Vf.110 был оборудован новейшим по тем временам радионавигационным прибором. Главный специалист по радиосвязи фирмы «Мессершмитт» Влютель посоветовал Гессу сначала ориентироваться на мощную радиостанцию Мюнхена, учитывая обратные данные прибора, а при появлении сигнала с радиостанции в Калунборге переключиться на нее.

В феврале, марте и апреле 1941 года, по заявлению Кадена, Гесс несколько раз приезжал на аэродром и совершал тренировочные полеты, но ни разу не летал с заправленными подвес-

ными баками. 30 апреля 1941 года была объявлена очередная готовность к дальнему полету. Гесс находился в кабине самолета и уже завел оба мотора, когда прибежал адъютант, находившийся у телефона, подал знак выключить моторы и что-то сообщил своему шефу. Гесс затем объяснил Кадену, что получил приказ фюрера заменить его завтра во время празднования 1 мая.

10 мая 1941 года Гесс позвонил на аэродром и попросил подготовить свой самолет. Подготовка к полету прошла в обычном режиме. Гесс как обычно пожал провожающим руки и взле-

Карта маршрута полета в Шотландию, составленная Рудольфом Гессом во время пребывания в Великобритании

тел. И снова адъютанты Гесса и обслуживающий персонал аэродрома долго ждали в бюро. Когда стемнело и Гесс уже не мог приземлиться на аэродроме в Аугсбурге из-за отсутствия ночного освещения, старший адъютант вынул из кармана письмо и сказал, что должен немедленно передать это письмо Гитлеру.

Как известно, Гитлер, узнав о его перелете в Великобританию, немедленно лишил Гесса всех постов. В своем заявлении Каден особо отмечает, что в связи с этим и сам ждал некоторых неприятностей. Однако ничего не произошло. Никто до конца войны не задал Кадену ни одного вопроса о подготовке Гесса к полету.

В заключение своих показаний Каден констатировал, что во время посещения завода фирмы «Мессершмитт» и проведения полетов на Vf.110 Рудольф Гесс оставил вполне нормальное впечатление и не было ни малейшего намека, который позволял бы заключить о его умственном расстройстве.

О том, что перелет в Шотландию не был спонтанным, а готовился длительное время, свидетельствуют и показания на Нюрнбергском процессе Хильдегард Фат. Она работала секретарем заместителя фюрера с октября 1933 года, а с лета 1940 года в ее обязанности стало входить получение секретных сводок о погодных условиях над Британскими островами и Северным морем и передача этих сведений Гессу.

Из различных статей в прессе также известно, что конечной целью своего полета Гесс выбрал поместье Дугласа Дугласа-Гамильтона 14-го герцога Гамильтона и 11-го герцога Брендона в местечке Дангавел-Хауз в окрестностях города Глазго в Шотландии, где имелась собственная взлетно-посадочная полоса. Вылетев из Аугсбурга в 17.45, через пять с небольшим часов полета Гесс достиг своей цели. Однако в темноте не было возможности посадить самолет, поэтому Гесс решился на прыжок с парашютом, чего ранее никогда в своей жизни не делал. Так «заместитель фюрера» поздним вечером 10 мая 1941 года оказался в Великобритании.

12 мая 1941 года Гитлер снова взял НСДАП под личное руководство «полностью и исключительно» и до конца жизни больше уже не передавал никому своих партийных полномочий.

О Чернобыле, 12 мая

«Номер семь» традиционно гуляет по дорожке тюремного сада, я хожу рядом. Вдруг заключенный останавливается и, показывая глазами на облачное небо, говорит:

— Облака из Чернобыля, опасно.

Я небольшой специалист в ядерных вопросах. По советскому телевидению рассказывают, что никакой особой опасности нет. В западной же печати много пишут о периодически надвигающихся на Европу облаках, которые могут принести радиоактивное заражение от взорвавшейся атомной электростанции. Рассказываю заключенному свое видение ситуации: от Чернобыля до Берлина далеко, облака не долетят; на первое мая в Киеве была большая демонстрация в честь праздника, если бы было опасно, то не проводили бы демонстрацию, поэтому бояться нечего.

— Особенно много радиации в зеленом салате и свежем молоке, — замечает «номер семь». Видно, что мой рассказ его не убедил. И откуда у него такие познания про радиацию?

Мы продолжаем прогулку уже молча.

Свидание, 15 мая

Сегодня на 10.30 назначено свидание заключенного с его сестрой Маргарет (Гретль) Раух. По такому случаю санитар еще утром побрил заключенного с особой тщательностью, уложил на голове волосы. Я работаю старшим смены, поэтому моя задача — привести заключенного на свидание, проконтролировать сам ход свидания, а затем вернуть его назад в камеру.

В назначенное время «номер семь» под наблюдением французского надзирателя Парамона по длинному тюремному коридору начинает медленно двигаться от своей камеры к выходу из камерного блока.

Раз в месяц заключенному полагается одно часовое свидание с родственниками. Кроме того, разрешается одно дополнительное свидание на Рождество. До 1969 года «заключенный № 7» отказывался от свиданий с родственниками, мотивируя тем, что не считает себя преступником и поэтому не хочет, чтобы родственники видели его в тюрьме. Но тяжелая болезнь и помещение в госпиталь вынудили его изменить решение, он попросил свидание с женой и сыном. Оно состоялось в госпитале 25 декабря 1969 года. С тех пор свидания проходят регулярно. Из близких родственников на свиданиях бывают:

Ильзе Гесс — жена заключенного;

Вольф-Рюдигер Гесс — сын заключенного;

Маргарет Раух — сестра заключенного;

Андреа Гесс — жена сына (невестка) заключенного.

Я открываю железную дверь блока, и мы втроем выходим в просторный холл. Комната для свиданий расположена совсем рядом. Пока Парамон запирает дверь в блок, мы с «номером семь» заходим в комнату свиданий. Там за большим столом уже сидит пожилая женщина — сестра заключенного. Чуть поодаль от нее расположились американский и советский директора МТШ. Они зашли через другую дверь, предназначенную для посетителей. Стол делит комнату на две зоны: зона заключенного и зона посетителей. Поэтому мы с заключенным находимся с одной стороны стола, посетительница с директорами — с другой. Я помогаю заключенному разместиться за столом, и мы с Парамоном занимаем места на стульях рядом. Разговор начинается.

Сестра рассказывает «заключенному № 7» о семейных делах, он задает вопросы. Потом речь идет о здоровье заключенного. Далее оба вспоминают Египет, свои детские места. Круг

вопросов для общения исчерпан. И хотя есть еще время для продолжения свидания, «номер семь» прощается с сестрой и встает из-за стола. Мы возвращаемся в блок.

Ландыши, 20 мая

В тюремном саду буйствует весна: на кустах и деревьях распускаются листья, земля покрылась свежим зеленым ковром, зацветают каштаны и сирень.

Заключенный, нагулявшись по дорожке, дремлет в садовом домике. Я брожу по лужайке, подставляя лицо под лучи майского солнца, при этом через окна домика не упуская дремлющего из виду. Но что это? Под ногами из травы торчат маленькие беленькие цветочки. Я нагибаюсь — ландыши! Целая поляна ландышей почти рядом с садовым домиком. Вероятно, ветер или птицы занесли через каменную стену семена этих прелестных цветов, и им здесь понравилось. Цветы ведь не знают, что они растут в тюрьме.

В этот день я подарил своей жене букетик ландышей.

Шахматы, 25 мая

Сегодня работаю старшим ночной смены. Американец Джордан, дежурящий в блоке, заходит ко мне в комнату, наливает кофе. Джордан хороший шахматист, и мы уже встречались с ним за шахматной доской. Поэтому американец без обиняков предлагает:

— Шахматы?

Мы расставляем фигуры. В наших международных баталиях важен не результат партии, хотя выигрыш, безусловно, тешит самолюбие, а возможность спокойного общения с умными людьми. Я глубже постигаю доселе неизвестный мне западный мир, партнеры, надеюсь, узнают что-то полезное о жизни в СССР. Но как только речь заходит о политике или идеологии,

так сразу обнаруживаются большие противоречия во взглядах, разное видение одних и тех же событий и фактов. Некоторых иностранцев вообще пугает известие о том, что я — коммунист.

Но сегодня мы не спорим о политике, мы играем в шахматы. В какой еще другой обстановке, кроме шахматной партии за чашкой кофе во время совместного ночного дежурства, американец и русский могут спокойно побеседовать о жизни. Я осторожно интересуюсь его взаимоотношениями с «Дедом». Джордан несколько смущается, замыкается в себе и не хочет говорить на эту тему, но постепенно отходит и рассказывает, что «Дед» считает его за прислугу, при этом часто оскорбляет, когда они остаются вдвоем рядом. Недавно на прогулке «Дед» пытался препятствовать Джордану зайти в садовый домик, несмотря на то что на улице начался дождь. Американский директор знает о всех подобных случаях, но обычно господин Кин ограничивается «прочтением лекции» заключенному о недопустимости таких действий.

Нет никакой тайны среди союзного персонала МТШ, что заключенный до сих пор остается расистом по убеждениям. А может быть, направление Джордана на работу в МТШ было одним из способов американской стороны как можно больше «насолить» бывшему «заместителю фюрера»? А может, американцы сами стали заложниками своей «самой демократической системы в мире» и не могут ничего изменить, даже поняв, что ошиблись? В любом случае страдает от сложившейся ситуации конкретный человек — хороший американский парень Джордан.

Солдатские байки, 31 мая

В майском номере мюнхенского журнала «Винер» (*Wiener*) опубликованы рассказы британских солдат, несущих службу в карауле по охране Шпандау. Автор утверждает, что все рассказано в берлинской пивной, соответственно, верить сказанному

можно с натяжкой. Однако интересно же знать мнение сторонних людей о своем рабочем месте и его окрестностях! Пусть даже преувеличенное.

Больше всего рассказов часовых с вышки № 3. Это та самая вышка, которая находится в саду тюрьмы и недалеко от которой заключенный вместе с надзирателем гуляет почти каждый день. Эта вышка стоит вне поля зрения других вышек, часовой находится как бы в зрительной изоляции от своих сослуживцев, поэтому, наверное, и такие настроения солдат.

«Я служил в Северной Ирландии. Но в Белфасте мне не было так страшно, как в Шпандау. Если сержант проверяет бдительность часового на вышке № 3, то он сначала предупредит его по телефону, чтобы не быть застреленным своим же нервным товарищем. Бывали случаи, когда часового находили забившимся в угол с винтовкой наизготовку».

«Вышка № 3 — заколдованное место. Внизу зарыты останки убитых евреев, там до сих ничего не растет. Один французский солдат выбросился с этой вышки, а британец повесился. Никто из нас не хочет стоять на вышке № 3».

«В прошлом году один мой товарищ сделал двадцать выстрелов. Он дрожал всем телом и сказал, что перед окном сторожевой вышки видел какое-то бледное видение».

«Как-то раз ночью что-то как начало сыпаться и греметь! А что это было? Да Рудольф придумал — хотел нас напугать и загремел посудой, как сумасшедший. Ему это нравится, ему смешно от этого. Один солдат чуть не наделал в штаны от ужаса. Да и у нас остальных вспотели руки».

«Поднимаешься ты на вышку по каменной винтовой лестнице, как в фильме ужасов. Идешь, а по сырой винтовой лестнице и по булыжнику слышится — скрип, скрип. А потом наверху стоишь и ждешь, что снова раздастся этот “скрип, скрип” и что-нибудь пройдет вниз. Жуткое напряжение. Лучше всего встать спиной в угол, винтовка наизготовку, так спокойнее».

Почитаешь такие рассказы, и не совсем понятно: караул охраняет тюрьму или надо охранять караул от приведений? Среди рассказов есть и философские, с точно подмеченной изюминкой МТШ.

«Это сумасшествие. Ты заходишь с ротой охраны в большие ворота, и пошла машина времени — раз! — и ты маршируешь уже здесь, внутри, а там, снаружи, остался 1986 год. Тут все пусто и разбито, стены закопченные, окна такие, как, наверное, после войны, в 1945–1947 годах. Вот тыходишь в этот двор и оказываешься сорок лет назад. Даже не можешь себе представить, что это значит. Но внутри чувствуешь себя совсем по-другому, и все здесь странно и не так, как там, снаружи. А ты стоишь наверху, на вышке, как на границе между 1986 и 1947 годами».

Пастор-связник, 25 июня

Я заступил на вечернее дежурство, но мой коллега Олег Заднипровский, завершивший смену в блоке, не торопится уезжать домой. Все четыре директора тюрьмы находятся тоже в МТШ, идет совещание. Сегодня «заключенного № 7» посещал пастор Габель. Обычный вроде бы визит. Но после завершения общения пастора с заключенным Олег предложил пастору показать содержимое небольшого пасторского портфеля. Оказалось, что пастор Габель, забыв божью заповедь «Не обмани» и несмотря на капитанские погоны союзной французской армии под сутаной, является связником заключенного с внешним миром. В портфеле пастора помимо Библии нашлись ряд писем и записок, написанных «заключенным № 7» для людей за стенами тюрьмы. Кроме того, пастор пытался вынести несколько листов с записями, сделанными «номером семь», судя по всему, специально для передачи во внешний мир. Все записи, естественно, конфискованы, пастор отправлен в восояси, директора решают теперь, что делать в такой ситуации.

Желаю Олегу хорошего отдыха после трудного дня и приступаю к работе. Заключенный пока не подозревает о провале пастора-связника, поэтому спокойно читает газету, сидя на кровати. На дежурстве возле камеры американец Пайец. Он уже знает о сегодняшнем инциденте, поэтому предельно внимателен. Все идет своим чередом.

Lieber Herr Pastor,
Schon würde eine Bitte:
Senden Sie das Beiliegende
an den Meister, und zwar
insofern Sie den Brief, denn
Sie unterwegs sind, in einem
Brief Karles übergeben, also
keinfalls in Berlin.
Ihr dankbarer
R. Hess

**Записка Рудольфа Гесса пастору Габелю
с указаниями о дальнейших действиях**

Среди изъятых у пастора Габеля бумаг есть несколько записок.

Первая записка, адресованная пастору Габелю, содержала следующий текст:

«Дорогой господин пастор,

Снова одна просьба:

Отправьте прилагаемое мастеру, а в то время, как Вы будете в пути, бросьте в почтовый ящик письмо, однако ни в коем случае не в Берлине.

Благодарный Вам

Р. Гесс»

Кто скрывается под именем «мастер» (Meister), пока остается загадкой.

Вторая записка адресована неизвестному господину У.:

«Глубокоуважаемый господин У.

Большое Вам спасибо за то, что Вы согласились.

Будьте добры, прибавьте еще прилагаемые дополнения.

С наилучшим приветом

Искренне Ваш

Рудольф Гесс»

Sehr geehrter Herr U,
 Ich danke: Ihnen viel-
 mals das Sie sich bereit er-
 klärt haben.
 Seien Sie so freundlich
 die folgenden Ergänzungen
 noch anzufügen.
 Mit besten Grüßen
 Ihr sehr ergebener
 Rudolf Hess

Записка Рудольфа Гесса неизвестному господину У.

Как понятно из этих двух записок, у «заключенного № 7» был налажен хороший контакт с внешним миром через пастора Габеля. Послания за стены тюрьмы, а может быть, и назад, передавалась не один раз. А вот что должен сделать с получаемыми материалами загадочный господин У.? Опубликовать их для мировой общественности? Или, наоборот, спрятать в надежное место до определенного срока? Ответ на этот вопрос пока не получен.

После долгих дебатов директора МТШ приняли единогласное решение:

1. Пастора Габеля в тюрьму больше не пускать, французской стороне необходимо подобрать ему замену.

2. Секретариату наладить более жесткий учет за выдачей и возвращением в канцелярию писчей бумаги для заключенного.

3. Провести в камере заключенного обыск и изъять все имеющиеся записи, оценить их и вернуть заключенному только действительно необходимые, сделанные на учтенной бумаге, удовлетворяющие требованиям цензуры.

В соответствии с таким решением в камере заключенного проведен обыск. В ходе него изъята папка, в которой «номер семь» хранил письма и свои записи, а также большая тетрадь, в которой заключенный может вести различные записи.

Администрации предстоит оценить весь полученный материал и определиться, что с ним делать. Один из секретарей МТШ поделился со мной копиями некоторых из найденных записок.

Вопреки ожиданиям многих, в записях «заключенного № 7», изъятых у пастора и непосредственно в камере, нет каких-либо важных неизвестных доселе тайн. Не стало больше ясности ни с подготовкой к перелету «заместителя фюрера» в Великобританию, ни с мирными предложениями, привезенными им. Остается нераскрытой тайна возможной причастности Гитлера к этому полету.

Понятно лишь одно, что, несмотря на попытки цензуры оградить заключенного от информации о происходившем в 1933–1945 годах, он продолжал интересоваться событиями тех лет даже по небольшим материалам, случайно не вырезанным цензорами. В одном из писем также прямо говорится о деятельности пастора Габеля, направленной на освобождение заключенного, что не совмещается с деятельностью тюремного пастора:

«В заключение моего сообщения я благодарю тех, кто трудился над моим освобождением, и прежде всего пастора. Я не могу также не назвать моего сына.

Я благодарю господина пастора Габеля и моего сына Вольфа-Рюдигера, которые превосходили друг друга в проведенных мероприятиях».

Некоторые из записей заключенного выглядят странно, и у меня пока нет им логического обоснования.

В записи № 1 рукой заключенного сделана выписка из тетради, в которой он оставлял пометки о заинтересовавших его материалах в средствах массовой информации. После знака «+» идет четырехзначный порядковый номер записи. Далее — источник информации: F — «Франкфуртер альгемайне цайтунг», W — «Ди Вельт», N — «Нойес Дойчланд»,

F. 9. 11. 85 S. 33 (60) ...
F. 31. 11. 84 S. 33 (46) ...
F. 24. 11. 85 S. 9 (18) (85) ...
F. 29. 7. 85 S. 9 (13) (85) ...

F. 9. 9. 80 ...
F. 24. 11. 85 S. 9 (18) (85) ...
F. 29. 7. 85 S. 9 (13) (85) ...

Запись Р. Гесса № 2

T — «Тагешпигель», FS — телевидение. Затем дата публикации и с буквой S — номер страницы. После этого — само название статьи или передачи.

Зачем надо было так кропотливо переписывать этот уchet на отдельный лист? Номера записей идут не по порядку. Может, они сгруппированы по темам, представляющим интерес для заключенного? Но все газеты по прошествии определенного времени изымались у заключенного и уничтожались, так что работать со статьями долгое время было нельзя. Тогда, может, это предназначалось для родных, с просьбой приготовить материалы, которые потребуются заключенному после освобождения? Бред шизофреника. А может, это просто своеобразный ключ к какому-то шифру? Вариантов много. Для эксперименталистов есть поле для работы.

Запись № 2 выполнена в виде выписок из газет, однако видно, что материал осмыслен и обработан писавшим. В частности, со ссылкой на страницу 9 газеты «Франкфуртер Альге-

Тема нацизма и события в Германии в 1933–1945 годах являются запретными темами для заключенного. Однако похоже, что тюремные цензоры заняты более важными делами и не имеют достаточно времени внимательно просматривать приходящие газеты полностью. Если первые страницы газет зачастую испещрены дырами от вырезанных статей, то на вторую половину толстых изданий внимания цензоров уже не хватает. А «номер семь» пользуется каждой оплошностью персонала МТШ.

Футбол, 29 июня

Сегодня воскресенье и у меня вечерняя смена в качестве старшего дежурного надзирателя. Обычно это тихое спокойное дежурство. Но сегодня необычный день. Сегодня завершается чемпионат мира по футболу и в далеком городе Мехико сходятся в борьбе за кубок сборные ФРГ и Аргентины. Интерес немцев к этому матчу огромен, причем как в западной, так и в восточной частях. Канцлер ФРГ Гельмут Коль отправился в Мексику в качестве почетного гостя финального матча. Масла в огонь страстей болельщиков подливает и форвард аргентинской сборной Диего Марадона. Несколько дней назад Аргентина обыграла Великобританию, и в той игре Марадона забил гол рукой. Судья не заметил ошибки и гол засчитал. Почти сразу после игры на вопрос прессы о голе аргентинский форвард заявил: «Это была голова Марадоны и рука Бога». В сегодняшнем матче такое не пройдет, слишком высок накал страстей, слишком высоко ожидание и внимание миллионов людей к этому поединку.

В Мехико ровно полдень, а в Берлине уже вечер. Мы расположились в телевизионной комнате втроем. «Заключенный № 7» занял место в кресле посередине. Справа на стуле сидит англичанин Босуорт, он начал смену в качестве надзирателя в блоке. Слева от заключенного сижу я. Я старший смены

и имею право контролировать просмотр телепередач заключенным. Если бы кто-то посмотрел со стороны, то принял бы нас, вероятно, за обыкновенных футбольных болельщиков.

Босуорт активно реагирует на все моменты игры, иногда комментируя ход матча. Чувствуется, что он болеет за немецкую сборную, вероятно, в отместку за поражение своей страны от Аргентины. У меня к игре общий интерес. Советская сборная давно закончила выступление на этом чемпионате, болеть за какую-либо из играющих команд у меня нет оснований, но красивый футбол хорошо смотрится. За кого болеет «номер семь» — понятно. Но он пытается скрывать все эмоции, лицо его кажется бесстрастным. И только когда аргентинцы забивают первый мяч в немецкие ворота, губы его сжимаются в досаде. Игра продолжается с переменным успехом, и первый тайм заканчивается со счетом 1:0 в пользу сборной Аргентины.

Босуорт покидает телевизионную комнату. Подошло время ему продолжать нести дежурство на воротах. Минут через десять в окошко двери телевизионной комнаты заглянул американец Джордан. Теперь он до полуночи будет находиться рядом с заключенным. Но я уже знаю, что Джордан не зайдет к нам смотреть футбол, он останется на своем рабочем месте в коридоре. Вдвоем с «номером семь» мы продолжаем наблюдать за футбольной битвой на экране телевизора.

А напряжение на поле нарастает. Аргентинцы забивают второй мяч в ворота немецкой сборной. «Номер семь» уже менее скрытен, эмоции видны на лице, но он не произносит ни звука. Проходит еще минут 10–15, и «номер семь» начинает вставать с кресла. Явно, такая игра ему не нравится. Но только он поднялся, как мяч влетел в ворота аргентинцев. Счет стал 2:1. Заключенный слегка ухмыльнулся и снова начал усаживаться в кресло. Настоящий болельщик!

Через какое-то время немцы забивают второй гол. Ничья 2:2, и менее 10 минут до конца финального матча. Стадион ревет. Видно, что эмоции захлестывают зрителей на трибунах.

«Номер семь» тоже неотрывно смотрит на экран, желваки на скулах шевелятся, но он не произносит ни слова. Я уже начинаю опасаться, не скажется ли такая эмоциональная нагрузка на его сердце. Но запретить смотреть футбол я не могу, он разрешен к просмотру цензорами. А союзные врачи никаких рекомендаций по поводу ограничений просмотра телепередач не давали.

В этот день удача улыбнулась сборной команде Аргентины, и она забила третий мяч в ворота немецкой команды. Лицо «номера семь» потухло. А вскоре закончился матч. Мне игра очень понравилась. Надеюсь, что «заключенному № 7» тоже, хотя он и не сказал об этом. «Номер семь» поднялся с кресла и медленно пошел в камеру.

Британский военный госпиталь, 3 июля

Я еду на смену к 8.00. Сегодня мне заступать дежурным в блоке, но путь мой лежит не в МТШ, а в британский военный госпиталь в Западном Берлине. Вчера заключенному стало плохо, он жаловался на боли в сердце. Был вызван советский врач, так как он является председательствующим врачом в июле. Потом был вызван врач из британского госпиталя. Затем собрались все директора и приняли решение поместить заключенного в госпиталь.

Перевод в госпиталь является в общем-то нормальной процедурой, расписанной в инструкции надзирателям. У старшего дежурного надзирателя на такой случай хранятся заготовленные пропуска для входа в МТШ персонала госпиталя. Заключенный перевозится в санитарной машине госпиталя в сопровождении британской военной полиции. Автомобильное движение по маршруту следования эскорта перекрывается западноберлинской полицией по указанию британских властей. Сам госпиталь берется под усиленную охрану британской военной полицией и армейскими подразделениями. В госпитале имеется специально оборудованная палата для заключенного.

Последний раз он был в ней в 1982 году. Вооруженный караул МТШ продолжает нести службу в Шпандау. Из трех надзирателей один остается дежурить на воротах МТШ, двое дежурят в госпитале.

Первый армейский патруль притормаживает нашу машину, как только мы повернули на улицу, ведущую к госпиталю. Но, увидев советские номера, пропускает без остановки. При въезде на территорию госпиталя сержант британской военной полиции уже основательно изучает мой пропуск в МТШ и открывает шлагбаум. Мы въезжаем. Я иду в здание госпиталя. Двое вооруженных военных на первом этаже подсказывают, каким лифтом воспользоваться. На время нахождения заключенного в госпитале один из четырех лифтов останавливается только на третьем этаже, а остальные лифты на этом этаже остановиться не могут. Один из солдат заходит со мной в лифт и сопровождает до третьего этажа. А там снова целая череда постов. Наконец я добираюсь до своего сегодняшнего места работы — палаты № 204, единственной палаты в этом специальном отсеке госпиталя.

«Заключенный № 7» лежит в просторной белой комнате, оснащенной различным медицинским оборудованием. Мое место сегодня у входа в эту палату. Через большое окно в широкой двери хорошо видно все помещение. Заключенный дремлет, лежа на спине, на приставном столике стоит завтрак. Французский надзиратель Одуэн, которого я сменил на дежурстве, пояснил, что «Дед» еще не завтракал. Ну что же, день только начинается. За другой дверью, ведущей в коридор, разместился американский надзиратель Новак, он сегодня старший смены. Рядом с ним офицер британской военной полиции. Вот такая усиленная совместная охрана действует на этот период в госпитале. Конечно, тамбур перед входом в больничную палату гораздо меньше широкого тюремного коридора, поэтому надзирателю здесь не очень комфортно. Можно посидеть на стуле и почитать, можно постоять, но ограниченное

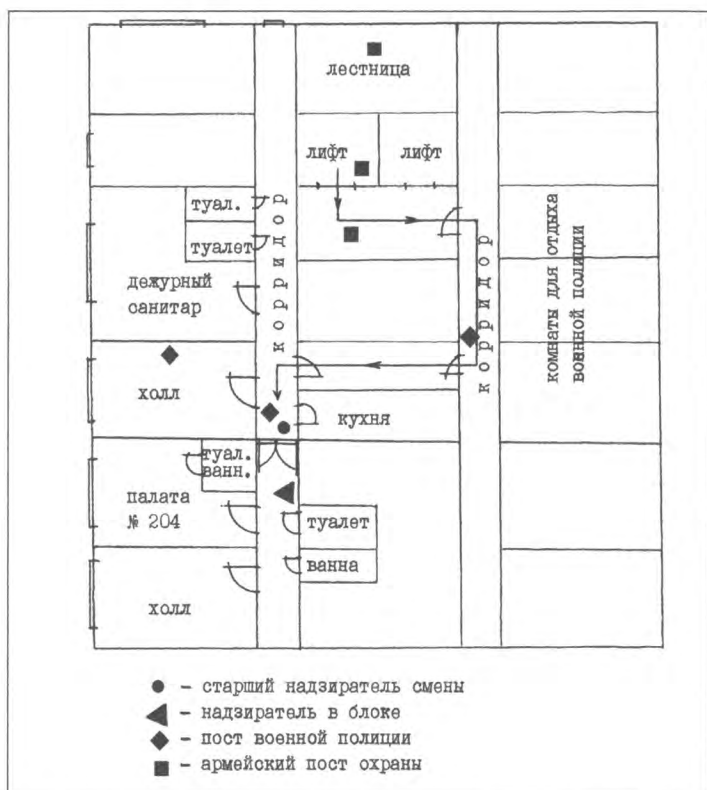
замкнутое пространство давит психологически. Мы как бы поменялись с заключенным местами: его палата гораздо больше отсека, где располагается надзиратель.

В госпитале заключенный находится на полном попечении британских медиков. Доступ медицинского персонала в палату осуществляется по списку, составленному начальником госпиталя. Контроль за этим лежит на военной полиции. Поэтому обязанности надзирателя у палаты заключенного не обширны. Сегодня в палату периодически заходят врачи и санитары. Подключаются разные датчики, снимаются всевозможные показания. Однако какого-то интенсивного лечения не наблюдается. Ближе к обеду сам начальник госпиталя полковник Хамер-Филип с целой свитой врачей посетил пациента. Движение у палаты идет полным ходом, как на экскурсии.

Американский надзиратель Новак уже сходил на обед и теперь рассказывает мне, как добраться в столовую госпиталя. Я пытаюсь запомнить схему маршрута и отправляюсь в путь. Просторное помещение столовой находится довольно быстро. Оно похоже на обычную гражданскую столовую. Небольшие столики, удобные стулья, линия раздачи пищи. Солдаты, сержанты, младшие и старшие офицеры стоят в общей очереди, выбирая для себя подходящую еду. Благо очередь совсем небольшая. Меню очень разнообразное: несколько салатов, несколько первых блюд, мясо и рыба в разных видах. Британский военный обед мне понравился.

Естественно, при дежурстве надзирателей одновременно и в МТШ, и в госпитале нет смены места дежурства через 4 часа. Все надзиратели заступают на дежурство сразу на 8 часов. Поэтому после обеда я снова возвращаюсь на свое рабочее место к палате заключенного. Дежурство продолжается.

Дежурный врач в очередной раз посетил больного. Кратко интересуюсь у него состоянием заключенного. Ответ тоже короток: «О'кей!» И вдруг непонятный писк раздается в кармане врача. Он достает маленькую коробочку, нажимает

Общая схема специального отсека для «заключенного № 7» на 3-м этаже британского военного госпиталя

кнопку, писк прекращается. Врач идет к телефону, стоящему тут же в тамбуре палаты. Это внутренний телефон госпиталя. Набрав короткий номер, врач представляется и слушает говорящего на другом конце провода.

Оказывается, у всех ведущих специалистов госпиталя есть такое устройство, называемое бипер. У каждого бипера свой номер. Поэтому информационная служба госпиталя имеет возможность дать сигнал любому врачу, что для него есть срочная информация. Задача доктора после получения сигнала — позвонить по телефону в службу информации и узнать о сооб-

щении. Как правило, это вызов к больному в какую-то палату. Таким образом, важная информация доводится до нужного специалиста за считанные секунды, в крайнем случае минуты, причем не важно, в каком месте госпиталя он находится. Вот это оперативность!

А мое дежурство идет свои чередом.

Летний дождь, 12 июля

Заклученный гуляет в саду, я рядом. «Номер семь» сделал уже один полный круг по садовой дорожке и пошел на второй. Видно, поездка в госпиталь пошла ему на пользу. Он пробыл в госпитале всего 5 дней и снова возвращен в МТШ. Общий диагноз врачей — здоров в соответствии с возрастом.

В газете *Berliner Morgenpost* («Берлинская утренняя почта») вчера вышла статья о прошедшей госпитализации «заклученного № 7». В принципе, ничего особенного в ней нет, но интересны комментарии британских военных властей Берлина об этом событии, приведенные в газете: «Гесс был доставлен в госпиталь по решению четырех союзных тюремных директоров, так как он заявил, что он болен. За ним там будут лишь наблюдать, не лечить». После таких слов складывается впечатление, что это заклученный сам себе поставил диагноз и направил себя в госпиталь. Вроде как в краткосрочный отпуск. Судя по происходившему в госпитале, можно сказать, что примерно так и было.

«Заклученный № 7» закончил прогулку и пошел в садовый домик. Он привычно разместился в своем кресле, попросил подвинуть ближе столик с газетами. Широкая стеклянная дверь домика остается открытой. Я выхожу на траву, есть возможность побыть почти на природе. Летом, когда на кустах и деревьях большие сочные листья, тюремный сад весь зеленый и в отдельных местах почти похож на лес. Созревшие каштаны падают на землю с глухим стуком. Малина, налившая-

ся под солнцем, — забава для караула. Птички порхают с ветки на ветку.

Вдруг крупный летний дождь обрушивается на землю с ясного неба. Я забегаю в домик. Мой топот нарушил дремоту заключенного, он что-то бурчит под нос. Я усаживаюсь на скамью, беру газету. Что нового в нашем мире?

Несостоявшийся миротворец, 24 июля

Сегодня я заканчиваю вечернюю смену в блоке. Заключенный в камере, расположившись по обыкновению на кровати, что-то пишет в своей большой тетради для записей. Убедившись, что с ним все нормально, я включаю телевизор. В этом году исполнилось 45 лет со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз, поэтому довольно много передач посвящено военной тематике. Вот и сейчас по каналу CNN идет документальный фильм о подготовке Гитлера к войне с СССР. В частности, диктор рассказывает, что за 10 дней до этого нападения заместитель фюрера Рудольф Гесс улетел в Англию с предложением заключить мирное соглашение. Диктор делает предположение, что полет имел целью помочь Германии избежать войны на два фронта, заключив перемирие с Англией, и сконцентрировать все силы для удара по Советскому Союзу.

В информационных материалах о Рудольфе Гессе, имеющих у советских надзирателей, о цели полета заместителя фюрера в Великобританию сказано очень мало: «Сейчас трудно судить о характере предложений, выдвинутых Гессом правительству Великобритании, и о ходе самих переговоров, так как все документы, касающиеся его пребывания в Великобритании, в соответствии с принятым правительством Англии законом будут преданы гласности только в 2017 году. Можно лишь предполагать, что эти предложения предусматривали односторонние преимущества для Германии и поэто-

му не были приняты правительством Великобритании. В связи с этим Гесс стал рассматриваться как военнопленный».

Однако в западных изданиях, особенно в журналах «Шпигель» и «Квик», часто можно встретить статьи, рассказывающие о миссии Гесса. Из этих публикаций видно, что первыми придали широкой огласке цель полета Гесса сами немцы, объявив по радио всему миру 14 мая 1941 года о цели миссии. Объяснение давалось на основании оставленных Гессом для Гитлера бумаг и в том виде, в каком представлялось выгодным Германии:

«В свой полет Гесс отправился с намерением проследовать до поместья герцога Гамильтона и Брендона в Ланкашире... С герцогом Гесс познакомился во время Олимпийских игр в Берлине, в 1936 году. Он полагал, что герцог принадлежит к британской группе, находящейся в оппозиции к Черчиллю, представляющего интересы клики поджигателей войны. Далее Гесс считал, что герцог обладает достаточным влиянием, чтобы развязать эффективную борьбу против клики Черчилля... Цель его путешествия состояла в том, чтобы объяснить этим кругам [в окружении герцога] с помощью логических доводов, что он считал возможным, истинное положение Англии, а также позицию Германии. Германо-британскую войну Рудольф Гесс воспринимал как войну двух юридических народов, которая, если будет продолжена, приведет лишь к одному результату — полной гибели Великобритании. Таким образом, Рудольф Гесс вылетел в Великобританию с целью объяснить высокопоставленным людям, с которыми надеялся вступить в контакт, безнадежность ситуации Великобритании и показать им непоколебимость и мощь положения Германии...»

Он верил, что его личное участие поможет просветить британскую общественность, говорилось далее в радиокommюнике, и поможет подготовить почву для германо-британского взаимопонимания. Естественно, в его намерения не входило

искать контакта с Уинстоном Черчиллем — напротив, «как однозначно следует из найденных у него записок», его интересовала внутренняя оппозиция Черчиллю; более того, им владела «безрассудная идея, что через короткое время он сумеет вернуться в Германию», потому что он был на сто процентов уверен в успехе своей миссии; это с очевидностью вытекает из его записей, сообщалось в заключение коммюнике.

Уже в первой беседе с министром иностранных дел Великобритании Иденом и бывшим сотрудником английского посольства в Берлине Кирпатриком, состоявшейся 13 мая, Гесс заявил, что Англия несет ответственность за развязывание как Первой мировой войны, так и нынешней, так как препятствовала удовлетворению интересов Германии. Эту войну Англии ни за что не выиграть, так как в Германии самая развитая и самая современная авиационная промышленность и самый могучий подводный флот. Что касается сырья, то его предостаточно в оккупированных странах. Напрасны надежды и на революцию: немецкий народ слепо и безгранично верит фюреру. Поэтому самым разумным было бы заключение мира между Англией и Германией.

Гесс не привез с собой в Англию никаких бумаг или документов и все пожелания или, скорее, требования к руководству Великобритании формулировал уже после прилета. В частности, он заявил:

«Условия Германии мне стали известны из многочисленных разговоров с фюрером и были подтверждены различными способами. Содержание условий, но не формулировка, исходят от фюрера. Пункты были сформулированы мной.

1. Согласовать раздел в сфере интересов: Германии и ее союзникам должно гарантироваться беспрепятственное господство над Европой, а Англия должна единственно исполнять власть над своей империей.

2. Германия снова возвращает себе колонии.

3. Немецким гражданам возместить ущерб, который во время или вследствие войны на территории Британской империи был им причинен в жизни, здоровье или имуществе из-за мероприятий правительства или суматохи, грабежей и т. п. На что с немецкой стороны для британских граждан, которые понесли ущерб из-за Германии, должно быть сделано то же самое.

4. Срочно заключить перемирие и мир с Италией».

При этом Гесс объявил беседовавшим с ним английским чиновникам, что его предложение останется в силе только в том случае, если его можно будет обсудить с новым, а не с нынешним британским правительством. По его словам, Черчилль, запланировавший войну, и поддержавшие его коллеги — не те люди, с кем фюрер согласится сесть за стол переговоров.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль дал однозначно понять, что «правительство Его Величества не готово вступать ни в какие мирные переговоры ни с Гессом, ни с иным представителем Гитлера». До конца Второй мировой войны Гесс оставался в Великобритании в качестве военнопленного.

Награда Габелю, 7 августа

На смене француз Морель показывает мне вчерашнюю газету Berliner Zeitung («Берлинская газета»). На фотографии вручающий бургомистр Западного Берлина Эберхард Дипкен вручает бывшему пастору МТШ Шарлю Габелю Крест за заслуги 1-го класса. Это государственная награда Федеративной Республики Германии. Заголовок статьи гласит, что пастор очень много сделал для Берлина. Однако в сопроводительной статье к фотографии приводятся слова самого бургомистра, сказанные

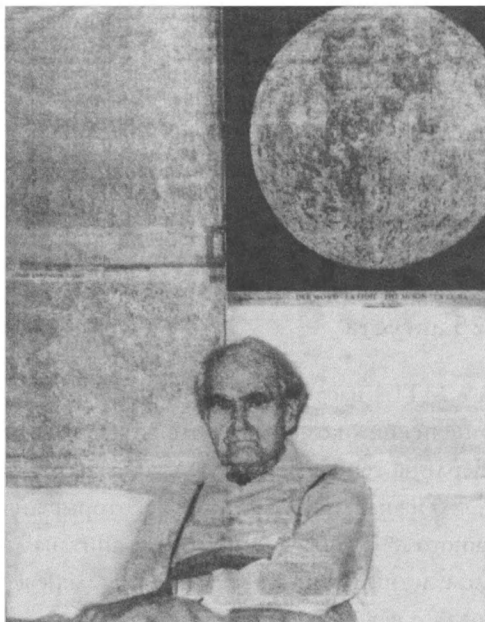
Чарльз Габель и Эберхард Дипкен

при вручении награды, и понятно, что основная заслуга пастора состоит в том, что он являлся духовным наставником заключенного в Шпандау, а также одновременно вел обширную деятельность по его освобождению.

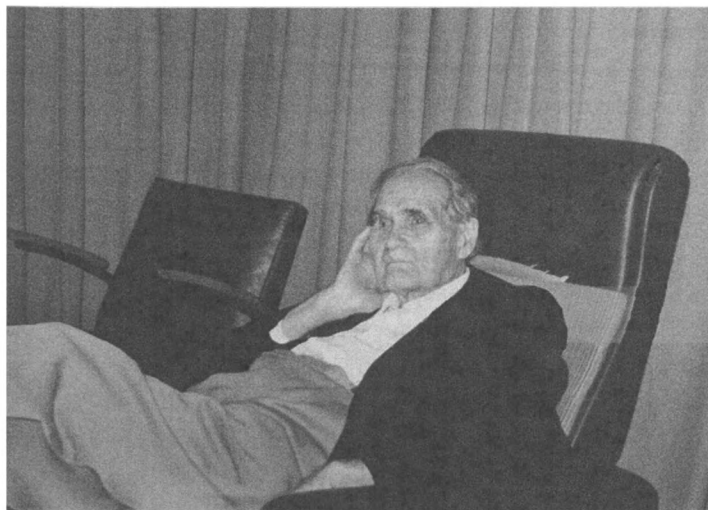
Сенсационные фотографии, 19 августа

Сегодня в центре внимания всего персонала МТШ снова газета «Берлинер цайтунг». Значительная часть номера посвящена «заключенному № 7». Впечатляет большое количество фотографий заключенного, сделанных в тюрьме. И судя по обстановке, сделаны они совсем недавно.

На первой же полосе газеты цветная фотография заключенного в своей камере. Он стоит у кровати и смотрит прямо в фотоаппарат. Значит, он знал, что его снимают. Но кто это мог сделать? Под фотографией подпись, говорящая о том, что по требованию Советов к заключенному уже шесть недель не допускают пастора, в связи с чем его состояние внушает опасение. Мог ли пастор сфотографировать «номера семь»? Теоретиче-

«Заключенный № 7» в своей камере

«Заключенный № 7» в телевизионной комнате

ски мог. Но в газете много других фотографий: заключенный в камере сидит на кровати, заключенный в телевизионной комнате, комната старшего дежурного надзирателя и доски объявлений в ней, комната свиданий. Значит, фотографировал кто-то из надзирателей, один из тех, с кем каждый день здороваешься, общаешься, рядом работаешь. Интересно, будет ли кто-нибудь как-то расследовать данное событие?

Кража, 25 августа

А сегодня в МТШ настоящее чрезвычайное происшествие. Во время инспекции коменданта американского сектора Западного Берлина генерал-майора Джона Х. Митчела обнаружилось, что из кладовой пропали некоторые личные вещи «заключенного № 7». Исчезли: китель капитана люфтваффе, летный шлем, летные ботинки, некоторые мелкие вещи.

Кладовая с вещами находится внутри камерного блока. Во время предыдущей советской инспекции месяц назад все вещи были на месте. Значит, пропали они совсем недавно. Без участия надзирателя подойти к кладовой невозможно. Однако ключ от кладовой находится в секретариате. Где именно хранится ключ, знают лишь директора, помощники директоров и сами секретари. Поэтому возможные варианты развития событий:

— в похищении вещей замешан кто-то из директоров вместе со своим надзирателем;

— секретарь дал ключ от кладовой одному из надзирателей, с кем состоял в сговоре;

— в похищении вещей участвовал помощник директора, который одновременно является также надзирателем и заступает на дежурство в блок.

Скорее всего, вещи изъят из кладовой, а потом вынес за пределы МТШ один из надзирателей. Вероятность, что два надзирателя из разных стран, одновременно находящиеся в блоке, сговорились, конечно, существует. Но вряд ли стоило

идти на такой риск. У надзирателя в блоке есть на похищение вещей из кладовой и их сокрытие минут 15–25, пока старший дежурный надзиратель ходит на ужин. У старшего дежурного надзирателя возможностей больше: в дневную смену 1–1,5 часа во время прогулки заключенного или в вечернюю смену минут 30–40 во время ужина и пересменки двух других надзирателей смены. Вполне достаточно. Встает вопрос — как вынести? Пронос больших сумок на территорию МТШ запрещен. Как правило, это неукоснительно соблюдается. К тому же надзиратель на воротах имеет право обыскать личные вещи любого человека, входящего и выходящего из МТШ. Конечно, обыскивать своего коллегу-надзирателя вряд ли кто будет, но большая сумка все равно привлечет внимание, и вопрос могут задать. Хотя кое-кто из британских надзирателей приносит на смену портативный телевизор совсем не в маленькой сумке. Надзиратели знают об этом и считают нормальным. А может, принос телевизора на дежурство только ширма для большой сумки? Интересно, будет ли в этот раз расследование? Найдут ли виновного?*

* Подробно о проведении расследования кражи личных вещей «заключенного № 7» рассказано в главе 9 «Смена времен».

Новый пастор, 8 октября

Завершив первую часть дневного дежурства на воротах, я пообедал и теперь продолжаю смену в блоке. «Заключенный № 7» тоже пообедал и отдыхает, лежа на кровати. Сегодня запланировано первое посещение заключенного новым пастором. С конца июня, когда пастор Габель был уличен в активной деятельности по осуществлению контактов заключенного с внешним миром и отстранен от посещения Шпандау, «номер семь» оставался без пастырского общения. За три месяца французская сторона подобрала нового духовника для миссии в МТШ. Сегодня первый визит.

Без пятнадцати минут два в камере заключенного начал сигналить будильник. Это является обычной практикой: «номер семь» контролирует свой сон, а сейчас явно готовится к новой для себя встрече. Он долго потягивается, разминается в кровати, потом встает и медленно идет в туалет.

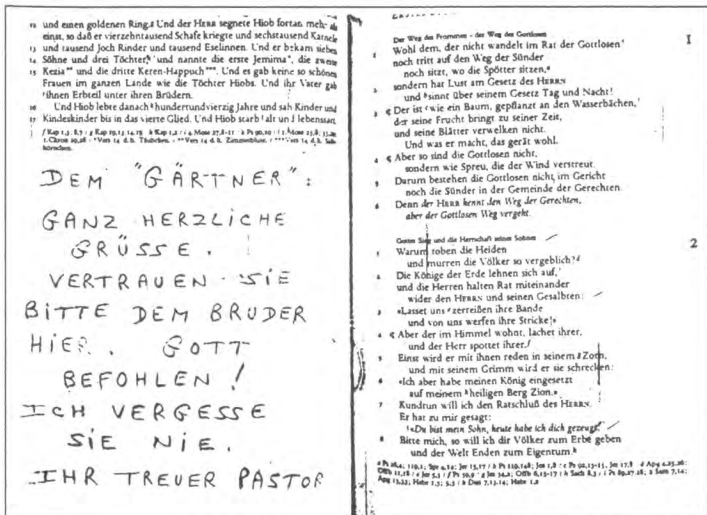
Ровно в 14.00 раздается звонок у входа в блок. Старший дежурный надзиратель француз Парамон открывает дверь. Через минуту новый пастор в сопровождении Парамона подходит к камере.

— Пастор Мишель Рериг, — представляется прибывший. На груди пастора крест поверх сутаны, в руках Библия. Глаза пастора постоянно бегают из стороны в сторону, руки слегка дрожат, чувствуется, что он сильно волнуется. Это и понятно, не

совсем обычный прихожанин появляется в его приходе. Я даю добро, и пастор заходит в камеру.

Неспешная беседа в камере заключенного продолжается в другой камере, приспособленной для проведения религиозной службы. Потом пастор с заключенным слушают церковную музыку, затем пастор читает вслух Библию. Служба идет своим чередом. За три месяца, пока у «номера семь» не было пастора, западная бульварная пресса много раз писала о том, что бедный заключенный остался без пастырского покровительства. Теперь пастор есть, значит, одним поводом для газетных «сенсаций» стало меньше.

Служба закончилась, пастор проводил заключенного в камеру и собирается уходить. Я сопровождаю его по длинному тюремному коридору. Интересно, почему он по-прежнему волнуется? Ведь служба завершилась. Интересуюсь у него, как прошла служба? Краткий ответ — все хорошо. Я прошу пастора показать мне Библию, которая у него в руках. Лицо пастора

Записка от пастора Габеля «заключенному № 7»,
сделанная в Библии пастора Рерига

бледнеет, кажется он готов упасть в обморок. Он протягивает мне книгу. Я всером быстро пролистываю фолиант в кожаном переплете и нахожу на одной из страниц запись, сделанную от руки.

Простым карандашом на странице Библии по-немецки написано: *«Садовнику: От всего сердца приветствую. Доверьтесь, пожалуйста, брату. Бог велит! Я Вас никогда не забуду. Ваш дорогой пастор»*.

Ясно, что бывший пастор Габель проинформировал нового пастора в отношении своей незаконной деятельности и, вероятно, дал какие-то инструкции. А чтобы у «заключенного № 7» не возникало сомнений в новом священнике, написал такое рекомендательное письмо. Однако в соответствии с Уставом МТШ подобное общение с заключенным должно пресекаться. Я показываю старшему дежурному надзирателю Парамону Библию, объясняю ситуацию. Он выглядит слегка смущенным, вероятно, от того, что Рериг его соотечественник. Но делать нечего, он обязан теперь записать этот случай в журнал дежурств и доложить директорам. Я возвращаюсь на свое место работы к камере заключенного.

Пайкл, 14 октября

Ночная смена, я старший. На доске объявлений в комнате старшего смены вывешено новое сообщение, что решением директоров МТШ пастор Рериг на две недели не допускается в тюрьму. Представляю, как непросто приходится французскому директору объясняться с коллегами. Ведь это французские пасторы уже дважды ставят его в очень неловкое положение.

Американец Пайкл, дежурящий в блоке, приходит ко мне в комнату, заваривает кофе. Пайкл недавно в МТШ, он заменил ушедшего на пенсию Робинсона. Я предлагаю сыграть партию в шахматы, но американец отказывается. В отличие от Робинсона он не любитель этой игры. Пайкл располагается на диване,

отхлебывает кофе, наша беседа ни о чем идет еле-еле. Пытаюсь узнать его мнение о недавней исторической встрече в Рейкьявике Рейгана и Горбачева*. Далекое не каждый день встречаются президент США и генеральный секретарь ЦК КПСС. Но Пайкл, опять же в отличие от своего предшественника, совсем не интересуется политикой, о встрече лидеров двух государств он ничего не знает.

Мы говорим о погоде, затем разговор заходит о западно-берлинской полиции, которая снова выставила мобильный пост недалеко от въезда на территорию тюрьмы. Вероятно, готовятся какие-то новые беспорядки. Вдруг американец заявляет, что полиция действует не очень правильно. По его мнению, пост надо было поставить в другом месте, дополнительно перекрыв подходы к служебным зданиям, относящимся к тюрьме. Меня удивила такая профессиональность. Оказывается, Пайкл несколько лет служил в американской полиции, в подразделении, которое специализировалось на борьбе с беспорядками и демонстрациями. Он принялся рассказывать, какие средства защиты есть у американских полицейских, как они проходят подготовку. Пайкл очень удивился, услышав от меня, что в Советском Союзе у милиционеров нет дубинок, заметив при этом, что это должны быть очень мужественные люди. Американец поведал, что среди демонстрантов всегда есть провокаторы, которые только и выбирают удобный момент, чтобы завести толпу на стычку с полицией. Эта область деятельности совсем незнакома для меня, поэтому я слушал Пайкла с большим любопытством. А он, встретив знакомую для себя тему, без остановки с удовольствием делился историями из своей жизни. Я понял, что встреча двух президентов для этого американца, а может, и не только для него, стоит по важности далеко не на первом месте, если вообще стоит.

* Встреча Р. Рейгана и М. С. Горбачева в Рейкьявике 11–12 октября 1986 года считается важным шагом на пути заключения соглашения об ограничении стратегических вооружений, ее называют «первым шагом к завершению эпохи холодной войны».

Через некоторое время смена Пайкла в блоке закончилась и он ушел продолжать дежурство на ворота. На дежурство в блок пришел француз Одуэн и сразу направился в кресло возле камеры заключенного.

Нюрнбергский трибунал, 16 октября

С 0.00 часов дежурю старшим смены. «Номер семь» спит. Синяя лампа тускло освещает камеру, что не мешает сну, но позволяет наблюдать за заключенным через окно в двери. Судя по всему, сон спокойный, ничто не тревожит заключенного, кошмары не мучают. А ведь сегодня исполняется ровно 40 лет со дня казни товарищей «заместителя фюрера», осужденных вместе с ним Нюрнбергским трибуналом*.

Международный военный трибунал был создан после завершения Второй мировой войны в соответствии с соглашениями, достигнутыми между правительствами Великобритании, Франции, СССР и США 8 августа 1945 года в Лондоне. Позднее к соглашениям присоединились еще 19 государств. Дела главных немецких военных преступников Международный военный трибунал рассматривал в немецком городе Нюрнберге с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. Суду были преданы 24 главных нациста: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Роберт Лей, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Юлиус Штрейхер, Вильгельм Фрик, Вальтер Эммануэль Функ, Ялмар Шахт, Густав фон Крупп унд Болен унд Гальбах, Карл Дёниц, Эрих Рэдер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче, Мартин Борман.

* Приговор Нюрнбергского трибунала был приведен в исполнение в ночь на 16 октября 1946 года.

Трое из подсудимых на суде не присутствовали:

Лей — находясь в тюрьме, еще до начала процесса покончил жизнь самоубийством; Крупп — был признан неизлечимо больным, и дело в отношении его было прекращено; Борман — не был обнаружен, поэтому его дело рассматривалось заочно.

Международный военный трибунал предъявил подсудимым обвинения по следующим разделам:

1. Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений.

2. Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев ведения войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся

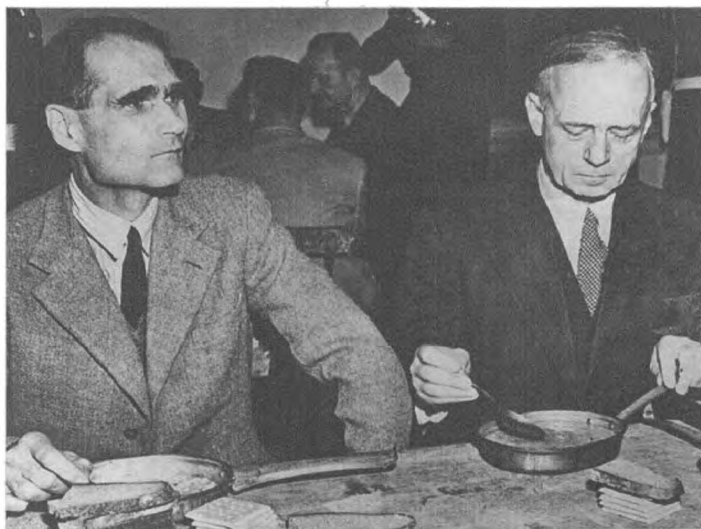
Американские следователи допрашивают Рудольфа Гесса при подготовке Нюрнбергского процесса

в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

3. Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

4. Общий план или заговор, а именно: участие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на свершение любых из вышеупомянутых преступлений.

В начальной стадии трибунала подсудимый Гесс симулировал потерю памяти, но вскоре заявил суду о ее полном вос-

**Подсудимые Р. Гесс и И. фон Риббентроп
на обеде в Нюрнбергской тюрьме**

**Нюрнбергская тюрьма в 1945 году. Здесь содержались
главные нацистские преступники во время процесса
Международного военного трибунала**

становлении. Больше всего такое поведение смутило адвоката обвиняемого доктора Гюнтера фон Роршейдта. Он строил всю свою защиту на том, что его подопечный болен и не может предстать перед судом. После такого выступления вся стратегия защиты рухнула, не успев толком начаться. А вскоре доктора фон Роршейдта сменил молодой адвокат Альфред Зайдль, уже защищающий другого подсудимого — Франка.

Но и после этого случая присутствующие на заседаниях трибунала обращали внимание, что Гесс периодически был как бы равнодушен к процессу и даже не слушал перевод хода заседания, сняв наушники. Однако, учитывая, что Гесс кроме немецкого языка владел также английским и французским, официальный перевод был ему не всегда нужен.

По предъявленным обвинениям Международный военный трибунал вынес следующие приговоры:

трое подсудимых — Шахт, Папен и Фриче — были признаны невиновными;

семь военных преступников — Гесс, Функ, Рэдер, Ширах, Шпеер, Нейрат и Дёниц — были приговорены к различным срокам тюремного заключения;

12 нацистских военных преступников были приговорены к смертной казни через повешение:

Герман Геринг — официальный преемник Гитлера, рейхсмаршал Великогерманского рейха, главнокомандующий люфтваффе, министр-президент Пруссии, уполномоченный по Четырехлетнему плану;

Иоахим фон Риббентроп — в 1933 году советник Гитлера по вопросам внешней политики, уполномоченный нацистской партии по вопросам внешней политики, с 1938 года имперский министр иностранных дел;

Вильгельм Кейтель — с 1938 года начальник Верховного командования вермахта, генерал-фельдмаршал;

Эрнст Кальтенбруннер — с 1943 года шеф полиции безопасности и СД, начальник Главного управления имперской безопасности, обергруппенфюрер СС;

Альфред Розенберг — с 1934 по 1941 год уполномоченный по вопросам идеологической подготовки членов НСДАП, с 1941 года имперский министр по делам оккупированных восточных территорий;

Ганс Франк — с 1938 по 1942 год рейхсleiter нацистской партии по правовым вопросам, в 1939–1945 годах генерал-губернатор польских территорий;

Вильгельм Фрик — рейхсleiter, руководитель фракции НСДАП в Рейхстаге, с 1933 по 1943 год имперский министр внутренних дел Германии, с 1943 года имперский протектор Богемии и Моравии;

Юлиус Штрейхер — с 1925 по 1940 год гаулейтер Франконии, главный идеолог антисемитской политики;

Фриц Заукель — с 1927 по 1945 год гаулейтер Тюрингии, с 1942 года генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы;

Альфред Йодль — с 1939 года начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, генерал-полковник;

Артур Зейс-Инкварт — в марте 1938 года глава правительства Австрии, в 1940–1945 годах имперский комиссар Нидерландов;

Мартин Борман (приговорен к смертной казни заочно) — с 1933 года начальник Штаба заместителя фюрера по партии, в 1941–1945 годах начальник Партийной канцелярии, рейхс-лейтер.

Глубокой ночью 16 октября 1946 года в спортивном зале Нюрнбергской тюрьмы смертный приговор был приведен в исполнение. В течение менее двух часов американский мастер-сержант Джон Вудс и два его ассистента провели через эшафот 10 приговоренных. Одиннадцатый — Герман Геринг — ускользнул от виселицы: он покончил с собой за несколько часов до казни, приняв в камере ампулу с цианистым калием. Трупы всех 11 человек были кремированы, пепел перемешан в едином ящике и высыпан в канал возле Мюнхена. В книге записей городского бюро погребений кремированные были записаны под вымышленными именами американских военнослужащих.

Здание спортивного зала тюрьмы в Нюрнберге — место казни главных нацистских преступников

Осужденные на различные сроки тюремного заключения нацистские военные преступники до июня 1947 года, до перевода в МТШ, остались в тюрьме при Нюрнбергском дворце правосудия. Гесс, считая себя самым значительным лицом среди оставшихся в живых нацистов, возомнил себя «будущим фюрером новой Германии». Вдохновленный этой идеей, он выпросил у администрации тюрьмы печатную машинку и до убийства в Шпандау написал программу государственного и общественного устройства новой Германии, составил список будущего правительства и даже подготовил свою первую речь для выступления перед депутатами Рейхстага. Государство, руководителем которого видел себя Гесс, едва ли отличалось от нацистского государства Гитлера, но без грубого попрания человеческих норм. Евреи, к примеру, «чтобы спастись от гнева немецкого народа», могли попроситься в специальные лагеря, где их ждала защита и «гуманные по возможности» условия. Но всем этим фантазиям бывшего заместителя фюрера не суждено было сбыться.

В 1986 году «заключенный № 7» не пишет программ нового государственного устройства. Однако за долгие годы тюрьмы он никогда не раскаивался в своих преступлениях. Он продолжает считать нацизм самой совершенной идеологией, Гитлера — самой выдающейся личностью в истории Германии, а себя — «мучеником», пострадавшим во имя «великой Германии». Этот несломленный фанатик и есть тот самый старик, безмятежно спящий сейчас при свете синей лампы.

Взрыв в столовой, 23 октября

Я приехал утром на смену и собрался, как обычно, идти завтракать в столовую. Однако здание столовой оказалось огорожено красной полицейской лентой. Понятно, что вход запрещен. Несколько человек в форме и в штатском ходят внутри ограждения, что-то смотрят, замеряют, обсуждают. Французский над-

зиратель Деденон, помощник французского директора и ответственный за питание персонала МТШ в октябре, увидев меня, подошел и рассказал о происходящем. Оказывается, ночью неизвестные взорвали бомбу в здании нашей столовой — в доме № 21. Сейчас специалисты осматривают здание и окрестности, проверяют, нет ли других бомб. Со стороны тюрьмы на здании не видно никаких повреждений. Но со стороны дороги выбиты окна и большая трещина идет в углу здания по всей стене от фундамента до крыши. По утверждению Деденона, полиция нашла записку, в которой террористы требуют освобождения заключенного. В противном случае угрожают новыми взрывами. Да уж, сюжет закручивается, как в кино. Но это не кино. Взорвали место, где мы каждый день бываем!

Между тем Деденон объясняет, что он здесь с раннего утра и уже организовал питание для персонала МТШ в доме № 24. Конечно, без привычного набора блюд, но чай и кофе, а также различные бутерброды там есть. Я отправляюсь на завтрак. Полька Мельницкая наливает мне кофе. Лицо ее сосредоточено, нет привычной улыбки, не слышно шуток. Рядом кухонная рабочая туниска Мелаоухи моет посуду. Ее муж — санитар Мелаоухи — значительную часть времени находится возле «заключенного № 7», поэтому семье предоставили жилье рядом с МТШ в доме № 22. Ночной взрыв был прямо напротив окон их квартиры. Естественно, вся семья очень напугана произошедшим.

РАФ, 30 октября

Многие немецкие газеты прокомментировали взрыв в тюрьме. Некоторые комментарии корреспондентов вызывают улыбку. Например, оказывается, из-за взрыва «заключенный № 7» в тот день не получил вовремя свое утреннее какао. К подобным заметкам мы уже привыкли. Но и в газете «Правда» опубликована маленькая заметка: «Западный Берлин: взрыв

в Шпандау». Никогда раньше в советской прессе о тюрьме Шпандау не упоминалось. Мало людей в СССР вообще знают о существовании такого заведения. А сейчас главная газета Советского Союза рассказывает, что есть такая тюрьма и что там произошел взрыв. Видимо, действительно, новая линия, проводимая генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачевым, под названием «гласность», входит в жизнь. И то, что, по общению газеты, бомба взорвалась в здании для отдыха военнослужащих и об угрозе новых взрывов сообщили анонимно по телефону, никак не портит хорошего впечатления о новых веяниях на Родине.

А вслед за «Правдой» и местная газета Группы советских войск в Германии «Советская Армия» напечатала заметку «Происки правых. Западный Берлин» с сообщением о взрыве в Шпандау. Правда, газета утверждает, что бомбу взорвали в караульном помещении. Но зато она точно угадала, что расследование ведут военные власти Великобритании, так как МТШ находится в английском секторе Берлина. Если местная советская военная газета решилась написать о Шпандау, значит, точно сверху дано разрешение писать о том, что раньше было запрещено. Видимо, и вправду начинается новый этап жизни в Советском Союзе.

Сегодня я работаю старшим дежурным надзирателем, то есть «чифом». Заключенный уже пообедал и отдыхает в камере. Британский надзиратель Босуорт возвращается с обеда на дежурство в блок. Делаю соответствующую запись в книге дежурств. Англичанин проверил заключенного и вернулся ко мне в комнату. С Босуортом интересно общаться на любую тему, его мнение зачастую отличается от того, что пишет пресса. Но и съязвить, что называется, подколоть, этот англичанин готов в любой момент и любого.

Босуорт рассказывает, что на стоянке возле тюрьмы стоит советский автомобиль и на его капоте надпись «РАФ». Конечно, я знаю, что сегодня советский директор приехал в МТШ на

«Рафике», потому что его «Волга» находится в ремонте. Сейчас «Рафик» стоит на стоянке возле тюрьмы и ждет директора. Это обычно и нормально. Но англичанина, оказывается, интересует логотип автомобиля! РАФ — очень распространенная в Советском Союзе машина-микроавтобус. Эта аббревиатура обозначает — Рижская автобусная фабрика. Но так как в каждой союзной республике СССР, помимо русского языка, законным является и национальный язык, то надпись на капоте сделана на латышском языке, то есть латиницей — RAF. В Советском Союзе это нормально. Но в Европе это сочетание букв обозначает уже не безобидную автобусную фабрику, а боевую террористическую организацию *Rote Armee Fraktion* — Фракция Красной Армии. Несколько десятилетий члены этой организации совершают поджоги, взрывы, убийства в Западной Германии. Если верить западной прессе, то организация названа в честь революционных армий СССР, Китая и Кубы, организована по принципу партизанского движения и ведет борьбу с классом буржуазии и буржуазным государственным аппаратом. Не так давно в Западной Германии в районе Мюнхена члены этой организации убили директора компании «Сименс», взорвав его автомобиль. Буржуазное западное общество очень напугано деятельностью этой организации.

Босуорт твердо заявляет, что одинаковые названия свидетельствуют о том, что за Фракцией Красной Армии тоже стоит Советский Союз, и именно он ответственен за все смерти и разрушения, которые несут террористы простым людям в Европе. Англичанин говорит с улыбкой, разговор можно считать шуткой, тем более что наш «Рафик» ежедневно бывает в Шпандау уже несколько лет. Но Босуорт лишь озвучивает то, что периодически появляется на страницах местной прессы. Слухи о поддержке террористов странами социалистического лагеря периодически всплывают на страницах газет и журналов, экране телевизора. Борьба с такой пропагандистской машиной, просто сказав «нет, неправда», очень сложно.

— Мистер Босуорт, но вы же знаете, что эти буквы означают у нас автомобильный завод в Риге, — возражаю я англичанину, — и не имеют никакого отношения к немецкой Красной Армии.

— Я-то знаю, — отвечает Босуорт, — но представьте простого немецкого обывателя, который встречает вашу машину на дороге. Какие у него возникают мысли?

Мы еще несколько минут обсуждаем злодеяния членов красноармейской фракции, и Босуорт уходит на свой пост. А я еще долго размышляю, как безобидное и широко известное в СССР название автомобиля может легко связываться с боевой террористической организацией.

Адвокат Зайдль*, 4 ноября

Около 10 часов утра советский переводчик Дмитрий Науменко зашел ко мне в комнату дежурного на воротах. Он принес пропуск, подписанный всеми четырьмя директорами, разрешающий вход в МТШ Альфреду Зайдлю — бывшему защитнику Рудольфа Гесса на суде. Дмитрий должен встретить адвоката и сопроводить его в комнату свиданий, где предстоит встреча с заключенным.

Ровно в 10 часов раздается звонок в дверь. Я открываю. 75-летний доктор Зайдль, член НСДАП в молодости и министр внутренних дел Баварии в 1977–1978 годах, хорошо выглядит и полон энергии. На нем темный костюм, белоснежная рубашка, дорогой галстук. Большие очки в роговой оправе и изящный кожаный портфель дополняют облик классического немецкого юриста.

* По правилам транслитерации немецких слов на русский язык, действовавшим до 1974 года, сочетание немецких букв *ei* передавалось на русский язык как *ей*. После изменения правил транслитерации сочетание *ei* стало передаваться как *ай*. Поэтому до 1974 года фамилия *Seidl* на русском языке писалась как *Зейдль*, так записано и во всех русскоязычных документах Нюрнбергского трибунала, а после 1974 года написание фамилии на русском языке стало *Зайдль*.

Доктор А. Зайдль среди адвокатов Международного военного трибунала на ступеньках Нюрнбергского дворца юстиции (второй слева во втором ряду)

20 ноября 1945 года в Нюрнберге начался судебный процесс «против Германа Вильгельма Геринга и других», вошедший в мировую историю как Нюрнбергский процесс. На данном процессе 35-летний немецкий адвокат Альфред Зайдль был назначен защитником бывшего генерал-губернатора Польши Ганса Франка. Следует отметить, что доктор Зайдль был самым молодым защитником на этом процессе. Интересы Рудольфа Гесса на процессе защищал доктор Гюнтер фон Роршейдт. Однако 5 февраля 1946 года защитник фон Роршейдт сломал ногу, как гласит официальная версия, и потерял возможность участвовать в деле. Уже на следующий день суд назначил обвиняемому Гессу нового защитника — Альфреда Зайдля. По рассказам самого Зайдля, он сначала отказывался

от этого поручения, ссылаясь на наличие у него уже одного подзащитного, однако суд не внял его доводам, указав на профессиональную обязанность.

Приговор Нюрнбергского суда для подзащитных доктора Зайдля известен: Ганс Франк — смертная казнь через повешение, Рудольф Гесс — пожизненное заключение. Но доктор Зайдль уверен и говорит об этом со страниц прессы, что именно его стратегия защиты позволила сохранить жизнь Рудольфу Гессу. Действительно, из четырех пунктов обвинения, предъявленных Гессу судом, приговор был вынесен только по двум: подготовка и развязывание агрессивных войн и совершение преступлений против мира. По двум другим пунктам обвинения — военные преступления и преступления против человечества Гесс был оправдан. На итоговом судебном заседании оба советских судьи требовали для Гесса смертной казни. Один из французских судей предложил наказание в виде 20 лет тюрьмы. После долгого совещания все восемь судей стран-союзников пришли к единому известному уже решению — пожизненное заключение.

Но главная роль доктора Зайдля на Нюрнбергском процессе состояла в другом. 25 марта 1946 года защитник Зайдль во время своего выступления рассказал о якобы существовавшем секретном протоколе, подписанном в дополнение к договору о ненападении между СССР и Германией в 1939 году, в соответствии с которым две стороны договорились о разделе между собой территории Восточной Европы. При этом доктор Зайдль ссылаясь на воспоминания Фридриха Гауса, бывшего посла по особым поручениям в германском МИДе, сопровождавшем имперского министра иностранных дел Риббентропа во время поездки в Москву в 1939 году. Так как у Зайдля не было никаких доказательств в подтверждение своих слов, председательствующий на суде английский судья Лоуренс отклонил просьбу о приобщении подобных материалов к делу. Но Нюрнбергский процесс был открытым, и на судебном заседании присутство-

Адвокат доктор А. Зайдль в 1986 году

вали многочисленные журналисты из многих стран мира. Таким образом «сенсационная» новость стала достоянием мировых газет и радиоканалов.

Через некоторое время доктор Зайдль представил суду и доказательство — отпечатанную на машинке якобы копию того самого секретного протокола. Но объяснить суду, откуда вдруг взялся документ, он правдиво не мог. По его словам, копию ему передал на улице совсем незнакомый человек лет тридцати пяти, среднего роста, спортивного телосложения, в гражданской одежде, хорошо говоривший по-немецки. Больше доктор Зайдль его никогда не видел. Опросив несколько свидетелей, но не получив доказательств существования когда-либо оригинала данного секретного протокола, суд исключил сам факт дальнейшего рассмотрения этого вопроса в ходе заседаний. Спустя много лет доктор Зайдль уже более откровенно рассказывает о получении этого документа. Он признается, что ему «подыграли с американской стороны».

За годы нахождения Гесса в Шпандау доктор Зайдль направил несколько прошений о его освобождении: в Контрольный совет над Германией, генеральному секретарю ООН, в Европейскую комиссию по правам человека в Страсбурге, главам четырех государств — победителей во Второй мировой войне. Главными мотивами для освобождения своего подзащитного Зайдль называл состояние здоровья заключенного и соображения гуманности. Все прошения были отклонены. Возможно, доктор Зайдль надумал подавать очередное прошение об освобождении своего подопечного, поэтому и прибыл сегодня на встречу с заключенным для получения согласия и обсуждения деталей.

Антисоветская пропаганда, 11 ноября

Во вчерашней самой большой по тиражу газете ФРГ «Бильд» (Bild) вышла статья с кричащим заголовком: «Русские выкинули пастора Гесса! До среды он должен покинуть город». Небольшая статья, расписывающая, как пастор Габель трудился в Западном Берлине на благо немецко-французской дружбы, одновременно являясь духовным наставником последнего заключенного Шпандау Рудольфа Гесса. Но коварные русские заставили пастора покинуть Шпандау, и он теперь вынужден уехать в Париж.

На статью можно было бы не обращать внимания, но она является наглядным примером, как работает антисоветская пропаганда и как формируется у обычного западного обывателя негативное мнение о Советском Союзе. Конечно, в статье никак не упоминается о том, что любое решение в тюрьме Шпандау принимается только единогласным решением всех четырех директоров. То есть все четыре директора вместе и каждый по отдельности приняли решение запретить дальнейшую работу пастора Габеля в МТШ. Соответственно в заголовке смело можно было написать: «Англичане выкинули пастора Гесса!» или «Американцы выкинули...». Но, боюсь, написать такое у самой большой западногерманской газеты не хватит храбрости. На «свое место» в демократическом обществе ей сразу укажут.

А что касается отъезда бывшего пастора из Берлина, то газета забыла рассказать еще больше. Пастор Габель в звании капитана французской армии в должности капеллана проходил службу во французском гарнизоне в Западном Берлине. После случая в Шпандау, позорящего честь офицера, французским военным командованием было принято решение отозвать капитана Габеля из Западного Берлина во Францию и уволить его из рядов вооруженных сил. И это правильно, ведь ни одна армия мира не хочет мириться с предателями в своих рядах. Тем бо-

лее, когда такой поступок совершен на глазах как союзников по НАТО, так и противника — Советов. Естественно, простым немецким гражданам такие подробности знать не надо. Раз где-то рядом с этим находились русские, значит, они во всем и виноваты. И задача «свободной демократической» прессы наиболее красочно рассказать об этих ужасных русских и их злодеяниях.

Заметка о новом пасторе, 20 ноября

Газета «Берлинер цайтунг» опубликовала статью с громким названием «Пастор Гесса: проступок во имя Бога». В статье рассказывается о первом посещении Шпандау пастором Реригом, о записке в Библии и о коварном надзирателе, помешавшем богослужению. С момента самого события прошло уже почти полтора месяца, а вездесущая бульварная газета откликнулась только сейчас. Видимо, действительно с уходом Габеля значительно меньше внутренней информации стало утекать за стены МТШ.

Советская инспекция, 24 ноября

Дневная смена началась в блоке. На улице дождь, ветер и очень холодно. На прогулку в первой половине дня идти не рекомендуется. К тому же сегодня запланирован приход инспекции. Ноябрь — советский месяц в МТШ, значит, с инспекцией придет начальник Отдела внешних сношений штаба Группы советских войск в Германии полковник Юрий Переверзев. Если у союзников инспекцию проводят соответствующие коменданты секторов Берлина, то от советской стороны эта миссия поручена «министру иностранных дел Группы войск».

По случаю инспекции санитар еще после завтрака придел заключенного в белую рубашку и темные брюки, особенно тщательно расчесал и уложил редкие волосы на голове. Сейчас

«номер семь», как обычно сидя на кровати, что-то неспешно пишет в своей большой тетради. Иногда он засыпает, опустив подбородок на грудь, и дремлет 10–20 минут. Потом просыпается и снова начинает писать.

Советский месяц в Шпандау включает в себя многое: советский караул охраняет тюрьму, советский директор председательствует на заседаниях директоров, советский военный начальник проводит инспекцию. Но советский месяц знаменит еще и советской, в первую очередь русской кухней. Ведь за питание союзного и несоюзного персонала тюрьмы отвечает та сторона, чей месяц председательствования. И вся эта забота ложится на плечи помощника директора. Помощники и директора периодически меняются, а высокий статус русской кухни остается десятилетиями. В данный момент помощник советского директора — Алексей Колодников. Икра, блины и борщ давно являются своеобразной «визитной карточкой» советского месяца в МТШ. Но мало просто закупить и привезти продукты в столовую. Повар Хану по национальности египтянин. Он знаком с кухнями многих народов мира. Но ведь в каждом национальном блюде есть своя изюминка, о которой иностранный повар может и не знать. Вот тут и должен помощник директора проконтролировать и подсказать правильную технологию приготовления, внести национальную специфику. Но для этого он сам должен владеть этим мастерством! Я, конечно, знаю, что дома Алексей под руководством своей жены Марины штудирует «Книгу о вкусной и здоровой пище», теоретически и практически отработывая приготовление того или иного блюда, но ведь всем об этом рассказывать не будешь, да и не надо. Благодаря Алексею в этом месяце в меню нашей столовой появилось новое блюдо — солянка из нескольких сортов мяса. Иностранные коллеги полными ложками заправляют солянку сметаной, которая, кстати, отсутствует на Западе, и не перестают хвалить русскую кухню.

На все расходы, связанные с обеспечением питания персонала, советскому директору выделяется 24 тысячи марок ГДР в год, то есть около 8 тысяч марок ГДР на каждый советский месяц. Сумма была установлена более десяти лет назад. Сегодня ее еле хватает для поддержания реноме, поэтому советскому директору и его помощнику приходится прикладывать много сил в свой месяц. В этом плане показательной является недавняя служебная записка советского директора командованию Группы войск:

«...С 1961 года, несмотря на неоднократные повышения цен на продукты питания, вышеуказанная сумма не изменялась. В связи с этим объем поставок продуктов приходится сокращать, и у нас возникают определенные трудности в поддержании продовольственного обеспечения Межсоюзной тюрьмы Шпандау на должном уровне. В частности, мы не в состоянии закупать в необходимом количестве престижные для русской кухни продукты, в том числе икру, балык, крабы и т. п.

Ожидается, что в дальнейшем эти трудности еще более возрастут. Это связано с тем, что состояние здоровья заключенного № 7 требует усиленного за ним наблюдения, а это возлагается на санитаря тюрьмы. Поэтому в ближайшее время потребуются увеличение количества санитаров, что в свою очередь повысит расход продуктов питания. Кроме того, в последнее время увеличилось количество внеочередных экстренных заседаний врачей и директоров, которые сопровождаются официальными обедами.

На всех официальных обедах представителей четырех сторон обязательно подаются спиртные напитки. В 1960–1970 годах советская сторона неоднократно в одностороннем порядке предпринимала попытки прекратить подачу спиртных напитков, однако это вызвало негативную реакцию западных сторон. Они стали

устраивать сепаратные приемы без приглашения советских представителей, их официальные лица стали отказываться от присутствия на церемониях, проводимых советской стороной. По этим причинам мы были вынуждены возобновить подачу спиртных напитков.

После принятия в 1985 году Постановления “О мерах по борьбе с пьянством и алкоголизмом” возникла довольно двусмысленная ситуация и нам пришлось обратиться за разъяснениями к начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Ахромееву. В соответствии с нашим запросом он дал указание сохранить устоявшиеся традиции, и мы получили право поставлять в свои месяцы председательствования 5 бутылок коньяка, 15 — водки, 20 — сухого красного и 25 — сухого белого вина, а также 60 бутылок пива.

Но за последнее время цены заметно выросли и у нас возникли серьезные трудности с приобретением спиртных напитков в прежних объемах.

Есть проблемы и с транспортом. В нашем распоряжении всего одна “Волга”, один “РАФ” и одни “Жигули”. Расход километража этих машин так велик, что они часто выходят из строя, не говоря уже о том, что их внешний вид не соответствует требованиям, предъявляемым к правительственным машинам, — и это вызывает нелестные отзывы со стороны представителей западных сторон...»

В конце коридора раздается звонок в дверь. Англичанин Миллер — старший дежурный надзиратель нашей смены — открывает дверь: прибыла инспекция. Помимо полковника Переверзева в блок пришли советский и британский директора, советский переводчик. Санитар Мелаоухи тоже встречает группу у входа. Он в общих словах рассказывает о состоянии здоровья заключенного.

«Заключенный № 7» тоже услышал этот звонок. Через окно в двери камеры мне видно, как он неспешно закрыл свою тетрадь, отложил ручку, встал со своей универсальной кровати. В тюремном коридоре шаги даже одного человека слышны очень сильно. А группа из нескольких человек, идущая по коридору, создает уже значительный шум. Окружающие стены больше привычны к тишине.

Полковник Переверзев не первый раз проводит инспекцию, все особенности тюрьмы ему знакомы. Поэтому сегодня инспекция пойдет по сокращенному варианту. Я открываю дверь камеры, все заходят внутрь. Стандартный вопрос инспектирующего заключенному о состоянии здоровья. Стандартный короткий ответ заключенного, что все нормально. Вопрос инспектирующего:

— Есть ли у вас какие-либо пожелания?

— Никаких, что в ваших силах осуществить, — отвечает заключенный.

Этот вопрос и ответ звучат почти при каждой инспекции. Они стали своеобразной классикой отношений заключенного с инспектирующими.

Инспекционная группа покидает камеру, а затем и тюремный блок. После еще нескольких формальностей инспекторам предстоит праздничный обед с прекрасной русской кухней. И конечно, всех ждет восхитительная солянка.

А «номер семь» снова задремал, свесив голову. Мое дежурство продолжается.

**Роль тюрьмы Шпандау в мировой политике,
7 декабря**

У меня ночная смена в блоке. Заключенный мирно спит. Его камера освещена приглушенным синим светом. Настольная лампа у меня на журнальном столике создает ощущение уюта в ночном тюремном коридоре. Прошел почти год, как я начал работать здесь — в Межсоюзной тюрьме Шпандау в Западном Берлине. За это время я познакомился со многими интересными людьми, увидел изнутри жизнь западного общества и больше не смотрю на его представителей как на «акул капитализма» и, конечно, узнал много нового об этом уникальном заведении, в котором мне довелось работать, — МТШ. Уникальном и значимом не только для Берлина или Германии, но и для всего мира.

Чтобы более понятной была значимость деятельности МТШ для стран-союзников и для всего мира, попробую показать работу четырех директоров на одном примере, которого скорее всего не было в действительности, но тем нагляднее эта деятельность будет видна.

В конце октября санитар Мелаоухи, обеспечивающий жизнедеятельность «заключенного № 7», составил список предметов, которые будут необходимы заключенному в ближайший месяц. В том числе в список были включены 10 рулонов туалетной бумаги. Санитар через секретарей передал список французскому директору МТШ, который являлся в тот месяц

председательствующим директором. На заседании директоров список был согласован, расходы были включены в общий бюджет тюрьмы на месяц, и все необходимые вещи закуплены.

1 ноября советский караул сменил французский на охране тюрьмы, и советский директор МТШ принял на себя обязанности председательствующего директора. По этому поводу состоялся традиционный праздничный обед, на который были приглашены военные руководители и дипломаты различных уровней четырех союзных держав, а также «сливки общества» Западного Берлина. Коллеги-директора поздравили французского директора с успешным окончанием месячной вахты, а советскому директору пожелали успехов в работе в предстоящем месяце. Все было как обычно.

15 ноября повар Хотидис, который готовил еду для заключенного, забыл поставить на ночь пакет с молоком в холодильник и утром приготовил на этом молоке для заключенного кашу. Два дня «заключенный № 7» страдал расстройством желудка и уверял надзирателей, что его хотят отравить. Надзиратели, естественно, докладывали об этом директорам. К лечению был подключен советский врач, являющийся председательствующим среди союзных врачей в этот месяц. Был проведен даже общий консилиум союзных врачей, но в конце концов здоровый организм взял верх и болезнь отступила сама собой.

25 ноября в среду санитар Мелаохи обнаружил, что в связи со своеобразной болезнью у заключенного остался последний рулон туалетной бумаги, и через секретариат попросил директоров купить еще один рулон туалетной бумаги, чтобы надежно хватило до конца месяца. В четверг 26 ноября на плановом заседании директоров советский директор как председательствующий поставил вопрос о покупке дополнительного рулона туалетной бумаги для нужд «заключенного № 7». Одновременно советской стороной был подготовлен проект протокола заседания директоров, в котором стандартно говорилось о том, что

такого-то числа состоялось заседание и директора единогласно решили выделить деньги на закупку рулона туалетной бумаги.

В ходе заседания американский директор заявил, что ему все равно, как решится этот вопрос. Французский директор отметил, что «заключенный № 7» тратит очень много туалетной бумаги и надо проверить, не использует ли он ее для тайных записей. Но по существу конкретного вопроса ему тоже все равно, и он согласится с любым решением, которое примет большинство коллег-директоров. Советский директор был готов предложить коллегам подписать протокол заседания, но британский директор, в обязанности которого входил также контроль за бюджетом МТШ, заявил, что в рамках сформированного бюджета расходов на ноябрь закупка дополнительного рулона бумаги приведет к увеличению расходов на заключенного и, следовательно, к сокращению расходов на несоюзный персонал тюрьмы, в частности к снижению заработной платы. Ведь все эти расходы оплачиваются из одного источника финансирования — западноберлинского сената. В связи с этим британский директор не может в данный момент принять решение и вынужден проконсультироваться с вышестоящим руководством. Позицию британского директора записали в проект протокола, и директора решили продолжить обсуждение данного вопроса на следующий день, в пятницу в 12.00.

Вернувшись в свою резиденцию, британский директор проинформировал о состоявшемся заседании свое руководство: коменданта британского сектора Берлина и посольство Великобритании в Бонне. В результате ночной работы Форин Офиса и Министерства обороны Великобритании к утру были выработаны инструкции для британского директора МТШ. В них говорилось:

«В ходе очередного заседания директоров под благовидным предлогом согласитесь с позицией советского директора МТШ. Для большей убедительности инфор-

мируйте коллег, что в западноберлинский сенат будет направлен запрос с просьбой увеличить финансирование МТШ».

Советский директор МТШ также доложил о проделанной работе своему руководству: командованию Группы советских войск в Германии и посольству Советского Союза в Восточном Берлине. В результате ночной совместной работы специалистов Министерства обороны и Министерства иностранных дел Советского Союза к утру пятницы для советского директора МТШ были выработаны инструкции:

«В ходе очередного заседания директоров под благовидным предлогом согласитесь с позицией британского директора МТШ. Что касается заключенного, то он несколько дней может попользоваться и газетой. Проведите для него подробный инструктаж по разминанию газетного листа. Только для Вас сообщаем, что на основании Вашей уступки британской стороне в МТШ советская делегация на закрытых переговорах по разделу сфер влияния в Египте на принципах “взаимности” также потребует уступки от британской делегации».

В пятницу, 27 ноября в 12.00 директора снова собрались и продолжили обсуждение отложенного вопроса. Британский директор сразу заявил:

«Учитывая совместную борьбу британского и советского народа с фашизмом, а также многолетнюю дружбу между Великобританией и Советским Союзом я, по согласованию с руководством, решил согласиться с позицией советского директора. Одновременно информирую, что готовится запрос в западноберлинский сенат на увеличение финансирования МТШ. Поэтому я предлагаю всем

подписать итоговый протокол, проект которого подготовлен советской стороной».

Таким образом, три директора единогласно поддерживают мнение советского директора, высказанное вчера, поэтому не остается ничего другого, как подписать протокол и завершить заседание. На совместном обеде в честь столь результативного завершения заседания коллеги поздравляют советского директора с положительным решением поднятого им вопроса и говорят о его несомненном дипломатическом таланте в решении сложных спорных проблем.

Вечером того же дня правящий бургомистр Западного Берлина получил от коменданта британского сектора Берлина письмо с пометками «очень срочно, совершенно секретно», в котором говорилось, что «жесткая и агрессивная политика, проводимая советским руководством в тюрьме Шпандау, направлена на снижение заработной платы сотрудникам МТШ, которые являются жителями Западного Берлина. Данное обстоятельство может привести к социальному взрыву в городе. Предлагаю принять соответствующие профилактические меры по урегулированию обстановки, а также добровольно принять решение об увеличении финансирования МТШ со стороны западноберлинского сената на сто тысяч марок». Тут же бургомистром было срочно созвано экстренное заседание городского сената, проведено ночное горячее обсуждение, и к утру субботы соответствующие решения были приняты.

В субботу, 28 ноября газета «Берлинер цайтунг» вышла с большой статьей и заголовком на первой странице: «Агрессивная внешняя политика Советов направлена на ухудшение жизни простых берлинцев! Для сдерживания советской экспансии в Европе количество полицейских в Западном Берлине увеличивается на 30 человек!». Об увеличении финансирования МТШ газета скромно умолчала. А уже в воскресенье, 29 ноября перед генеральным консульством Советского Союза

в Западном Берлине и перед посольством Советского Союза в Бонне состоялись массовые демонстрации протеста против агрессивных действий СССР во всем мире.

Но это еще не все. Французский директор МТШ после заседания в четверг также доложил о проделанной работе своему военному и политическому руководству и получил инструкции:

«Воспользуйтесь возникшими на заседании принципиальными разногласиями между британской и советской сторонами для продвижения интересов Франции на международной арене. Для этого в кулуарах заседания по одному проинформируйте:

1. Советского директора о том, что французская сторона готова поддержать позицию советской стороны, если Советский Союз пойдет на уступки Франции на переговорах в Чаде;

2. Британского директора о том, что французская сторона готова поддержать позицию британской стороны, если Великобритания согласится с позицией Франции по ситуации в Алжире;

3. Американского директора о том, что французская сторона согласна с мнением американской стороны по данному конкретному вопросу, а также о том, что Франция и далее будет принципиально поддерживать политику Соединенных Штатов на международной арене».

Естественно, и американский директор после заседания в четверг сделал доклад своему руководству. Не буду утомлять читателя перечислением полученных им инструкций. Любой человек, знакомый с международной обстановкой этого времени, может представить себе их содержание.

В понедельник, 30 ноября советский директор МТШ получил телеграмму из Москвы: «Из-за Вашей мягкотелой позиции на переговорах в МТШ советская делегация полностью

провалила переговоры по Египту. За невыполнение полученных инструкций Вам объявляется замечание. Требуем впредь не допускать подобных просчетов и более жестко отстаивать позицию Советского Союза на вверенном Вам участке». В это время «заключенный № 7», ничего не подозревая, пользовался новым рулоном туалетной бумаги.

На следующий день, 1 декабря американский караул заступил на дежурство вместо советского караула по охране тюрьмы, и американский директор стал председательствовать на заседаниях директоров. На торжественном обеде по такому поводу коллеги-директора говорили слова благодарности советскому директору за работу в прошедшем месяце и желали удачи американскому директору. За окном лил дождь, дул промозглый ветер. Американский директор смотрел на горящие в камине дрова и скромно улыбался. Он еще не знал, что «заключенный № 7» распечатал последнюю упаковку носовых платков...

Особенности службы в американской армии, 11 декабря

У меня ночная смена на воротах. Вокруг тишина. За окном и на мониторах полный покой. В такое время хорошо почитать что-нибудь интересное. Под рукой есть свежий номер журнала «Штерн», а в нем статья про перестройку в Советском Союзе. Звонок у ворот. Это американский офицер пришел проверять караул. Открываю ворота, здороваемся. Часовой у входа замирает по стойке «смирно». Я знаю, что ночная проверка караула происходит не каждую ночь, но периодически бывает. На то она и военная служба, расслабляться им нельзя.

Минут через двадцать раздается стук в дверь, офицер просит выпустить его во внешний мир. Короткое «бай!» на прощание, поворачиваю ключ в замке. Теперь можно продолжить чтение. Но через некоторое время громкий голос раздается за дверью моей дежурной комнаты. Ночная тишина улетучилась

в один миг. Понятно, что кто-то из караула громко разговаривает во внутреннем дворе. Проходит пять минут, потом десять, а голос продолжает громко о чем-то вещать. Слов через дверь не разобрать, но хорошо слышна монотонная речь одного человека. Неужели часовой возле караульного помещения громко и долго разговаривает сам с собой?

Любопытство берет верх, я открываю дверь. Часовой с винтовкой, как и положено, располагается у входа в караульное помещение и молчит. А говорит американский сержант. Перед ним навтыжку стоят три солдата без оружия. Сержант говорит громко и очень убедительно. При этом сержант находится почти вплотную к одному из солдат и их лица отделяют буквально сантиметры. Сержант широко открывает рот и активно шевелит губами. Понятно, что ему очень хочется донести до подчиненных что-то очень важное. На меня сержант не обращает никакого внимания. Он отступает на полшага назад и теперь его указательный палец почти упирается в грудь молодого бойца. Кажется, он сейчас проткнет им солдата. Но тот стоит не шелохнувшись, глядя прямо перед собой широко открытыми глазами. Сержант продолжает свою речь очень громким монотонным голосом, не срываясь на крик, но и не давая себе передышки. Из моего скромного знания американского военного сленга понятно только, что сержант очень недоволен самим солдатом, и его мамой, и его папой, и бабушкой с дедушкой, и даже его задницей.

Я закрываю дверь и возвращаюсь к чтению журнала. Ясно, что идет воспитательный разговор о смысле жизни. Вероятно, повод для беседы возник после визита офицера. Интересно, на сколько хватит выдержки у солдат слушать подобное нравоучение? Судя по поведению сержанта, его энергии для такой беседы хватит надолго.

Прошло еще около получаса, я уже просмотрел почти весь журнал, когда голос за дверью стих. Думаю, что боеспособность американской армии в данном конкретном подразделении в эту ночь значительно повысилась.

Перед Рождеством, 23 декабря

Германия, и Восточная, и Западная, готова встретить Рождество. Улицы и окна домов наряжены всевозможными украшениями и затейливыми подсветками. В магазинах толпы покупателей. На городских площадях проходят рождественские ярмарки с выступлениями артистов, множеством аттракционов и каруселей. Прилавки ярмарочных ларьков забиты всевозможными вкусными товарами и различными сувенирами. В воздухе стоит запах жареных сосисок и глинтвейна — горячего вина с корицей. Праздничное настроение просто витает над всем городом.

Однако праздник праздником, но надо и работать. Я сегодня старший смены. Последние мои записи в журнале дежурств говорят о том, что заключенный выведен на прогулку в сад, а санитар Мелаоухи убыл из блока. На столе свежий номер газеты «Берлинер моргенпост», а в нем статья с красноречивым названием «46-е Рождество за решеткой». Сама статья размещена внутри газеты, а ее заголовок и краткий анонс на первой полосе, так что сразу бросается в глаза. Даже не читая, по одному названию можно понять, о чем и о ком идет речь в этой «праздничной» рождественской статье.

Бывший пастор тюрьмы для военных преступников Шпандау, бывший капеллан французской армии Шарль Габель направил в редакцию газеты открытое письмо, адресованное «многим друзьям по церкви в Германии». Габель сообщает, что хочет уйти от служебной деятельности и продолжить свою схватку за Рудольфа Гесса, который встречает 46-й рождественский праздник за решеткой. То что происходит в Шпандау, абсолютно неприемлемо для церкви Иисуса Христа, считает бывший пастор и называет полномочия четырех директоров тюрьмы «прямым шагом назад в Средневековье». Конечно, Габель ничего не говорит о том, что его просто выгнали из французской армии за деятельность, позорящую честь французского

офицера. Но, видно, именно поэтому «мне стыдно за свою собственную страну!» — восклицает он.

Звонок у входной двери в блок нарушает мое чтение. Это секретарь Мукенгешай принес график дежурств на новый, 1987 год. Забираю у секретаря лист бумаги, запираю дверь. Этот экземпляр предназначен для старшего дежурного надзирателя, он будет лежать в журнале дежурств. Из графика видно, что на будущий год у советской стороны выпадает «пауза» и на 1, и на 9 мая, значит, будет возможность выехать всем своим коллективом на природу и отметить праздники. А вот на мой день рождения в августе предстоит обычный рабочий день. И в последний день года у советской стороны по графику выходной. Но с 0.00 часов 1 января 1988 года кто-то из советских надзирателей должен будет заступить старшим смены, значит, встретит Новый год не дома. Вот такое расписание на грядущий год.

Слышен звук открываемой двери лифта. «Заключенный № 7» и американский надзиратель Пайец вернулись в блок с прогулки в саду. Делаю соответствующую запись в книге дежурств.

Новогодняя ночь, 31 декабря

Новый год полным шагом идет по планете, заканчивается 1986 год. Я заступаю старшим вечерней смены, а на огромной территории Советского Союза Новый год встречают уже в Иркутске. Мне же сегодня к полуночи дома не быть, работа такая. Западные коллеги, в отличие от русских, почти не замечают новогодний праздник. Вот неделю назад на католическое Рождество было массовое праздничное настроение. При встрече все поздравляли друг друга, говорили приятные слова. Даже заключенный получил дополнительное свидание с родственниками по случаю Рождества.

Дежурство идет спокойно, как обычный будничным вечером. Завтра у советских надзирателей выходной и мне на смену

в полночь должен прийти кто-то из британских надзирателей. Мои советские коллеги дома в кругу семей готовятся к празднику. Судя по часам, вот и в Москве под звон курантов подняли бокалы с шампанским. Берлину до прихода Нового года осталось ждать недолго.

За двадцать минут до полуночи англичанин Тимсон пришел мне на смену. У надзирателей Шпандау считается нормальным приходить на работу раньше времени, проявляя тем самым уважение к сменяемому коллеге, но сегодня новогодняя ночь! Поздравляю Тимсона с наступающим Новым годом и желаю спокойного дежурства. Я выхожу из здания тюрьмы, прохожу внутренний дворик. Французский надзиратель на воротах с пожеланиями хорошего праздника выпускает меня за территорию. Наша машина уже стоит на стоянке в готовности. Водитель встречает мой приход с радостью и вопросом:

— Может, успеем домой к полуночи?

Ночная дорога пустынная, можно гнать всех заложенных под капот «Рафика» лошадей в полную силу. И, конечно, заманчиво, если повезет, перешагнуть порог дома за секунду до наступления нового года. Ведь там ждут жена и маленькая дочка.

— Нет, Володя, как получится. Поедем без экстрима, — отвечаю я.

Наш автомобиль уже въехал в Потсдам, когда часы показали двенадцать. Мы с водителем поздравили друг друга с наступившим новым, 1987 годом. А еще через пять минут я переступил порог своего дома.

«Черная среда» турецкого истопника, 7 января

В Берлин пришла зима по полной программе. Сегодня ночью выпало много снега, и это сразу сказалось на жизни всего города. Детям снегопад принес несомненную радость, а водителям множество проблем. Мне тоже утром пришлось выезжать из Потсдама раньше обычного времени, чтобы успеть на смену.

Сейчас я дежурю на воротах, и за окнами видна необычная жизнь заснеженного города. Ветки деревьев склонились под шапками снега. Температура немного ниже нуля, поэтому снег липкий и тяжелый. Коммунальные службы города как могут борются со стихией, но сил явно не хватает. Редкие прохожие за шлагбаумом пробивают себе дорогу по нечищеному тротуару. Возле МТШ наши рабочие поляк Мельницкий и грек Хотидис с самого утра расчищают дорожки, обеспечивая доступ ко всем зданиям тюрьмы. В тюремном саду сегодня, вероятно, будет красиво. После обеда мне предстоит там прогулка с заключенным. В остальном дежурство идет как обычно: принесли почту, пришли секретари, британский офицер проверил караул, пришел американский директор тюрьмы.

Около одиннадцати часов дня пришел истопник Ильтер. Я впускал его на территорию тюрьмы и видел, что он чем-то очень взволнован. Он зашел ко мне в комнату дежурного, чтобы получить ключи от котельной, и поведал о «самом черном дне» в его жизни.

Утром турок Ильтер, как обычно, выехал на работу из дома на машине. Его старенький «Фольксваген» служит своему хозяину много лет. Как и многие простые берлинские водители, Ильтер не меняет летние и зимние колеса, а круглый год использует одни шины. Ведь большой снег в Берлине — редкость. По знакомому ежедневному маршруту с учетом погодных особенностей Ильтер осторожно двигался в сторону Шпандау, как вдруг на одном из перекрестков синий БМВ въехал ему в правый бок. Повреждения двери оказались серьезными, пришлось вызывать полицию. Пока полиция добралась к месту происшествия, пока составляли протокол, прошло значительное время. На работу в МТШ истопник явно опоздал. По этому поводу Ильтер начал нервничать. За поврежденную машину он волновался меньше, ведь страховая компания виновника компенсирует все убытки по ремонту его автомобиля.

Завершив формальности с полицией, турок поехал дальше, благо автомобиль был на ходу и позволял нормально двигаться. Но буквально через пять минут идущий впереди «Мерседес» резко затормозил. Ильтер тоже затормозил, но его «Фольксваген», словно на коньках, продолжил движение и воткнулся в корму «Мерседеса». Разбитые фонари и бампера — итог этой встречи. У истопника тряслись руки и истошно колотилось сердце. Он вдруг вспомнил, что его собственная обязательная автомобильная страховка закончилась несколько дней назад. Он совсем забыл оплатить очередной страховой период. Снова ожидание полиции, снова составление протокола. После этого Ильтер поставил машину на ближайшей городской автостоянке и поехал дальше в МТШ уже на автобусе.

Турок заканчивает рассказ, на его глазах слезы. Ему предстоит за свой счет оплатить ремонт «Мерседеса». Ему придется за свой счет полностью отремонтировать свой автомобиль, потому что страховая компания, где застрахован БМВ, не возместит ему никакие расходы из-за отсутствия страховки. Мало того, эта компания может подать в суд, который примет решение, обязывающее Ильтера оплатить затраты и на ремонт БМВ. Вот такая дорога на работу была сегодня у нашего истопника.

Мне по-человечески жаль Ильтера. Но я могу его только выслушать и на словах выразить сочувствие. К тому же система с автомобильной страховкой и ее оплатой мне не совсем понятна, ведь в Советском Союзе нет такого понятия, как обязательная автомобильная страховка.

Очередной побег в Западный Берлин, 15 января

Газета «Берлинер цайтунг» опубликовала фотографию счастливой улыбающейся семьи и новый рассказ об очередном удачном побеге граждан ГДР в Западный Берлин. Мужчина работал водителем коммунальной службы. Он подметал и поливал ули-

цы столицы ГДР, а также расчищал снег на дорогах, которого в последнее время было много. Рабочий маршрут уборочного автомобиля проходил рядом с одним из контрольно-пропускных пунктов между Восточным и Западным Берлином, и, вероятно, водитель был знаком с особенностями его работы. Несколько дней назад он прикрепил к автомобилю снегоуборочный нож, посадил в машину жену и дочь, укрыв их брезентом на полу кабины, и направился по обычному маршруту. Не привлекая особого внимания, ему удалось проехать мимо железобетонных препятствий, стоящих на въезде в пограничную зону. Там его пытались остановить пограничники ГДР, но два следующих шлагбаума водитель просто снес навешенным впереди машины снегоуборочным ножом, разогнавшись до максимально возможной в том месте скорости. Емкость с антигололедным реагентом и механизм для его разбрасывания надежно прикрывали беглецов со спины от возможных пуль пограничников. Но выстрелов не было. В интервью газете семья рассказывает о своих волнениях, об огромном риске, на который шла осознанно ради осуществления мечты — жизни в западном обществе.

За прошедший год, имея возможность сравнивать жизнь в восточной и западной частях Берлина, я не могу найти каких-то кардинальных различий, толкающих людей на такие поступки. А может, я что-то еще не понимаю в этой жизни?

Гласность ширится, 20 января

В газете «Советская Армия» от 18 января напечатана статья «Караул несет службу в Шпандау». Причем это не маленькая заметка, а статья в несколько колонок. Корреспондент не называет конкретного подразделения, но подробно рассказывает о службе советских военнослужащих по охране тюрьмы Шпандау, их боевой подготовке, поездках на автобусе из восточной части Берлина в западную. При этом указаны фамилии воен-

нослужащих, а у некоторых из них даже взято интервью: лейтенант Олег Орлов, старшина Андрей Петришин, ефрейтор Александр Яловегин. Еще некоторое время назад подобную статью не пустили бы в печать. Теперь можно смело сказать, что в нашей стране гласность развивается по всем направлениям.

Британская кухня, 23 января

Зима в Берлине продолжается. Я вместе с «заключенным № 7» вернулся с утренней прогулки в саду. Если в городе от выпавшего несколько дней назад снега уже практически не осталось и следа, то за тюремной стеной он лежит в основном нетронутый. Рабочие расчистили лишь дорожки для прогулки заключенного и тропинку для передвижения караула, а весь сад остается под снегом. Сегодня заключенный прошелся по дорожке из конца в конец, посидел немного в садовом домике, и мы вернулись на лифте назад в блок. «Номер семь» уже переоделся с помощью санитаров и, разместившись на кровати, приступил к обеду. Мне тоже пора на обед.

Январь — британский месяц в МТШ, а значит, питанием персонала занимается помощник британского директора Уормен. В британский месяц в нашей столовой на завтрак всегда свежие фруктовые соки, чего нет ни у какой другой стороны. Под руководством Уормена повара прекрасно готовят жареное мясо по старинному английскому рецепту. Замечательный томатный суп периодически подается на обед. Никогда раньше не думал, что этот простой с виду суп можно приготовить так вкусно. Сам Уормен тоже любит этот суп, хотя у него с супом непростые отношения. Я несколько раз видел, как, садясь за стол, Уормен нечаянно опускал конец галстука в свою тарелку с томатным супом. Тут главное — вовремя заметить или получить подсказку товарища, чтобы не испачкать томатом все вокруг. Галстуки Уормена в томатном супе уже стали своеобразной шуткой или присказкой в МТШ.

Но больше всего в британский месяц впечатляет пиво. Пиво «Шультхайс». Конечно, французы тоже подают вино. Но вино наливают в бокалы, а британцы дают пиво в банках. Можно выпить банку пива в столовой, а можно забрать ее с собой. Надзиратели всех стран часто так и делают. Для советского персонала это актуально особенно, так как ни в ГДР, ни тем более в Советском Союзе пива в банках нет в свободной продаже. Такую банку не зазорно использовать в качестве подарка любому мужчине. Ну, а если требуется решить какой-то щепетильный вопрос, то банка пива в качестве сувенира становится хорошим помощником. Интересно наблюдать за восторженной реакцией друзей и знакомых, зашедших в гости и увидевших на обеденном столе банку пива.

Я заканчиваю обед и забираю пиво с собой. Теперь мне предстоит четыре часа дежурства на воротах.

Комиксы, 4 февраля

Я дежурю в блоке. Заключенный расположился на кровати и что-то пишет в своей большой тетради. Я иду в комнату старшего дежурного надзирателя и завариваю себе кофе. Старшим смены сегодня американец Пайкл. По обычной для всех американцев привычке он развалился в кресле, положив ноги на стол. Пайкл очень любит комиксы, поэтому читает и просматривает книжки с черно-белыми рисунками все свободное время. Но больше всего американец любит комиксы эротические. У нас с ним сложились нормальные приятельские отношения, поэтому на мой вопрос: «Что читаешь?» — он запросто протягивает мне небольшого формата книжицу с картинками. Вся книга посвящена одной главной героине — Норме Джин. Множество карандашных картинок и подписей к ним рассказывают о разных веселых ситуациях, в которые попадает или сама Норма, или ее нижнее белье, или белье вместе с Нормой, или Норма без белья. В общем, Пайклу есть чем занять время.

Мы беседуем о том о сем. Я неспешно отхлебываю кофе. Вдруг Пайкл лезет в свою сумку и со словами «Показываю только тебе» достает нож. Поясняет, что нож остался со времен службы в полиции, им вооружены бойцы специальных подразделений полиции, где служил Пайкл. Хороший нож с пластиковой рукояткой, однако ничего особенного. Но в комплекте с ножом есть и легкие пластиковые ножны. А вместе с ножнами целый набор ремешков и креплений, что позволяет закреплять нож в ножнах на различных частях тела. Пайкл показывает, что чаще всего носил нож под мышкой рукояткой вниз. Специальный фиксатор не дает ножу вывалиться из ножен. Я допиваю кофе, мою чашку. Пора возвращаться к месту дежурства.

Парамон, 16 февраля

Сегодня я работаю ночь «чифом». Первую половину смены в блоке дежурил американец Новак. За это время я дважды подходил к камере, проверял и заключенного, и надзирателя. Все в порядке.

Ночью хорошо читать умную книгу или учить язык. Тишина и спокойствие способствуют работе мыслей. Ну а если хочется спать, то можно взбодриться чашкой крепкого кофе. Чайник и банка растворимого кофе всегда стоят в комнате старшего дежурного надзирателя.

В четыре часа утра француз Парамон сменил американца в блоке. Тюремный коридор длинный и темный, и только в дальнем конце возле дежурного горит настольная лампа. Я видел, как Парамон осмотрел через дверное окно заключенного, достал газету и расположился в кресле. Спокойного дежурства! Я тоже пошел в свою комнату.

Около шести утра я иду в блок. Через полчаса-час заключенный должен проснуться, придет санитар, надо проверить, как прошла ночь. Тихонько ступаю по темному коридору. Еще

издали вижу, что Парамон спит в кресле. Вдруг открывается дверь камеры и в коридор выходит «заключенный № 7». Он смотрит на Парамона и, стараясь не шуметь, направляется в туалет. Я останавливаюсь, не желая испугать его своим внезапным появлением. «Номер семь» находится на свету и не видит меня в темном коридоре. Он заходит в туалет, через какое-то время снова выходит в коридор и так же тихо, чтобы не разбудить французского надзирателя, возвращается в свою камеру. Где еще подобное увидишь? О такой тюрьме кино снимать можно! Я бужу Парамона.

Безумец или симулянт? 25 февраля

У меня сегодня дневная смена в блоке. «Заключенный № 7» жалуется на плохое самочувствие. Санитар Мелаоухи измерил давление, температуру, провел осмотр. Никаких особых отклонений санитар не нашел, но рекомендовал воздержаться от прогулки. Поэтому вместо прогулки заключенный сейчас лежит на своей кровати, а я, поглядывая на него через окно в двери камеры, листаю скопившиеся на столике газеты.

За время нахождения в заключении — и в английском плену, и на Нюрнбергском процессе, и позже в Шпандау — Гесс неоднократно устраивал испытания для союзных врачей, объявляя о своей какой-либо болезни. Как правило, наличие болезни не подтверждалось и она сама по себе со временем излечивалась. К подобным симуляциям все в МТШ уже привыкли. Однако очередные жалобы заключенного и необходимость дальнейших обследований позволяли ему привлекать к себе постоянно повышенное внимание всех, находящихся вокруг него. Наиболее значимая и долгоиграющая имитация — выдавать себя за душевнобольного, потерявшего память.

До перелета Гесса в Великобританию 10 мая 1941 года никто в Германии даже подумать не мог объявить заместителя фюрера сумасшедшим. В данных уже после окончания войны

показаниях многие люди, знавших Гесса лично, говорили, что в поведении и поступках третьего человека Третьего рейха не было ни малейшего намека, который позволял бы сделать вывод о его умственном расстройстве. За две недели до полета, 26 апреля 1941 года, Гесс отпраздновал 47-й день рождения. Многочисленные газетные статьи и несколько радиопередач были посвящены этому событию. Журналисты на все голоса расписывали достоинства заместителя фюрера. На многочисленных нацистских мероприятиях звучали речи, в которых Гессу высказывалось большое почтение и которые превозносили его до небес. Газета *Nationalzeitung* («Национальная газета») написала в эти дни: «Нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера».

Однако уже через две недели, 12 мая, немецкое радио передало сообщение: «Партийное руководство заявляет: член партии Гесс, которому ввиду его болезни, с годами все более усугублявшейся, фюрер категорически запретил пользоваться летательными машинами, на днях, нарушив приказ, сумел завладеть самолетом. В субботу, 10 мая, примерно в 18.00 Гесс отправился из Аугсбурга в полет, из которого до сих пор не вернулся. Оставленное им письмо, к несчастью, свидетельствует о признаках психических нарушений и позволяет заключить, что Гесс стал жертвой галлюцинаций».

Еще через день заявление о психической неполноценности Гесса было более откровенным: «Рудольф Гесс, как было известно Партии, несколько лет страдал от психического расстройства и все чаще находил убежище в различных формах гипнотизма, астрологии и так далее. Делается попытка установить, в какой мере подобные занятия причинили Гессу то умственное расстройство, которое заставило его предпринять этот шаг». Весть о психическом расстройстве одного из любимых партийных руководителей стала шоком для немецкого народа.

Но действительно ли нацистская партия знала, что ее партийный руководитель и близкий друг фюрера сумасшедший?

Вряд ли. Скорее всего, это был заранее запланированный ход, когда стало ясно, что миссия Гесса потерпела неудачу. Как вспоминает его жена Ильза, в письме, написанном Гессом для Гитлера перед полетом в Великобританию, говорилось: «И если, мой фюрер... судьба обернется против меня, если возникнут вредные последствия для тебя или Германии, ты всегда можешь отрицать любую ответственность, просто сказав, что я сошел с ума». Это подтверждает и сообщение Черчилля американскому президенту Рузвельту, посланное через несколько дней после ареста Гесса. Британский премьер сообщил, что Гесс не обнаруживает признаков психического расстройства. То есть в Великобританию прилетел вполне здравомыслящий человек.

Однако уже через год Черчилль проинформировал советское правительство, что британские психиатры поставили Гессу диагноз душевной неуравновешенности с признаками мании преследования. К осени 1945 года, к началу Нюрнбергского процесса, по заключению британских специалистов, у Гесса уже были параноидальные иллюзии и истерическая амнезия. С чем связано такое резкое и значительное ухудшение психического состояния заключенного за четыре года британского плена? Возможно, произошедшие события — провал миссии, содержание в заключении, ход войны — действительно губительно подействовали на психику Гесса. Возможной причиной могло стать и то, что, пытаясь больше узнать о миссии Гесса и о военных секретах Германии, английские спецслужбы давали заключенному «наркотик правды», и повышенные дозы этого препарата привели к плачевному результату. Однако многое свидетельствует также о том, что Гесс в значительной степени симулировал свое состояние, продолжая согласованную с Гитлером легенду.

19 октября 1945 года Гесс из Великобритании самолетом был доставлен в Нюрнберг. Здесь он объявил, что страдает от полной амнезии и ничего не помнит о своей жизни в Германии. Он не узнавал своих бывших коллег, ныне соседей по скамье

**Выступление Рудольфа Гесса
на заседании Нюрнбергского трибунала 30 ноября 1945 года**

подсудимых. Встретившись первый раз с Герингом, Гесс спросил: «Кто вы такой?»

7 ноября 1945 года адвокат Гесса фон Роршейдт направил запрос в Трибунал на необходимость психического обследования Гесса. Он решил построить защиту на том, что ввиду психического состояния Гесс не способен защищаться и отвечать перед законом.

По решению Трибунала была создана специальная комиссия, в которую вошли восемь врачей-психиатров — трое британских, трое советских, один американский (с двумя помощниками) и один французский. Комиссия тремя группами по отдельности обследовала заключенного. Основные выводы всех трех групп были одинаковыми: Гесс не сумасшедший, он находится в здравом уме и может отвечать за свои действия. Заключение комиссии было оглашено на заседании Трибунала 30 ноября 1945 года. Однако адвокат фон Роршейдт продолжал настаивать, что его подопечный не способен себя защищать из-за провалов памяти и, соответственно, быть подсуд-

ным. Судья решил спросить мнение самого Гесса о его способности осознать свою вину.

И тут с Гессом произошла разительная перемена. С уверенностью, с которой он выступал ранее на партийных съездах, он встал, подошел к микрофону, вынул из кармана конверт, а из него лист бумаги и начал читать:

«Господин председатель, я хочу сказать следующее: еще сегодня в начале послеобеденного заседания я заявил своему защитнику и передал ему записку, содержание которой сводится к тому, что можно было бы сократить весь разбор этого дела, если бы мне разрешили говорить. Я лично хочу сказать следующее. Для того чтобы предотвратить могущее возникнуть мнение о том, что я не в состоянии участвовать в данном процессе, несмотря на то, что я хочу участвовать в дальнейшем ведении процесса и хочу сидеть на скамье подсудимых вместе со своими товарищами, о чем я уже заявлял в свое время, я хочу сделать суду следующее заявление, которое я первоначально хотел сделать позднее.

Я хочу сказать, что с этого момента моя память находится в полном распоряжении Суда. Основания, которые имелись для того, чтобы симулировать потерю памяти, были чисто тактического порядка. Вообще, действительно, моя способность сосредоточиваться была несколько нарушена, однако моя способность следить за ведением дела, защищать себя, ставить вопросы свидетелям или самому отвечать на задаваемые мне вопросы не утрачена.

Я подчеркиваю, что я несу полную ответственность за все то, что я сделал и подписал вместе с другими. Мои принципы заключаются в том, что данный Трибунал не является правомочным, но это, однако, не имеет отношения к тому, что я заявил выше.

Я до сих пор настаивал на потере памяти и перед своим официальным защитником, и он поэтому добросовестно отстаивал это положение».

Гесс положил бумагу в карман и вернулся на свое место на скамье подсудимых. Зал взревел. Судья объявил перерыв в заседании до следующего дня.

1 декабря 1945 года заседание началось с оглашения решения Трибунала:

«Трибунал внимательно рассмотрел ходатайство защитника подсудимого Гесса, и по этому вопросу обвинение обменялось мнениями с защитой. Трибунал также рассмотрел очень подробные заключения медицинской экспертизы о состоянии здоровья подсудимого Гесса и пришел к заключению, что нет никаких оснований для того, чтобы дать распоряжение о дальнейшем медицинском обследовании Гесса.

После того, как было заслушано вчера в Суде выступление подсудимого Гесса, и принимая во внимание все доказательства, Трибунал придерживается мнения, что в настоящее время подсудимый Гесс в состоянии находиться под судом, поэтому ходатайство защиты отклоняется и суд будет продолжаться».

Несмотря на сделанное заявление, по прошествии нескольких дней Гесс снова начал утверждать, что потерял память. На скамье подсудимых началась легкая паника, так как заключенные не сомневались в том, что Гесс симулировал амнезию с самого начала. А теперь он должен был выступать свидетелем в пользу некоторых подсудимых, но отвечал, что ничего не помнит. В первую очередь это коснулось бывшего руководителя Гитлерюгенда Бальдура фон Шираха. По предварительно достигнутой между Ширахом и Гессом договоренности Гесс должен был дать

свидетельские показания в пользу Шираха. Но через восемь дней, когда пришло время показаний, Гесс заявил, что не знает, что от него нужно Шираху. С этого момента и на многие последующие годы, пока Гесс и Ширах вместе отбывали наказание в тюрьме Шпандау, их отношения были холодными, а зачастую и враждебными.

В августе 1946 года новый адвокат Гесса доктор Зайдль снова поднял вопрос о проведении в отношении его подзащитного новой психиатрической экспертизы. На этот раз суд ограничился заключением тюремного психиатра доктора Гилберта:

1. Гесс не сошел с ума (в юридическом смысле это означает, что он может отличить правильное от неправильного и осознать последствия своих действий).

2. Нет ничего, чтобы предположить, что Гесс был безумен в момент совершения деяния, по которым он обвиняется. Его поведение в ходе всего судебного процесса дает достаточно свидетельств, чтобы развеять все сомнения по поводу его здоровья.

3. Проведение новой психиатрической комиссии не даст ничего нового для дальнейшего уточнения дела, поскольку клиническая картина та же, что и в выводах первой психиатрической комиссии.

Следующее психиатрическое обследование Гесса было проведено уже в тюрьме Шпандау в мае 1948 года консультантом по нейропсихологии Армии США доктором Уолшем. Заключение американского психиатра такое: «В настоящее время Рудольф Гесс не является психопатом. Не обнаружено никаких свидетельств галлюцинаторного, маниакального или иллюзорного восприятия. Не было найдено свидетельств параноидальной окраски содержания психики Гесса. Интеллект его явным образом находится на высшем уровне». Таким образом, рапорт Уолша говорит, что через девятнадцать месяцев после выходов

в Нюрнберге Гесс снова стал полностью нормальным человеком. Новое психологическое обследование в 1964 году подтвердило, что заключенный является человеком «бодрым, не обнаруживающим нарушений мыслительного процесса, памяти и ориентации во времени».

Я не врач. Но, общаясь с Гессом практически ежедневно уже более года, могу сказать, что никогда не замечал у него признаков умственного заболевания. Да и санитар Мелаоухи никогда не рассказывал о каких-либо проблемах с головой у его пациента. Тем не менее какие-то отклонения в психике у этого человека, вероятно, все-таки были, ведь за свою жизнь он четыре раза пытался покончить с собой. Правда, многие специалисты утверждают, что это всегда были больше показательные попытки самоубийства, чем реальное желание этого. После каждого такого случая Гесс быстро выходил из депрессии и возвращался к нормальной жизни.

Первая попытка суицида была предпринята 16 июня 1941 года, через месяц с небольшим после прилета в Великобританию и помещения под арест. Гесс выпрыгнул в лестничный проем на вилле, где его поселили. Однако высота была небольшая, и Гесс только сломал левую ногу.

Вторая попытка самоубийства произошла 4 февраля 1945 года тоже в английском плену. За ужином Гесс попросил принести нож для резки хлеба и ударил им себя в левую сторону груди, но сердце не задел. При этом очевидцы показывают, что он просто проткнул ножом оттянутую складку кожи на груди.

Третий раз покончить счеты с жизнью Гесс попытался 26 ноября 1959 года в своей камере в тюрьме Шпандау. Он разбил стекло очков и осколком разрезал поперек вену левого запястья. Но надзиратель вовремя заметил неладное, да и рана была неглубокой. Советский врач, наблюдавший в тот месяц за здоровьем заключенных, на месте зашил рану, и инцидент был исчерпан.

Четвертая попытка суицида была предпринята 22 февраля 1977 года тоже в своей камере в Шпандау. И снова заключен-

ный пытался разрезать левое запястье, но на этот раз ножом, предназначенным для еды. Как и в предыдущий раз, оперативно сработали надзиратели, своевременно была оказана медицинская помощь, и Гесс вернулся к прежней жизни.

Сегодня директора тюрьмы Шпандау, союзные врачи и санитар Мелаоухи критически подходят к очередным жалобам «заключенного № 7» на различные боли и недомогания именно из-за его попыток многочисленных симуляций и имитаций болезней. Но совсем жалобы игнорировать нельзя. Поэтому сегодня отменена прогулка в саду, заключенный лежит в своей кровати, а я, перечитав всю стопку газет, завершаю смену в блоке и иду на обед. Дальше мне предстоит дежурство на воротах.

Зима заканчивается, 28 февраля

Вечернюю смену я начал на воротах. В Берлине заканчивается зима и по календарю, и на улице. Скоро придет тепло, придет новая жизнь. В расположенных неподалеку от тюрьмы Шпандау казармах британской армии сегодня «играют в войну». На въезде в воинскую часть выставлена дополнительная вооруженная охрана. Британская военная техника периодически проезжает по Вильгельмштрассе мимо моих окон, следуя то в сторону казарм, то наоборот. Правда, отдельные армейские автомобили и бронетранспортеры союзников не являются редкостью на улицах Западного Берлина. Немецкие водители стараются держаться от них подальше. Но сегодня британцы подняли, вероятно, все свои силы.

В сопровождении военной полиции два британских танка неспешно проехали по дороге мимо тюрьмы и скрылись за поворотом. Отправились куда-то выполнять боевую задачу — условно отражать условное нападение частей Советской армии и Национальной народной армии ГДР на Западный Берлин. Хотя кому нужно на него нападать? Танки как танки, раскрашены в городской камуфляж. Но на гусеницах этих танков есть

специальные резиновые вставки, которые защищают асфальт от гусениц, гусеницы от асфальта и одновременно создают гораздо меньше шума. Очень интересное решение! Ширина проезжей части на Вильгельмштрассе не очень большая, по одной полосе движения в каждом направлении. Интересно, как чувствуют себя водители на встречной полосе при разъезде с этими монстрами?

Француз Неро пришел мне на смену в положенное время, а я отправился на его место, продолжать дежурство в блоке. Санитар Мелаоухи, к моему удивлению, еще находится в своей комнате, обычно в это время его уже нет в тюрьме. На мой вопрос он поясняет, что у «Деда» сегодня поднималась температура, случались приступы кашля. Сейчас все нормально, заключенный спит, и санитар готов идти домой. Он просит внимательно следить за «номером семь» и в случае любых подозрительных явлений немедленно звонить ему домой. Ну, это и так понятно, это обязанности надзирателя на посту.

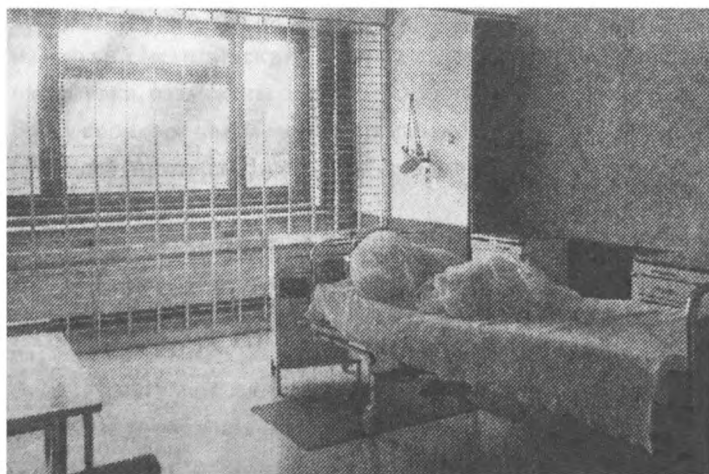
По длинному коридору прохожу к своему рабочему месту. В камере горит синий свет, заключенный тихо спит. Вроде ничего необычного. Но на столике у кресла надзирателя устроен маленький медицинский кабинет: стоят какие-то коробочки и пузырьки, разложены разные медицинские принадлежности. В углу коридора на тележке стоит кардиограф, привезенный из кабинета санитара. Видно, что сегодня Мелаоухи пришлось поработать.

Устраиваюсь в кресле, рассматриваю содержимое стола. В первую очередь внимание привлекает тонометр. Я уже видел его в руках санитара, но сам держу первый раз. Мне несколько раз в жизни мерили давление. Но это всегда была врач, которая сначала резиновой грушей накачивала манжету, потом крутила колесико, смотрела на стрелку или на ртутный столбик, при этом что-то слушала, а затем называла какие-то цифры, делая в это время многозначительное лицо. В этом была какая-то таинственность, и четко понималось, что без этого врача заветные

цифры тебе никто не скажет. А тут небольшая пластиковая коробочка с батарейками после нажатия одной кнопки сама накачивает манжету и высвечивает нужные цифры. Я надел манжету на левую руку. Прибор показал 120/80. Надел на правую, такой же результат. Может, он неисправен? И много это или мало? Я прошелся по коридору, снова измерил. Сделал несколько наклонов, измерил. Потом измерял сидя, измерял стоя... Смена пролетела быстро.

Воспаление легких, 3 марта

Весна началась довольно хлопотно. 1 марта, в воскресенье, заключенный был помещен в британский военный госпиталь. Но в отличие от прошлогоднего пребывания здесь, проходившего в качестве профилактики, в этот раз все серьезно. У «номера семь» определили бронхит и воспаление левого легкого. Поэтому и в госпитале видны изменения. Заключенный лежит в той же палате № 204 с отдельным усиленно

**Палата Гесса в британском военном госпитале,
Западный Берлин**

охраняемым доступом. Но нет прежних частых экскурсий персонала госпиталя «посмотреть на арестанта». К больному подключены сразу несколько капельниц и аппараты для контроля сердечной деятельности и давления. Но самое главное, что у заключенного постоянно надета кислородная маска, воздух к которой по гибкой гофрированной трубке поступает из специального разъема в стене. В палате практически все время находится медицинская сестра: меняет капельницы, следит за приборами, проверяет катетеры, просто сидит рядом с больным. Лечащий врач периодически заходит в палату. Лицо его сосредоточенно и не располагает ни к каким разговорам.

В остальном вокруг все, как и было в прошлый раз: вооруженные патрули на подъезде и при входе в госпиталь, отдельный лифт в специальный блок для заключенного, множество людей в форме и в штатском с оружием на нашем этаже, армейская столовая для персонала и надзирателей с общей раздачей. Я провел целую смену восемь часов возле палаты заключенного. Он все время лежит на спине в кислородной маске. Спит? Или его специально поддерживают в таком состоянии?

Тюрьма есть, заключенного нет, 5 марта

Сегодня у меня смена на воротах тюрьмы. Внешне в тюрьме и вокруг нее, а соответственно и в моем дежурстве ничего не изменилось. Почтальон принес почту. Пришел секретарь. Собрались все директора, у них сегодня заседание. Истопник, рабочие, повар — все проходят через ворота, как и обычно. Часовые на вышках бдительно несут службу. Военские начальники приезжают проверять караул. МТШ живет своей обычной жизнью. Разница только в одной маленькой мелочи — в тюрьме нет ее единственного «заключенного № 7». Камерный блок пуст. Ну подумаешь, нет одного человека. Остальные пятьдесят на местах и при деле. Жизнь идет своим чередом!

Ночь в госпитале, 9 марта

На улице ночь. Я старший дежурный надзиратель, и мы по-прежнему работаем в британском военном госпитале. «Номер семь» спит в своей палате. Он уже без кислородной маски, над ним всего лишь одна капельница. Медицинские аппараты стоят рядом в готовности, но не подключены к заключенному. Даже по внешнему виду ясно: пациент пошел на поправку. В тамбуре рядом с палатой дежурит американец Пайец. Мое место дежурства — в холле, у входа в отсек больного. Книга записей старшего дежурного надзирателя тоже со мной, я отмечаю в ней все, что происходит на дежурстве. Однако в ночное время мало событий, которые необходимо фиксировать.

Вместе со мной в комнате еще три человека: мужчина и женщина в форме британской военной полиции и мужчина в гражданском. У полицейских на поясе пистолеты в кобуре. Третий одет в клетчатую рубашку и джинсы, за спиной на брючном ремне тоже пистолет. Он без кобуры, но не просто заткнут за ремень, а удерживается специальным кожаным хлястиком. Все они обеспечивают безопасность непосредственно рядом с помещением для заключенного, но заходить в сам отсек, где дежурит Пайец, им запрещено. На этаже находится еще вооруженная охрана, у самого лифта. Но к нашему посту они даже не подходят. На этаже есть несколько помещений, предназначенных для отдыха всех этих вооруженных людей, а также комната, где постоянно размещается дежурный санитар, следящий за состоянием пациента. Для отдыха надзирателей отдельных помещений нет. Надзиратели всегда на посту.

В нашей комнате работает телевизор, на экране которого идет какой-то боевик. Но телевизор получает сигнал не от антенны, а от видеомagniтофона. Британцы поглядывают на экран, но в основном обсуждают спортивную тему — игру в регби. Разговор начался с газетной заметки о последнем матче двух команд в Англии и захватил уже все стороны жизни, связанные с этой иг-

рой в Туманном Альбионе. Причем у трех британцев оказались три разных мнения об этой игре, ее истории и отношении к ней. Но равнодушных нет. Периодически возникают легкие споры между участниками беседы. Я совсем незнаком с этим видом спорта, а тем более с его развитием в Великобритании, поэтому я участвую в дискуссии просто в роли стороннего слушателя.

Около двух часов ночи офицер в гражданском надел куртку и пожелал всем хорошего дежурства. Вероятно, у него есть еще другие задачи. Полицейские в форме вымыли свои чашки после кофе и тоже удалились из помещения. Мне идти некуда. Боевик в видеомагнитофоне закончился. Других кассет ни в столе, ни рядом не нашлось. Я вынул кассету из аппарата и изучил ее устройство. Потом снова вставил кассету в магнитофон. Просмотрел еще раз весь фильм с начала и до конца. Затем включил кассету в обратном направлении, начиная с конца. Очень необычный и интересный вид. Когда фильм задом наперед тоже закончился, я стал смотреть его в ускоренном варианте с перемоткой. За окном весна, но мартовские ночи еще довольно длинные. Однако современная техника помогает их скоротать.

Свидание с сыном, 13 марта

«Заключенный № 7» уже сам встает с постели и передвигается по палате. По всему видно, что выздоровление не за горами и дни его пребывания в госпитале сочтены. Однако сегодня сразу несколько западноберлинских и западногерманских газет вышли с кричащими заголовками о скорой смерти 92-летнего заключенного. Поводом для этого послужило вчерашнее свидание Гесса со своим сыном Вольфом-Рюдигером, ну и последующее общение сына с журналистами.

Вчерашнее свидание не стояло в плане работы тюрьмы, но в связи с болезнью заключенного просьбу сына о переносе свидания директора удовлетворили. На свидание Вольф-Рюдигер приехал вместе с адвокатом Альфредом Зайдлем. Так как адво-

кат не был ранее заявлен на свидание, то охрана не пустила его даже на территорию госпиталя. По прибытии в госпиталь сын от директоров тюрьмы получил записку заключенного, в которой тот просил сына приехать на свидание в конце месяца. Вероятно, «номер семь» не хотел, чтобы родные видели его в болезненном состоянии, или у него не было совсем настроения беседовать с кем-либо. А может, он не хотел тратить свидание при болезненном состоянии, ведь количество свиданий строго ограничено. Однако на Вольфа-Рюдигера просьба отца не произвела никакого впечатления, и он решил идти на свидание. Его провели в палату. Заключенный встретил сына сидя на стуле и сразу при его входе задал вопрос, который можно перевести на русский язык как «Зачем пришел?». Вольф-Рюдигер начал было объяснять, что он сын и пришел на свидание, но отец был непоколебим. В итоге через пять минут встреча была закончена.

На выходе из госпиталя заранее собранная толпа журналистов окружила Вольфа-Рюдигера. Какие вопросы ему задавали и что он отвечал, можно понять по сегодняшним газетным передовицам: «92-летний заключенный Шпандау производит удручающее впечатление», «Гесс не узнает больше своего сына», «“Моему отцу скоро конец”, — заявил Вольф-Рюдигер Гесс». Вместе с этим сын Гесса высказал перед журналистами пожелание, что было бы хорошо, если бы премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер во время своего предстоящего визита в Москву в конце марта поставила вопрос об освобождении Рудольфа Гесса. Может, ради этой встречи с журналистами и приехал Вольф-Рюдигер на свидание вопреки пожеланию отца?

«Парадокс» и «Ксерокс», 17 марта

Как ни убеждал Вольф-Рюдигер Гесс журналистов в скорой смерти своего отца, но этого не случилось. Благодаря британским военным врачам «заключенный № 7» снова здоров и вчера, после более чем двухнедельного отсутствия, вернулся

в место своего постоянного пребывания — Межсоюзную тюрьму Шпандау. Первое время ему не рекомендовали выходить на улицу, поэтому сегодня нет прогулки в саду. Заключенный читает в камере газеты, скопившиеся за время его болезни, а я, старший смены, тоже читаю новую инструкцию, появившуюся при нашем отсутствии в тюрьме.

Новая инструкция касается порядка действий надзирателей при переводе заключенного в британский военный госпиталь и называется «Процедура оказания срочной медицинской помощи». Старая инструкция была разработана в 1979 году и предполагала, что решение о переводе заключенного в госпиталь принимается по прибытии в тюрьму всех директоров и врачей союзных держав. Последние события, вероятно, показали, что для сбора всех официальных лиц требуется не один час и в критической ситуации время лечения может быть упущено. Поэтому новая инструкция возлагает всю ответственность за принятие решения на вызов врача из британского госпиталя и переезд в госпиталь на старшего дежурного надзирателя. В инструкции говорится:

«Если по мнению дежурного старшего надзирателя заключенному требуется срочная медицинская помощь, например: в случае потери сознания, сильной боли, затрудненного дыхания, сильного головокружения или других признаков неправильного функционирования жизненно важных систем, необходимо соблюдать следующую последовательность действий:

1. Прежде чем принять участие в оказании первой неотложной помощи, дежурный старший надзиратель включает сигнал тревоги “Парадокс”, свое переговорное устройство и вызывает санитаря по телефону XXXXX (таким образом он оповещает надзирателя на главных воротах, вводит в действие “операцию Парадокс” и сеть переговорных устройств надзирателей).

2. Надзиратель на главных воротах выключает свой сигнал тревоги, включает свое переговорное устройство, звонит в британский военный госпиталь (тел. XXXXX) и сообщает кодовое слово “Парадокс”, означающее резкое ухудшение состояния здоровья, требующее немедленного прибытия врача на машине скорой помощи.

3. Затем надзиратель на главных воротах:

а. Набирает номер XXXXX и повторяет три раза кодовое слово “Парадокс” (тем самым приводя в действие “Биперы” Директоров, которые должны подтвердить получение сигнала по телефону дежурному старшему надзирателю, который в свою очередь сообщит о подтверждениях по переговорному устройству надзирателю на главных воротах).

б. Вызывает из столовой по телефону XXXXX находящихся там Директоров и надзирателей.

в. Звонит по телефону Председательствующему Директору, а затем другим Директорам, принимая все меры для того, чтобы обеспечить передачу сообщения. (Директора, которые не получили ранее сигнала “Парадокс” по системе “Бипер”, включают свои “Биперы” и звонят по телефону дежурному старшему надзирателю.)

г. Звонит по телефону в штаб британского сектора и сообщает кодовое слово “Парадокс” — в обычные рабочие часы тел. XXXXX, в другое время тел. XXXXX или XXXXX (таким образом сигнал тревоги передается в штаб британского сектора, который в свою очередь направит в тюрьму две автомашины военной полиции и предупредит западноберлинскую полицию о возможной перевозке).

4. По прибытии в тюрьму машина врача пропускается во внутренний двор надзирателем на главных воротах, который вносит имя врача, водителя и номер машины в предусмотренный на экстренный случай пропуск. Ма-

шина полиции не пропускается, с ее экипажем устанавливается связь.

5. Если врач рекомендует немедленную госпитализацию, дежурный старший надзиратель сообщает по телефону кодовое слово “Ксерокс” следующим инстанциям:

а. В британский военный госпиталь (тел. XXXXX). Госпиталь готовится к приему заключенного.

б. Директорам по системе “Бипер” (тел. XXXXX).

в. Дежурному офицеру британского сектора (тел. XXXXX или XXX). (Дежурный офицер британского сектора приводит в действие необходимые меры безопасности.)

6. По готовности личного состава и транспорта заключенный может быть немедленно направлен в британский военный госпиталь в сопровождении дежурного старшего надзирателя и надзирателя в камерном блоке, который отвечает перед директорами за внутреннюю охрану заключенного, не препятствуя осуществлению необходимых медицинских мер (ответственность за внешнюю охрану возлагается на британскую сторону).

7. Дежурный старший надзиратель забирает с собой журнал старших надзирателей, обеспечивает безопасность камерного блока и, прежде чем уехать в британский военный госпиталь, передает ключи на хранение надзирателю на главных воротах.

8. Когда Директора соберутся вместе, они должны официально утвердить правильность решений дежурного старшего надзирателя по переводу заключенного в госпиталь».

Вот такой теперь порядок действий в МТШ на случай болезни заключенного. Радиостанции надзирателям, правда, пока не выдали, но говорят, что их уже закупили. Есть ли «биперы» у директоров, пока не знаю, не видел. Но в комнате старшего

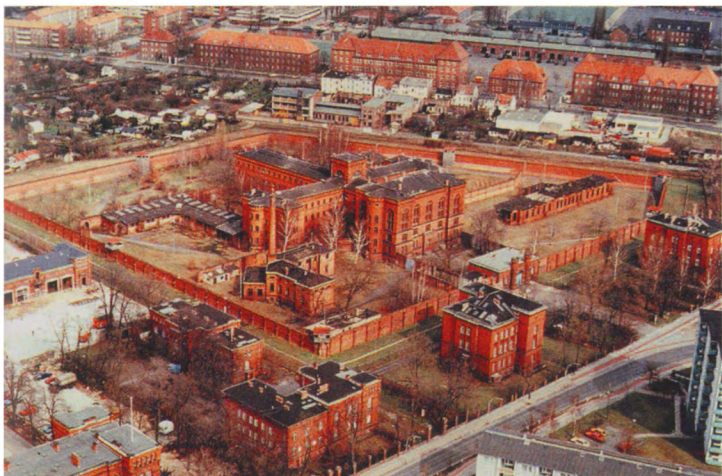
дежурного надзирателя рабочие Мельницкий и Хотидис уже установили пульт с тумблером, при включении которого у надзирателя на воротах срабатывает звуковой и световой сигналы.

Получается, что если «номер семь» сейчас «разыграет спектакль» по поводу своей какой-либо ужасной болезни, на что он мастер, то я как старший дежурный надзиратель должен буду включить этот тумблер, а дежурный на воротах, соответственно, позвонить по телефону и произнести пароль «Парадокс». Поднимутся по тревоге врачи в британском военном госпитале, машина скорой помощи приедет в тюрьму, полиция перекроет дороги, множество людей придут в движение. Интересно, если потом выяснится, что заключенный опять всех надул, будут ли у директоров претензии ко мне?

Снова на прогулке, 25 марта

Восстановление «заключенного № 7» после болезни идет своим чередом. Ему уже снова разрешены прогулки в саду, и сейчас он с помощью санитара Мелаоухи собирается на выход. Я дежурю в блоке и сопровождаю заключенного на прогулке. Сообщаю старшему смены англичанину Тимсону о готовности к выходу и беру свою радиостанцию. Переговорные устройства появились в МТШ в соответствии с новым порядком действий. Одна радиостанция находится в комнате дежурного на воротах, а две в комнате старшего дежурного надзирателя. Радиостанции постоянно стоят на специальных подставках, заряжают аккумуляторы. И только на время прогулки надзиратель в блоке берет одну с собой. Радиостанцию можно повесить на ремень брюк с помощью специальной клипсы или положить в карман. Однако весит этот аппарат немало, и карман заметно оттягивается.

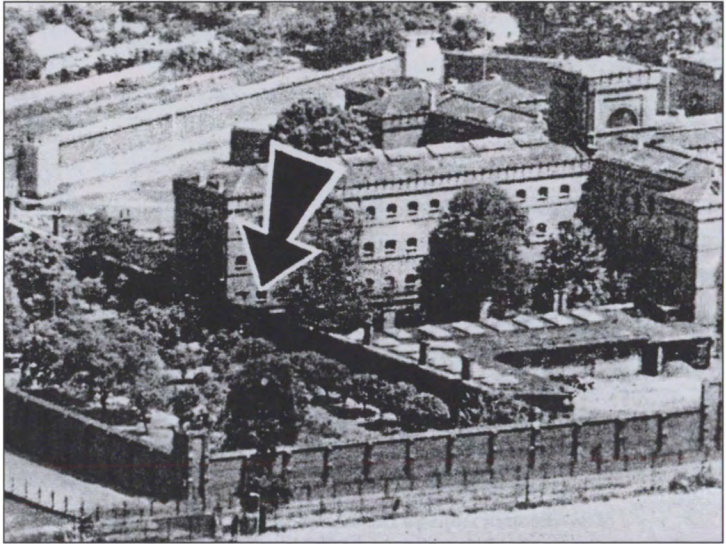
На лифте спускаемся с заключенным вниз и медленно идем в сад. Я ухожу вперед, останавливаюсь на пересечении тропинок и жду, пока «номер семь» дойдет до меня. Прошедшая болезнь наложила свой отпечаток. Заключенный передвигает-

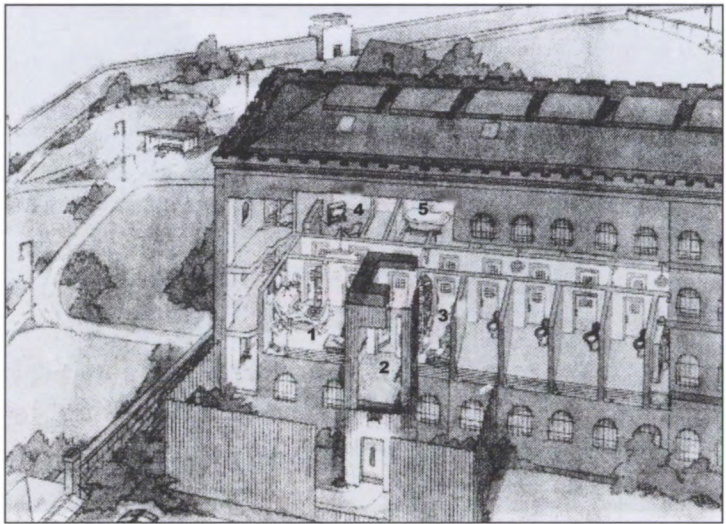
**Межсоюзная тюрьма Шпандау, Западный Берлин.
Вид с воздуха. 1980-е годы**

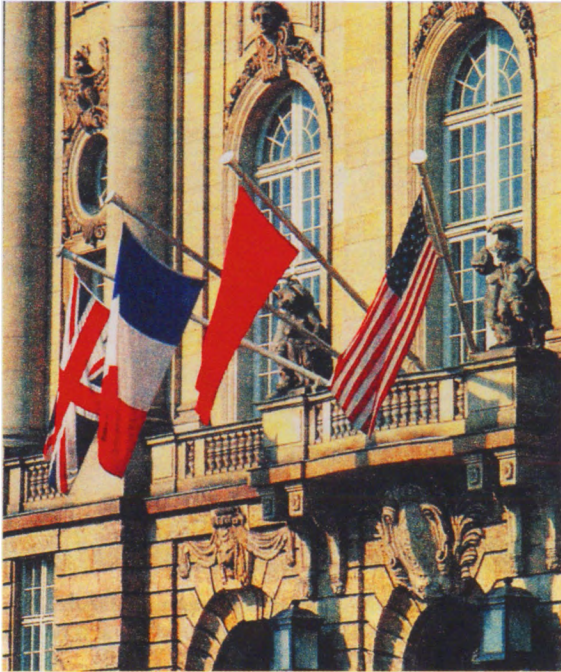
**Межсоюзная тюрьма Шпандау. Ворота тюрьмы.
Вид с Вильгельмштрассе. 1980-е годы**

**Часть главного здания МТШ с камерным блоком.
Стрелкой показаны окна камеры «заключенного № 7»**

**Схематическое изображение камерного блока и тюремного сада:
1. Камера Рудольфа Гесса. 2. Лифт в сад. 3. Гардеробная.
4. Телевизионная комната. 5. Ванная комната**

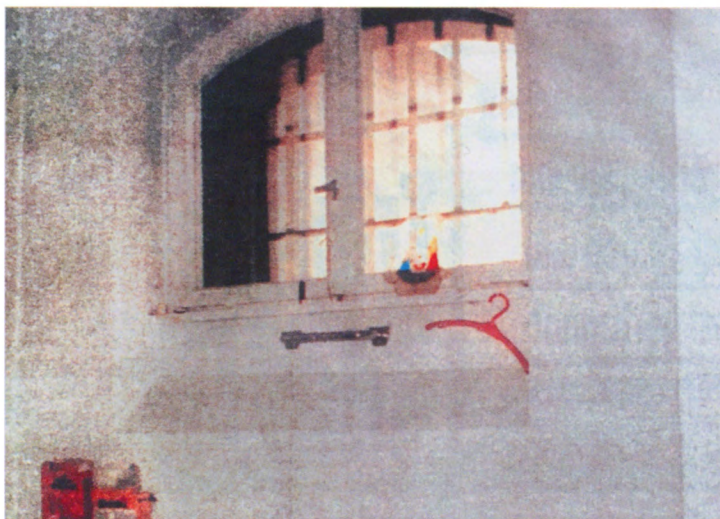
**Здание Контрольного совета над Германией с флагами
четырёх держав-победительниц в районе Шёнеберг
в Западном Берлине. 1980-е годы**

**Стена между Восточным и Западным Берлином
в западноберлинском районе Кройцберг. 1986 год**

**«Заключенный № 7» Рудольф Гесс в своей камере.
Фотография из газеты «Берлинер Цайтунг». 19 августа 1986 года**

Окно в камере «заключенного № 7». 1986 год

**Комната старшего дежурного надзирателя.
1980-е годы**

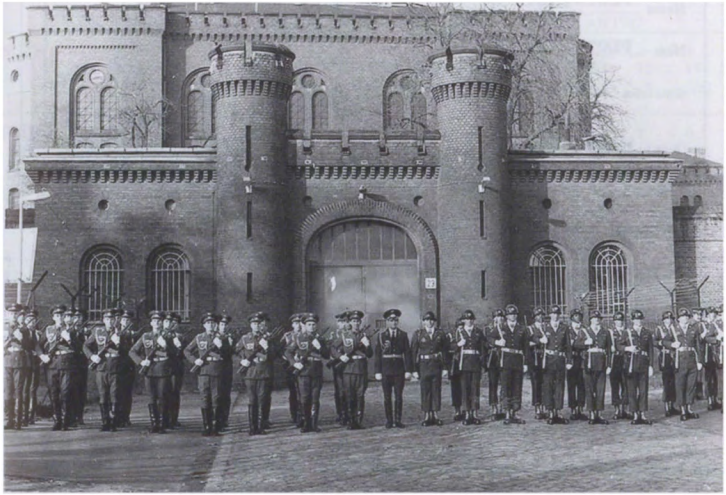
Шахматы надзирателей Межсоюзной тюрьмы Шпандау. 2017 год

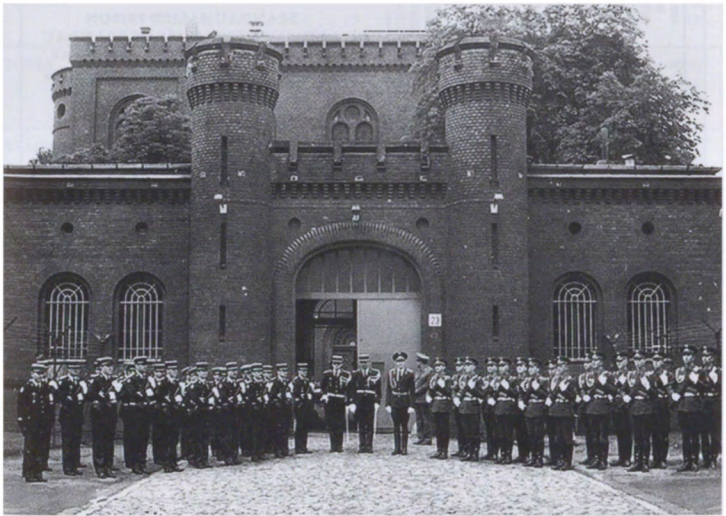
**Британский и французский караулы МТШ.
1970-е годы**

**Американский и британский караулы МТШ.
1970-е годы**

**Советский и американский караулы МТШ.
1980-е годы**

**Французский и советский караулы МТШ.
1980-е годы**

Name **PLOTNIKOV**
 Nom **PLOTNIKOV**
 Фамилия **ПЛОТНИКОВ**
 Duty **WARDER**
 Position **GARDIEN**
 Должность **НАДЗИРАТЕЛЬ**

The holder of this pass, when properly signed, is permitted entrance to the prison.
 Ce laissez-passer, dûment signé, autorise l'entrée dans la prison.
 Настоящий пропуск, надлежаще подписан, разрешает вход в тюрьму.

[Signatures]

Special marks Специальные Особые приметы		
Age Возраст	Left index Index gauche Левый указательный палец	Right index Index droit Правый указательный палец
Eyes Цвет глаз		
Hair Цвет волос		
Weight Вес		
Height Рост	Identification card No. Carte d'identité No. Личное удостоверение №	

January Janvier Январь	July Juillet Июль
February Février Февраль	August Août Август
March Mars Март	September Septembre Сентябрь
April Avril Апрель	October Octobre Октябрь
May Mai Май	November Novembre Ноябрь
June Juin Июнь	December Décembre Декабрь

**SPANDAU ALLIED PRISON
 PRISON INTERALLIÉE DE SPANDAU
 МЕЖСОЮЗНАЯ ТЮРЬМА ШПАНДАУ**

**PASS
 LAISSEZ-PASSER
 ПРОПУСК**

Berlin
 Берлин

Date of issue 29 December 1986
 Délivré le 29 Decembre 1986
 Число выдачи Декабрь 1986

No. **1959** *

Пропуск советского надзирателя Плотникова

WORK SCHEDULE / TABLEAU DE TRAVAIL / ПЛАН РАБОТЫ / DIENSTPLAN 1987

JANUAR														1	
		2	3	(4)	5	6	7	8	9	10	(11)	12	13		
		14	15	16	17	(18)	19	20	21	22	23	24	(25)		
		26	27	28	29	30	31								
FEBRUAR														6	
		7	(8)	9	10	11	12	(1)	2	3	4	5	6		
		19	20	21	(22)	23	24	25	26	(15)	16	17	18		
MÁRZ														(1)	2
		3	4	5	6	7	(8)	9	10	11	12	13	14		
		(15)	16	17	18	19	20	21	(22)	23	24	25	26		
		27	28	(29)	30	31									
APRIL														7	
		8	9	10	11	(12)	13	14	15	16	17	18	(19)		
		20	21	22	23	24	25	(26)	27	28	29	30			
MAI														1	
		2	(3)	4	5	6	7	8	9	(10)	11	12	13		
		14	15	16	(17)	18	19	20	21	22	23	(24)	25		
		26	27	28	29	30	(31)								
JUNI														6	
		(7)	8	9	10	11	12	13	(14)	15	16	17	18		
		19	20	(21)	22	23	24	25	26	27	(28)	29	30		
JULI														(12)	
		1	2	3	4	(5)	6	7	8	9	10	11	(12)		
		13	14	15	16	17	18	(19)	20	21	22	23	24		
		25	(26)	27	28	29	30	31							
AUGUST														5	
		6	7	8	(9)	10	11	12	13	(2)	3	4	5		
		18	19	20	21	22	(23)	24	25	26	27	(16)	17		
		(30)	31									28	29		
SEPTEMBER														10	
		11	12	1	2	3	4	5	(6)	7	8	9	10		
		23	24	(13)	14	15	16	17	18	19	(20)	21	22		
				25	26	(27)	28	29	30						
OKTOBER														(4)	
		5	6	7	8	9	10	(11)	12	13	14	15	16		
		17	(18)	19	20	21	22	23	24	(25)	26	27	28		
		29	30	31											
NOVEMBER														9	
		10	11	12	(1)	2	3	4	5	6	7	(8)	9		
		(22)	23	24	13	14	(15)	16	17	18	19	20	21		
				25	26	27	28	(29)	30						
DEZEMBER														3	
		4	5	(6)	7	8	9	10	11	12	1	2	3		
		16	17	18	19	(20)	21	22	23	24	(13)	14	15		
		28	29	30	31						25	26	(27)		
00.00	H	Chief Gate	B	B	F	A	R	A	R	F	F	R	A	B	
to			R	A	R	B	B	B	F	A	R	A	F	F	
08.00	H	Cells	F	R	A	F	F	R	A	B	B	B	R	A	
			B	B	F	A	R	A	R	F	F	R	A	B	
08.00	H	Chief Gate	R	A	R	B	B	B	F	A	R	A	F	F	
to			F	R	A	F	F	R	A	B	B	B	R	A	
16.00	H	Cells	B	B	F	A	R	A	R	F	F	R	A	B	
			B	B	F	A	R	A	R	F	F	R	A	B	
16.00	H	Chief Gate	F	R	A	F	F	R	A	B	B	B	R	A	
to			B	B	F	A	R	A	R	F	F	R	A	B	
24.00	H	Cells	R	A	R	B	B	B	F	A	R	A	F	F	

() = Sunday / Dimanche / Sonntag

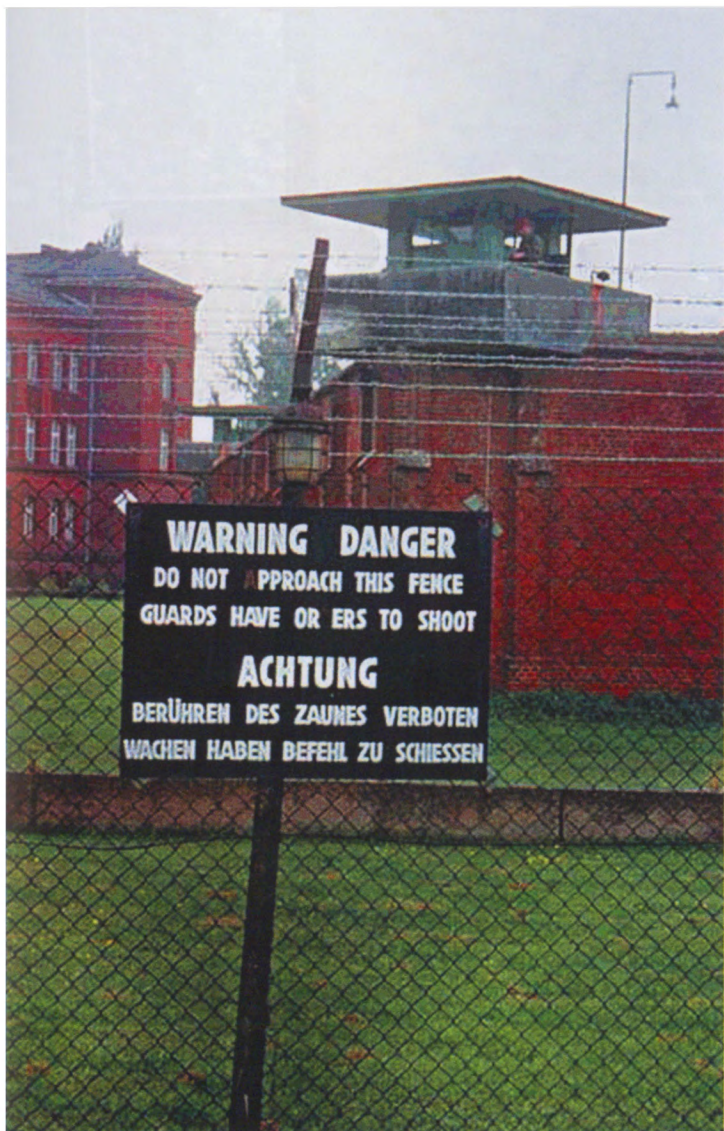
График дежурства надзирателей МТШ на 1987 год

**«Заключенный №7» на прогулке в тюремном саду.
Рядом надзиратель. 1980-е годы**

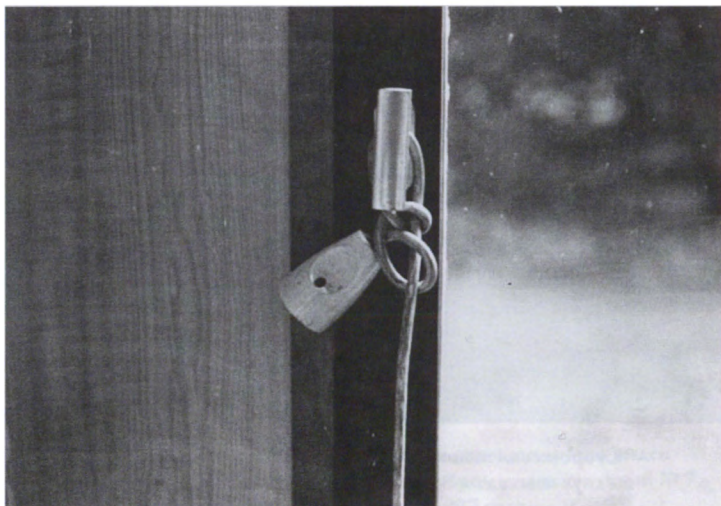
**Садовый домик осенью 1986 года. На снимке хорошо виден
электрический кабель-удлинитель, на котором «заключенный № 7»
повесился 17 августа 1987 года**

**Сторожевая вышка и предупредительная надпись
на двух языках: «Внимание. К забору не подходить.
У охраны приказ стрелять». 1980-е годы**

**Электрический кабель-удлиннитель,
на котором повесился Рудольф Гесс. 17 августа 1987 года**

Электрический кабель привязан к ручке окна. 17 августа 1987 года

Bitte an die Direktoren
dieser Zeitung zu schicken.
Geschrieben ein paar
Minuten vor meinem Tode.

Ich danke Euch allen
meine Lieben für alles was
Ihr mir Liebe getan.

Freiburg sagt, er hat mir
maßlos Leid getan, daß ich
so sehr mißglückt dem Nürn-
berger Prozeß als konnte
ich sie nicht. Er hat mich
nichts anderes übrig, sonst wären
alle Versuche unmöglich ge-
wesen in die Freiheit zu
kommen.

Ich habe mich so darauf
gefreut sie wiederzusehen
- ich bekam ja Bilder von ihr
bis zum Ende allen.

Euer Großer.

**Предсмертная записка «заключенного № 7»
Рудольфа Гесса**

Просьба к директорам переслать это домой.

Написано за несколько минут до моей смерти.

Я благодарю вас всех, мои любимые, за всё, что вы для меня любезно сделали. Скажите Фрайбург, это доставляло мне чрезвычайное сожаление, что я вынужден был поступать на Нюрнбергском процессе так, как будто я не знал её. Мне не оставалось ничего другого, в противном случае были бы невозможны все попытки обрести свободу.

Я был так рад увидеть её снова, я ведь получал фотографии её и вас всех.

Ваш Большой.

CERTIFICATE OF IDENTIFICATION

1. I certify that I have this day identified the body in the mortuary of
 DMH Berlin on 19 AUGUST 1987

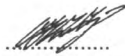

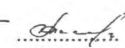
as the late ALLIED PRISONER No 7; RUDOLF (WALTHER RICHARD) HESS - DOB 26 APRIL 1894

2. Identified by COLONEL JOHN MALCOLM HAMER-PHILIP L/RMPC

Date 19 AUGUST 1987

Signature

Appointment COMMANDING OFFICER
 DMH BERLIN

D KEANE A LE TISSIER M FLANZY I V KOLODNIKOV
 AMERICAN GOVERNOR BRITISH GOVERNOR FRENCH GOVERNOR SOVIET GOVERNOR

Свидетельство об установлении личности умершего

DEATH CERTIFICATE

1. The late RUDOLF (WALTHER RICHARD) HESS dob 26 April 1894

2. This is to certify:

a. Cause of death:

(1) Disease or condition *Asphyxia*
 directly leading to death due to (or as a consequence of)

(2) Antecedent causes. Morbid conditions, if any, giving rise to the above cause, stating the underlying conditions last. *Compression of the neck*
 due to (or as a consequence of)

(3) Other significant conditions, contributing to the death but not related to the disease or condition causing it. *Suspension*

b. Was the death due to natural causes? *NO*

c. Was a postmortem examination performed? *Yes*

d. Died at *16:10* A hours
 on *19th August* 1987

e. Died at (place) *Pr. H. Berlin*

f. The body is free from infectious diseases.

Berlin
 Date: *19th* August 1987 Rank/Appointment: *21*

Свидетельство о смерти Рудольфа (Вальтера Рихарда) Гесса, выданное 19 августа 1987 года. Основная причина смерти — асфиксия из-за сдавливания шеи вследствие повешения

**Начало разрушения тюрьмы Шпандау.
Сентябрь 1987 года**

**От тюрьмы Шпандау остались только ворота.
Осень 1987 года**

**Межсоюзную тюрьму Шпандау сравняли с землей.
Осень 1987 года**

**Персонал Межсоюзной тюрьмы Шпандау.
Последний день вместе. 1 сентября 1987 года**

Толпа любопытных людей собралась напротив ворот тюрьмы Шпандау, узнав о смерти последнего заключенного. 1987 год

О прежнем месте напоминает лишь автомобильная дорога, да неизменный фонарный столб, служащий уже более трех десятилетий. 2017 год

**Вид на стену и ворота тюрьмы
из-за угла служебного здания № 24. 1980-е годы**

**Сегодня из-за этого угла виден торговый центр
с автомобильной стоянкой. 2017 год**

Советские и американские военнослужащие фотографируются на память у тюремной стены после смены караула. Вдали видно служебное здание №25А, использовавшееся в качестве казармы для караулов союзников. 1980-е годы

В 2017 году на этом месте проходит дорога и размещается автомобильная стоянка. От тюремной стены не осталось и следа, но сохранилось здание на заднем фоне и деревья

Тюремная стена и ворота тюрьмы. Снимок сделан с караульной вышки № 6. Вдали слева видны служебные здания № 24 и № 25. 1980-е годы

Бывшие служебные здания тюрьмы Шпандау на заднем фоне напоминают о прошлой истории этого места сегодня. 2017 год

Тюремный сад летом. Центральная дорожка сада, по которой гулял «заключенный №7», и караульная тропинка. 1980-е годы

Многие деревья в бывшем саду сохранились и поныне. 2017 год

**Вид на главное здание тюрьмы Шпандау из тюремного сада.
Справа виден белый садовый домик. 1980-е годы**

Вид с этого же места на торговый центр в 2017 году

**Торговый центр на месте тюрьмы Шпандау.
Лето 2005 года**

**Сегодня на месте внутреннего двора МТШ находится главный
вестибюль торгового центра. 2017 год**

Могила семьи Гессов в баварском городке Вунзидель, где был похоронен Рудольф Гесс, служила местом паломничества неонацистов со всего мира. В 2011 году лютеранская община города отказала семье Гесса в продлении аренды места на кладбище

О находившейся здесь могиле уже ничто не напоминает. 2017 год

ся очень медленно, останавливаясь через каждый шаг, тем не менее упорно продвигаясь к цели. Сегодня он не стал гулять по дорожке, а сразу направился в садовый домик. Я отпер ключом дверь, пропустил заключенного внутрь. Пока тот усаживался в своем кресле, я сообщил по радио Тимсону, что мы в домике. В ответ услышал: «О'кей!» Связь работает! Я вошел в домик и расположился на скамье.

Директора МТШ тоже обзавелись средствами связи. Советский директор показывал нам свой новый «бипер». Аппарат работает не только в Западном Берлине, но и в Потсдаме. Если он когда-нибудь запищит, то директор должен как можно скорее найти ближайший телефон, позвонить старшему дежурному надзирателю и узнать, что случилось. Чудеса современной техники входят в жизнь старой тюрьмы.

«Номер семь» совсем немного посидел в кресле, отдохнул от перехода и отправился в обратный путь. Я еще пару раз воспользовался новенькой радиостанцией, сообщив старшему смены, что заключенный заканчивает прогулку и что мы заходим в лифт.

Новый санитар, 1 апреля

Сегодня я старший смены. «Заключенный № 7» полностью восстановился после болезни. Его состояние не вызывает никакого сомнения у директоров тюрьмы, поэтому санитару Мелаоухи разрешили сходить в запланированный отпуск на две недели. В отсутствие санитаря-тунисца обязанности по наблюдению за здоровьем заключенного и оказанию ему помощи в повседневной жизни возложены на санитаря из британского военного госпиталя.

Британский военный медик добросовестно исполняет возложенные на него обязанности, однако разница во взаимоотношении с заключенным двух санитаров очень заметна. Если санитаря Мелаоухи заключенный воспринимает как своего слугу

и тунисец этому не противится, то британец — это победитель. Он сам командует заключенным. При этом британский санитар корректен и дело свое знает.

Конфликт, 4 апреля

У заключенного снова конфликт с американским надзирателем Джорданом. Вчера «номер семь» заявил французскому надзирателю Оливье, дежурившему в блоке, что плохо себя чувствует, у него учащенное сердцебиение и он требует вызвать врача из госпиталя. Оливье передал эти слова Джордану — старшему дежурному надзирателю смены. Джордан попросил британского медика, находившего в это время в блоке, осмотреть заключенного. Санитар осмотрел и ощупал «заключенного № 7», измерил давление. Джордан при этом находился рядом по долгу службы. А так как заключенный говорил только по-немецки, то Джордан невольно стал и переводчиком между ним и британцем. Санитар не обнаружил ничего подозрительного в здоровье «номера семь», на что тот ответил негодованием и повторным требованием срочного вызова специалиста-кардиолога из госпиталя. Тогда санитар пригласил заключенного в свой кабинет, уложил на кушетке и подключил к нему электрокардиограф. Однако и ЭКГ не показала каких-либо отклонений в сердечной деятельности, говорящих о необходимости срочного вызова врача. Санитар заявил, что не считает нужным вызывать кардиолога из госпиталя. Джордан перевел его слова «заключенному № 7», а так как являлся старшим смены, то объявил и свое окончательное решение — врача не вызывать.

«Номер семь» метал громы и молнии, грозил разными карами и пожаловался на Джордана американскому директору мистери Кину с требованием его уволить. Однако господин Кин счел действия своего подчиненного правильными. Заодно он рассказал заключенному, что, работая в качестве надзирателя МТШ, Джордан относится к кадрам американского Сената, поэтому уволить его можно только по решению Сената.

Американская инспекция, 17 апреля

Сегодня комендант американского сектора Западного Берлина генерал Митчел проводит инспекцию МТШ. Караул несет службу в соответствии с уставом. Само здание тюрьмы генерал осматривал уже много раз, ходить снова нет смысла. В кладовке смотреть тоже нечего, так как основная масса вещей заключенного украдена еще в прошлом году, а виновного так и не нашли. Остается задать заключенному дежурный вопрос, получить на него такой же ответ и можно переходить в банкетный зал для завершающего мероприятия инспекции.

Инспекционная группа заходит в камеру. «Заключенный № 7» встречает ее стоя у кровати. Американский генерал подает руку и здоровается с заключенным. Это грубейшее нарушение Устава тюрьмы, и американец об этом знает. Рукопожатие повторяется уже много раз, и каждый раз после американской инспекции советский директор заявляет протест на заседании директоров. Но американскому генералу, вероятно, нравится чувствовать себя «царем и богом», для которого не писан закон. А еще, как мне кажется, он готов делать что угодно, лишь бы вызвать возмущение у советской стороны. Холодная война сказывается и на Шпандау.

Генерал задает «заключенному № 7» дежурный вопрос о самочувствии и состоянии дел, но ответ оказывается совсем не дежурным: заключенный требует уволить американского надзирателя Джордана. «Номер семь» говорит громко и четко, чувствуется, что свою речь он хорошо подготовил.

— Все другие надзиратели и директора дружелюбны, вежливы и всегда готовы помочь. Только Джордан упрямый и всегда делает мне наперекор, — вещает «номер семь». — К тому же он опасен для моего здоровья. У меня целых два часа было нарушение сердечной деятельности. Пульс постоянно подскакивал до 120 ударов в минуту и падал вниз. При значении 125 возможен смертельный исход. Но господин Джордан не вызвал врача.

Генерал слушает заключенного не перебивая. Возможно, американский директор уже докладывал ему об этой истории с сердечной недостаточностью.

— Мне уже говорили, что господин Джордан относится к кадрам американского Сената и имеет статус его должного лица. Но его необходимо уволить. Я очень прошу Сенат это сделать для здоровья девяностотрехлетнего, — закончил «номер семь».

До 93-го дня рождения заключенного остается еще несколько дней, но если просьбу и на самом деле отправить в Сенат, то к тому времени исполнится и девяносто три. Инспектирующий молча выходит из камеры.

Надо ли помиловать Гесса? 21 апреля

Пару недель назад гамбургский журнал «Шпигель» сообщил о том, что «партийный руководитель СССР» Горбачев якобы обдумывает возможность помилования Рудольфа Гесса. Сразу же в различных газетах и журналах появились комментарии немецких «специалистов» и дипломатов на тему, что это очень возможно. Однако советский посол в Бонне Юлий Квицинский заявил журналистам, что «сегодняшнее положение дел определяется приговором Нюрнбергского трибунала, а его никто не отменял». Тем не менее подача материала в западных СМИ на эту тему с позиции «возможно и якобы рассматривает» быстро трансформировалась в «почти принял решение». Персонал МТШ об этих веяниях ничего не знает.

15 апреля газеты «Тагесшпигель» и «Франфуртер альгемайне» опубликовали передовицы, сообщающие, что Гесс якобы лично написал прошение об освобождении главам четырех государств: СССР, США, Франции и Великобритании. В МТШ об этом прошении ничего не известно. Судя по сообщениям прессы, британская и американская администрации также ничего не знают об этих письмах. Но шум в прессе по

вопросу возможного освобождения стоит большой. Целый ряд видных западногерманских политиков требуют освобождения Гесса. Поводом в основном является приближающийся день рождения заключенного.

Сегодня советская газета «Известия» вышла со статьей «Кто и почему требует освобождения Гесса?». В статье рассказывается о Гессе, о развернувшейся кампании по его освобождению, о якобы направленном прошении главам государств. В конце статьи делается заключение: «Последний узник тюрьмы Шпандау должен до конца нести наказание, определенное ему Международным военным трибуналом». Газета «Известия» — орган Советов народных депутатов СССР, высшего законодательного органа СССР, поэтому статью можно считать официальным мнением советской стороны. Значит, разговоры о возможном помиловании — это всего лишь «утка» западногерманских журналистов. Межсоюзная тюрьма Шпандау будет продолжать работу.

День рождения, 26 апреля

Сегодня у меня дневная смена на воротах. Но сегодня не обычный день, сегодня день рождения «заключенного № 7». Еще по дороге на смену обратил внимание на полицейские машины, стоящие на Вильгельмштрассе, расставленные полицией дополнительные ограждения при подъезде к тюрьме. Демонстранты подошли к Шпандау организованной толпой. Тут же из автомобилей вышли полицейские, перегородили съезд с улицы к МТШ. Мне с моего рабочего места через большие окна с ажурными решетками все действие видно как на ладони. У некоторых демонстрантов в руках плакаты с призывами освободить Гесса. Многие в черной одежде с характерными прическами. Понятно, что собрались в основном неонацисты. Но среди демонстрантов есть и солидные люди. Манифестанты скандируют лозунги, машут руками и плакатами. Полиция

наблюдает. Толпа затрудняет движение автомобилей по Вильгельмштрассе, поэтому полиция перекрывает участок дороги возле МТШ, отправляя транспорт в объезд.

Вдруг в руках одного из демонстрантов появляется флаг со свастикой. Несколько парней в черных кожаных куртках выбрасывают руки вперед в нацистском приветствии. Полиция реагирует быстро. Держателя флага и еще нескольких неонацистов полицейские пытаются задержать. Толпа встает на их защиту. Но из полицейского автобуса уже подтягивается специально обученное подкрепление: на головах защитные шлемы, в руках дубинки. Через некоторое время двух человек уводят в полицейский автобус. А демонстрация продолжается.

Внезапно трое молодых людей в черных куртках в разных местах одновременно перескакивают через расставленное полицией ограждение и бегут в сторону МТШ, бегут ко мне. Зачем? Что у них на уме? Снова бомба? От полицейского оцепления до ворот МТШ метров тридцать, бежать несколько секунд. Несколько полицейских тоже лихо перескакивают через ограждение и бросаются в погоню. Но эффект внезапности на стороне беглецов. Один из них спотыкается, падает и попадает в руки полиции. А двое уже совсем рядом от ворот тюрьмы. Это парень и девушка. На экране монитора я вижу, как девушка под моим окном с разбегу вскакивает одной ногой на парапет здания. Окно расположено высоко от земли, но, заскочив на невысокий парапет, можно до него дотянуться. В окне вижу, как появляются руки, хватающиеся за решетку. У непрошеной гостьи на одной руке закреплен наручник. Держась этой рукой за решетку окна, она моментально пристегивает второй браслет наручников к решетке. Все происходит в доли секунды. При этом парень делает то же самое возле другого окна с противоположной от ворот стороны. Мне видно его на мониторе. Но он срывается с парапета, повисает на наручнике, прикрепленном к решетке, и дико орет, вероятно, от внезапной боли.

До земли ногами он не достает. Девушка вскидывает свободную руку вверх и, глядя в сторону демонстрантов, кричит: «Свободу Гессу!» Несколько журналистских кинокамер с дороги снимают эту сцену.

Однако полиция готова и к такому развитию событий. Конечно, подбежавшие полицейские никак не могут снять с окон двух прикованных манифестантов, да они и не пытаются это делать. Ключи от наручников тоже никто не подбирает. Зато почти сразу появляется еще один полицейский с инструментом, похожим на огромные ножницы с длинными ручками. Таким приспособлением легко перекусывают пломбы на железнодорожных контейнерах, гвозди или болты. Цепь наручника поддается тоже без больших проблем. Сначала от решетки откусывают девушку. Она сделала свое дело, поэтому не сопротивляется и с улыбкой спрыгивает в подставленные руки полицейских. Молодой человек, освобожденный из самозаточения, мешком валится на землю. Полицейские уводят обоих.

После этого инцидента полиция начала вытеснять манифестантов сначала с тротуара у МТШ на проезжую часть, а затем с проезжей части на другую сторону Вильгельмштрассе, на газон. Образовалась широкая свободная зона между неонацистами и подъездом к тюрьме. Теперь никакие забеги уже невозможны. Но на дороге появилась другая группа людей, подошла другая демонстрация. Судя по плакатам, эти демонстранты совсем не хотят освобождения Гесса, а считают, что военным преступлениям нет срока давности. Особенно понравился транспарант «Нацисты вон от Шпандау, но Гесс останется здесь!». Между двумя толпами людей завязываются жаростные словесные перепалки. Если бы не полиция, которая не дала возможности двум группам соединиться, то, возможно, дошло бы и до рукопашной. Но стражи порядка свою работу делают хорошо. Еще полчаса противостояния — и две манифестации расходятся в разные стороны.

Снова госпиталь, 28 апреля

Сегодня случилось непонятное пока путешествие заключенного в британский военный госпиталь. Утром «заключенный № 7» был доставлен госпиталь. При этом старший надзиратель тревогу не объявлял, все делалось по команде директоров. В течение дня заключенного обследовали британские врачи, а к вечеру он снова был в своей камере. Возможно, англичане хотели убедиться, что пациент, убывший от них более месяца назад, полностью восстановился. А может, это американский комендант генерал-майор Митчел дал команду провести полную проверку здоровья заключенного в ответ на его жалобу на учащенное сердцебиение. В любом случае заключение врачей положительное: «Здоров в соответствии с возрастом». А раз здоров, значит, будет и дальше сидеть в тюрьме.

Порошковый лимонад, 30 апреля

Закончилась дневная смена. Я передал дежурство в блоке французу Одуэну и отправился на выход из тюрьмы. По дороге зашел в комнату надзирателя на воротах сдать ключи от блока. Это обязательная процедура. В дежурном помещении два американских надзирателя: Джордан сдает дежурство, Новак принимает. Точнее, уже принял. У каждого американца налит по стакану лимонада, они пьют, и еще половина кувшина лимонада стоит на тумбочке. Увидев меня, Новак стал предлагать и мне присоединиться к процедуре распития лимонада со словами: «Пропадет добро, надо допить». Но я отказался и поехал домой.

Новак — помощник американского директора МТШ. В американский месяц на нем лежит ответственность за питание персонала тюрьмы, а заодно и за обеспечение надзирателей питьем во время смены. В свой месяц ответственности англичане ставят на постах надзирателей различные соки, русские

и французы — минеральную воду, а американцы — цветной порошок, при разбавлении которого водопроводной водой получается лимонад. Лично у меня от него почему-то бывает тяжесть в желудке, поэтому стараюсь не злоупотреблять этим напитком. Сегодня заканчивается последний день апреля, заканчивается последний день ответственности американцев за питание надзирателей. Уже к утру на посту появится английский сок. Но у Новака остался еще целый кувшин порошкового лимонада. Как рачительный хозяин, американец и решил, что добро, тем более купленное за государственный счет, пропадать не должно. Пусть даже во вред желудку.

Нераскаявшийся нацист, 7 мая

Погода в мае стоит хорошая, здоровье у заключенного тоже неплохое. Поэтому «номер семь» гуляет в саду по два раза в день: до и после обеда. Но сегодня на прогулке снова произошел конфликт между «заключенным № 7» и американским надзирателем Джорданом. Часто заключенный берет с собой на прогулку маленькую матерчатую сумку, в которую складывает одну-две газеты, чтобы почитать в садовом домике. Сумка очень легкая, но создает определенные неудобства при движении, учитывая, что «номер семь» одной рукой опирается на палку, а другой рукой двигает в такт шагам, поддерживая равновесие. После выхода в сад заключенный, как правило, прохаживается по дорожке, прежде чем отправиться в садовый домик. Чтобы сумка не мешала при этих переходах, заключенный иногда просит надзирателей подержать на это время сумку. Многие надзиратели просто относят ее сразу в садовый домик.

Сегодня на просьбу заключенного подержать сумку Джордан ответил отказом, сказав, что он не обязан носить за заключенным какие-либо вещи, это не входит в его должностные обязанности. В ответ на это «номер семь» обозвал Джорда-

на «негром, который должен знать свое место». Чернокожий американец обиделся и тоже наговорил разного заключенному. Конфликт, естественно, дошел до директоров.

Поведение «заключенного № 7» объяснимо. Он — бывший заместитель Гитлера по нацистской партии, один из авторов знаменитого расового закона «О защите крови и чести». В одном из своих выступлений Гесс дал определение национал-социализма: это «не что иное, как прикладная биология». Расовая доктрина являлась ключевой частью нацистского мировоззрения и базировалась на следующих основных принципах:

1. Вера в превосходство одной расы над другими. Эта вера сочетается с иерархической классификацией расовых групп. В частности, негры были отнесены нацистами к низшей расе, а евреи вообще исключались из иерархической лестницы и были поставлены «вне закона».

2. Идея, что превосходство одних и неполноценность других рас имеет биологическую или биоантропологическую природу, поэтому превосходство и неполноценность неискоренимы и не могут быть изменены, например, под влиянием социальной среды или воспитания.

3. Вера в законность господства высших рас над низшими.

В состав партийной империи Гесса входило Управление расовой политики. В его недрах был разработан документ «Колониальный вопрос и расовая идея», в котором определялись ключевые моменты расовой политики Германии для колоний. В основном они касались «психологически и практически правильного руководства туземными народами». Наиболее важной задачей белой расы считалось «практическое освоение роли хозяина и формирование в соответствии с этим собственного образа жизни». Следовало ввести суровый апартеид: хозяевам и туземцам надлежало жить в отдельных зонах, общение между ними, кроме как по официальному разрешению, не дозволялось, половые контакты категориче-

ски запрещались, в случае неповиновения африканца ждала смертная казнь.

С ведома и одобрения Гесса в фашистской Германии была разработана программа «эвтаназии для недостойных жить», которая заложила основы для специального убийства неизлечимо больных и умственно неполноценных. Вскоре список «недостойных жить» пополнили также «евреи, еврей-метисы 1-й или 2-й категории, негры, негры-метисы, цыгане, цыгане-метисы и т. д.».

Западная пресса нынче часто старается представить Гесса всего лишь как секретаря Гитлера. Однако множество исторических документов говорит о том, что Гесс совместно с Гитлером участвовал в разработке нацистской доктрины, и вклад его в эту теорию очень большой. Так, например, известный немецкий журналист и социалист Конрад Хейден, выпустивший еще в 1933 году в Берлине свою книгу «История национал-социализма»*, через несколько месяцев после полета Гесса в 1941 году написал в статье:

«В лице Рудольфа Гесса Германию оставила лучшая половина Адольфа Гитлера. Обе эти личности вошли в интеллектуальное слияние в степени, возможной только у аномальной психики. В самом деле, они в известной степени образовали одну личность, состоявшую из двух человек. Если бы улетел Геринг, можно было бы сказать: “Взорвался Третий рейх!” Отлет Гесса означал, что на части распался сам Гитлер».

В 1945 году в Нюрнберге американские следователи допрашивали профессора Хаусхофера — «отца геополитики» и университетского преподавателя Гесса. Американцы пытались

* На русском языке книга вышла под названием: *Гейден К. История германского фашизма*. М.-Л.: Госоцэкономиздат, 1935.

**Адольф Гитлер и Рудольф Гесс.
Фотография с автографами на память друг другу**

установить, как его идея «жизненного пространства» попала в книгу Гитлера «Майн кампф» и стала теоретической основой нацистского учения. Профессор Хаусхофер вынужден был признать: «Да, мои идеи попали к Гитлеру через Гесса. Но сам Гитлер в них все же глубоко не вникал и серьезно не изучал моих книг».

Ни на Нюрнбергском процессе, ни в тюрьме Шпандау Гесс ни разу не заявлял о своем раскаянии, о смене своих убеждений. Наоборот, он постоянно подчеркивал приверженность своим прежним взглядам. В последнем своем слове в Нюрнберге Гесс заявил: «Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг... в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя моего фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю».

В документах Межсоюзной тюрьмы Шпандау есть «Биографические сведения о заключенном № 7 (Рудольфе Гессе)». В этой справке для внутреннего использования прямо гово-

рится: «Гесс, в отличие от остальных заключенных, отбывавших наказание в Межсоюзной тюрьме Шпандау, никогда не раскаивался в своих преступлениях. Он продолжает считать нацизм самой совершенной идеологией, Гитлера — самой выдающейся личностью в истории Германии, а себя — “мучеником”, пострадавшим во имя “великой Германии”. С 1979 по 1986 год Гесс написал пять прошений об освобождении, адресованных главам правительств четырех стран. Эти прошения обосновывались его возрастом и плохим состоянием здоровья, но не было даже признаков раскаяния».

Этот конфликт еще раз показывает, что в тюрьме Шпандау содержится не беспомощный старик, а идейный фанатик-нацист, пронесший верность фашистской теории через много лет.

Жалоба, 14 мая

Конфликт в саду между «заключенным № 7» и американским надзирателем Джорданом получил продолжение. Заключенный передал директорам тюрьмы письменную жалобу на американца. При этом «номер семь» опять сделал упор на то, что Джордан представляет угрозу для его здоровья. Кроме того, он рассказал об инциденте в саду. По словам заключенного, американский надзиратель заявил, что никогда не будет помогать ему, если «номер семь» оступится или споткнется, и даже не будет поднимать, если тот упадет. В конце жалобы снова та же просьба — уволить Джордана. Письменная жалоба директорам от заключенного с просьбой уволить надзирателя — такое в истории МТШ встречается в первый раз!

Стоит отметить, что в силу возраста заключенного при ходьбе он иногда теряет равновесие. В этих случаях надзирателям приходится поддерживать своего подопечного, чтобы не упал. Проблемно бывает для «номера семь» сесть на стул, чтобы точно попасть на него. И в этом случае требуется по-

сторонняя помощь. Если Джордан и на самом деле выполнит свои обещания, то конфликт будет продолжаться дальше с новой силой.

Перепись населения Берлина, 19 мая

С утра дежурю на воротах. Незнакомый мне человек нажимает кнопку звонка у входа. Я выхожу к воротам и открываю маленькое окно в двери. Незнакомец объясняет, что он депутат западноберлинского парламента. В настоящее время в Западном Берлине проводится перепись населения. Эта процедура согласована с союзными военными властями. Депутат исполняет обязанности счетчика по переписи населения и хотел бы передать опросный лист переписи для заключенного тюрьмы Шпандау немца Рудольфа Гесса.

Судя по всему, это обычная провокация. Тюрьма Шпандау управляется четырьмя союзными властями и никак не может быть связана с переписью населения. Ведь не ходят же немецкие переписчики по английским или американским казармам в Западном Берлине. Значит, и здесь им делать нечего. По крайней мере депутат парламента должен знать об этих особенностях. Я говорю переписчику, что ничем не смогу помочь в его вопросе, и закрываю окно.

Скоро отпуск, 30 мая

Заканчивается месяц май. Через два дня у меня начинается отпуск, запланирована поездка на Кубань, а сегодня последнее дежурство перед этим событием. У меня вечерняя смена в блоке, и вместе с «заключенным № 7» мы в телевизионной комнате смотрим новости. Особый интерес к событиям в Москве. Два дня назад молодой немецкий пилот Матиас Руст на маленьком самолете взлетел в Финляндии, пересек границу СССР и, ориентируясь по железной дороге Ленинград —

Москва, долетел до столицы Советского Союза. Не просто долетел, а виртуозно посадил свой самолет прямо на Красной площади*. Сегодня министр обороны СССР маршал Сергей Соколов отправлен в отставку, вместо него назначен генерал Дмитрий Язов. Вот как 19-летний немец способен влиять на судьбу советских маршалов!

На экране телевизора несколько раз показывают посадку самолета Руста, снятую каким-то кинолюбителем, случайно оказавшимся в нужное время на Красной площади. Гесс смотрит на экран, но никак не комментирует увиденное. Может, он, как бывший летчик, оценивает мастерство молодого пилота, а может, вспоминает свой изменивший судьбу полет в Шотландию?

* 28 мая 1987 г. (в День пограничника) Матиас Руст посадил свой легкий самолет в центре Москвы, не на Красной площади, а на Большом Москворецком мосту, а затем накатом доехал до Собора Василия Блаженного.

Возвращение из отпуска, 26 июня

Мой отпуск закончился. Самолет Аэрофлота несет меня из Москвы в Берлин. Завтра снова на работу, завтра снова МТШ, завтра снова встреча с «заключенным № 7». Аэропорт Шёнефельд очень немногочуден. Быстро прохожу пограничный контроль. Осталось получить багаж. Но что это? Мой кожаный чемодан едет по ленте с разорванным боком. Содержимое вроде бы все цело, но чемодан жалко. Качу чемодан к стойке с надписью «Аэрофлот». Девушка за стойкой говорит по-немецки. Я объясняю ей ситуацию, предъявляю билеты. Она меня успокаивает:

— Чемодан поврежден во время рейса. Компания компенсирует вам ущерб. Заполните бланк заявления.

Заполняю бланк заявления: фамилия, имя, адрес проживания в ГДР, суть вопроса. В конце надо указать стоимость поврежденной вещи. Уточняю у девушки, в какой валюте указывать стоимость?

— Конечно, в марках, вы ведь в Германии.

Пересчитываю в уме рублевую стоимость чемодана в марки, получается, что за поврежденный чемодан мне полагается около 120 марок. За эти деньги я могу купить новый чемодан. Вот это здорово! Ай да советский Аэрофлот!

Подписываю заявление и передаю его немке. Она проверяет написанное, говорит: «Alles Gut!»* — и просит подождать. Девушка звонит кому-то по телефону.

* Все хорошо (нем.).

— Сейчас подойдет старший представитель Аэрофлота и выдаст деньги.

Мое настроение уже на самой верхней границе, мозг обдумывает варианты: надо ли покупать новый чемодан или найти с неба свалившимся деньгам более привлекательное применение.

К стойке подошел мужчина в форме Аэрофлота лет сорока с дежурной легкой улыбкой. Обычные банальные фразы:

— Guten Tag! Was ist los?*

Объясняю ему все то, что ранее уже рассказывал девушке. Она активно кивает головой, подтверждая мои слова. Аэрофлотчик заявляет, что нет проблем, компания оплатит ущерб. Он достает из внутреннего кармана авторучку, чтобы что-то написать на моем заявлении, и вдруг улыбка сходит с его лица. Он смотрит на меня и уже по-русски спрашивает:

— Ты русский?

— Да, русский, — тоже по-русски отвечаю я. — Там же написано — Плотников.

Я предъявляю свой паспорт. После этого из уст представителя Аэрофлота следует подробная лекция о том, что советский человек не может незаконно получать валюту. А моя попытка получить сейчас компенсацию за испорченный чемодан относится именно к разряду незаконного получения валюты. А на этот случай есть Уголовный кодекс. Поэтому возмещение ущерба я могу получить только в Москве и только в рублях. Для того чтобы вопрос о компенсации мне ущерба можно было рассматривать, мне следует написать заявление на русском языке с указанием адреса проживания в Советском Союзе. Я готов написать заявление и по-русски. Но, оказывается, что советские граждане могут подавать такое заявление только в офисе представительства Аэрофлота, здесь в аэропорту это сделать невозможно. А офис располагается в самом центре

* Добрый день! Что случилось? (нем.).

Берлина, недалеко от советского посольства. Поэтому мне остается только одна перспектива — ехать с разорванным чемоданом домой в Потсдам, а в один из свободных от дежурства дней приехать в Берлин писать заявление.

Немка за стойкой Аэрофлота с сочувствием смотрит на меня. Видно, что она сама не ожидала такого подвоха. Интересно, а что в этой ситуации делают другие советские граждане, прилетающие в Берлин? Ведь для основной массы людей из СССР, находящихся в ГДР и связанных с Группой советских войск в Германии, въезд в центр Берлина запрещен.

В тюремном саду, 10 июля

Июль — макушка лета. Погода в Берлине стоит хорошая, «заключенный № 7» гуляет два раза в день. Вот и сейчас мы с ним спускаемся на лифте в сад. Заключенный по тропинке медленно доходит до центральной садовой дорожки и поворачивает налево. Тропинка от здания тюрьмы делит садовую дорожку примерно на две равные части. «Номер семь» доходит до левого конца дорожки, разворачивается и движется до правого конца дорожки, где расположен садовый домик. Такая прогулка — обязательный ритуал перед отдыхом в садовом домике. При благоприятной погоде и хорошем самочувствии заключенный делает даже два круга, прежде чем зайти в домик. Один круг прогулки совершается также после отдыха, перед возвращением в камеру.

В тюремном саду растут каштаны, орехи, вишни, груши, яблони, сливы, березы, сирень и еще какие-то деревья. Летом сад утопает в зелени, а местами даже напоминает джунгли. В зимнее время вся садовая дорожка хорошо просматривается с караульной вышки № 3, расположенной на тюремной стене, ограждающей сад. Но в летнее время густая листва закрывает основную часть дорожки. Прогулка заключенного всегда вызывает большой интерес у часовых всех стран. Вот и сейчас

Схема сада Межсоюзной тюрьмы Шпандау

мне видно, как советский караульный на вышке перемещается с одного конца своей смотровой площадки на другой, пытаясь рассмотреть заключенного. Интерес молодых солдат понятен: здесь они непосредственно соприкасаются с событиями, о которых ранее лишь слегка знали из школьных учебников истории.

«Заключенный № 7» сделал два круга по садовой дорожке, полностью выполнив установленную им самим же норму, и расположился в садовом домике. Я пытаюсь связаться со старшим дежурным надзирателем по радиостанции, но ответа нет. Через несколько месяцев эксплуатации аккумуляторы радиостанций начали быстро разряжаться и связь по радио стала неустойчивой. Ничего страшного в этом нет, ведь обходились же мы раньше без радиостанций! На случай экстренной ситуации есть телефон прямой связи со старшим смены, стоящий на выходе из главного корпуса в сад.

«Номер семь» подремал в садовом домике, почитал газеты, совершил круг по садовой дорожке и направился к зданию тюрьмы. Прогулка на сегодня завершена.

Транспортные проблемы, 21 июля

Я сегодня старший смены. Наш «Рафик» привез меня с утра из Потсдама и умчался назад, отвозя домой моего коллегу Анатолия Какунина, завершившего дежурство. Водителю «Рафика» Володе в последние дни скучать не приходится. «Волга» советского директора МТШ совсем отказалась двигаться, и ее пришлось сдать в капитальный ремонт. Автомобиль «Жигули» задействован в обеспечении деятельности отдела в Потсдаме, поэтому основная нагрузка на поездки в МТШ лежит на «Рафике». Этот зеленый микроавтобус тоже нуждается в ремонте, но совершенно нет времени и возможности вывести его из эксплуатации. По словам Володи, в настоящее время требуется заменить прокладку блока цилиндров, двигатель отказывается развивать полную мощность, а может и совсем заглохнуть. Володя уже несколько дней возит в багажнике новую прокладку, но заменить не может. В гараже в Потсдаме сделать ремонт вечером не позволяют стесненные условия, а в дневное время просто нет свободной паузы. О том, чтобы отдать машину в ремонт в мастерскую, даже говорить не приходится. Например, сегодня, обеспечив утреннюю смену надзирателей, «Рафик» должен привезти в МТШ к 11 часам советского директора. После завершения заседания директоров отвезти директора в Потсдам, а затем обеспечить смену надзирателей в 16.00.

Дежурство идет своим чередом. Заключенный вернулся с прогулки. Санитар Мелаоухи помог ему переодеться, умыться и заняться обедом. Французский надзиратель Неро, дежуривший в блоке, убыл на обед в столовую. Примерно через час английский надзиратель Уормен, отработавший первую половину смены на воротах, прибыл в блок после обеда. Англичанин веселый и общительный человек, большой любитель по-дружески пошутить над собеседником. Уормен заходит ко мне в комнату и рассказывает «ужасную вещь». На стоянке

возле тюрьмы стоит наш автомобиль РАФ — и водитель разобрал двигатель!

— Зачем он это сделал? Как он дальше поедет? — недоумевает англичанин.

Я сразу понимаю, что Володя привез советского директора в МТШ и, пользуясь свободным временем, решил поменять прокладку блока цилиндров. Заседание директоров с учетом обязательного праздничного обеда продлится часа три, достаточно времени для ремонта.

Я говорю Уормену, что не стоит волноваться. Если водитель разобрал двигатель, то сам его назад и соберет. Англичанин плохо понимает ситуацию.

— Он у вас еще и механик? Такой молодой и такая высокая квалификация! — Он никак не может поверить в успешное завершение этой истории.

Но чтобы совсем уверовать в мои слова, задает последний вопрос:

— Зарплату он получает тоже за водителя и за механика?

Я со смехом подтверждаю:

— Да, за двоих!

Уормен остается в блоке, а я иду на обед в столовую. По дороге подхожу к нашему «Рафику» и рассказываю Володе, какой фурор среди персонала тюрьмы произвел его полевой ремонт. Водитель уже заменил прокладку и ставит головку блока на свое место. Он тоже весело смеется и говорит:

— От двух зарплат я бы не отказался! — И тут же добавляет: — Передайте англичанину, что на курсах водителей в советском ДОСААФ учат разбирать не только двигатель.

Август, 3 августа

Наступил август. Американский караул сменил советский караул на внешней охране тюрьмы Шпандау. Американский директор стал председательствовать на заседаниях директоров

МТШ, а советский директор со спокойной совестью за хорошо отработанный советский июль уехал в отпуск в СССР. Помощник директора Алексей Колодников стал исполнять обязанности советского директора, поэтому выпал из графика дежурств советских надзирателей. Еще один советский надзиратель убыл на родину по личным обстоятельствам, поэтому несущих дежурство в МТШ нас осталось только трое. А чтобы три человека могли обеспечить постоянное присутствие в тюрьме, рабочие смены становятся не по восемь часов, а по двенадцать. То есть с начала августа советские надзиратели стали меняться два раза в сутки: в 0.00 часов и в 12.00 часов. Это считается нормальным явлением в МТШ. К такой практике прибегают все страны, если возникает нехватка надзирателей. В этом случае за одну смену надзиратель успевает поработать зачастую на всех трех постах.

Сейчас у меня дежурство на воротах. За стеной моей комнаты спокойный Берлин, редкие машины проезжают по Вильгельмштрассе. Вдруг слышится непонятный шум и крики. Я выглядываю в окно. Мимо главных ворот тюрьмы бежит строй американских солдат в майках, и все хором кричат речевку. Колонна пробегает мимо моих окон, а через некоторое время возвращается назад. 1 августа рота американской пехотной бригады, дислоцированной в Западном Берлине, заселилась в здание 25А, относящееся к тюрьме Шпандау. Этот дом как раз и предназначен для размещения подразделения военнослужащих, несущих караульную службу. Ежедневно часть военнослужащих заступает в караул по охране МТШ, а остальное подразделение живет обычной военной жизнью — тренировки, занятия, в том числе физическая подготовка. Вот и используют американцы для пробежек дорогу вдоль тюремной стены. Военнослужащие Великобритании и Франции также живут во время своего дежурства в этом здании. Только советский караул каждые сутки приезжает на смену из Восточного Берлина.

Через некоторое время какая-то легковая машина подъезжает к шлагбауму у ворот. За рулем офицер американской армии, я нажимаю кнопку открытия шлагбаума. Но что это за автомобиль! Американец приехал на советских «Жигулях» шестой модели. Правда, цвет машины ярко-желтый. Такого оттенка раскраски нет в Советском Союзе. Понятно, что автомобиль сделан в специальной комплектации для поставок в Европу. Офицер припарковал автомобиль на стоянке и направился к воротам тюрьмы. К американскому караулу прибыл проверяющий. Я открыл дверь и впустил его на территорию.

Когда офицер, завершив свои дела, собрался покидать МТШ, я не удержался и поинтересовался у него такой удивительной для здешних мест машиной. Капитан, узнав, что я русский, с удовольствием поведал свою историю. Его предки — выходцы из России. Капитан даже знает пару русских слов. Офицер доброжелательно относится к Советскому Союзу, а советский автомобиль приобрел по нескольким причинам. С одной стороны, автомобиль показывает его российские корни и такого нет ни у кого в бригаде. С другой стороны, для его покупки капитану хватило месячной зарплаты. Поэтому после завершения командировки в Германию при возвращении в США автомобиль будет не жалко просто бросить в Берлине. Я пожелал американцу доброго пути!

Оправданию не подлежит, 4 августа

В советской газете «Труд» сегодня вышла большая статья с заголовком «Тихий нацист». Специальные корреспонденты газеты подробно описали роль Гесса в нацистской Германии, его перелет в Великобританию, Нюрнбергский процесс. Рассказали также о том, что взгляды бывшего заместителя фюрера на нацистскую идеологию за годы пребывания в тюрьме не изменились. Поведала статья и о сегодняшней жизни

МТШ. При этом авторы отметили также и факт похищения лётной формы «заключенного № 7» из тюремной кладовой, значит, они имеют доступ к закрытой информации, направляемой в Москву советским директором. Вывод статьи простой: пожизненное заключение — справедливое наказание и должно быть полностью исполнено. Газета «Труд» — не бульварная желтая пресса, это мнение руководства Советского Союза. Вероятно, статья ставит целью еще раз подтвердить позицию советского правительства о неприятии возможности помилования Гесса и является ответом на публикации в западной печати.

Прогулка, 12 августа

Я отработал ночную смену с 0.00 часов старшим дежурным надзирателем, сходил на завтрак и заступил на дежурство в блок в составе дневной смены. Мне предстоит находиться на дежурстве до 12.00. Ночь и утро прошли обычно и спокойно, а сейчас «заключенный № 7» готов отправиться на прогулку.

На лифте мы спускаемся в сад. Заключенный медленно доходит до центральной дорожки сада и поворачивает налево. Он решил прогуляться по длинному маршруту, благо погода позволяет. Я стою в центре дорожки на пересечении ее с тропинкой к тюрьме и наблюдаю за «номером семь». Он дошел до конца дорожки, медленно, в несколько приемов, развернулся и направился назад в мою сторону. Изредка заключенный останавливается, смотрит по сторонам. Он как будто оценивает стоящие вокруг кусты и деревья. Оно и понятно, ведь основная часть сегодняшней садовой растительности возшла уже на его памяти. «Номер семь» поравнялся со мной, и мы вместе продолжили путь по дорожке к домику. Если не знать, что это тюремный сад, окруженный стеной и охраняемый вооруженными часовыми, то со стороны нас легко можно принять за двух знакомых, гуляющих в парке.

Внезапно «номер семь» останавливается, я тоже. На конце дорожки возле садового домика появился американский солдат. Он без оружия, значит, не часовой дежурной смены караула. Он не офицер, значит, не начальник караула, проверяющий посты. Кто он? Почему один? Зачем он здесь? Караулы всех стран, зная о нахождении заключенного в саду, стараются не производить в это время никаких перемещений своих бойцов по саду. Тем более что любое перемещение военнослужащих по охраняемому объекту возможно только в сопровождении начальника караула или разводящего. А тут вольно шатающийся солдат на строго охраняемой территории. Ну и бардак в этой хваленной американской армии! Правда, я уже слышал от коллег-надзирателей, что американские офицеры таким образом поощряют отдельных военнослужащих, давая возможность «в живую» посмотреть на «заключенного № 7». Получается, что они сознательно нарушают устав караульной службы.

Американский солдат, завидев нас, свернул с центральной садовой дорожки и по караульной тропинке вдоль стены направился к вышке № 3. Мы продолжили движение. Я открыл ключом дверь садового домика, пропустил вперед заключенного, затем полностью раскрыл раздвижные стеклянные двери. «Номер семь» расположился в кресле у окна, я на скамье за ним. Прогулка идет в штатном режиме.

Роковая «пауза», 17 августа

Сегодня у советских надзирателей «пауза». Отоспавшись дома после нескольких дней дежурства по двенадцать часов, мы собрались в районе обеда в своем офисе в Потсдаме. Трое советских надзирателей и наш коллега — временно исполняющий обязанности советского директора Шпандау. Короткое совещание по итогам прошедших трех дней дежурства, постановка задач на очередные три дня. Закончив все дела, мы вчетвером выходим на улицу и во дворе нашего здания ведем речь о хо-

рошей погоде, о том, что скоро пойдут грибы, о разных других житейских мелочах. У всех прекрасное настроение.

Вдруг в кармане Алексея раздается: «Бип-бип-бип!» Это сработал «бипер», оставленный советским директором тюрьмы своему заместителю при отъезде в отпуск. Ясно, что в МТШ что-то случилось и требуется отправка заключенного в британский военный госпиталь. Алексей немедленно побежал в здание отдела к телефону, имеющему выход на Западный Берлин, звонить старшему дежурному надзирателю и уточнять ситуацию. А мы остались на улице и, зная неутомимую фантазию «номера семь» в вопросе своих болезней, стали гадать о возможной причине помещения в госпиталь. Через некоторое время Алексей вернулся к нам и поведал:

— «Дед» пытался повеситься. Вызваны врачи из британского госпиталя.

Других подробностей он пока не знает. Поэтому порядок работы на завтра будет определен только вечером.

Алексей уехал в МТШ, а мы побрели домой, обсуждая сложившуюся ситуацию. Наши рассуждения выглядели примерно так: «За свою жизнь “Дед” несколько раз пытался покончить с собой, но каждый раз это заканчивалось лишь небольшим испугом. Скорее всего, и в этот раз все образуется, тем более что заниматься заключенным будут специалисты из британского военного госпиталя. Да и в госпитале есть все необходимое оборудование для лечения».

Поздно вечером исполняющий обязанности советского директора вернулся в Потсдам, и стало ясно, что наши рассуждения не оправдались. «Заключенный № 7» мертв, его тело находится в британском военном госпитале. По рассказу Алексея, все произошло в садовом домике во время прогулки. На дежурстве возле заключенного находился американский надзиратель Джордан. «Номер семь» повесился на электрическом кабеле-удлинителе, соединяющем лампу для чтения с розеткой. Кабель он привязал к ручке окна.

Конечно, мы все, надзиратели, хорошо знаем этот кабель. Каждый из нас не раз переставлял лампу в садовом домике с одного места на другое, в зависимости от расположения кресла заключенного. Кабель-удлинитель позволял легко это сделать. Ручка на окне тоже хорошо знакома. Каждый раз поднимаясь со своего кресла в садовом домике, заключенный держался за эту ручку, помогая себе встать на ноги. Так было несколько лет, и вряд ли кто из персонала МТШ предполагал, что эти вещи можно использовать для самоубийства.

В морге, 19 августа

С 0.00 часов я заступил на дежурство «в блок». От места дежурства осталось только условное название, определяющее, что я должен находиться рядом с заключенным. Точнее, рядом с телом заключенного. На самом деле место дежурства — морг британского военного госпиталя. Позавчера вечером, после констатации смерти Рудольфа Гесса, его тело поместили в холодильную камеру в морге госпиталя. Камеру опечатали, и уже сутки никто не имеет права ее открыть без разрешения директоров МТШ. Возле этой холодильной камеры у меня сегодня ночное дежурство.

Сам холодильник находится в помещении для вскрытия трупов. Это небольшая комната размером примерно пять на пять метров. Помимо двух холодильных камер в помещении есть два каменных стола, на которых проводится вскрытие. На отдельной тумбочке стоит кофейник с горячим кофе. Я расположился на единственном в комнате стуле и пью кофе. На одном из каменных столов сидят британские полицейские — две женщины в форме и с пистолетами. Они весело болтают и тоже пьют кофе. Рядом, на втором столе, лежит тело молодого мужчины, и британский специалист из госпиталя проводит вскрытие. На краю стола у ног трупа стоит чашка кофе, и врач изредка отхлебывает из нее по глотку в перерывах между своими

манипуляциями. Он отрезает и достает из распоротого тела какие-то внутренние органы и скидывает их в стоящее рядом ведро. Британец не спешит, но ему до утра надо успеть закончить свою работу, потому что утром здесь начнется вскрытие тела «заключенного № 7».

Для вскрытия тела Гесса в Берлин вызван профессор судебной медицины Лондонского университета Кэмерон. Ему будет помогать другой британский профессор — специалист по отравлениям. По одному врачу от каждой из союзных сторон также будут присутствовать на вскрытии. Всех остальных попросят удалиться из этой комнаты. Зато здесь поставят телекамеры, поэтому директора тюрьмы и другие присутствующие при желании смогут увидеть сам процесс вскрытия на экранах мониторов в соседней комнате. Там сейчас находится британский надзиратель Тимсон, он старший дежурный надзиратель нашей ночной смены. За все время дежурства англичанин только один раз заглянул в нашу комнату и больше не появлялся. Да и на самом деле, красивого здесь у нас мало.

Время идет. Британский врач закончил работу, накрыл труп простыней, взял свое ведро и ушел. Британские полицейские, видно, устали. Они побродили по тесной комнате, затем одна из них тоже куда-то ушла. Вторая снова расположилась на свободном каменном столе и пытается дремать. В морге наступила полная тишина.

Ближе к утру два санитары убрали труп незнакомца в свободный холодильник, вымыли каменный стол, навели в помещении порядок. В 7.30 в морге появился исполняющий обязанности советского директора тюрьмы Алексей Колодников. Он приехал в госпиталь раньше других директоров, потому что на его машине я до 8.00 должен успеть переехать в МТШ и принять дежурство на воротах тюрьмы у американца Пайца. Недостаток автомобилей продолжает сказываться на нашей работе. А мне еще четыре часа дежурить в пустой тюрьме.

Предсмертная записка, 24 августа

Много событий случилось за несколько прошедших дней. 19 августа в британском военном госпитале прошло посмертное исследование тела Рудольфа Гесса. Профессор Лондонского университета и главный патологоанатом британской армии доктор Кэмерон вынес заключение: причиной смерти стало удушение при повешении. Тело Гесса запяли в металлический гроб, который затем положили в деревянный. Вечером же 19 августа вышло официальное заявление британской военной комендатуры в Западном Берлине о том, что Гесс совершил самоубийство. Одновременно пришло известие, что в карманах Гесса была обнаружена записка, говорящая о его самоубийстве. Однако содержание записки пока не оглашалось. Также стало известно, что британская военная полиция начала расследование по факту смерти «заключенного № 7».

20 августа утром гроб с телом Гесса вывезен в аэропорт британских Королевских ВВС Гатов в Западном Берлине и оттуда на британском военно-транспортном самолете «Локхид С-130 Геркулес» отправлен в ФРГ на американскую базу Графенвёр возле Мюнхена. Там гроб передан родственникам бывшего «заключенного № 7» для захоронения. Гроб в полете сопровождали британский, французский, американский директора тюрьмы Шпандау и исполняющий обязанности советского директора тюрьмы, а также два надзирателя: советский — старший дежурный надзиратель и французский — надзиратель в блоке. Это была последняя дежурная смена надзирателей Межсоюзной тюрьмы Шпандау. Этим же самолетом сопровождавшие сразу после передачи тела вернулись в Берлин. Родственники Рудольфа Гесса обещают никоим образом не привлекать внимание общественности к происходящим событиям и организовать похороны тихо в семейном склепе в городке Вунзидель в Баварии.

21 августа американский караул покинул тюрьму Шпандау. Охрана тюремного комплекса перешла к британской стороне,

так как МТШ находится в британском секторе Берлина. Англичане выставили часовых возле шлагбаума у въезда на общую территорию тюрьмы и собираются поставить дополнительные ворота у самого съезда с Вильгельмштрассе.

Советский директор МТШ подполковник Черных досрочно вернулся из СССР из отпуска, побывал на заседании директоров Шпандау и привез копию предсмертной записки Гесса. Это письмо необходимо перевести на русский язык, чтобы директор мог доложить содержание в штаб Группы советских войск в Германии. Почерк Гесса трудно читается, да и смысл отдельных переведенных фраз послания понимается с трудом. Тем не менее перевод был выполнен*.

Сегодня также пришло сообщение, что Рудольф Гесс тайно захоронен родственниками в неизвестном месте. Закончился земной путь бывшего «заместителя фюрера», бывшего «заключенного № 7».

Пароль «Парадокс», 25 августа

Из разговоров с союзными коллегами за несколько дней постепенно сложилась общая картина событий, произошедших 17 августа 1987 года в Межсоюзной тюрьме Шпандау.

С 0.00 часов на дежурство в блок заступил американский надзиратель Новак. «Заключенный № 7» в это время спал. Около двух часов ночи заключенный проснулся, сходил в туалет и попросил Новака включить свет, чтобы написать письмо. В написании письма не было ничего необычного, поэтому американский надзиратель разрешил включить свет. При этом он не обращал внимания, на чем писал заключенный, а тем более не знает, что он писал. Около 4.00 Новак убыл из блока для продолжения дежурства на воротах.

* Подробно предсмертная записка Гесса разбирается в главе 12 «Зачем фальсифицировали материалы расследования?».

С 4.00 на дежурство в блок заступил французский надзиратель Парамон. Свет в камере в это время горел. Заключенный сидел на своей кровати. Перед ним на раскладном кроватном столике лежали листки бумаги, на верхнем были написаны несколько строк. За время дежурства француза «заключенный № 7» несколько раз сидя засыпал, потом снова просыпался. К завершению дежурства французского надзирателя заключенный проснулся окончательно, продолжал сидеть на кровати, но ничего больше не писал.

С 8.00 дежурство в блоке начал британский надзиратель Миллер. «Заключенный № 7» самостоятельно вышел из камеры и был очень активным. Он попросил у Миллера бумагу для письма, но англичанин не мог выполнить его просьбу, так в это раннее время ни одного директора в МТШ еще не было, чтобы разрешить выдачу бумаги. На прогулку до обеда заключенный в этот день не выходил. В 11.30 Миллер убыл на обед, а затем заступил на дежурство на воротах. Старшим дежурным надзирателем в эту смену был французский надзиратель Одуэн.

Около 12.00 американский надзиратель Джордан, пообедав, приступил к обязанностям надзирателя в блоке. «Заключенный № 7» был в хорошем настроении и казался веселым. Примерно в 13.30 заключенный сказал Джордану, что хочет пойти на прогулку в сад. Американец дал добро, и «номер семь» стал готовиться к прогулке. Джордан проинформировал об этом старшего дежурного надзирателя. Около 14.10 «заключенный № 7» и надзиратель Джордан спустились на лифте в сад. Американец сразу ушел вперед, отпер все двери садового домика и остался ждать возле него. «Заключенный № 7» не совершал в этот день длинной прогулки на другой конец садовой дорожки, а сразу повернул к домику. Добравшись до садового домика, он тут же вошел вовнутрь и закрыл за собой дверь, можно сказать, перед носом у американца. Джордан остался стоять на улице под деревом с той стороны домика, где нет окон.

Через некоторое время американский надзиратель заглянул в окно домика и увидел заключенного на полу. Он вбежал в садовый домик. «Заключенный № 7» лежал на спине, одним плечом прислонившись к стене. Глаза его были открыты. На шее у него был электрический кабель. Другой конец кабеля был привязан к оконной ручке. Кабель был натянут. Джордан приподнял заключенного и снял кабель с шеи. При этом кабель снялся легко. Американец уложил заключенного на полу, расстегнул ему рубашку, под голову подложил одеяло. Затем побежал ко входу из сада в здание тюрьмы, где стоял телефон. Он позвонил британскому надзирателю на воротах Миллеру с просьбой срочно вызвать медицинскую помощь и вернулся в садовый домик. Некоторое время Джордан оставался в домике, а затем побежал к сторожевой вышке № 3 и попросил американского часового о медицинской помощи.

Британский надзиратель Миллер, приняв звонок от Джордана, позвонил старшему смены французскому надзирателю Одуэну. Француз немедленно отправился в сад, оценил обстановку и принял решение о вызове медицинской помощи из госпиталя. Через несколько минут Миллер позвонил в британский военный госпиталь и назвал кодовое слово «Парадокс». Это был сигнал для срочного направления в МТШ машины скорой помощи. Согласованный заранее план действий вступил в силу.

Американский часовой на вышке № 3 немедленно доложил о просьбе Джордана начальнику караула, который направил в садовый домик двух военнослужащих-фельдшеров. Они располагались в караульном помещении в доме 25А, поэтому первыми прибыли в сад и начали делать заключенному искусственное дыхание.

Через некоторое время в тюрьму прибыл санитар Меллоухи и тоже взялся за реанимацию своего подопечного. Еще через какое-то время в МТШ приехал британский военный врач, который был в этот день дежурным врачом по плану «Пара-

CERTIFICATE OF DEATH

1. This is to certify that I have examined the body of:

RUDOLF (WALTHER RICHARD) HESS - dob 26 April 1894

on this day (date) 17th August 1987 at 16.10 A hours
and found life extinct.

2. In my opinion death was caused by:-

1. Primary Cerebral and PMN hypoxia

2. Secondary Cerebral arterio sclerosis

Date 17 August 1987

BMH BERLIN

CO. 4/RMC.

**Свидетельство о смерти Рудольфа (Вальтера Рихарда) Гесса.
17 августа 1987 года, 16:10**

докс». В это же время подъехала карета скорой помощи из британского госпиталя. Британский врач возглавил процедуру реанимации, однако никаких результатов она не принесла. Заключенного погрузили в скорую помощь, и в 15.40 машина убыла из МТШ в госпиталь.

В британском военном госпитале после попыток восстановить сердечную деятельность «заключенного № 7» в отделении реанимации в 16 часов 10 минут была констатирована полная клиническая смерть.

Подготовка к завершению работы, 26 августа

Дежурство союзных надзирателей в МТШ завершилось с передачей тела «заключенного № 7» родственникам в Баварии, однако мы почти каждый день всем составом советских надзирателей приезжаем в Западный Берлин. Дел пока хватает. В соответствии с протоколом, подписанным четырьмя странами-союзниками 1 октября 1982 года, тюрьма Шпандау после

выполнения ею функций Межсоюзной тюрьмы должна быть снесена. По согласованию сторон останутся нетронутыми служебные здания за тюремной стеной. Поэтому секретариат тюрьмы перебирается из главного корпуса в дом № 24, туда, где располагалась наша столовая. Мы помогаем секретарям переносить пачки архивных документов, сортировать папки, переставлять мебель.

Британская военная полиция ведет расследование по факту смерти Рудольфа Гесса. Уже допрошены американские и британские надзиратели. Сегодня военные следователи разговаривают с французским персоналом МТШ. Затем дойдет очередь и до советских надзирателей.

Возникли и некоторые проблемные моменты. Санитар Мелаоухи отказывается давать показания британским следователям, утверждая, что он всего лишь врач и не хочет быть втянут в политику. Заставить его говорить никак нельзя: демократия.

Французский надзиратель Одуэн, который был старшим смены 17 августа, сказал следователям, что не дозвонился на квартиру санитару Мелаоухи во время событий в тюремном саду. Мелаоухи очень обиделся на француза и уверяет всех надзирателей по очереди, что именно Одуэн позвонил ему домой, после чего санитар побежал в тюрьму. Хотя от кухонных рабочих известно, что о случившемся санитар узнал от персонала нашей столовой, когда зашел туда перекусить.

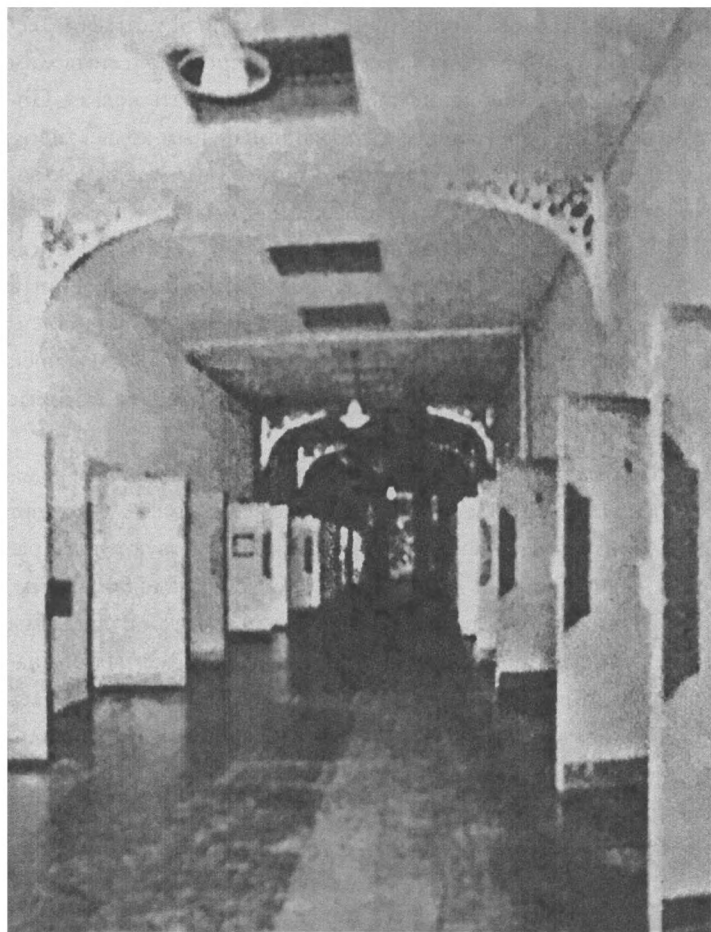
Начало разрушения Шпандау, 27 августа

Сегодня мы снова приехали в Шпандау. Предстоит разрушение тюрьмы, а для этого внутри здания должны быть проведены соответствующие приготовления. Несоюзный персонал МТШ — секретари, истопник, рабочие — уже вынесли всю мебель из канцелярии и вспомогательных помещений тюрьмы. Но доступ в блок им по-прежнему запрещен. Любой предмет

из тюремного блока многие годы был связан с Рудольфом Гессом, поэтому может стать не только сувениром, но и символом поклонения для неонацистов. А этого допускать нельзя. Поэтому сегодня перед нашим интернациональным коллективом надзирателей стоит задача сделать непригодным для использования все, что имеется в блоке. То есть сломать, разбить, превратить в хлам и мусор. Исключение составляет только медицинская кровать, на которой спал Гесс. Британский военный госпиталь предоставлял кровать тюрьме Шпандау во временное пользование, поэтому ее надо вернуть назад. После нашей «работы» в камерный блок будут допущены рабочие, которые вынесут весь мусор.

Коллектив наш интернациональный, но наши ряды редуют с каждым днем. Сегодня в блоке нас всего семь человек: нет ни одного американского надзирателя, отсутствуют надзиратели — помощники директоров, кто-то сказался больным. Мы разбились по группам, каждая занимается отдельным помещением: камера заключенного, гардероб, ванная комната, библиотека. Мне вместе с французом Одуэном досталась телевизионная комната. Рядом со входом в нее стоит журнальный столик с лампой и кресло. Настольная лампа летит на каменный пол и под каблуком ботинка быстро превращается в кусок железа. Журнальный столик довольно хлипкий, отломить его ножки для двух молодых мужчин труда не составляет. С креслом сложнее, приходится повозиться. Оно большое, старое, но добротное, удобное для сидения. Тем не менее каменный пол и четыре руки делают свою дело. С этим креслом у каждого из нас был связан почти каждый день дежурства. Сидя в этом кресле, надзиратели наблюдали за «заключенным № 7», а бывало, и спали. Вряд ли кто из нас тогда задумывался о сегодняшнем дне.

В самой телевизионной комнате два стула, банкетка и кресло, на котором обычно сидел Гесс. А еще телевизор и тумбочка под ним. Не спеша разбираемся с мебелью. На полу телевизион-

Камерный блок тюрьмы Шпандау опустел

ной вырастает куча дров и мусора. А что делать с телевизором? Большой тяжелый цветной телевизор, мы его еле поднимаем. Вдвоем с французом выносим телевизор из камеры, раскачиваем и на счет «три» запускаем на каменный пол вдоль по тюремному коридору. Он несколько раз кувыркается по полу. Со стороны смотрится эффектно, но значительных повреждений нет, аппарат остался единым целым. Несколько раз нам с Одуэном

пришлось проделать эту процедуру, прежде чем от телевизора осталась груда хлама. Пульт дистанционного управления телевизором оказался более податливым и разлетается на куски от первого удара о пол.

Покончив с телевизионной комнатой, я иду в пустую камеру, где стоит маленький клавесин. Красивый инструмент, сделанный сто, а может, и более лет назад, сегодня мог бы быть выставлен в каком-нибудь музыкальном музее. Но у него другая судьба. Я подкачиваю меха и нажимаю клавиши, пытаюсь изобразить мелодию детской песенки «В лесу родилась елочка». Мне жалко этот раритетный инструмент, жалко отправлять его на каменный пол. Но другого выхода нет. Одуэн заходит в камеру. Он тоже высказывает сожаление по поводу инструмента. Однако наши мнения здесь ничего не значат. Мы берем с французом клавесин и выносим в коридор. Все заканчивается гораздо быстрее, чем с телевизором.

Завершив все «работы» и оставив после себя кучи мусора и хлама, мы все вместе выходим из камерного блока. По дороге я захожу в комнату старшего дежурного надзирателя. Гесс никогда не бывал здесь, сувениров для нацистов тут нет, поэтому разбором мебели в этой комнате займутся рабочие. На шкафу по-прежнему лежат шахматы — средство общения и сближения надзирателей стран-союзов. Шахматы не являются собственностью МТШ, шахматы принадлежат советским надзирателям. Надпись на внутренней стороне шахматной доски красочно говорит об этом. Символом поклонения для неонацистов шахматы надзирателей тоже стать не могут. Поэтому я со спокойной совестью забираю шахматную доску под мышку.

По дороге домой в «Рафике» советский директор рассказывает, что британская военная полиция сделала официальный предварительный доклад по результатам расследования. Вывод следователей — «заключенный № 7» покончил жизнь самоубийством. Полицейские еще продолжают работу и сделают основной доклад, но главный элемент событий уже ясен.

Дневник пастора Габеля, 28 августа

В конце августа западногерманский журнал «Шпигель» в статье под заголовком «Русские набрасываются на малину»* опубликовал дневниковые записи бывшего пастора Межсоюзной тюрьмы Шпандау Шарля Габеля. Ничего сенсационного в них нет, однако интересно для разностороннего понимания происходившего за тюремной стеной. Вот некоторые из опубликованных записей.

«Вторник, 8 марта 1977 г.

Я знаколюсь с Рудольфом Гессом. Когда он выходит мне навстречу, я веду себя как простой человек и протягиваю старому человеку руку. Таким образом я совершаю первое нарушение священных инструкций. Однако происходит нечто невероятное. Гесс, еще достаточно стройный для своего возраста, смотрит мне в глаза и говорит по-французски, дружески, но твердо: «Вы не должны подавать мне руку». Я был так напуган, что до сегодняшнего дня не могу сказать, соприкоснулись ли наши руки».

«Среда, 6 сентября 1978 г.

Мы рассматриваем маленький готовый дом, который установили для него в середине сада, и пытаемся выяснить, из какого материала он сделан. Это новое приобретение, я не знаю, кому принадлежит эта идея. Домик с одной стороны полностью открыт, внутри никакой перегородки.

По дороге назад я могу пожать ему руку. Французский надзиратель закрыл глаза, британский часовой на вышке

* Gabel Ch. Die Russen fallen über die Himbeeren her // Der Spiegel. Nr 35/1987. 24.08.1987.

ничего не видит. В вестибюле я некоторое время беседую с русским старшим дежурным надзирателем. Улыбаясь, он еще раз проверяет мою сумку.

Русский с иронией и горечью говорит о “даче” в саду и сообщает мне, что она стоит более 12 000 марок».

«Среда, 23 мая 1979 г.

Сегодня я первый раз называю заключенного “господин Гесс”. “Номер семь” снова находит свою человеческую личность и свое достоинство»*.

«Среда, 26 сентября 1979 г.

Примерно в конце второй половины дня, когда я остаюсь в своем бюро один, я достаю из внутреннего кармана бумаги Гесса. Его почерк тяжело разобрать, мне приходится напрягаться. Это точная копия его письма к правительствам. Я должен спокойно обо всем подумать и найти решение, разъяснить его семье и избежать любого риска».

«Пятница, 26 июня 1981 г.

Мы любуемся лилиями в маленьком водоеме. Гесс шутит и говорит, что недостает еще маленького плавательного бассейна, чтобы дополнить прелести “его” парка. Он ведет себя как хозяин дома и как хозяин своего окружения, не считая русских, конечно.

В этом году много малины. Гесс ест ее с удовольствием и требует от меня делать то же самое, так как в следующий раз может быть слишком поздно. Русские солдаты, заступающие на охрану с 1 июля, набросятся тогда

* Называть заключенного по имени или фамилии в МТШ было запрещено. Только номер. Пастор нарушил запрет, назвал по фамилии. Пусть даже беседа была с глазу на глаз. Для пастора это маленький подвиг.

на малину и не оставят на кустах ничего. Я тоже принимаюсь за еду».

«Среда, 17 ноября 1982 г.

Мы слушаем музыку, Четвертую симфонию Шумана. Я открываю Библию возле псалмов 50 и 51, затем мы читаем “Отче наш”. Я предлагаю послушать пластинку Армии спасения, которую я купил утром: пение и фанфары. Эта музыка радует Гесса.

Ровно в 16 часов приносят еду. С 17 до 20 часов Гесс хочет посмотреть футбол. Я ухожу и желаю ему приятного аппетита».

«Среда, 7 сентября 1983 г.

Вчера мы прибыли в Хинделанг и живем в отеле Sonne (“Солнце”), который порекомендовала Ильза Гесс. По словам Ильзы Гесс, однажды, в конце войны, Гитлер сказал своему шоферу Кемпке: “Национал-социализм породил по меньшей мере хоть одно хорошее. Это — Рудольф Гесс, идеалист чистой воды”.

Согласно Ильзе Гесс, ее муж интересовался не только авиацией, но и флотом. Он оборудовал себе комнату, в которой мог проводить морские сражения с помощью моделей кораблей. Однажды он разыгрывал морское сражение в проливе Скагеррак с герцогом Виндзорским, который был у него в гостях».

«Среда, 30 ноября 1983 г.

Гесс сообщает мне, что для него соорудят лифт на наружной стене тюрьмы, недалеко от его камеры. Мы спрашиваем друг друга немного с насмешкой, какой еще комфорт ему ожидается: плавательный бассейн, сауна, солярий? Шпандау действительно стала домом со всем комфортом, поддерживаемым доброй волей немецких

налогоплательщиков. Скоро Гесс будет стоить примерно столько же, как если бы он был канцлером в Бонне».

«Среда, 20 марта 1985 г.

Сегодня Гесс внезапно говорит мне: “Я не строю для себя никаких иллюзий. Если меня не освободили к моему девяностолетию, тогда мало надежды и на девяносто первый год”».

Прощай, Шпандау!

(1 сентября 1987 года)

Сегодня 1 сентября 1987 года. Моя дочь первый раз пошла в школу: в 1-й класс русской школы в Потсдаме. Что ждет ее впереди? Как сложится ее судьба? Кем она станет? Очень далеко ушло молодое поколение от времени и памяти Второй мировой войны. Играя каждый день во дворе с немецкими детьми, она пока слабо себе представляет, что когда-то два наших народа сходились в смертельной схватке. Останутся ли в памяти молодежи уроки той великой войны?

И сегодня мы в последний раз всем составом советских надзирателей приехали в Шпандау. Внутрь тюремной территории за стену нас уже не пускают. Над стеной видно, как похожая на большого скорпиона машина с отбойным молотком начала рушить вспомогательные постройки на территории тюрьмы. На крыше основного здания тюрьмы работают люди, разбирают кровлю. Почти весь несоюзный персонал тюрьмы уже уволен. Вся деятельность Межсоюзной тюрьмы Шпандау сосредоточилась теперь в одном служебном здании № 24, использовавшемся в последний год в качестве столовой. Сюда перевезен весь архив тюрьмы. Секретари приводят в порядок последние протоколы заседаний директоров. В ближайшее время привезут специальную установку для микрофильмирования документов. Каждая из сторон получит фотокопию, а бумажные

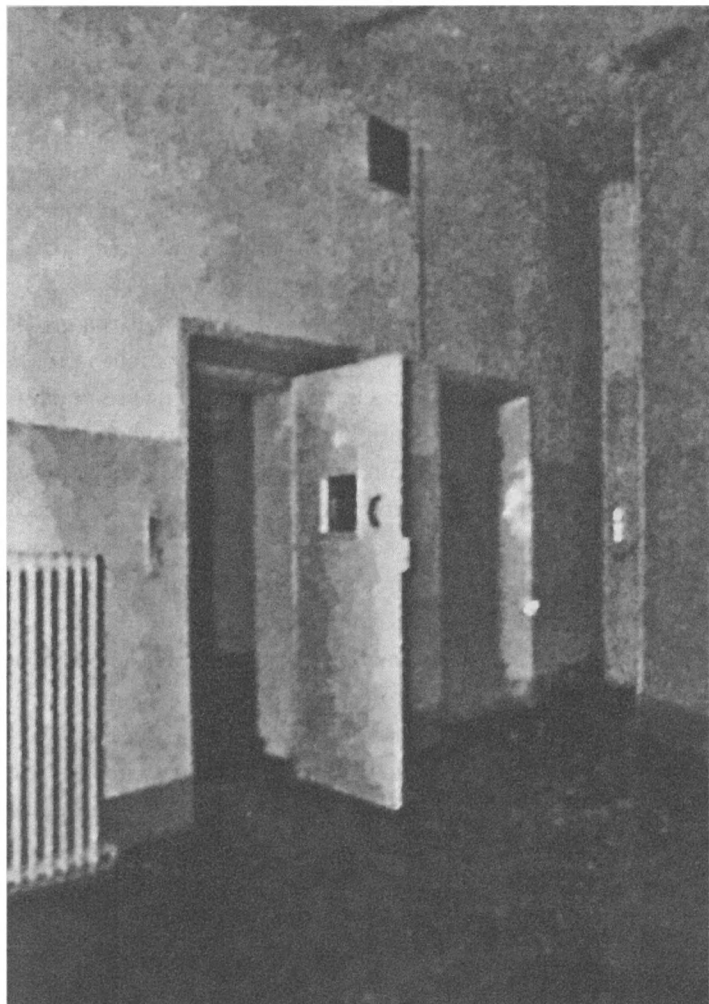
оригиналы будут уничтожены. Такое решение принято четырьмя государствами в 1982 году, а теперь воплощается в жизнь.

Первая цель нашего сегодняшнего приезда в Шпандау — беседа со следователями британской военной полиции с составлением протокола, то есть допрос. И хотя официально такая беседа называется опрос, а подписываемая бумага — заявление, суть процесса от этого не меняется. В день, когда произошел роковой случай, у советских надзирателей была «пауза», их не было в тюрьме, поэтому английские следователи и оставили разговор с нами на самый последний день. Ничего нового от наших показаний они не ждут.

Беседа проходит в одном из помещений здания № 24. Англичанин разговаривает с каждым советским надзирателем по отдельности, но не один на один. В комнате присутствуют советский директор тюрьмы и советский переводчик, так соблюдаются правовые международные нормы. Вопросы для всех одинаковые:

- Как вас зовут?
- Кем работаете в Шпандау, с какого времени?
- Были ли вы в Шпандау 17 августа?
- Кто содержался в тюрьме Шпандау?
- Как обычно проходили прогулки заключенного в саду?
- Оставляли ли Вы заключенного без присмотра, когда он находился в садовом домике?
- Видели ли вы электрический кабель в садовом домике?
- Были ли у вас отдельные инструкции на случай попытки суицида заключенного?
- Как вы выполняли пункт 6 обязанностей надзирателя в блоке о пресечении попыток самоубийства заключенного?
- Какие отношения были между американским надзирателем Джорданом и заключенным?

Следователь неспешно записывает вопросы и ответы в протокол. В конце беседы предлагает прочитать, подтвердить, что все записано правильно, и поставить подпись.

**Распахнутая дверь в опустевшую камеру последнего узника.
Тюрьма Шпандау завершила свою работу**

Второе сегодняшнее мероприятие в Шпандау — прощальный общий сбор союзного и несоюзного персонала. Мероприятие проходит в столовой. После очень короткого официального выступления одного из директоров встреча становится

неформальной. Все прощаются друг с другом. На глазах многих бывших работников Шпандау слезы. Это понятно. С одной стороны, в МТШ сложился уникальный коллектив и многие сотрудники стали если не друзьями, то хорошими товарищами. С другой стороны, потеря рабочего места — большая проблема для жителей Западного Берлина. И хотя директора тюрьмы обещали всем дать хорошие рекомендации, поиск новой работы всегда связан с переживаниями и волнениями.

Если обслуживающий персонал МТШ, несмотря на состоявшееся уже увольнение, почти в полном составе прибыл сегодня, то наши коллеги-надзиратели далеко не все присутствуют на этом мероприятии. Правда, никто никого и не заставлял. Нет ни одного американского надзирателя, французы тоже далеко не все. На общем столе пиво и кока-кола в банках, несколько бутылок шампанского, никакой закуски. Ведь повара и официанты уволены, американский месяц обеспечения питанием персонала тюрьмы закончился, а британский так и не наступил. Правда, помощник британского директора Уормен выставил все же на общий стол бутылку виски, но напитки и закуски сегодня не играют никакой роли.

Время летит быстро, но расходиться никому не хочется. Каждый старается пожать руки каждому, обняться, сказать хорошие слова, вместе сфотографироваться. Однако все когда-то заканчивается.

Ставший уже родным за эти годы зеленый «Рафик» увозит весь состав советских надзирателей в Потсдам. Не осталось больше в живых фашистских преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом. Нет больше Межсоюзной тюрьмы Шпандау. Более полутора лет моей работы в этом уникальном учреждении завершены. Прощай, Шпандау!

СМЕРТЬ ГЕССА: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава 9

СМЕНА ВРЕМЕН (2017 год)

Прошло 30 лет с того дня, как интернациональный коллектив надзирателей последний раз переступил порог Межсоюзной тюрьмы Шпандау. За это время в мире произошли грандиозные изменения. Нет больше такого государства, как Союз Советских Социалистических Республик. Он разделился на пятнадцать больших и не очень стран. Правопреемственность по обязательствам Советского Союза взяла на себя Российская Федерация. Не стало и Германской Демократической Республики: она объединилась со своим западным соседом, и единая Федеративная Республика Германия играет теперь самую важную роль во всей Европе. Нет больше и Западного Берлина, разделенного на оккупационные сектора. Город Берлин вновь стал столицей единой Германии. Пала знаменитая Берлинская стена, и именно это событие можно считать началом всех великих перемен.

Здание Межсоюзной тюрьмы Шпандау на Вильгельмштрассе давно разрушено, а на его месте возведено здание большого торгового центра. Ничто не напоминает о былом. Только с тыльной стороны стоящего возле супермаркета рекламного щита кто-то наклеил небольшую фотографию Рудольфа Гесса. Значит, память о нем еще живет, неонацисты не собираются уходить на задворки истории. Правда, края фотографии оборваны. Кто-то другой пытался снять эту фотографию. Германия, даже ставшая единой, по-прежнему полна противоречий.

От тюремного сада тоже почти ничего не осталось. Лишь несколько деревьев возле автомобильной стоянки супермаркета остаются немymi свидетелями некогда происходивших здесь событий. Огромная старая береза почти в центре стоянки могла бы рассказать, что росла раньше во внутреннем дворе недалеко от лифта и каждый день «заключенный № 7» в сопровождении надзирателя проходил возле нее на прогулку. Отдельной группой стоят каштаны, возле них шла дорожка из здания тюрьмы. По расположению платанов можно определить место, где раньше стоял садовый домик.

Советский персонал Шпандау за эти годы в миниатюре повторил путь некогда великой страны. Жизнь разбросала бывших коллег по новым независимым государствам. Они не поддерживают между собой никаких связей, только изредка в средствах массовой информации России и Украины появляются их интервью или воспоминания как непосредственных участников тех далеких событий.

За прошедшие тридцать лет журналисты и энтузиасты-исследователи из различных стран мира выдвигали множество версий, стараясь разгадать «загадки» бывшего «заключенного № 7»: кто же, собственно, умер в тюрьме Шпандау? Знал ли Гитлер о полете Гесса? С какой целью Гесс полетел в Англию?

Много загадочных событий вокруг Рудольфа Гесса остаются неисследованными и поныне. Однако благодаря посте-

**Оборванная фотография Рудольфа Гесса возле супермаркета
на Вильгельмштрассе в берлинском районе Шпандау**

пенному раскрытию архивов в разных странах неизвестные 30 лет назад факты становятся общедоступными. Ниже — некоторые из них.

Фотографии Гесса в «Берлинер цайтунг»

В августе 1986 года в газете «Берлинер цайтунг» были опубликованы фотографии Рудольфа Гесса в тюрьме Шпандау. Из документов, хранящихся в Национальном архиве США и открытых сегодня для исследователей, следует, что расследованием этого случая занималась британская военная полиция. Ей пыталась помогать американская военная разведка. Однако личность фотографа так и не была установлена. Тем не менее в докладе заместителя начальника штаба по разведке американских войск в Берлине Уильяма Халпина содержатся вполне конкретные подозрения: «Мы определили, что бывший британский надзиратель г-н Лонг может быть ответственным за некоторые из фотографий. Мы подозреваем, что бывший надзиратель США г-н Робинсон мог сделать некоторые из фотографий. Мы знаем, что французский надзиратель г-н Деденон унес антикварный граммофон, принадлежавший заключенному. Мы считаем необходимым побеседовать с каждым из этих людей и опросить о проводившейся ими деятельности по отношению к заключенному и тюрьме. Мы также считаем, что заключенный должен быть опрошен относительно всех фотографий, которые появились в прессе с 1983 года».

На основании доклада военной разведки советник по правовым вопросам Дональд Коблицц сделал доклад коменданту американского сектора Берлина генерал-майору Джону Х. Митчелу. Выдержка из этого доклада наглядно показывает отношение американцев к следователям британской военной полиции: «Я понимаю, что Билл и его британский коллега хотели бы, чтобы Гесс был допрошен на предмет, кто его фо-

DEPARTMENT OF THE ARMY
HEADQUARTERS, U.S. COMMAND, BERLIN, and U.S. ARMY, BERLIN
APO NEW YORK 09747

REPLY TO
ATTENTION OF

AERA-IO

1 October 1986

MEMORANDUM FOR USCOB

SUBJECT: Spandau Prison

1. I have spoken with my British counterpart in the investigation of possible theft at Spandau Prison and we agree that the following immediate steps must be taken to secure the prisoner's property and minimize the potential for future embarrassment.

a. All property belonging to the prisoner must be assembled in one location (the archive). Currently, articles belonging to the prisoner can be found in numerous locations.

b. The four powers must agree to inventory every article. The inventory should be checked at the changing of control each month and the articles of property "hand receipted."

c. We found mail (original incoming mail and copies of outgoing mail) which would be of high value to collectors. These are not controlled. The envelopes by postmark and contents should be inventoried and locked in the archive. I presume there are letters dated back to the mid-40's. We have secured some recent incoming mail in the panzer schrank located in the director's office.

d. All of the critical keys (e.g. the archive, cell block, property room, etc) must be changed.

2. With regard to the investigation proper, Capt Abbott and I are beginning to conclude that there may be several independent thieves operating at the prison. We have determined that the former British warder, Mr. Long, may be responsible for some of the photographs. We suspect that the former U.S. warder, Mr. Robinson, may be involved with some photographs. We know that the French warder, Mr. Dedenon has removed an antique record player belonging to the prisoner. We believe it imperative that all three of these people be interviewed and debriefed on the activities vis-a-vis the prisoner and the prison. We also believe the prisoner should be debriefed relative to all of the photographs which have appeared in the press since 1983.

WILLIAM R. HALPIN
Asst Deputy Chief of Staff, Intelligence

Один из докладов американской военной разведки
о расследовании в Шпандау

тографировал. Я настоятельно призываю, чтобы такой допрос проводил один из директоров, которого знает Гесс (либо англичанин, либо Дарольд Кин), а не британский следователь. Я подозреваю, что Гесс не откроется следователю, которого он

не знает, и техника допроса британцев неадекватно жесткая. Учитывая состояние здоровья Гесса, я считаю, что рискованно разрешать британскому следователю полиции давить на Гесса такими вопросами».

Мне неизвестно, беседовал ли кто из директоров Шпандау с Гессом по поводу фотографий. Однако судя по отсутствию результата поиска виновного можно предположить, что ни британскому, ни американскому директору МТШ Гесс так и не выдал, кто же фотографировал его в тюрьме.

Кража вещей «заключенного № 7» из тюрьмы Шпандау

В августе 1986 года во время проведения инспекции тюрьмы Шпандау комендантом американского сектора Берлина генералом Митчелом была обнаружена пропажа из тюремной кладовой личных вещей «заключенного № 7» — авиационного обмундирования, в котором Гесс в мае 1941 года прилетел в Великобританию. Основную роль в расследовании этого инцидента играла американская военная разведка. В ее докладе от 1 сентября 1986 года советнику по правовым вопросам Коблицу говорится:

«Личная выгода и создание атмосферы недоверия являются двумя очевидными мотивами. Другими мотивами могут быть: кража для семьи заключенного, кража для музея, показательная демонстрация необходимости улучшения безопасности и спонтанное использование возможностей (в частности с осознанием того, что предыдущие злоупотребления доверием оставались безнаказанными).

а. Мотив личной выгоды может иметь место, только если удастся доказать, что вещи принадлежат заключенному. В этом случае можно предположить, что

существуют еще не опубликованные фотографии, запечатлевшие заключенного в/с его одеждой. Мне доложили, что на одежде нет никаких опознавательных знаков, закрепляющих право собственности.

б. Не следует сбрасывать со счетов, что кража могла быть инициирована правительством (предположительно советским). Пропажа вещей способна вызвать подозрение и недоверие, развиваясь с малого масштаба. Еще одна возможность заключается в том, что в будущем пропавшие вещи могут «неожиданно» появиться в советском музее».

Таким образом, одним из главных мотивов пропажи вещей «заключенного № 7» американская разведка считала желание Советского Союза внести глобальное недоверие в отношения между союзниками по Второй мировой войне, начиная с этого случая в Шпандау. Этот доклад наглядно показывает параноидальную целеустремленность американских специальных служб возлагать ответственность за любой инцидент в мире на советскую сторону.

На основании доклада военной разведки советник по правовым вопросам Дональд Коблиц 1 октября 1986 года сделал доклад коменданту американского сектора Берлина генералу Митчелу. Но со своего высокого уровня он уже шире смотрит на вопрос:

«Главной проблемой в тюрьме является полное рассеивание полномочий, а соответственно, и ответственности. Это касается не только раскола между четырьмя в корне различными властями. Это периодически случайным образом встречается и внутри британской, а иногда и французской сторон. Тюрьма нуждается во введении политического руководства от трех миссий на регулярной основе».

Найти преступника, что называется, по горячим следам, американцам в тот год так и не удалось.

Через полтора года после смерти Гесса, 13 декабря 1988 года газета «Берлинер моргенпост» вышла с заголовком «Два британца пытались шантажировать сына Рудольфа Гесса, требуя 500 000 марок за военную форму и другие личные вещи». Похитители все-таки попались.

Сын Рудольфа Гесса, Вольф-Рюдигер, в своей книге «Рудольф Гесс: “Я не о чем не жалею”»* рассказывает, что первый раз неизвестные появились в его доме в октябре 1988 года и на английском языке предложили купить военную форму отца, кожаный летный шлем, летные часы и некоторые другие вещи. Объявленная цена составляла 150 000 английских фунтов, то есть примерно полмиллиона марок ФРГ. В течение нескольких недель сын Гесса торговался с неизвестными, которые периодически звонили ему по телефону, а также требовал подтверждения подлинности вещей. При этом он проинформировал об этом немецкую полицию. Неизвестные требовали от Вольфа-Рюдигера заплатить объявленную сумму, в противном случае грозили продать все вещи на закрытых аукционах частным коллекционерам. Наконец цена была согласована и намечено место обмена сумки с вещами на дипломат с деньгами: Гамбург, отель «Квинс»**. Во время этой встречи вечером 10 декабря 1988 года неизвестные были арестованы гамбургской криминальной полицией, а в апреле 1989 года предстали перед судом присяжных западноберлинского района Тиргартен.

Одним из арестованных был бывший британский надзиратель Межсоюзной тюрьмы Шпандау господин Стивен Тимсон. Суд приговорил его к одному году тюремного заключения

* *Heß Wolf Rüdiger*. Rudolf Heß: «Ich bereue nichts». Graz–Stuttgart, 1994.

** 4-звездочная гостиница *Best Western Queens Hotel Hamburg* находится по адресу: Мексикоринг, дом 1.

Рудольф Гесс в тюрьме Шпандау в кладовой с летным обмундированием, в котором он в 1941 году улетел в Шотландию

и двум годам условно за присвоение чужого имущества и вымогательство. При этом Тимсон являлся зятем другого британского надзирателя — помощника британского директора МТШ господина Уормена. Суд не сумел доказать вину последнего в хищении, но установил, что именно Уормен предложил Тимсону продать похищенное имущество сыну Гесса. Поэтому суд приговорил Уормена к штрафу в размере 2000 западногерманских марок за подстрекательство к попытке шантажа.

Похищенное из тюрьмы Шпандау летное обмундирование Рудольфа Гесса фигурировало на суде в качестве вещественного доказательства, но передавать его наследникам никто не собирался. По завершению процесса прокурор принял решение передать все вещи английской стороне, которая просила их возврата. Но Вольф-Рюдигер Гесс и его адвокаты возбудили судебный процесс против земли Берлин по освобождению незаконно удерживаемого имущества. И они добились своего. В январе 1991 года похищенное из тюрьмы Шпандау летное

обмундирование Рудольфа Гесса было передано семье. Но в это время уже перестало существовать разделение Берлина на Западный и Восточный, а Германия вновь стала единым государством в центре Европы.

Борьба союзников с «советским присутствием» в Западном Берлине

Советские войска полностью освободили Берлин от гитлеровских войск в мае 1945 года. Германия капитулировала. Линия соприкосновения советских и союзных войск после завершения войны проходила примерно по реке Эльбе. Однако в соответствии с решениями, принятыми на Ялтинской конференции 1945 года, столица Германии город Берлин был разделен на сектора оккупации. В свои берлинские сектора союзные войска вошли в июле-августе 1945 года. После начала холодной войны и создания в 1949 году новых немецких государств — ФРГ и ГДР — три сектора Берлина, занятых западными союзниками, с их же помощью стали активно втягиваться в экономическую и политическую жизнь ФРГ, образовав единый анклав на территории ГДР — Западный Берлин. И все время, пока существовал Западный Берлин, наши союзники по Антигитлеровской коалиции, дружелюбно пущенные в освобожденный советскими войсками Берлин, решали задачу, как ограничить советское присутствие в Западном Берлине. А одной из основных точек советского присутствия в Западном Берлине являлась тюрьма Шпандау.

Одним из хранящихся в Национальном архиве США и рассекреченных по истечении определенного времени документов является «Доклад советнику по национальной безопасности США господину Киссинджеру о ситуации с советским присутствием в Западном Берлине от 18 марта 1971 года». Данный доклад сделан в связи с подготовкой американской

делегации к четырехсторонним переговорам для обсуждения соглашения по Западному Берлину. Основная канва доклада — любое увеличение советского присутствия в Западном Берлине является нежелательным для США. Одним из основных действующих объектов советского присутствия в Западном Берлине называется тюрьма Шпандау, в которой «советская сторона представлена постоянно, а в течение трех месяцев в году там располагаются также 50 вооруженных советских военнослужащих». В докладе подчеркивается, что после смерти Гесса не должно быть никакой необходимости в нахождении советских военнослужащих в Шпандау. Вместе с тем в докладе не исключается возможность, что советская сторона будет настаивать на дальнейшем присутствии советских военнослужащих в Шпандау с целью охраны могилы Гесса.

Четырехстороннее соглашение по Берлину было в итоге подписано 3 сентября 1971 года в Западном Берлине представителями СССР, США, Великобритании и Франции. Стороны пришли к соглашению о том, что западные секторы Берлина не являются составной частью ФРГ и не находятся под юрисдикцией ее правительства.

В конце 1970-х годов западные союзники выработали единую глобальную позицию по ситуации с тюрьмой Шпандау: после смерти или освобождения последнего заключенного миссия тюрьмы должна быть полностью завершена. В начале 1980-х годов США, Великобритания и Франция начали вырабатывать единое мнение трех стран по конкретным действиям с тюрьмой Шпандау после смерти Гесса. Основной целью этой подготовки было найти такие варианты предложений для заключения соглашения с СССР о планируемых действиях после смерти заключенного, чтобы советское присутствие в Западном Берлине, связанное с тюрьмой Шпандау, полностью прекратилось.

Показательным является письмо советника американского посольства в Бонне господина Роберта Д. Джонсона своим

MEMORANDUM

26849

57_a

NATIONAL SECURITY COUNCIL

~~SECRET~~

URGENT ACTION
March 18, 1971

MEMORANDUM FOR MR. KISSINGER

FROM: Helmut Sonnenfeldt

Berlin file

SUBJECT: Berlin Negotiations: The Issue of Soviet Presence
in West Berlin.

We may be reaching a turning point in the negotiations on the issue of Soviet presence in West Berlin. Ambassador Rush has sent Secretary Rogers a cable (Tab A) requesting permission to discuss this issue -- and offer concessions -- in order to signal the Soviets that we are seriously interested in an agreement and also to encourage our allies to maintain a unified position. I thought therefore that you might wish a brief report on this issue. You should also focus on how to deal with State on this matter now that it has spilled into the Rush-Rogers channel.

What is the current Soviet presence?

Since the immediate post-war period, the Soviets have had a physical presence in West Berlin in three locations:

-- the former Allied Control Authority building (currently used for the Four Power talks) houses the Quadripartite Berlin Air Safety Center, in which the Soviets have participated 24 hours a day since 1945;

-- Spandau prison, at which the Soviets are always represented, and for three months each year have 50 armed troops stationed there (when Hess dies, there should be no further need for a Soviet contingent at Spandau, but the Soviets may very well argue that they will have to guard the grave);

-- Soviet War Memorial just inside the wall, where there is a permanent Soviet honor guard.

The first two are the last remaining vestiges of Quadripartite authority in Berlin. All three are well-established and in theory unimpeachable (except perhaps the Spandau operation if the Soviets try to continue after Hess dies).

~~SECRET~~

DECLASSIFIED
E.O. 13526, Section 3.5
MLN 03-29/13 PER MR. S/RW/10
By VULF NARA Date 11/10/10
[pp. 1 of 7]

Первый лист доклада
советнику по национальной безопасности США
Киссинджеру

французскому и британскому коллегам по вопросу возможных действий после смерти Гесса от 8 февраля 1982 года. В письме, в частности, указывается, что «одним из самых слабых моментов является обращение с документами секретариата». По предварительному решению трех западных сторон планировалось предложить СССР вывезти архив тюрьмы в штаб британского сектора Берлина и обеспечить там доступ для «немедленного изучения аккредитованными представителями четырех держав по мере необходимости». Но такая позиция, по мнению американского посла, была уязвима для советского давления, так как архивы секретариата являются «четырёхсторонней собственностью». В связи с этим в письме даются конкретные предложения:

«Так как мы хотим, чтобы после смерти Гесса не продолжалось советское присутствие в Западном Берлине, связанное со Шпандау, мы считаем, что именно в интересах союзников включить в плановый документ ряд вариантов, касающихся тюремных архивов, которые позволили бы нам получить степень гибкости в ответ на возможные советские просьбы. Первым вариантом было бы существующее уже предложение, а именно: быстрый перевод архива в британскую штаб-квартиру, при этом Советы получают только права доступа к документам. Второй вариант — предложить Советам полную копию архивных документов. Третьим вариантом было бы предложить им оригиналы после того, как союзники сделали свои копии. Окончательным вариантом было бы согласиться на продолжение управления четырьмя властями архивов на территории Западного Берлина. Возможными существующими объектами для размещения архивов являются столовая директоров Шпандау (расположена за стенами тюрьмы) и здание АСА (где уже расположен четырехсто-

ронний Берлинский центр безопасности воздушного движения — BASC). Также можно найти небольшое отдельное здание».

В отношении самого здания и территории тюрьмы Шпандау предполагалось, что окончательное решение по ним должны принять британские власти, так как тюрьма располагалась на территории британского сектора оккупации Берлина. Но это решение будет зависеть от договоренностей о месте захоронения заключенного после смерти.

Как видно из документов, союзники заранее обозначили основные узловые проблемы, которые им надо было решить для прекращения советского присутствия в Западном Берлине после смерти последнего заключенного:

1. Нельзя хоронить заключенного после смерти на территории тюрьмы, так как это позволит оставить советский караул.

2. Нельзя оставлять здание тюрьмы в целостности, так как это будет поводом для оставления значительного советского присутствия.

3. Архив тюрьмы необходимо разместить так, чтобы советское присутствие было минимальным. Союзники готовы были отдать оригиналы документов СССР, а себе оставить копии, в крайнем случае сохранить архив в Западном Берлине, но за территорией тюрьмы.

1 октября 1982 года был подписан протокол, определяющий действия, которые будут предприняты в отношении Межсоюзной тюрьмы Шпандау в случае смерти заключенного.

Протокол подписали представители четырех союзных держав:

за Миссию США в Берлине — Н. Ледски, посланник США в Западном Берлине;

CONFIDENTIAL

EMBASSY OF THE
UNITED STATES OF AMERICA
BONN

Bearly
27.12.82

February 8, 1982

Mr. Jean-Luc Graeve
Embassy of France
1A Kapellenweg
Bonn 2

STATE DEPT. DECLASSIFICATION REVIEW
 Retain class'n Change/classify to _____
 Declassify with concurrence of _____
 after _____
 EO 12958, 25X _____ Date MAR 16 2000
 195/CR/IR by _____

Dear Jean-Luc:

At our last tripartite meeting on Rudolf Hess and Spandau, I said that our Mission in Berlin intended to propose some amendments and additions to the planning paper on the closure of Spandau Prison. I also said that I would recommend to Washington that we confirm our approval of the unamended paper and consider Berlin's recommendations as a separate exercise. Happily, I have now received instructions to this effect from Washington. The U.S. approves the Spandau paper with the two French amendments previously agreed ad ref.

Regarding the second point, Washington approved Berlin's recommendations for subsequent inclusion in the paper. I have therefore described them below and suggest that we take them up tripartitely as soon as you have had an opportunity to study them.

Proposed Amendments

1. Introduction (Section I)

The planning paper says that the agreed Western legal position has never been stated to the Russians. In fact, our understanding is that the Soviets have been generally aware of the Western position for a number of years. Most recently, at the lunch following the December 1, 1981 Spandau change-of-guard ceremony, Bogomolov, the Soviet Embassy Protocol Officer, asked the Mission Legal Adviser what the Americans considered the appropriate use of the prison after Hess died. The Legal Adviser gave his personal view that it would be absurd to continue to administer a prison without a prisoner.

STATE DEPT. DECLASSIFICATION REVIEW
 Retain class'n Change/classify to _____
 Declassify with concurrence of _____
 after _____
 EO 12958, 25X _____ Date MAR 16 2000
 195/CR/IR by *[Signature]*

CONFIDENTIAL

**Первый лист письма советника американского
посольства в Бонне французскому коллеге**

за Британскую военную администрацию — Ф. Р. Макгин-
нис, заместитель коменданта британского сектора;
за Французскую военную администрацию — П. Гашиньяр,
заместитель начальника военной администрации;

за Посольство СССР — В. А. Коптельцев, советник-посланник.

Основные положения данного протокола гласят:

1. Тело умершего после обычных процедур будет направлено самолетом в Баварию и передано там его семье для захоронения в узком семейном кругу.

2. Тюрьма Шпандау после выполнения ею функции Межсоюзной тюрьмы будет снесена.

3. Архивы тюрьмы будут сняты на пленку и переданы в копии представителям всех четырех сторон. Подлинники подлежат уничтожению по договоренности всех четырех сторон.

Убийство или самоубийство?

Многих людей по-прежнему интересует вопрос, что же на самом деле случилось с Рудольфом Гессом? Было это самоубийство или преднамеренное убийство?

Официальный ответ на вопрос о том, что же случилось в Межсоюзной тюрьме Шпандау летом 1987 года, должно было дать расследование, проведенное британской Королевской военной полицией сразу по факту смерти «заключенного № 7». Материалы расследования долгое время были засекречены, но после 25 лет хранения стали доступны всем желающим. Общий вывод следователей такой: «Заключенный покончил жизнь самоубийством. После смерти в кармане Рудольфа Гесса нашли записку, доказывающую факт суицида». Мотивы самоубийства британские следователи даже не пытались рассматривать.

Однако анализ опубликованных материалов британского расследования показывает, что часть из них сфальсифицирована, а документ, официально называемый «предсмертная запис-

ка», не является той запиской, которую извлекли из кармана заключенного после его смерти.

Так что же все-таки произошло в Шпандау 17 августа 1987 года и зачем понадобилось подделывать материалы официального расследования? Зачем потребовалось подделывать предсмертную записку, если доказан факт самоубийства? В этих вопросах попробуем разобраться.

НЕИЗВЕСТНЫЕ
ДОКУМЕНТЫ
НЮРНБЕРГСКОГО
ПРОЦЕССА

Многим известно, что впервые о существовании секретного дополнительного протокола к Советско-германскому договору о ненападении 1939 года, разграничивавшего сферы интересов СССР и Германии в Европе, было объявлено в ходе Нюрнбергского процесса защитником Рудольфа Гесса адвокатом Альфредом Зайдлем на основе письменных показаний под присягой (аффидевита) бывшего советника германского МИДа, посла по особым поручениям Фридриха Гауса. Однако на этом информация, как правило, и заканчивается.

Из-за отсутствия необходимых источников даже через много лет рождаются многочисленные мифы и легенды вокруг этого момента, многие из которых создаются целенаправленно различными ангажированными историками.

В 1984 году вышла в свет книга доктора Зайдля «Дело Рудольфа Гесса 1941–1984. Документы защитника»*, в которой автор от первого лица рассказывает о своей деятельности в качестве защитника Рудольфа Гесса на Нюрнбергском процессе. Много внимания в книге уделено и эпизоду с «секретными протоколами». Ведь одним из направлений общей стратегии защиты, выбранной доктором Зайдлем, предполагалось доказательство «нелегитимности» трибунала из-за участия стран-

* *Seidl Alfred. Der Fall Rudolf Hess 1941–1984. Dokumentation des Verteidigers. München, 1984.*

победительниц в различных довоенных соглашениях с гитлеровской Германией и, соответственно, их соучастия в подготовке войны.

Фридрих Гаус как бывший высокопоставленный чиновник Внешнеполитического ведомства нацистской Германии был арестован британскими военными властями в августе 1945 года и помещен в лагерь под Бременом, а в ноябре переведен в лагерь под Ганновером. 10 ноября 1945 года в рамках подготовки к Нюрнбергскому процессу защитник бывшего министра иностранных дел Германии фон Риббентропа доктор Хорн указал Гауса в качестве возможного свидетеля защиты по делу своего подзащитного. Гаус был разыскан союзными военными властями и 26 февраля 1946 года доставлен в Нюрнберг, где помещен в тюрьму для свидетелей, расположенную рядом с Дворцом юстиции. Позже, правда, Риббентроп отказался от Гауса как от свидетеля защиты, и он ни разу даже не выступал на заседаниях трибунала. Но Гауса использовали другие.

Как описывает в своей книге Альфред Зайдль, в самом начале марта 1946 года он пришел в тюрьму к Гаусу и попросил описать германо-советские переговоры в Москве в августе 1939 года. Гаус согласился. Зайдль выдал ему бумагу. 15 марта 1946 года Гаус вернул Зайдлю собственноручно написанные показания следующего содержания*:

«ЗАВЕРЕНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ

Получив разъяснения об ответственности за лжесвидетельство, я даю следующее заверение, равносильное присяге, в целях предоставления Международному военному трибуналу в Нюрнберге по просьбе адвоката господина доктора Альфреда Зайдля, который указал мне на то обстоятельство, что я, в соответствии с процес-

* Аффидевит приведен в книге Альфреда Зайдля, где он помещен на немецком языке.

суальными нормами этого военного трибунала, обязан в качестве свидетеля дать такое клятвенное заверение, а также устные показания.

I. Касательно личности: Меня зовут Фридрих Гаус, рожден 26.II.1881 г. в Малуме, округ Хильдесхайм, принадлежу к евангелическо-лютеранской конфессии, доктор права, до конца войны юрист-консультант в Министерстве иностранных дел в Берлине, в частности, в последнее время состоял послом по особым поручениям.

II. Касательно дела. История и ход политических переговоров Имперского правительства с советским правительством осенью 1939 года, по поводу которых я в качестве свидетеля был опрошен господином адвокатом доктором Альфредом Зайдлем, представляются, поскольку я лично в них участвовал в качестве юридического советника, по моим сегодняшним воспоминаниям следующим образом:

1. В начале лета 1939 года, должно быть, во второй половине июня, тогдашний имперский министр иностранных дел фон Риббентроп пригласил тогдашнего статс-секретаря министерства барона фон Вайцекера и меня в свое имение Зонненбург в Фрейенвальде-на-Одере и сообщил нам, что Адольф Гитлер уже некоторое время рассматривает возможность предпринять попытку установить более терпимые отношения между Германией и Советским Союзом. Должно быть, по этой причине, как мы уже заметили, чрезвычайно жесткая риторика немецкой прессы в отношении Советского Союза была в последнее время значительно ослаблена. Теперь предстояло, в первую очередь, попытаться какой-либо безобидный острый вопрос решить с советским правительством обычным дипломатическим путем, чтобы определить, является ли это движением вперед, способствующим ведению конструк-

тивных переговоров с Имперским правительством. В таком случае можно было бы тогда на основе этого разговора строить дальнейшие политические переговоры, чтобы посмотреть, существует ли возможность сближения между двумя странами. В качестве первой темы разговора должен был служить, если я правильно помню, не очень важный вопрос консульского представительства Советского Союза в Праге. Господин фон Риббентроп дал статс-секретарю и мне задание разработать соответствующие инструкции немецкому послу в Москве, для чего он дал еще целый ряд подробных наставлений. Статс-секретарь и я подготовили сразу прямо в Зонненбурге соответствующий проект, в который затем господин фон Риббентроп внес еще различные изменения и который он хотел представить на одобрение Гитлеру. Вскоре после этого я слышал, но не знаю, от самого имперского министра или от статс-секретаря, что составленные нами в Зонненбурге инструкции не были отправлены, потому что Гитлер счел их "слишком явными". Я не узнал тогда ничего большего о намерениях изменения немецко-российских отношений.

2. В конце июня или начале июля я ушел в плановый отпуск и находился в Гармиш-Партенкирхене, но примерно уже в середине июля был вызван имперским министром иностранных дел в его летнюю резиденцию Фушль под Зальцбургом по служебным вопросам, не имеющим отношения к России, и должен был дальше остаться в Зальцбурге в распоряжении имперского министра иностранных дел. Через некоторое время в один из дней в Фушле господин фон Риббентроп, к моему удивлению, дал мне почитать документ, содержащий проект специального послания Имперского правительства Советскому

Союзу и сводящийся к предложению политических переговоров о договоре. После вступительных фраз об истории развития немецко-русских отношений и о противоположности государственных систем обеих сторон была подчеркнута мысль, что интересы двух стран тесно соприкоснулись, но не пересекаются. Кем был написан этот проект, мне неизвестно, но, судя по его стилю, он вышел не из-под пера имперского министра иностранных дел или, по крайней мере, не его одного. Была отправлена телеграмма немецкому послу в Москву о передаче послания, и вскоре пришел ответ советского правительства, в котором принципиально не отвергалась идея поднятия немецко-русских отношений на новый политический уровень, однако высказывалось мнение, что, прежде чем приступить к прямым переговорам, требуется проведение длительной экспертизы и дипломатической подготовки. Вслед за этим быстро в Москву было отправлено второе немецкое послание, в котором речь шла о настоятельном желании немедленного начала переговоров. Автор этого второго немецкого послания мне также неизвестен. В этом втором послании, но, возможно, уже и в первом, было предложено с целью начала политических встреч скорейшее направление имперского министра иностранных дел в Москву. Затем пришел положительный ответ советского правительства, я думаю, это было 21 августа, который, как я случайно мог наблюдать лично, вызвал большую радость у Гитлера и его окружения. Если меня не обманывает моя память, оба немецких послания имели форму прямого личного обращения Гитлера к господину Сталину и сокращали подготовительную переписку при двукратном обмене посланиями.

3. В районе полудня 23 августа самолет имперского министра иностранных дел, которого я как юридический советник должен был сопровождать для переговоров о заключении договора, прибыл в Москву. Именно тогда во второй половине того же дня состоялись первые переговоры господина фон Риббентропа с господином Сталиным, на которых с немецкой стороны кроме имперского министра иностранных дел участвовал в качестве переводчика лишь советник посольства Хильгер и, возможно, также еще посол граф Шуленбург, однако я сам в них не участвовал. Имперский министр иностранных дел вернулся с этого продолжительного обсуждения очень довольным и высказывался в том смысле, что оно почти наверняка приведет к достижению желаемого для немецкой стороны соглашения. Продолжение встречи, в ходе которой должны были быть обсуждены и окончательно подготовлены документы для подписания, предусматривалось позже в тот же вечер. В этих вторых переговорах я принимал личное участие, а также посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С русской стороны переговоры вели господа Сталин и Молотов, в качестве переводчика был господин Павлов. Быстро и без затруднений пришли к согласию о формулировках германо-советского пакта о ненападении. Господин Риббентроп лично вставил в преамбулу подготовленного мной проекта договора довольно обширную фразу, касающуюся дружеской формы немецко-русских отношений, которую господин Сталин оспорил с замечанием, что советское правительство после того, как его в течение 6 лет национал-социалистическое Имперское правительство осыпало "ведрами навоза", не может внезапно выйти к общественности с заверениями о немецко-русской дружбе. Соответствующую

щее место в преамбуле после этого было удалено или может быть изменено. Помимо пакта о ненападении, более долгое время вели переговоры об особо секретном документе, который, как я вспоминаю, получил обозначение “Секретный протокол” или “Секретный дополнительный протокол” и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов обеих сторон на находящихся между обоими государствами европейских территориях. Использовалось ли при этом выражение «сферы интересов» или другие выражения, я сейчас не помню. В документе Германия заявила об отсутствии своей политической заинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, напротив, Литва была причислена к ее сфере интересов. В отношении политической незаинтересованности Германии в обеих упомянутых балтийских странах поначалу возникли разногласия, так как имперский министр иностранных дел на основании своих инструкций хотел было исключить из этой политической незаинтересованности некоторую часть прибалтийских территорий, что, однако, не было принято советской стороной, особенно из-за находившихся как раз в этой части незамерзающих портов. Из-за этого вопроса, вероятно, обсуждавшегося еще в первой части беседы, имперский министр иностранных дел заказал телефонную связь с Гитлером, которая состоялась только во время второй встречи и в ходе которой он тогда в непосредственном разговоре с Гитлером получил полномочия принять требования советской стороны. Для польской территории была установлена демаркационная линия, но была ли она обозначена прямо на приложенной к документу карте или только словами описывалась в документе, я теперь уже не помню. Впрочем, в отношении Польши содержание соглашения преду-

сма тривало, что обе власти при окончательном урегулировании вопросов, касающихся этой страны, будут действовать во взаимном согласии. Тем не менее, вполне возможно, что последнее соглашение в отношении Польши было принято только при дальнейших более поздних изменениях секретного документа, о чем говорится ниже в пункте 5. В отношении балканских стран было установлено, что у Германии там имеются только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ были подписаны в ту же ночь в довольно позднее время.

4. Кроме того, я добавляю еще к вышеизложенной в пункте 3 информации тот факт, по этому вопросу меня особенно спрашивали, что господин фон Риббентроп во время легкой закуски в процессе изготовления чистовых экземпляров документов, с целью поддержания разговора рассказал о публичном выступлении господина Сталина, которое состоялось весной и включало в себя фразу, которая, хотя Германия при этом и не называлась, была расценена Гитлером так, как будто господин Сталин хотел дать намек, что советское правительство считает возможным или даже желательным достичь лучших отношений с Германией. Господин Сталин ответил при этом коротким замечанием, которое в переводе переводчика Павлова звучало как: "Так было задумано". В этом контексте господин Риббентроп также упомянул, что недавно Гитлер смотрел фильм о большом общественном мероприятии в Москве и что он, Гитлер, нашел этот фильм вместе с встречающимися в нем советскими деятелями "очень симпатичным". Впрочем, надо также отметить, и меня об этом тоже спрашивали, что как в этих разговорах, так и в основных переговорах имперского министра иностранных дел его речь была построена таким образом, что он

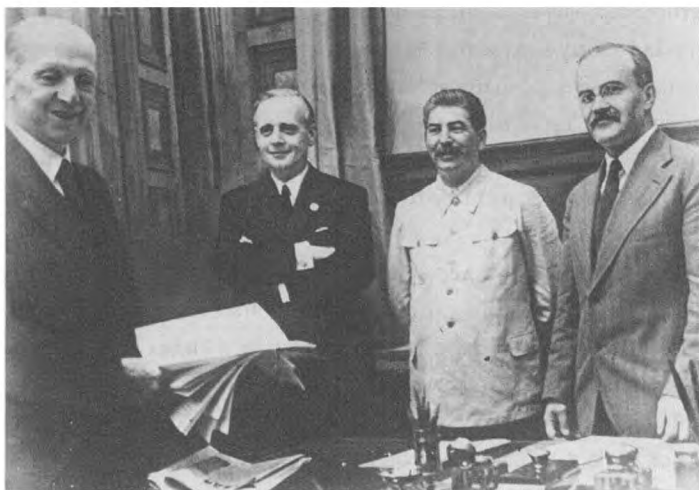
представлял военный конфликт Германии с Польшей не как уже окончательно решенное дело, а только как естественную возможность. Со стороны советских государственных деятелей по этому пункту не было сделано никаких комментариев, которые бы содержали в себе одобрение такого конфликта или его поощрение. Советские представители в этом отношении ограничились тем, что просто приняли к сведению выступление представителя Германии.

5. Примерно через месяц во время проведения переговоров о втором германо-советском политическом соглашении секретный документ, упомянутый в пункте 3, в соответствии с полученным ранее в Берлине от советского правительства ходатайством, был изменен так, что Литва, за исключением маленького прилегающего к Восточной Пруссии "лепестка", изымалась из немецкой сферы интересов, но взамен чего демаркационная линия на польской территории переносилась дальше на восток. Позже, по-моему, в конце 1940 или в начале 1941 года, на переговорах по дипломатическим каналам немецкая сторона отказалась также и от этого "литовского лепестка".

6. В заключении я хотел бы отметить, что хотя мое сегодняшнее воспоминание о вышеизложенных событиях остается довольно четким в наиболее важных пунктах, но, естественно, не является абсолютно точным в результате прошедших лет с их чудовищными событиями, тем более, что на данный момент я не располагаю необходимым документальным подтверждением, а также не могу поговорить с кем-либо из экспертов о событиях того времени, чтобы освежить мою память.

Нюрнберг, 15 марта 1946 года

Фридрих Гаус

**Ф. Гаус, И. фон Риббентроп, И. В. Сталин, В. М. Молотов
23 августа 1939 года при подписании советско-германского
договора о ненападении**

25 марта 1946 года на утреннем заседании трибунала защитник Зайдль предпринял попытку зачитать эти показания Гауса. Он заявил суду, что обвинение в участии в подготовке и планировании войны является основным элементом обвинения против его подзащитного Гесса. Вместе с тем 23 августа 1939 года в Москве между Германией и Советским Союзом был заключен пакт о ненападении, который уже фигурирует в документах Трибунала. Но в тот же день между двумя государствами был заключен секретный договор, содержащий разграничение сфер интересов Германии и СССР в Европе. Однако попытки Зайдля зачитать текст аффидевита ни к чему не привели. Председателем суда ему было рекомендовано соблюдать установленный порядок делопроизводства и отправить документ на перевод, а лишь затем представить суду. Свою попытку нарушения порядка судебного делопроизводства доктор Зайдль объясняет в своей книге так: «Мне казалось это очень важным для до-

стижения эффекта внезапности, чтобы не позволить с самого начала этому документу остаться в недрах стороны обвинения и их отдела переводов». Через некоторое время суд приобщил affidavit Гауса от 15 марта 1946 года к материалам дела под номером «Гесс-16». Тем не менее суд отказался рассматривать вопрос о секретном протоколе ввиду отсутствия у суда текста самого протокола.

Следующую выдержку из книги Зайдля я приведу дословно: «В начале апреля, после допроса имперского министра фон Риббентропа, случилось следующее: я сидел во время перерыва заседаний на скамье в фойе зала суда один. Вдруг ко мне подошел человек лет тридцати пяти и сел рядом со мной на скамью. Он начал разговор следующими словами: “Господин доктор Зайдль, мы с большим интересом наблюдаем за вашими попытками внести в судебный процесс в качестве доказательства секретный дополнительный протокол к германо-советскому договору о ненападении от 23 августа 1939 года”. Одновременно он передал мне незапечатанный конверт, в котором были два документа. Я достал оба документа и начал читать. Когда я закончил, то, к своему изумлению, должен был констатировать, что мой собеседник снова исчез. Один из двух напечатанных на машинке документов имел следующее содержание:

**Секретный дополнительный протокол
к германо-советскому договору о ненападении
от 23 августа 1939 года**

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 г.

За правительство Германского рейха фон Риббентроп

По поручению правительства СССР В. Молотов

Вторым документом являлся “Секретный дополнительный протокол к германо-советскому договору о границе и дружбе от 28 сентября 1939 года”. Сам договор от 28 сентября 1939 года был в свое время опубликован в центральных и местных газетах рейха.

Секретный
дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. I таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За правительство Германского рейха
фон Риббентроп

По поручению правительства СССР

В. Молотов

Содержание этих обоих документов полностью соответствует тексту документов, опубликованных Государственным департаментом США в 1948 году под названием "Нацистско-советские отношения 1939–1941". Они полностью соответствуют тексту фотокопий, которые в том же году были заказаны для меня по

поручению секретариата военного трибунала № 4 — Процесса на Вильгельмштрассе.

Я до сих пор еще не знаю, кто передал мне оба документа во время перерыва заседаний суда в Нюрнберге. Однако многое говорит за то, что мне подыграли с американской стороны, а именно со стороны обвинения США или американской секретной службы. Однако в качестве доказательства оба перепечатанные с “секретных дополнительных протоколов” текста сами по себе, конечно, еще не могли использоваться. Это не были ни фотокопии с оригиналов, ни заверенные государственными органами или нотариусом всего лишь две отпечатанные на машинке бумаги».

С этими новыми документами 8 апреля 1946 года адвокат Зайдль снова направляется в тюрьму к Фридриху Гаусу и 11 апреля получает от него второй собственноручно написанный affidavit следующего содержания*:

«Заверение под присягой

Получив разъяснения об ответственности за лжесвидетельство, я даю следующее заверение, равносильное присяге, в целях предоставления Международному военному трибуналу в Нюрнберге по просьбе адвоката господина доктора Альфреда Зайдля, который указал мне — также как и перед моим заверением под присягой от 15 марта 1946 г. — на то обстоятельство, что я в соответствии с процессуальными нормами этого военного трибунала обязан в качестве свидетеля дать такое клятвенное заверение, а также устные показания.

I. Касательно личности: Меня зовут Фридрих Гаус, рожден 26.2.1881 г. в Малуме, округ Хандерсгейм,

* Affidavit приведен в книге Альфреда Зайдля, где он помещен на немецком языке.

принадлежу к евангелическо-лютеранской конфессии, доктор права, до конца войны юрист-консультант в Министерстве иностранных дел в Берлине, в частности, в последнее время был в должности «посла по особым поручениям».

II. Касательно дела. Адвокат господин доктор Альфред Зайдль предоставил мне 8 апреля 1946 года прилагаемые два документа для ознакомления, которые являлись копиями секретных дополнительных протоколов к германо-советским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года. Он спросил меня при этом, не идет ли речь в этих документах о копиях документов, упомянутых мной в заверении под присягой 15 марта 1946 г., касательно секретных политических соглашений между Германией и Советским Союзом в августе и сентябре 1939 года.

Я сделал на обоих представленных документах пометки от руки с моей подписью, чтобы они являлись приложением к моему сегодняшнему заявлению под присягой, а на поставленный вопрос я могу сообщить следующее:

Содержание вышеупомянутых текстов по сути в основных пунктах соответствует тем положениям, которые я постарался передать в моем заверении под присягой от 15 марта 1946 г. по моим тогдашним воспоминаниям относительно содержания секретных политических соглашений в августе и сентябре 1939 года между правительством рейха и правительством СССР. Я нахожу только одно существенное различие в том, что в тексте от 23 августа 1939 года в пункте 3 упоминаются не в общем Балканские государства, а только Бессарабия, а также что в нем высказывается скорее не в позитивном смысле экономический интерес Германии, а подчеркивается в не-

гативном смысле отсутствие политического интереса Германии.

Полагаю, что эту разницу можно объяснить тем, что в моей памяти осталось не содержание данного документа от тогдашних переговоров в Москве, а вместо него запомнились высказывания министра иностранных дел рейха, которые он, вероятно, высказал во время переговоров касательно этого пункта.

Что касается способа изложения обоих текстов, то они написаны совершенно в том стиле, который обычно использовался в такого рода политических соглашениях, в которые Германия была вовлечена в качестве стороны договора.

Поэтому у меня почти нет сомнения в том, что в случае обоих вышеприведенных текстов речь действительно идет о копиях немецких текстов германо-советских документов, о чем и был вопрос, которые были составлены на немецком и русском языках. Конечно, через более чем 6 лет я не могу с абсолютной точностью подтвердить полное соответствие обоих документов немецкому тексту оригиналов документов.

Нюрнберг, 11 апреля 1946

Фридрих Гаус»

13 апреля защитник Зайдль, соблюдая в этот раз все процессуальные нормы, представил второй affidavit Гауса в канцелярию трибунала. 17 апреля на заседании трибунала Альфред Зайдль попросил приобщить к делу второй affidavit Гауса и сами копии двух секретных протоколов. Суд принял заявление, однако в дальнейшем отклонил эту просьбу ввиду непонятного появления документов, отсутствия подтверждения наличия их оригиналов, а также как не имеющих отношения к делу Гесса.

В этом плане показательным является выдержка из следующего документа Международного военного трибунала*:

Перевод с английского

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО
ТРИБУНАЛА

Меморандум Трибуналу

Решение Трибунала должно быть вынесено в отношении следующих дополнительных ходатайств о вызове свидетелей и истребовании документов:

<.....>

ГЕСС ходатайствует:

1. О представлении в качестве документального доказательства за номером Рудольф Гесс — документ № 17 следующих документов:

а) Письменного показания, данного под присягой послан доктором Фридрихом Гаусом от 11 апреля 1946 года.

б) Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик от 23 августа 1939 года.

с) Секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года.

д) Германско-советского пакта о границах и дружбе от 28 сентября 1939 года.

е) Секретного дополнительного протокола к германско-советскому пакту о границах и дружбе от 28 сентября 1939 года.

* ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп.1. Д. 2619. Л. 19–25. Копия. Цит. по: СССР и Нюрнбергский процесс. Незвестные и малоизвестные страницы истории: Сб. документов. М., 2012.

Эти документы были переведены и переданы Обвинению в соответствии с распоряжением Трибунала от 17 апреля 1946 года.

Обвинение возражает на том основании, что «все эти документы не имеют отношения к защите Гесса. Доктор Зайдль, защитник Гесса, ни разу не указал, в каком отношении он считает эти документы относящимися к делу».

Документ, указанный в § «д», и статьи 1, 3 и 6 документа, указанного в § «б», включены в книгу документов фон Риббентропа за № РИ документы № 284 и 279.

<.....>

Рукописные пометки на полях — около ходатайства Гесса:

«Решением от 11.5.46 ходат[айство] было удовлетворено. 13.5.46 г. — пересмотрено. В приобщении копии отказано. Разрешено цитировать письм[енное] показание Гаусса. Никитч[енко]».

Таким образом, из рассмотренных документов видно, что:

1. Первый affidavit Гауса от 15.03.1946 содержал общие воспоминания о событиях 1939 года и был приобщен к документам Международного военного трибунала.

2. Второй affidavit Гауса от 11.04.1946 «заверял подлинность» машинописных документов, полученных Зайдлем от американцев, был отклонен от приобщения к материалам Трибунала, но разрешалось цитирование текста affidavit во время заседаний.

3. Машинописные документы, полученные защитником Зайдлем от американского военнослужащего и названные «копиями секретных протоколов», были отклонены от приобщения к материалам Трибунала.

Особое внимание необходимо обратить на ряд моментов:

1. Оригиналы affidavits Гауса представляли собой рукописные документы.

2. На Нюрнбергском процессе у защитника Зайдля были только машинописные тексты двух секретных дополнительных протоколов к договорам от 23.08.1939 и 28.09.1939, а не фотокопии документов, о чем часто говорится в различных средствах массовой информации.

3. «Договор о ненападении между Германией и СССР» от 23.08.1939 и «Германо-советский договор о дружбе и границе» от 28.09.1939 являлись открытыми документами, официально использовавшимися в ходе Международного военного трибунала.

Ввиду отказа Международного военного трибунала приобщать к материалам дела второй аффидевит Гауса в истории с аффидевитами на этом можно было бы поставить точку. Но оказалось, что пока рано.

Как в советских (российских), так и в зарубежных исторических изданиях ни о каких других аффидевитах Гауса, кроме рассмотренных выше, никогда ничего не говорилось. Но интересный документ нашелся в российском архиве.

Международным фондом «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева) в 2012 году издана книга «СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории». На странице 450 сборника опубликован документ № 238, который называется «Аффидевит (письменные показания) бывшего помощника министра иностранных дел Германии Ф. Гауса о секретном протоколе к советско-германскому договору о нейтралитете от 23 августа 1939 г.». Документ приведен на немецком языке с последующим переводом на русский и пометкой «перевод составителя». Уже одно это говорит о том, что документ не относился к официальным документам Трибунала, так как каждая из сторон оставляла для себя полный комплект основных документов на своем языке. Также вверху документа стоит надпись «Копия». Копия с чего? А где же оригинал? Трибунал работал с оригиналами документов.

В сборнике приведены рукописные пометки на документе и реквизиты хранения:

На полях 1-го листа резолюция: «Перевести вне очереди. [Подпись неразборчива.] 29.5.46»*.

Естественно, сразу обращает на себя внимание дата написания показаний — 17 мая 1946 года. Мы знаем даты показаний Гауса — 15 марта и 11 апреля. Что за третий affidavit от 17 мая нашелся в советских (российских) архивах? Об этом affidavitе ничего не говорится в материалах судебных заседаний Нюрнбергского трибунала**. Единственный момент, который можно принять за намек о его существовании, можно найти в стенограмме послеобеденного заседания трибунала 25 мая 1946 года:

«Председатель: Это тот самый документ, о котором вы сейчас говорили, который вы представили Суду и Суд его отклонил?

Доктор Зайдль: Да, но Суд также решил, что я должен представить новое показание под присягой посла Гауса по этому вопросу, и это решение имеет смысл только тогда...

Председатель: Я знаю, но вы это не сделали. Мы не знаем, какой affidavit дал доктор Гаус.

Доктор Зайдль: У меня уже есть письменные показания под присягой посла Гауса, новые, но они еще не переведены».

Председатель суда говорит о втором affidavitе Гауса, который, как мы уже знаем, был отклонен Трибуналом от приобщения к делу. Доктор Зайдль сначала подтверждает, что у него этот документ, но потом намекает, что у него уже есть новый affidavit Гауса. К сожалению, никакой больше информации

* ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 81–84. Копия. Нем яз.

** Документы Нюрнбергского процесса на официальном сайте немецкой библиотеки Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/Geschichte/M/Deu+N%C3%BCrnberger+Proze%C3%9F>.

во всех стенограммах заседаний трибунала об этом документе нет. Также нет информации о том, был ли документ представлен доктором Зайдлем в секретариат Трибунала в соответствии с установленным порядком.

Но самое интересное, что и в документальной книге самого доктора Зайдля «Дело Рудольфа Гесса. Документация защитника» нет и намека на получение от Гауса третьего affidavita. Почему же защитник Зайдль подробно расписал в своей книге процесс получения первого и второго affidavits, привел их полные тексты, а про третий забыл даже слово сказать?

Дело начинает проясняться после знакомства с книгой доктора права, бывшего профессора Бременского университета Герхарда Штуби «От коронного юриста до коронного свидетеля»*, описывающей жизнь и деятельность Фридриха Вильгельма Гауса. Здесь мы читаем: «Вскоре после своего второго affidavita для Зайдля в апреле 1946 года Гаус был переведен из тюрьмы для свидетелей в лагерь для интернированных лиц Лангвассер»**. Получается, что 17 мая Гауса уже не было в Нюрнберге и адвокат Зайдль не имел возможности общаться с ним в этот день! Именно поэтому профессор Штуби тоже ничего не знает про третий affidavit.

Теперь внимательно посмотрим на сам текст этого «третьего» affidavita. Легко заметить, что второй и третий affidavits совпадают слово в слово и третий affidavit лишь расширенный вариант второго. Если во втором affidavite Гаус говорит о прилагаемых к его показаниям копиям двух документов, полученным им от Зайдля, то в третьем affidavite текст этих двух документов вписан в сами показания. Других различий нет. Кроме этого, обращают на себя внимание одинаковые слова в преамбуле обоих показаний: «...Который указал мне —

* *Stuby G. Vom «Kronjuristen» zum «Kronzeugen».* Friedrich Wilhelm Gaus: ein Leben im Auswärtigen Amt der Wilhelmstraße. VSA: Verlag Hamburg, 2008.

** *Ebenda.* S. 434.

также как и перед моим заверением под присягой от 15 марта 1946 года...» Аналогичная фраза в пункте «II. Касательно дела»: «Адвокат господин доктор Альфред Зайдль предоставил мне 8 апреля 1946 года документы для ознакомления...» Получается, что и второй от 11 апреля, и третий от 17 мая affidavits написаны слово в слово с разницей в месяц, но по одной просьбе Зайдля от 8 апреля. Так не бывает.

Для большей наглядности сравним тексты третьего и второго affidavits. Различающиеся места текста выделены полужирным.

<p>Третий affidavit Гауса Копия ЗАВЕРЕНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ Получив разъяснения об ответственности за лжесвидетельство, я даю следующее заверение, равносильное присяге, в целях предоставления Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге по просьбе адвоката господина доктора Альфреда Зайдля, который указал мне — также как и перед моим заверением под присягой от 15 марта 1946 года — на то обстоятельство, что я в соответствии с процессуальными нормами этого военного трибунала обязан в качестве свидетеля дать такое клятвенное заверение, а также устные показания.</p> <p>I. Касательно личности: Меня зовут Фридрих Гаус, рожден 26.2.1881 г. в Малум, округ Хандерсгейм, принадлежу к евангелическо-лютеранской конфессии, доктор права, до конца войны юрист-консультант в Министерстве иностранных дел в Берлине, в частности, в последнее время был в должности «посла по особым поручениям».</p> <p>II. Касательно дела. Адвокат господин доктор Альфред Зайдль предоставил мне 8 апреля 1946 года документ для ознакомления, который являлся копией секретного дополнительного протокола к германо-советскому договору о ненападении от 23 августа 1939 года и имел следующий текст:</p>	<p>Второй affidavit Гауса ЗАВЕРЕНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ Получив разъяснения об ответственности за лжесвидетельство, я даю следующее заверение, равносильное присяге, в целях предоставления Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге по просьбе адвоката господина доктора Альфреда Зайдля, который указал мне — также как и перед моим заверением под присягой от 15 марта 1946 г. — на то обстоятельство, что я в соответствии с процессуальными нормами этого военного трибунала обязан в качестве свидетеля дать такое клятвенное заверение, а также устные показания.</p> <p>I. Касательно личности: Меня зовут Фридрих Гаус, рожден 26.2.1881 г. в Малум, округ Хандерсгейм, принадлежу к евангелическо-лютеранской конфессии, доктор права, до конца войны юрист-консультант в Министерстве иностранных дел в Берлине, в частности, в последнее время был в должности «посла по особым поручениям».</p> <p>II. Касательно дела. Адвокат господин доктор Альфред Зайдль предоставил мне 8 апреля 1946 года прилагаемые два документа для ознакомления, которые являлись копиями секретных дополнительных протоколов к германо-советским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года.</p>
--	---

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

В это же время адвокат господин доктор Альфред Зайдль предоставил другой документ для ознакомления, который являлся копией секретного германо-советского дополнительного протокола от 28 сентября 1939 года и имел следующий текст:

«Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза».

Адвокат господин доктор Альфред Зайдль спросил меня при этом, не идет ли речь в этих текстах о передаче содержания документов, упомянутых мной в заверении под присягой 15 марта 1946 г., касательно секретных политических соглашений между Германией и Советским Союзом в августе и сентябре 1939 года.

На поставленный вопрос я могу сообщить следующее:

Содержание вышеупомянутых текстов по сути в основных пунктах соответствует тем положениям, которые я постарался передать в моем заверении под присягой от 15 марта 1946 года по моим тогдашним воспоминаниям относительно содержания секретных политических соглашений в августе и сентябре 1939 года между имперским правительством и правительством СССР.

Он спросил меня при этом, не идет ли речь в этих документах о копиях документов, упомянутых мной в заверении под присягой 15 марта 1946 г., касательно секретных политических соглашений между Германией и Советским Союзом в августе и сентябре 1939 года.

Я сделал на обоих представленных документах пометки от руки с моей подписью, чтобы они являлись приложением к моему сегодняшнему заявлению под присягой, а на поставленный вопрос я могу сообщить следующее:

Содержание вышеупомянутых текстов по сути в основных пунктах соответствует тем положениям, которые я постарался передать в моем заверении под присягой от 15 марта 1946 г. по моим тогдашним воспоминаниям относительно содержания секретных политических соглашений в августе и сентябре 1939 года между правительством рейха и правительством СССР.

Я нахожу только одно существенное различие в том, что в тексте от 23 августа 1939 года в пункте 3 упоминаются не в общем Балканские государства, а только Бессарабия, а также что в нем высказывается скорее не в позитивном смысле экономический интерес Германии, а подчеркивается в негативном смысле отсутствие политического интереса Германии.

Полагаю, что эту разницу можно объяснить тем, что в моей памяти осталось не содержание данного документа от тогдашних переговоров в Москве, а вместо него запомнились высказывания министра иностранных дел рейха, которые он, вероятно, высказал во время переговоров касательно этого пункта.

Что касается способа изложения обоих текстов, то они написаны совершенно в том стиле, который обычно использовался в такого рода политических соглашениях, в которые Германия была вовлечена в качестве стороны договора.

Поэтому у меня почти нет сомнения в том, что в случае обоих вышеприведенных текстов действительно речь идет о передаче содержания немецких текстов германо-советских документов, о чем и был вопрос, которые были составлены на немецком и русском языках. Конечно, через более чем 6 лет я не могу с абсолютной точностью подтвердить полное соответствие обоих текстов немецкому тексту оригиналов документов.

Нюрнберг, 17 мая 1946

Фридрих Гаус

Подтверждаю соответствие вышеприведенной копии с оригиналом, заверенным под присягой, послом Фридрихом Гаусом от 17 мая 1946 года.

Нюрнберг, 18 мая 1946

*Подпись: доктор Альфред Зайдль
Адвокат*

Я нахожу только одно существенное различие в том, что в тексте от 23 августа 1939 года в пункте 3 упоминаются не в общем Балканские государства, а только Бессарабия, а также что в нем высказывается скорее не в позитивном смысле экономический интерес Германии, а подчеркивается в негативном смысле отсутствие политического интереса Германии.

Полагаю, что эту разницу можно объяснить тем, что в моей памяти осталось не содержание данного документа от тогдашних переговоров в Москве, а вместо него запомнились высказывания министра иностранных дел рейха, которые он, вероятно, высказал во время переговоров касательно этого пункта.

Что касается способа изложения обоих текстов, то они написаны совершенно в том стиле, который обычно использовался в такого рода политических соглашениях, в которые Германия была вовлечена в качестве стороны договора.

Поэтому у меня почти нет сомнения в том, что в случае обоих вышеприведенных текстов речь действительно идет о копиях немецких текстов германо-советских документов, о чем и был вопрос, которые были составлены на немецком и русском языках. Конечно, через более чем 6 лет я не могу с абсолютной точностью подтвердить полное соответствие обоих документов немецкому тексту оригиналов документов.

Нюрнберг, 11 апреля 1946

Фридрих Гаус

Сравнение двух текстов наглядно говорит о получении «третьего» аффидевита путем переделки второго аффидевита Гауса. С учетом информации доктора Штуби об отсутствии Гауса к 17 мая в тюрьме для свидетелей можно смело предположить, что «третий» аффидевит Гауса как документ составлен кем-то на основе вторых показаний Гауса, но без участия самого Гауса. То есть это безусловная подделка в смысле документа как такового.

Попробуем проанализировать, кто мог изготовить такую подделку. В первую очередь, это мог сделать сам адвокат Зайдль с его непоколебимым желанием внести содержание секретных протоколов в документы Трибунала. Естественно, в последующем доктор Зайдль «забыл» рассказать об этом случае в своей книге. Но как в мировой юриспруденции классифицируются действия адвоката и защитника, подделывающего документы для судебного процесса?

«Третий» аффидевит Гауса могли изготовить и сотрудники западных специальных служб, а затем предоставить его Зайдлю, как в свое время предоставили тексты секретных протоколов. В пользу этой версии говорит то, что сам документ отпечатан на машинке с латинским шрифтом, но не с немецким. Об этом свидетельствуют общепринятые в таких случаях замены характерных немецких букв-умляутов на сочетания букв. Например: «ä» заменяется на «ae», «ü» заменяется на «ue» и т. п. Нельзя, конечно, исключать вариант, что у доктора Зайдля по каким-то причинам не оказалось родной машинки с немецким шрифтом и он воспользовался машинкой американской или английской сторон.

А может быть, доктор Зайдль действительно не причастен к созданию этого документа и внесению его в Трибунал? Может, этот документ появился в российском архиве другим путем?

В любом случае рассмотренный выше документ из Государственного архива Российской Федерации является уникальным документом, показывающим, какие способы и методы использовала защита обвиняемых с целью развала процесса, в каких

непростых условиях шел Нюрнбергский трибунал и, в частности, работала советская делегация. Этот документ представляет несомненный интерес для историков, в первую очередь военных историков, с целью изучения его «подноготной»: кем он был составлен? Для чего был составлен? Как попал в документы Трибунала? Как оказался в российском архиве? Однако подходить к его изучению или представлению для широких масс читателей необходимо обязательно с рассказом о предыстории его появления. К сожалению, отдельные «историки» представляют «третий» аффидевит Гауса из российского архива как первый и единственный подобный документ на Нюрнбергском процессе.

Ну а о том, как американские следователи «обрабатывали» Фридриха Гауса в ходе Нюрнбергского процесса, можно понять по выдержке из протокола его допроса:

«Американский следователь Кемпнер: Дело не такое уж простое. Русские интересуются вами. Знаете вы об этом?»

Гаус: Русские?»

Кемпнер: Да, как профессиональным нарушителем договоров.

Гаус: Нет, это неправильно ни в коей мере. Боже мой!

Кемпнер: Хорошо, закончим на сегодня. Я вам скажу кое-что....

*Гаус (перебивая): Не экстрадируйте меня к русским!»**

Этот случай «деспотичного ведения допроса» широко известен среди американских военных юристов и приводится в качестве примера во многих публикациях. Эта цитата взята из книги Питера Магюра, американского историка и военного юриста, преподавателя права и теории войны в Колумбийском университете и Бард-колледже «Закон и война: международное право и американская история, пересмотренное издание».

* *Maquire P. Law and War: International Law and American History. Columbia University Press, 2010. P. 117.*

Официальное расследование по факту смерти «заключенного № 7» Рудольфа Гесса проводилось в августе–декабре 1987 года сотрудниками 14-го отделения 93-го отдела Бюро специальных расследований Королевской военной полиции британской Рейнской армии. Это расследование получило кодовое обозначение «Операция “Теннисон”». По прошествии 25 лет материалы расследования были рассекречены, и сегодня они доступны на сайте правительства Великобритании*.

Промежуточный доклад сделан британской полицией 25 августа 1987 года. К нему приложены материалы допросов (опросов и заявлений) всех непосредственных участников событий 17 августа, а также схемы тюрьмы, сада, садового домика, справка о смерти, свидетельство о смерти, сертификат опознания тела.

Заключительный доклад сделан 11 сентября 1987 года. К докладу приложены заявления почти всех директоров и надзирателей МТШ, не учтенные в промежуточном докладе, копия и перевод предсмертной записки заключенного, примерный расчет времени событий, происходивших в тюремном саду 17 августа 1987 года.

Дополнительный доклад датирован 20 января 1988 года. К докладу приложены результаты лабораторных исследований анатомических фрагментов, взятых при вскрытии трупа Гесса, проведенные Лондонским медицинским институтом.

* <https://www.gov.uk/government/publications/royal-military-police-investigation-reports-into-the-death-of-rudolf-hess-allied-prisoner-no-7-in-spandau-prison-berlin-1987>.

В представленных для широкой общественности материалах полиции фамилии большинства опрашиваемых свидетелей закрашены и заменены номерами. Исключение сделано для общественных персон, имена которых скрывать невозможно: директоров Межсоюзной тюрьмы Шпандау, начальника британского военного госпиталя в Западном Берлине. Однако наличие номеров не влияет на внимательное изучение материалов.

Привожу полные переводы на русский язык докладов британской военной полиции.

Промежуточный доклад

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

14 отделение 93 отдел Бюро специальных
расследований Королевской военной полиции
британской Рейнской армии
ВФРО 45

25 августа 1987 года

Дело 53052/7

СПЕЦИАЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Умершее лицо: Вальтер Рихард Рудольф Гесс

Родился: 26 апреля 1894 года в Александрии, Египет

Заключенный № 7

Межсоюзная тюрьма Шпандау, Берлин

1. В понедельник 17 августа 1987 года около 16.00, информация получена от полковника «15», а ранее им от начальника штаба британских войск в Берлине (британский сектор), о том, что после обеда господин Рудольф Гесс (род. 26 апреля 1984 года), далее заключенный МТШ № 7, единственный заключенный, остающийся в Межсоюзной тюрьме Шпандау, Берлин, был помещен в британский военный госпиталь в Берлине. При этом говорилось, что заключенный МТШ № 7 мертв и начальник штаба дал указание о проведении расследования всех обстоятельств его поступления в госпиталь.

2. Немедленно в пределах установленных ограничений было начато дознание и «Операция “Теннисон”», которую Бюро специальных расследований Королевской военной полиции ввело в действие в ответ на полученную информацию.

3. От лейтенанта «3» Армии США стало известно, что охрану Межсоюзной тюрьмы Шпандау с 1 августа 1987 года осуществляло подразделение 5-го батальона 502-го пехотного полка Армии США, дислоцированного в казармах Макнейр. Лейтенант «3» был начальником караула. Обязанности по охране тюрьмы передаются ежемесячно между солдатами четырех государств-союзников. Безопасность и содержание заключенного МТШ № 7 возложены на гражданских надзирателей тюрьмы, которые представляют четыре союзные державы.

4. Расследование показало, что в понедельник 17 августа 1987 года примерно в 14.27 заключенный МТШ № 7 покинул здание тюрьмы с целью прогулки под наблюдением американского гражданского надзирателя господина «2», который находился на дежурстве с 07.45 до 16.40. В это время господин «2» уже открыл садовый домик, который представляет собой одноэтажное строение (вагончик), расположенное в саду тюрьмы. Вход в это строение осуществляется через одинарную дверь на задней стене и две раздвижные стеклянные двери на передней стене здания. Сад расположен в северо-западной части территории тюрьмы, и примерно в 14.30 господин «2» увидел заключенного МТШ № 7, который медленно шел от здания тюрьмы и вошел в садовый домик через заднюю дверь. Для удобства пользования, эскиз садового домика и прилегающей территории приведены в приложениях А–С к данному докладу.

5. Господин «2» представил письменное заявление, в котором пояснил, что после того, как заключенный

МТШ № 7 вошел в садовый домик, он остался снаружи, что является нормальной практикой для надзирателей. Господин «2» стоял под деревом на расстоянии примерно 10 метров от садового домика и примерно через пять минут подошел к домику, чтобы проверить заключенного. Подойдя, он посмотрел через окно на задней стене строения и увидел, что заключенный МТШ № 7 лежит на полу внутри здания, опираясь спиной на заднюю стену. Господин «2» немедленно вошел в здание через заднюю дверь и увидел заключенного с куском электрического кабеля «удлинителя», обмотанным вокруг шеи. Один конец кабеля был привязан к ручке небольшого окна на задней стене постройки. Господин «2» немного приподнял заключенного, чтобы ослабить натяжение кабеля, а затем снял кабель с его шеи. Тем не менее господин «2» в настоящее время не в состоянии вспомнить, был ли узел на кабеле. Ему кажется, что заключенный МТШ № 7 был жив и его глаза были открыты. Поэтому господин «2» положил под голову заключенного сложенное одеяло и ослабил его рубашку, пытаясь создать ему больше комфорта.

6. Господин «2» заявил, что затем он побежал к заднему входу в здание тюрьмы и по телефону, расположенному на цокольном этаже рядом с винтовой лестницей, поговорил с господином «16», старшим смены надзирателей, у которого попросил неотложной медицинской помощи.

7. В это время американский солдат «9» нес дежурство на вышке № 3, расположенной в 126 футах к северо-западу от садового домика. Заметив, что господин «2» явно возбужден, и поняв по его действиям, что с заключенным МТШ № 7 случилось что-то неладное, «9» оповестил по радио начальника караула лейтенанта «3» о том, что в садовом домике требуется первая помощь. Лейтенант «3» заявил, что он немедленно отправился к садовому домику и увидел заключенного

SPECIAL INVESTIGATION BRANCH
RMP BAOR

No 14 Detachment
93 Section
British Forces Post Office 45
Telephone: 309 42 48

See Distribution

Reference 53052/7

Date 25 Aug 87

SPECIAL INVESTIGATION
(Interim Report)

1. Herewith four copies of an Interim Report in respect of SIB RMP enquiries into the death of Herr WRR Heas - Allied Prisoner 7.
2. Enquiries are continuing; a further report will be submitted in due course.

Enclosure:

Report by Major [redacted] RMP,
statements of witnesses and Annexes

[redacted]
Major
Royal Military Police

Distribution:

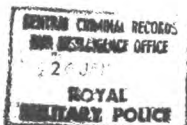
Action:

Board of Governors
Spandau Allied Prison
Wilhelmstrasse 23
1000 Berlin 20

Information:

File

NAME	Signature	DATE
OC	<i>ec</i>	
RPM		
SI		
SPG		
CP & BMD		
AS		
DOCS		

Титульный лист доклада британской полиции от 25.08.1987

МТШ №7 лежащим на полу в соответствии с описанием господина «2». Лейтенант «3» отметил, что заключенный МТШ №7 находился в бессознательном состоянии, но у него был пульс. Первая медицинская помощь на месте происшествия была оказана солдатом-специали-

стом «4» — обученным полевым военным медиком, который прибыл к садовому домику примерно в 14.50. Вскоре за ним прибыл второй медик Армии США, а именно солдат-специалист «5», который прибыл примерно в 15.00 с оборудованием для оказания первой неотложной помощи. Оба этих специалиста немедленно начали делать наружный массаж сердца и искусственное дыхание (рот в рот) заключенному МТШ № 7. Стоит отметить, что во время оказания помощи заключенному МТШ № 7 солдат-специалист «4» заметил красную полосу на шее пациента, идущую от уха до уха.

8. В то время как специалистами «4» и «5» проводились вышеупомянутые меры реанимации, господин «22» (Великобритания), дежурный надзиратель на воротах (дом 23), в 14.55 позвонил в британский военный госпиталь, Берлин, и, используя кодовое слово «Парадокс», вызвал в тюрьму машину неотложной помощи и врачей. Быстро среагировав, подполковник «6» из британского медицинского корпуса выехал из казарм Брук в тюрьму и прибыл туда примерно в 15.10. Одновременно из госпиталя была отправлена машина скорой помощи, управляемая британским гражданским водителем «18». Реанимационные мероприятия на территории тюрьмы были продолжены подполковником «6», и, примерно в 15.35 машина скорой помощи отправилась в британский военный госпиталь со следующими лицами: заключенный МТШ № 7, подполковник «6», господин «19» (гражданский санитар, работающий в тюрьме), солдат-специалист «5», господин «8» (США) и господин «20» (Франция) — оба тюремные надзиратели. По прибытии в госпиталь примерно в 15.50 заключенный МТШ № 7 был доставлен в подготовленную на втором этаже здания госпиталя палату, где его принял начальник госпиталя полковник «7». Все усилия по реанимации заключенного МТШ № 7 ока-

зались тщетными, и в 16.10 того же дня полковник «7» констатировал смерть.

9. Проведена формальная идентификация заключенного МТШ № 7. Впоследствии стало известно, что после поступления в британский военный госпиталь в одежде заключенного МТШ № 7 была найдена одна страница рукописного письма в форме предсмертной записки. Однако Бюро специальных расследований Королевской военной полиции было не в курсе ее содержания, и, следовательно, на данном этапе дальнейшие комментарии по этому вопросу бессмысленны.

10. Экспертиза садового домика на территории МТШ выявила факты значительной деятельности, где вся площадь была усеяна медицинским оборудованием и связанным с ним мусором. Тем не менее к ручке заднего окна, расположенной на высоте 1,40 м от уровня пола, прикреплен пластиковый электрический кабель-удлинитель длиной 2,75 м, в нижней части которого явно есть свободный узел. О предназначении данного конкретного электрического кабеля можно узнать из заявления сопровождающего надзирателя господина «2», копия которого приложена к данному докладу. Никаких других признаков или предметов, свидетельствующих о криминальной причастности какого-либо лица, не было выявлено во время осмотра места происшествия. Из-за свободного доступа к садовому домику всех лиц, связанных с заключенным, снятие отпечатков пальцев не представляет практического интереса.

11. Сержант «11» из 5 батальона 502 пехотного полка Армии США был разводящим караула в МТШ с 1 августа. Он заявил, что при личном осмотре различных построек на тюремной территории 1 августа 1987 года он заметил длинный электрический кабель, висящий от заднего окна садового домика. Сержант «11» уверен, что он вновь видел кабель в последующем до понедельника

17 августа 1987 года, всегда на месте, упомянутом выше. Хотя еще необходимо подтверждение путем опроса соответствующих надзирателей, но можно уже предположить, что электрический кабель, найденный в садовом домике, использовался для гибкого подключения двух стандартных ламп, чтобы обеспечить достаточную длину до центра комнаты, где располагалось кресло заключенного.

12. После смерти останки заключенного № 7 были помещены в морг британского военного госпиталя в Берлине в ожидании посмертного вскрытия там в среду 19 августа 1987 года профессором судебной медицины «21» Медицинской академии Лондонского госпиталя. 19 августа 1987 года примерно в 8.20 полковник «7», начальник британского военного госпиталя в Берлине, провел официальное опознание тела заключенного №7 для профессора «21» и патологоанатомов соответствующих союзных держав: подполковник «22» (Великобритания), подполковник «23» (США), подполковник «24» (Франция) и подполковник «25» (СССР). Посмертное вскрытие показало, что заключенный № 7 умер от асфиксии в результате сжатия шеи. Копии свидетельства о смерти и справки об опознании прилагаются к докладу в приложениях D–F.

13. Взятые в ходе посмертного вскрытия различные патологоанатомические образцы были направлены в Королевскую военно-медицинскую академию, Миллбанк, Лондон для токсикологической и гистологической экспертизы. Результаты этих исследований будут направлены соответствующим адресатам в виде отдельного документа. Однако, на данном этапе надо подчеркнуть, что в ходе расследования не выявлено никаких обстоятельств против предположения, что смерть заключенного № 7 произошла в результате его собственных действий, а не кого-то другого.

14. Тем не менее властям было сделано предложение направить на экспертизу предсмертную записку заклю-

ченного № 7, обнаруженную у него в британском военном госпитале.

15. В четверг 20 августа 1987 года директорами МТШ была осуществлена официальная передача останков заключенного № 7. Его тело было доставлено его семье транспортным самолетом Королевских ВВС рейсом из аэропорта Гатов, Берлин, на базу ВВС США Графенвёр вблизи Нюрнберга.

16. Копии всех соответствующих заявлений, записанные в ходе этого дознания, прилагаются к настоящему отчету. Оригиналы заявлений вместе со всей одеждой покойного были переданы под расписку подполковнику в отставке Э. Х. Ле Тиссьеру, британскому директору Межсоюзной тюрьмы Шпандау.

Майор

Королевская военная полиция

Заключительный доклад

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

14 отделение 93 отдел Бюро специальных
расследований Королевской военной полиции
британской Рейнской армии
ВФРО 45

11 сентября 1987 года

Дело 53052/7

СПЕЦИАЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Умершее лицо: Вальтер Рихард Рудольф Гесс

Родился: 26 апреля 1894 года в Александрии, Египет

Заключенный №7

Межсоюзная тюрьма Шпандау, Берлин

1. Этот официальный доклад дополняет доклад от 25 августа 1987 года, который напоминает, что в конце второй половины дня в понедельник 17 августа 1987 года господин Рудольф Гесс — заключенный № 7, находящийся-

ся в Межсоюзной тюрьме Шпандау, Берлин, был помещен в британский военный госпиталь в Берлине, где в 16.10 того же дня была констатирована его смерть.

2. Следственные действия были продолжены, и дополнительные обстоятельства дела приведены в данном докладе.

3. От подполковника в отставке Э. Х. Ле Тиссьера — британского директора Межсоюзной тюрьмы Шпандау — стало известно, что страница рукописного письма, считающаяся «предсмертной запиской», была извлечена из одежды заключенного № 7 после его поступления в британский военный госпиталь. Это письмо, оставшееся у директоров МТШ, было предоставлено Бюро специальных расследований Королевской военной полиции, и видно, что запись от руки сделана на обороте первой страницы печатного письма из двух страниц, полученного заключенным 29 июля 1987 года, после цензуры, от невестки госпожи А. Гесс, жены господина В. Р. Гесса — сына заключенного.

4. Во вторник 25 августа 1987 года в Межсоюзной тюрьме Шпандау эксперт отдела спорных документов лондонской правительственной химической лаборатории господин «Х» провел сравнение «предсмертной записки» (сомнительного письма) с известными письмами заключенного. Он также проверил шесть авторучек, найденных в одежде заключенного после смерти. Господин «Х» заявил, что хотя его экспертиза проведена не в лабораторных условиях и он обладает ограниченными знаниями немецкого языка, в частности особенностей, свойственных именно старому немецкому стилю письма, тем не менее, по его мнению, отмечаются области сходства вместе с подробными характеристиками, которые являются характерными для писавшего. Это не дает никаких оснований сомневаться в том, что

автор сомнительного письма — заключенный № 7. Копия рукописной записки, машинописная версия записки и перевод на английский язык прилагаются к данному докладу.

5. Известно, что Межсоюзная тюрьма Шпандау работает в своем нынешнем виде с июля 1947 года. Кроме того, от французского директора тюрьмы М. Планэ стало известно, что за это время заключенный № 7 предпринимал по крайней мере две попытки самоубийства. М. Планэ утверждает, что в стенограммах еженедельных заседаний директоров тюрьмы учтены следующие случаи:

а) 26 ноября 1959 года. Заключенный № 7 предпринял попытку самоубийства около 12 часов 15 минут, перерезав себе левое запястье. При обследовании заключенный заявил доктору, что он намеренно отказался от приема пищи с целью самоубийства.

б) 22 февраля 1977 года. Примерно в 20.15 заключенный № 7 в своей камере предпринял попытку самоубийства, разрубив ножом для пищи свое левое запястье, внутреннюю часть левого локтя и внутреннюю часть левой лодыжки. После психиатрической экспертизы было рекомендовано осуществлять пристальный контроль за заключенным в камере, а также смягчить условия заключения.

6. Было установлено, что обязанности надзирателей в МТШ и, в частности, в отношении надзора за заключенным № 7, регламентированы документом с названием «Обязанности и ответственность надзирателя в блоке — пост № 2». Копия этого документа приведена в приложении D к данному докладу.

Надзиратели пофамильно:

Франция

«20», «49», «16»

СССР

«50», «51», «52», «53»

США

«54», «55», «8»

Великобритания

«56», «17», «26», «57»

были опрошены в отношении исполнения своих обязанностей. Стало известно, что во время прогулок заключенного некоторые надзиратели имели привычку позволять ему сидеть в одиночестве в садовом домике, в то время как они оставались за пределами здания. Однако все подтвердили, что они проверяли заключенного через определенные промежутки времени. Надзирателям не давался специальный инструктаж или индивидуальные инструкции с учетом предыдущих попыток самоубийства заключенного. В сущности, казалось бы, что все надзиратели довольно добросовестно исполняли свои обязанности и, несмотря на то что некоторые из них были более бдительны, чем другие, заключенный никогда не оставался один в течение длительных периодов.

7. На сегодняшний день опросы совершенно ясно показывают, что это была нормальная практика для надзирателей использовать свою инициативу и благоразумие в отношении толкования своих обязанностей и ответственности по отношению к заключенному № 7. Это была не редкость, таким образом, принимая во внимание возраст заключенного и его здоровье, оставлять его одного на некоторое время либо в блоке, либо в саду.

8. Хотя это и не имеет прямого отношения к предмету доклада, можно считать, что американский директор МТШ господин Д. В. Кин плюс все надзиратели тюрьмы, указанные в пункте 6 данного доклада, отмечают корректность и правильность господина «2» в отношениях с заключенным № 7. Кроме того, хотя это тоже не имеет прямого отношения к предмету доклада, может быть отмечено, что заключенный № 7 в течение мая ме-

сяца 1987 года дважды жаловался на господина «2». Оба случая были зафиксированы тюремной администрацией и изложены в заявлении господина «2» на странице 29 данного доклада. Представляется, что обе жалобы были полностью бессодержательны и из бесед с некоторыми другими надзирателями представляется, что они, возможно, были вызваны расовыми предрассудками в отношении господина «2», который является негром.

9. После поступления заключенного № 7 в британский военный госпиталь в понедельник 17 августа 1987 года сотрудник отдела специальных расследований Королевской военной полиции посетил Межсоюзную тюрьму Шпандау (которая расположена в британском секторе Берлина). Доступ в тюрьму был предоставлен дежурным надзирателем по согласованию со всеми четырьмя директорами тюрьмы, экспертиза места преступления была начата в летнем домике около 16 часов 10 минут 17 августа 1987 года. Следует напомнить, что к ручке заднего окна внутри здания на высоте 1,4 м от пола был привязан электрический провод-удлинитель с пластиковым покрытием длиной 2,75 м, на котором находился четкий свободный узел в нижней части. Никаких других свидетельств или материалов, позволяющих доказательно предположить об уголовной причастности какого-либо лица, обнаружено не было. В это время была сделана серия черно-белых фотографий, и фотографическое дополнение, показывающее внутреннюю и внешнюю обстановку садового домика, приложено к данному отчету. Фотография электрического кабеля, привязанного к оконной ручке, включена в этот набор фотографий.

10. Утром в среду 19 августа 1987 года профессором судебной медицины Лондонского университета и Медицинского колледжа Лондонского госпиталя «21» была проведена посмертная экспертиза тела заключен-

ного № 7. При внешнем осмотре были выявлены отметины на передней части грудной клетки, а также перелом кости груди (грудины) и множественные переломы ребер с левой стороны. Переломы и ушибы были совместимы с энергичными мерами сердечной реанимации и не имели никакого отношения к причине смерти. Тонкий линейный след примерно 7,5 см в длину и 0,75 см в ширину обнаружен проходящим через левую сторону шеи, при этом он был более видим, когда тело рассматривается в ультрафиолетовом свете. Помимо незначительного повреждения верхней губы, 1 см от правой ноздри, на теле не было никаких других признаков свежих травм или насилия. Дальнейшее изучение шеи и лица выявило глубокие кровоподтеки на левой стороне угла челюсти и на левой стороне задней части горла. Эти повреждения в горле согласуются с реанимационными мероприятиями. Внутренний осмотр шеи показал дальнейшие кровоподтеки. В итоге профессор «21» пришел к выводу, что заключенный № 7 умер от асфиксии, вызванной сжатием шеи и подвешиванием. Было также отмечено, что линейная метка на левой стороне шеи согласуется с лигатурой.

11. Было установлено, что во второй половине дня 17 августа 1987 года на дежурстве находились три надзирателя. А именно:

г-н «16» (Франция) — старший дежурный надзиратель в тюрьме,

г-н «2» (США) — сопровождение заключенного № 7 во время прогулки,

г-н «17» (Великобритания) — дежурный надзиратель на воротах тюрьмы.

Также на дежурстве в течение рабочего дня находился г-н «19» (тунисец), который являлся медбратом заключенного. В результате опроса г-на «2» и других свидетелей было установлено, что, увидев заключенного № 7 ле-

жащим на полу, г-н «2» снял электрический провод с его шеи и уложил его поудобнее. Он позвонил г-ну «17» из задней части тюремного здания, рядом с винтовой лестницей, и запросил медицинскую помощь. Г-н «17» вспоминает, что принял звонок около 14.50, после чего он проинформировал г-на «16». После этого г-н «17» позвонил в британский военный госпиталь и, используя кодовое слово «Парадокс», запросил медицинскую помощь. Впоследствии стало известно от г-на «38», что он был на дежурстве в госпитале примерно в 14.50, когда он получил этот телефонный звонок. В результате машина скорой помощи была отправлена в тюрьму. Известно также, что сразу же после получения звонка от г-на «17» г-н «16» позвонил г-ну «19» (который жил недалеко от тюрьмы, в 50 метрах от главных ворот), вызвав его в тюрьму.

12. Хотя не все свидетели могут быть конкретно точными с отсчетом времени, общий порядок времени, указанный г-ном «2» в отчете о сопровождении заключенного №7 к летнему домику и после этого, в значительной степени подтверждается. Следует также отметить, что после того, как заключенный вошел в летний домик, г-на «2» видел сидящим на скамейке солдат «13», который шел по тропинке в это время. После звонка г-ну «17» г-н «2» также обратился за помощью к американскому солдату «9», который дежурил на близлежащей караульной вышке № 3. В результате солдат «9» проинформировал по радио лейтенанта американской армии «3», который являлся начальником караула, и через несколько минут, получив указания по радио, американский солдат «4» (обученный фельдшер) был первым квалифицированным медиком, прибывшим в летний домик. Он прибыл сразу же за г-ном «19». Солдат «4» начал реанимационные мероприятия до прибытия около

~~RESTRICTED~~

53052/7

14 Detachment
93 Section SIB RMP BAOR
BFPO 45

25 Aug 87

SPECIAL INVESTIGATION

Person deceased: Walter Richard Rudolf HESS
Born: 26 Apr 1894 at Alexandria, Egypt

Prisoner Number 7
Spandau Allied Prison BERLIN

1. On Mon 17 Aug 87 about 1600 hrs, information was received from Col [redacted], Chief of Staff HQ Berlin (British Sector) that earlier that afternoon, Herr Rudolf Hess (born: 26 Apr 1894) hereafter referred to as Allied Prisoner No 7, the sole remaining prisoner detained at Spandau Allied Prison, Berlin, had been conveyed to the British Military Hospital Berlin. It was intimated that Allied Prisoner No 7 was dead and the Chief of Staff directed that investigations be made surrounding the circumstances of his admittance to the hospital.
2. Enquiries within imposed limitations were immediately commenced and 'Operation Tennyson', the SIB RMP response to such information was put into effect.
3. It was learned from Lt [redacted]³ US Army that from 1 Aug 87, elements of the 5th Bn of the 502nd US Army Infantry Regiment, McNair Barracks, Berlin, had been on guard at Spandau Allied Prison. Lt [redacted]³ was the OC of the guard. Such duties are rotated monthly with soldiers from the four Allied governments guarding the prison. The security and care of Allied Prisoner No 7 is also administered by civilian prison warders who are employed by the four Allied Powers.
4. Investigations have revealed that about 1427 hrs on Mon 17 Aug 87, Allied Prisoner No 7 left the prison building ostensibly to go for a walk while in the charge of Mr [redacted]², an American civilian warden who was on duty from 0745 hrs to 1640 hrs. At that time, Mr [redacted] had already unlocked a summer house, which is a one storey construction (portacabin) located in the prison garden. Entry to that building is via a single door at the rear of two sliding glass doors at the front of the building. The garden is located in the north-west area of the prison grounds and about 1430 hrs Mr [redacted]² saw Allied Prisoner No 7, who had walked slowly from the prison building, enter the summer house via the rear door. For ease of reference, sketch plans depicting the summer house and surrounding area are attached at Annexes A-C to this report.
5. Mr [redacted]² provided a written statement in which he explained that after Allied Prisoner No 7 entered the summer house, he remained outside, as is normal practice by the warders. Mr [redacted]² stood by a tree approximately 10 metres distant from the summer house and after about five minutes, he walked over to the summer house to check the prisoner.

- 1 -
~~RESTRICTED~~

Первый лист промежуточного доклада британской полиции

15.10 подполковника британского Медицинского корпуса г-на «б», первого доктора на месте происшествия.

13. На данном этапе отмечается, что, несмотря на то что г-н «19» был допрошен три раза отдельно, он отказался предоставить письменные свидетельские показания. Тем не менее британский директор тюрьмы предоставил дополнительное заявление с изложением обязанностей г-на «19» и проинформировал, что это было вполне приемлемо для него находиться во время происшествия в своем расположенном поблизости доме. Никаких доказательств не было приведено, чтобы предположить любую его преступность или небрежность. Базируясь на имеющихся доказательствах, представляется, что его нежелание дальнейших комментариев не дает никаких существенных различий в результатах этого расследования. Кроме того, нет никаких оснований подозревать, что он был особенно медлительным при вызове к заключенному. Он должен был пройти через несколько зон безопасности, прежде чем достигнуть тюремного сада.

14. Расследование на сегодняшний день показывает, что заключенный № 7 в Шпандау по крайней мере дважды пытался покончить жизнь самоубийством: в 1959 году — в возрасте 65 лет и в 1977 году — в возрасте 82 года. Несмотря на то что сразу после обоих случаев бдительность персонала тюрьмы повышалась, условия содержания заключенного в тюрьме Шпандау, тем не менее, по своей природе таковы, что он иногда оставался без присмотра на короткое время. Учитывая преклонный возраст и общее состояние здоровья, было бы нелепо на практике держать его под наблюдением в течение всех 24 часов, и он под ним не был.

15. Несмотря на возраст заключенного, данные на сегодняшний день показывают, что Рудольф Гесс — заключенный № 7 заранее планировал покончить жизнь само-

убийством. Хотя многие из надзирателей вспоминают, что видели электрический кабель в летнем доме, никто не подозревал, что такое устройство будет использоваться в качестве средства совершения самоубийства. Фактически кабель использовался временами в качестве удлинителя для двух ламп в летнем домике. Только сержант армии США «11» заметил кабель, привязанный к ручке окна, с начала дежурства в тюрьме 1 августа 1987 года. Ввиду того, что кабель остался на месте, что заключенный № 7 своей рукой написал предсмертную записку, которая находилась при нем во второй половине дня 17 августа 1987 года, и что вскоре после 14.30 в тот день он остался в одиночестве в летнем домике, следует, что он покончил жизнь самоубийством путем размещения электрического кабеля вокруг шеи и самоповешения. Никаких доказательств не было получено, которые бы указывали на обратное. Кроме того, видно, что г-н «2» исполнял свои обязанности во второй половине 17 августа 1987 года в порядке, не отличающемся от многих других коллег-надзирателей.

16. Следует напомнить, что в результате вскрытия были получены различные патологические образцы. Результаты соответствующих токсикологических и гистологических исследований, проводимых в Королевской военно-медицинской академии в Лондоне, все еще ожидаются. После получения они должны быть доведены до сведения директоров тюрьмы. Посмертный доклад профессора «21» будет направлен прямо директорам тюрьмы.

17. Копии протоколов дальнейших опросов, записанных во время этого расследования, прилагаются. Оригиналы опросов остаются в этом офисе и могут быть получены. Ряд предметов, например электрический кабель, задерживаются Бюро специальных расследований до завершения расследования.

Капитан Королевской военной полиции «47»

suggest any criminality or negligence by him. Based upon the evidence to hand it would appear that his reluctance to comment further makes no significant difference to the outcome of this enquiry. Additionally there is no reason to suspect that he was particularly slow in attending the prisoner; he had to pass via a number of secure areas before reaching the prison garden area.

14. Investigations to date have revealed that on at least two previous occasions, whilst at Spandau Prison, in 1959 - at the age of 65 and in 1977 - at the age of 82, Prisoner Number 7 made an attempt to take his life. Whilst both incidents undoubtedly raised the vigilance of the prison staff in the immediate aftermath, the prisoner's conditions within Spandau Prison were nonetheless of a nature where he was on occasion left unguarded for brief periods. Taking account of his advanced age and general health it would be inconceivable in practice to keep him under total observation for 24 hours and nor was he.

15. Notwithstanding the prisoner's age, the evidence so far recorded indicates that Rudolf Hess - Prisoner Number 7, planned well in advance to take his own life. Whilst many of the warders recall seeing an electrical cable in the summer house, none suspected that such an apparatus would be used as the means to commit suicide. The actual cord had been in use for some time as an extension cable for two lamps within the summer house. Only Sergeant [REDACTED] US Army, on commencing duty at the prison on 1 August 1987 noted the cable tied to the handle of the interior window. It would appear therefore that the cable remained in situ, that Prisoner Number 7 wrote a suicide note in his own hand which was on his person on the afternoon of 17 August 1987, and that shortly after 1430 hrs on that day whilst alone in the summer house he took his own life by placing the electrical cable around his neck and hanging himself. No evidence has been obtained to indicate otherwise. Furthermore, it would appear that Mr [REDACTED]² conducted his duties on the afternoon of 17 August 1987 in a manner no different to many other of his fellow warders.

16. It will be recalled that various pathological samples were obtained during the post-mortem examination. The results of the associated toxicological and histological tests at the Royal Army Medical College, London, are still awaited. Upon receipt they shall be made known to the Prison Governors. Likewise the official Post-Mortem report by Professor [REDACTED]²¹ will be forwarded direct to the Prison Governors.

17. Copies of further statements recorded during this enquiry are attached hereto. The original statements are retained at this office and can be produced. A number of exhibits i.e. the electrical cable is retained by SIB pending the conclusion of the investigation.

47

[REDACTED]

[REDACTED]

47
Captain
Royal Military Police

**Последняя страница заключительного доклада
британской полиции, где в пункте 15 делается вывод
о самоубийстве Рудольфа Гесса**

Дополнительный доклад

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

14 отделение 93 отдел Бюро специальных
расследований Королевской военной полиции
британской Рейнской армии

WFPO 45

20 января 1988 года

Дело 53052/7

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ САМОУБИЙСТВО

(Дополнительный доклад)

Умершее лицо: Вальтер Рихард Рудольф Гесс

Родился: 26 апреля 1894 года в Александрии, Египет

Заключенный № 7

Межсоюзная тюрьма Шпандау, Берлин

1. Этот официальный доклад дополняет доклады от 25 августа 1987 года и от 11 сентября 1987 года, которые напоминают, что после смерти вышеназванного лица во второй половине дня 17 августа 1987 года полицейские расследования были проведены Бюро специальных расследований (SIB) при технической поддержке со стороны Восточного и Западного региональных Бюро специальных расследований Королевской военной полиции британской Рейнской армии.

2. Вывод расследования SIB заключается в том, что Рудольф Гесс умер от своих собственных рук, и доказательства, подтверждающие это, проиллюстрированы в двух докладах, упомянутых в вышестоящем абзаце.

3. После публикации заключительного доклада была получена дополнительная техническая и административная информация, соответствующая запросу, и эта информация вместе с некоторыми заключительными пунктами теперь обобщается в этом дополнительном докладе.

4. Копия отчета о посмертном вскрытии была нам предоставлена и прилагается.

5. Следует напомнить, что ряд вещественных доказательств был обнаружен сотрудниками SIB в тюрьме Шпандау и в британском военном госпитале в Берлине, где находилось тело заключенного № 7 до посмертной экспертизы и окончательной отправки тела 20 августа 1987 года, когда оно было доставлено транспортным самолетом Королевских ВВС семье Рудольфа Гесса в Западную Германию.

6. Это было решение четырех директоров тюрьмы, с особым акцентом на советского директора, что вся одежда и имущество заключенного должны быть уничтожены. Соответственно, в ответ на официальную просьбу все вещественные доказательства, изъятые SIB, были доставлены в тюрьму через подполковника (в отставке) Э. Х. Ле Тиссьера — британского директора тюрьмы. Перечень этих предметов приведен в Приложении А к настоящему отчету. Как известно SIB, все эти предметы были уничтожены огнем, в основном под личным контролем подполковника И. В. Колодникова* — советского директора тюрьмы.

7. В ходе расследования стало очевидно, что советское руководство, в частности, было обеспокоено тем, чтобы тюрьма Шпандау не стала святыней нацистской эпохи в немецкой истории, и это, возможно, объясняет скорость, с которой вещи были уничтожены. В настоящее время тюрьма полностью снесена, а щебень от нее захоронен на аэродроме Королевских ВВС Гатов.

8. Во второй половине дня 15 января 1988 года три союзные державы и советское руководство отказались от контроля над тюрьмой, и территория в настоящее время находится в ведении британских военных властей.

* Британские следователи допустили ошибку, неправильно указав инициалы исполняющего обязанности советского директора А. И. Колодникова.

9. Что касается распределения промежуточных и заключительных докладов, единственным официальным получателем докладов был Совет директоров Межсоюзной тюрьмы Шпандау, Вильгельмштрассе, 23, 1000 Берлин 20. Копии докладов были доступны также для руководящих органов и некоторых других учреждений. Копии были доставлены курьером или отправлены по почте заказным письмом. Перечень этих адресатов дан в Приложении В.

10. Единственными предметами, остающимися в настоящее время в СИВ, являются две 60-минутные видеокассеты, записанные сотрудником 14-го отделения СИВ. На одной запечатлен вид с воздуха тюрьмы Шпандау, а на второй «место преступления» — визуальный отчет в здании тюрьмы и на территории тюрьмы, которые были записаны во второй половине дня 17 августа 1987 года. Предполагается, что эти два фильма в конечном итоге будут вывезены из Берлина и переданы в архив, вместе с оригиналами заявлений, для исторической сохранности, и по указанию руководства Специального бюро расследований Королевской военной полиции британской Рейнской армии.

Капитан «47»

Помимо докладов британской военной полиции для правильного понимания ситуации большой интерес представляют протоколы допросов, или заявления, всех свидетелей и участников событий 17 августа. Приведем наиболее важные из этих документов.

Заявление американского надзирателя Джордана

В материалах расследования американский надзиратель Джордан обозначен как «господин 2». Именно Джордан сопровождал «заключенного № 7» на прогулке в саду 17 августа 1987 года,

именно его халатным отношением к служебным обязанностям воспользовался Гесс, чтобы совершить самоубийство. Именно Джордан первым обнаружил Гесса с электрическим кабелем на шее. Допрос Джордана был проведен вечером того же дня.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Дело № 53052/7

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я «2». Я работаю в качестве надзирателя в Межсоюзной тюрьме Шпандау в Берлине.

Я работаю в этой должности с XXXXX

С тех пор как я начал работать, единственным заключенным в тюрьме является г-н Рудольф Гесс. Правильный титул г-на Гесса — заключенный № 7, и я буду называть его так в течение всего остального этого заявления.

Мои основные обязанности в тюрьме — контроль доступа в тюрьму и надзор за заключенным № 7.

Распорядок дня заключенного № 7 выглядит следующим образом:

В 7.00 заключенный № 7 просыпается, и санитар измеряет ему кровяное давление.

Затем он моется и остаток утра до 11.30 он может делать то, что хочет, в пределах тюрьмы.

В 11.30 он первый раз за день принимает пищу.

Во второй половине дня он привык выходить в сад, который находится в пределах тюрьмы, и сидеть в летнем домике.

Заключенному № 7 сейчас 93 года. Он может ходить без посторонней помощи и, кажется, полностью себя контролирует.

Заключенный № 7 обычно возвращается в свою камеру около 17.00 часов. Из-за его возраста нет жесткого распорядка дня, и он действительно свободен в выборе того, что он хочет делать.

~~STAFF IN CONFIDENCE~~

Case No.: 53052/7

STATEMENT

Surname: [REDACTED] Forenames: [REDACTED]
Date & Place of Birth: [REDACTED] Height: [REDACTED]
Occupation: Correction Officer
Address: [REDACTED]
Identity Card No.: [REDACTED] Status: [REDACTED]
Date arrived in Command: [REDACTED] Date to leave Command: [REDACTED]

I am [REDACTED] [REDACTED]. I am employed as a Correction Officer at the Spandau Allied Prison, Berlin.

I have been employed in this capacity since [REDACTED].

Since I commenced employment the only prisoner that has been in the prison is Herr Rudolf Hess. Herr Hess' correct title is Allied Prisoner No 7 and I shall refer to him by this title throughout the rest of this statement.

My main duties within the prison are the control of access to the prison and the supervision of Allied Prisoner No 7.

The daily routine of Allied Prisoner No 7 is as follows:

0700 hrs Allied Prisoner No 7 is checked and has his blood pressure taken by the Medical Orderly.

He then showers and for the rest of the morning until 1130 hrs he is free to do what he wants within the confines of the prison.

At 1130 hrs he is given his first meal of the day.

In the afternoon he is in the habit of going out into the garden, which is within the confines of the prison, and sitting in a summer house.

Allied Prisoner No 7 is now 93. He is able to walk unaided and appears to be in full control of his senses.

Allied Prisoner No 7 normally returns to his cell about 1700 hrs. Because of his age there is no rigid routine and he really is free to choose what he wants to do.

On Mon 17 Aug 87 I commenced duty at the Spandau Allied Prison about 0745 hrs. I was allocated for gate control duties and I carried this out until 1140 hrs. Between 1140 hrs and 1200 hrs I was on my lunch break. Immediately following this I withdrew the keys to the cell block and then went immediately to the cell block in which Allied Prisoner No 7 is kept. My duties then were the supervision of the activities carried out by Allied Prisoner No 7.

- 5 -

~~STAFF IN CONFIDENCE~~

Первый лист заявления
американского надзирателя Джордана

В понедельник 17 августа 1987 года я приступил к работе в Межсоюзной тюрьме Шпандау около 07.45.

Я начал смену с дежурства на воротах и выполнял эти обязанности до 11.40. Между 11.40 и 12.00 у меня был перерыв на обед. Сразу же после этого я взял ключи от камерного блока, в котором содержится заключенный № 7, и сразу же пошел туда. Моей обязанностью тогда стал надзор за деятельностью заключенного № 7.

Заключенный № 7 был в очень хорошем настроении и казался жизнерадостным.

Между 13.30 и 13.40, я не могу быть уверен в точном времени, он спросил меня, может ли он пойти в сад.

Я дал разрешение на это, и заключенный № 7 ушел готовиться. Затем я сообщил об этом старшему дежурному надзирателю.

Обычно сборы заключенного № 7 занимают от 45 минут до часа, однако сегодня он был готов пойти намного быстрее, и мы покинули камерный блок около 14.10. Я помню, что в это время на нем были рубашка, спортивная куртка и коричневый плащ.

На лифте я спустил заключенного № 7 из камерного блока в сад. Затем я оставил его в лифте, в то время как сам пошел открывать садовый домик.

Садовый домик расположен примерно в 100 м от лифта. Это здание продолговатой формы. На стороне, ближайшей к тюрьме, находится одна дверь, в которой нет окна. Рядом с дверью, слева, когда вы смотрите на нее, есть стеклянное окно. Сторона, обращенная к тюремной стене, полностью стеклянная с двумя раздвижными стеклянными дверьми в центре.

Я отпер все три двери, а затем повернулся к заключенному № 7. Однако я увидел, что он уже на пути ко мне, поэтому я остался рядом с садовым домиком.

Когда заключенный № 7 входил в садовый домик, он вошел через одинарную дверь и сразу же закрыл ее за собой.

Я пошел и встал у дерева, которое находится примерно в 10 м от садового домика на стороне, у которой нет окон.

Это обычная практика, и все надзиратели привыкли либо сидеть, либо стоять у этого дерева.

Я подождал около пяти минут, безусловно, не дольше этого, время было около 14.35, затем я пошел проверить заключенного, так как это моя обычная процедура. Я заглянул в одинарное окно. Я сразу увидел, что заключенный № 7 лежит на спине на полу. Я бы описал положение, в котором он находился, как будто он упал на стену, на которой находилось окно, в которое я смотрел. Я сразу понял, что что-то не так. Я вбежал в садовый домик через ближайшую дверь. Я увидел, что одно плечо у заключенного № 7, я думаю это было его правое плечо, приклонено к ближайшей стене, ноги его были на земле. Я увидел, что на его шее был электрический кабель. Я также видел, что другой конец кабеля был закреплен на ручке окна. Этот кабель был натянут и, казалось, поддерживал его.

Я побежал по комнате. Я приподнял заключенного № 7, чтобы ослабить натяжение электрического провода. Затем я стянул провод с его шеи. Я не могу вспомнить, был ли узел на проводе. Казалось, он довольно легко сошел.

Глаза заключенного были открыты, и, казалось, он был жив. Я заговорил с ним. Я не могу вспомнить, что я сказал. Он пошевелился и, казалось, понял, что я сказал, или, по крайней мере, что я говорю с ним.

Я на 100 % уверен, что в тот момент он был жив. Когда я снял провод, я услышал, как он вздохнул.

Затем я положил его на спину и подложил одеяло, мне кажется коричневое, под его голову, чтобы ему было удобнее. Затем я расстегнул рубашку и ослабил его одежду.

Затем я оставил заключенного № 7 в этом положении и побежал к телефону, расположенному внизу винтовой лестницы, ведущей в камерный блок.

Я проинформировал по телефону старшего дежурного надзирателя «16» и дежурного на воротах «17» и запросил срочную медицинскую помощь.

Затем я побежал обратно в летний домик.

Я увидел, что заключенный № 7 находился в том же положении, его глаза были открыты, рот был открыт, но он, казалось, не дышал.

Я остался с ним несколько минут. Я был немного растерян от череды событий. На каком-то этапе я побежал к одной из сторожевых вышек, которая находится недалеко от садового домика, и обратился за медицинской помощью. Я думаю, это было через несколько минут после телефонного звонка, хотя я не могу быть уверен.

Затем в сад прибыл старший дежурный надзиратель. Он быстро оценил ситуацию, а затем ушел, чтобы вызвать британскую медицинскую службу.

Затем несколько других людей пришли в садовый домик, включая двух американских военных санитаров. Прибыл тюремный санитар «19», и все продолжали оказывать медицинскую помощь.

Спустя некоторое время прибыла машина британской военной скорой помощи, и я увидел, что в нее положили заключенного № 7. «8» тоже сел в машину скорой помощи. Затем машина скорой помощи уехала, это было примерно через час после того, как я нашел заключенного № 7 в садовом домике.

Я сразу же собрал в садовый домик все, что, как я думал, будет иметь значение для расследования, которое, как я знал, последует за этим, а затем я запер все двери.

Я пошел к воротам и передал ключ от садового домика дежурному на воротах «26». Я не знаю, сколько есть ключей от садового домика.

Затем я поехал в госпиталь на своем личном автомобиле вместе с «16», также взяв журнал старшего дежурного надзирателя и список лиц, имеющих право входа в тюрьму.

Я готов присутствовать при посмертной идентификации британским медицинским органами тела человека, известного мне как господин Рудольф Гесс, заключенный № 7.

Это заявление правдиво. Я сделал его по своей собственной воле.

Подпись: «2»

Вышеупомянутое заявление было записано, и подпись была засвидетельствована мной в офисе Бюро специальных расследований в Берлине 17 августа 1987 года около 23.05 ч.

Подпись: «14»

*Бюро специальных расследований
Королевской военной полиции*

Заявление полковника Хамер-Филипа

Начальник британского военного госпиталя в Западном Берлине полковник Хамер-Филип констатировал смерть Гесса после того, как последнего доставили в госпиталь. Кроме того, перед тем как поместить тело Гесса в холодильную камеру, начальник госпиталя достал из его карманов все вещи, в том числе письмо, и сложил в конверт. Список этих вещей полковник Хамер-Филип также приводит в своем заявлении.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Дело № 53052/7

ЗАЯВЛЕНИЕ

Фамилия: Хамер-Филип

Ранг: Col / L / RAMC*

Дата и место рождения:

Адрес: VMH Berlin, BFPO 45

Это заявление (с учетом всех подписанных мной 4-х страниц) верно, насколько я знаю и верю, и я знаю, что если оно будет подано в качестве доказательства, я буду привлечен к судебному преследованию, если я умышленно заявил в нем все, что я знаю как ложное, или не верю, что это правда.

Датировано 20 августа 1987 года.

Подпись:

Я являюсь офицером британской армии, в настоящее время имею звание полковника и занимаю должность начальника британского военного госпиталя (БВГ) в Западном Берлине.

Я являюсь зарегистрированным медицинским работником с квалификацией MB, BCh, DA, MBIM**. Моя медицинская квалификация была получена между 1959 и 1962 годами.

Начиная с декабря 1986 года, когда я был назначен начальником БВГ в Берлине, и до настоящего времени я неоднократно встречался с Рудольфом Гессом, единственным заключенным военной тюрьмы Шпандау и известным как заключенный № 7.

В 16 часов 10 минут в понедельник 17 августа 1987 года в БВГ Берлин я осмотрел Рудольфа Гесса, который перед

* RAMC — The Royal Army Medical Corps — Королевский армейский санитарный корпус.

** MB — бакалавр медицины, BCh — бакалавр хирургии, DA — диплом анестезиолога, MBIM — действительный член Британского института управления.

этим был доставлен в госпиталь. В то время я констатировал отсутствие признаков жизни и посчитал, что смерть была вызвана остановкой сердца после асфиксии.

Затем я приказал поместить тело Гесса в холодильную камеру в больничном морге. В присутствии Д. Кина, Ле Тиссьера, М. Плана и И. В. Колодникова*, директоров военной тюрьмы Шпандау, я опечатал вход в холодильную камеру, используя свинцовую пломбу. Отпечаток пломбы был проверен всеми четырьмя директорами, и я оставил у себя ключи от замков типа «Йель»** до 08 часа 10 минут среды 19 августа 1987 года.

В это время директора тюрьмы снова осмотрели свинцовую пломбу и, когда они были удовлетворены тем, что она не нарушена, я открыл дверь холодильной камеры и изъяс тело Гесса.

Затем я идентифицировал тело Рудольфа Гесса профессору «21» из Лондонского госпиталя, и это опознание было подтверждено директорами тюрьмы. Затем я покинул морг.

Позже в тот же день я вернулся в морг и присутствовал, когда тело Гесса было запечатано в металлический гроб.

Это было сделано также в присутствии директоров тюрьмы.

Затем я запер этот гроб в покоях больничной часовни и оставил ключи у себя до 08:00 четверга 20 августа 1987 года, когда я открыл часовню и вручил запечатанный гроб вместе с описью содержимого господину Э. Ле Тиссьеру под роспись.

* Начальник британского военного госпиталя также допустил ошибку, неправильно указав инициалы исполняющего обязанности советского директора А. И. Колодникова.

** Yale (Йель) — один из старейших международных брендов в замочной индустрии. Имеются в виду замки, производимые основанной в 1868 году компанией Yale & Towne (США); считаются очень надежными.

До того, как тело Рудольфа Гесса было закрыто и опечатано в холодильной камере, я провел полный осмотр скелета в рентгеновском отделении больницы.

Для облегчения этой процедуры одежда не снималась, однако я изъям некоторые предметы из карманов.

Эти предметы были:

два носовых платка;

два носовых платка с тюбиком желеобразного лекарства;

одни переносные часы;

один пустой бокс для таблеток;

одна расческа;

один футляр для очков (коричневый), содержащий очки, три ручки, два карандаша и один красный фломастер;

один футляр для очков (черный) с очками, карандашом и синим фломастером;

одно письмо, написанное на немецком языке, состоящее из одной страницы, написанной синими чернилами на простой белой бумаге.

Я запечатал эти предметы в конверте, который подписал. Русский врач подполковник «39» также подписал конверт.

Позднее в тот же день я передал этот запечатанный конверт Д. Кину, председательствующему директору Совета директоров военной тюрьмы Шпандау, и сообщил ему о содержимом.

Подпись: Хамер-Филип

Вышеупомянутое заявление было записано, и подпись была засвидетельствована мной в 13 ч. 00 мин. в четверг 20 августа 1987 года в БВГ Берлин.

Подпись: «40»

*Уорент-офицер первого класса
Специальное бюро расследований
Королевской военной полиции*

Заявление британского директора МТШ Ле Тиссьера

Британский директор Межсоюзной тюрьмы Шпандау Ле Тиссьер в своем заявлении подробно описывает все обстоятельства, связанные с «предсмертной запиской» Гесса.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Дело № 53052/7

ЗАЯВЛЕНИЕ

Фамилия: Ле Тиссьер

Имя: Энтони Хедли

Дата и место рождения: старше 21

Должность: британский директор Межсоюзной тюрьмы Шпандау

Адрес: Межсоюзная тюрьма Шпандау, Берлин

Это заявление (состоящее из 4 страниц, каждая из которых подписана мной) верно, насколько я знаю и верю, и я знаю, что, если оно будет представлено в качестве доказательства, я буду подвергнут судебному преследованию, если я умышленно заявил в нем все, что я знаю как ложное или не верю, что это правда.

Датировано 24 августа 1987 года. Подпись:
Э. Х. Ле Тиссьер

Я подполковник (в запасе) Энтони Хедли Ле Тиссьер, и я был нанят британскими военными властями в Берлине в качестве британского директора Межсоюзной тюрьмы Шпандау.

Во второй половине дня 17 августа 1987 года я присутствовал в британском военном госпитале в Берлине, когда полковник Хамер-Филип, начальник госпиталя, вручил г-ну Дарольду Кину, американскому председательствующему директору, запечатанный конверт, содержащий вещи, но не одежду, изъятые у заключенного № 7 после его смерти.

Я присутствовал позже в тот же день, когда г-н Кин открыл запечатанный конверт на заседании Совета директоров в британском военном госпитале, и среди предметов, содержащихся в нем, была записка, написанная заключенным на обратной стороне письма, полученного им ранее. Эта записка была адресована его семье через директоров и объявила о его намерении совершить самоубийство.

Я как смог изучил записку заключенного и могу заявить, что «предсмертная записка» была написана на обратной стороне первой страницы двухстраничного машинописного письма от Андреа Гесса, его невестки и жены Вольфа-Рюдигера Гесса, чье имя и семейный адрес напечатаны в заголовке бумаги. Лист письма подписан «Твой Грэфельфингер», выражение, часто используемое в их взаимной переписке, но написано рукой Андреа, а не Вольфа-Рюдигера. Это письмо датировано 20.7.87.

Запись в книге учета писем заключенного показывает, что это письмо, ошибочно описанное как пришедшее от В. Р. Гесса, было представлено цензорам 29.07.87 и передано старшему дежурному надзирателю в тот же день. Учетные записи показывают, что это одно из двух писем, второе также записанное как исходящее от В. Р. Гесса и датированное 30.07.87, до сих пор не было возвращено секретариату. Это соответствует тюремным правилам, которые позволяют заключенному сохранять в своем распоряжении два письма в любое время.

В Книге цензора на стр. 99 есть запись «22 июля 1987 г. — 1 письмо В. Р. Гесса», указывающая дату получения в тюрьме, за которой следует запись, парафированная старшим лейтенантом «60», в которой показано, что письмо было рассмотрено Советом цензоров 29.7.87.

Книга записей старшего дежурного надзирателя содержит запись за подписью г-на «26» в 14:30, среда 29 июля 1987 года «Получено от секретаря письмо от S... (неразборчиво) 20.7.87».

Для целей сравнения почерка я могу представить тетрадь, в которой заключенный хранил личные заметки и которой пользовался до 29 июля 1987 года, когда она была изъята.

Подпись: Э. Х. Ле Тиссьер

Вышеприведенное заявление было записано, и подпись была засвидетельствована мной в офисе Бюро специальных расследований в Берлине в понедельник 24 августа 1987 года примерно в 17 ч. 10 мин.

Подпись: «14»

Штаб-сержант

*Бюро специальных расследований
Королевской военной полиции*

Дополнительное заявление американского надзирателя Джордана

В сентябре следователи британской военной полиции повторно встретились с Джорданом. Теперь их интересовал только один вопрос — отношения надзирателя Джордана и «заключенного № 7».

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Дело № 53052/7

ЗАЯВЛЕНИЕ

В дополнение к моему заявлению от 17 августа 1987 года.

Меня попросили рассказать, какие отношения у меня были с заключенным № 7. Насколько мне известно, я всегда действовал правильно и справедливо в своем обращении с заключенным № 7.

Заключенный подал в отношении меня две жалобы.

Первый раз это было в мае 1987 года. Я был дежурным в камерном блоке, в это время там находился британский медбрат на дежурстве 24 часа в сутки.

В большинстве случаев, когда заключенный вызывал медбрата, я обычно сопровождал его, чтобы выступать в качестве переводчика.

Однажды заключенный жаловался на боли в груди. Медбрат подключил к нему аппарат ЭКГ и провел несколько тестов, после чего он сказал мне, что заключенный не страдает сердечным приступом и никакой врач не нужен. Я сказал это заключенному, и он очень рассердился и потребовал врача, в котором по указанию медбрата было отказано.

Вскоре после этого заключенный устно пожаловался на этот инцидент американскому генералу, когда тот проводил инспекцию.

Второй раз был также в мае 1987 года. Заключенный подал письменную жалобу на слова, которые, как он утверждает, я сказал ему в саду. Суть жалобы состояла в том, что я вроде бы сказал, что, если он упадет, я не буду помогать ему, но позвоню медбрату, чтобы он сделал это, а также что я отказался нести его сумку.

Это было неверно, так как несколько раз ранее я помогал заключенному встать на ноги, когда он падал. Что касается переноса его сумки, то нести ее не было частью моих обязанностей, и я сказал об этом заключенному.

Обе эти жалобы были расследованы и признаны не соответствующими действительности.

Подпись: «2»

Вышеупомянутое заявление было записано, и подпись была засвидетельствована мной в офисе Бюро специальных расследований в Берлине в четверг 3 сентября 1987 года около 09 ч. 50 мин.

Подпись: «14»

*Бюро специальных расследований
Королевской военной полиции*

ЗАЧЕМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАЛИ МАТЕРИАЛЫ РАССЛЕДОВАНИЯ?

После знакомства с рассекреченными материалами расследования, проведенного Королевской военной полицией в 1987 году по факту смерти последнего заключенного Межсоюзной тюрьмы Шпандау Рудольфа Гесса, возникает ряд вопросов.

1. В пункте 9 предварительного доклада полиции от 25 августа читаем: «...После поступления в британский военный госпиталь в одежде заключенного № 7 была найдена одна страница рукописного письма в форме предсмертной записки». Однако в пункте 3 заключительного доклада от 11 сентября записано: «...Запись от руки сделана на обороте первой страницы печатного письма из двух страниц». Как же все-таки выглядела предсмертная записка Гесса? Какое из двух описаний, сделанных сотрудниками полиции, верное?

2. В пункте 4 заключительного доклада от 11 сентября говорится: «Он также проверил шесть авторучек, найденных в одежде заключенного после смерти». Вещи из карманов заключенного извлекал начальник британского госпиталя полковник Хамер-Филип. Но в его показаниях говорится только о пяти авторучках. Для чего сотрудники полиции вопреки показаниям свидетеля искажают факты?

3. В пункте 8 промежуточного доклада от 25 августа читаем: «Примерно в 15.35 машина скорой помощи отправилась в британский военный госпиталь со следующими лицами: заключенный МТШ № 7, подполковник “6”, г-н “19” (гражданский санитар, работающий в тюрьме), “5”, г-н “8” (США) и г-н “20” (Франция) — оба тюремные надзиратели».

Необходимо пояснить, что американский надзиратель г-н «8» должен быть на смене в качестве старшего дежурного надзирателя, а французский надзиратель г-н «20» — в качестве надзирателя возле заключенного. Поэтому они должны сопровождать заключенного в госпиталь и всюду в госпитале, это их служебные обязанности.

Начальник британского военного госпиталя полковник Хамер-Филип в своих показаниях, сделанных им 20.08.1987, говорит, что при помещении тела «заключенного № 7» в холодильную камеру после констатации смерти 17.08.1987 на нем была оставлена одежда, однако полковник изъяс из карманов некоторые предметы и сложил в конверт.

После этого появляется вопрос: почему вещи заключенного собирал начальник госпиталя? Почему при этом не присутствовали союзные надзиратели г-н «8» и г-н «20», которые, как мы знаем, тоже приехали в госпиталь? Ведь все действия с вещами заключенного относятся к компетенции надзирателей. В показаниях американского надзирателя г-на «8» от 21.08.1987 говорится, что после прибытия в госпиталь он передал «заключенного № 7» на попечение британских медицинских властей. Это нормально. Задача старшего дежурного надзирателя — организовать оказание помощи. Непосредственно присутствовать рядом с заключенным должен второй надзиратель — г-н «20». Показания этого надзирателя приведены в заключительном докладе. Однако в его показаниях от 1.09.1987 есть только общие фразы о работе в МТШ и ни одного слова о событиях 17 августа. Создается впечатление, что г-н «20» в этот день вообще отсутствовал на работе.

Внизу протокола стоит также фамилия, а точнее, число, которым обозначен следователь, который вел опрос. У большинства опрошенных это числа «14», «47» или «62». Опрос г-на «20», если верить опубликованному документу, вел следователь «49». Но под номером «49» в документах расследования проходит другой французский надзиратель, а никак не следователь полиции. Можно предположить, что за показания французского надзирателя г-на «20» пытаются выдать показания одного из советских надзирателей, у которых 17 августа был выходной и они отсутствовали в тюрьме.

В подтверждение версии о фальсификации показаний французского надзирателя говорит и дата, стоящая на протоколе опроса г-на «20», — 1 сентября 1987 года. Британские следователи могли в любое время пригласить на беседу британских надзирателей МТШ. Но для надзирателей других стран действовало жесткое правило дипломатического протокола: опрос велся через переводчика и только в присутствии своего директора МТШ. Организовать такое мероприятие в любое время по желанию следователей невозможно, оно согласовывалось заранее. Поэтому опрос всех французских надзирателей происходил 26 августа, а 1 сентября следователи беседовали с советскими надзирателями.

Таким образом, анализ материалов расследования свидетельствует, что показания французского надзирателя, который должен был находиться рядом с «заключенным №7» в британском военном госпитале 17 августа 1987 года и обозначенного в материалах следствия как господин «20», полностью фальсифицированы. Зачем это сделано?

4. При помещении тела «заключенного № 7» в холодильную камеру после констатации смерти начальник британского военного госпиталя в Западном Берлине полковник Хамер-Филип изъясил из карманов Гесса некоторые предметы и сложил в конверт. Это были: носовые платки, часы, гребешок, коробка для лекарств, два футляра для очков с очками и несколькими

STATEMENT

Surname: [REDACTED] 20 Forenames: [REDACTED] 20
 Date & Place of Birth: [REDACTED] Height: [REDACTED]
 Occupation: Prison Warden
 Address: [REDACTED]
 Identity Card No.: [REDACTED] Status: [REDACTED]
 Date arrived in Command: [REDACTED] Date to leave Command: [REDACTED]

I am [REDACTED] 20, presently employed as a warden at the Inter-Allied Prison Spandau (Berlin). I have held this position since [REDACTED].

The only prisoner since my arrival has been Rudolf Hess whose name was Prisoner No 7.

The prisoner was in the habit of taking his exercise periods in the garden. He would then read his papers or sleep in the gardenhouse. When the prisoner was in the summer house he was always under my supervision. I cannot recall seeing or not seeing an electrical extension cable in the summer house.

I am aware that paragraph 5 contain instructions for watching the prisoner in case of suicide attempts but I cannot recall being given any verbal instruction regarding the prisoner committing suicide.

I understand paragraph 6 as follows: I am to supervise the prisoner in the cell block as well as outside in order to prevent any attempts of committing suicide or other incidents which might occur.

I am not aware of any problems between the prisoner and [REDACTED] 2's attitude towards the prisoner was always correct.

This statement is true.

(signed) [REDACTED] 20

The above statement was recorded by me in the presence of [REDACTED] 14, RMP SIB at the Inter-Allied Prison, Spandau on 1 Sep 87 about 1000 hrs.

(signed) [REDACTED] 49

**Фальсифицированные показания,
 данные якобы французским надзирателем**

Continuation of statement of: Col JM Hamer-Philip, BMH Berlin

Prior to the remains of Rudolf Hess being sealed into the coldroom I caused a full skeletal survey to be done in the x-ray department of the hospital.

The clothing was not removed to facilitate this however, I removed certain items from the pockets.

These items were:

Two handkerchiefs
Two handkerchiefs with a tube of jelly medication
One travelling clock
One empty tablet box
One comb
One spectacle case (brown) containing spectacles, three pens two pencils and one red felt tip pen
One spectacle case (black) containing spectacles, a pencil and a blue felt tip pen
One letter written in German and consisting of one page written in blue ink on plain white paper.

I sealed these items in an envelope which I signed. The Russian medical officer Lt Col [redacted] also signed the envelope.

Later that day I handed this sealed envelope to D Keane, the Chairman of the Board of Governors of Spandau Military Prison and informed him of the contents.

(signed) 7
[redacted]

The above statement was recorded and signatures witnessed by me at 1300 hrs on Thu 20 Aug 87 at BMH Berlin.

(signed) 40
[redacted]

W01
RMP SIB

Второй лист показаний полковника Хамера-Филипа с перечислением предметов, извлеченных из карманов Рудольфа Гесса. Последним в перечне указано письмо

авторучками и «одно письмо, написанное на немецком языке и состоящее из одной страницы написанного синими чернилами на обычной белой бумаге».

В пункте 14 промежуточного доклада Королевской военной полиции от 25 августа говорится: «...Властям было сделано предложение направить на экспертизу предсмертную записку заключенного № 7, обнаруженную у него в британском военном госпитале». Под властями здесь подразумеваются директора тюрьмы Шпандау, так как предсмертная записка находилась у них, а не у полиции. И в этот же день такая экспертиза была проведена в здании тюрьмы Шпандау эксперт-почерковедом,

специально прибывшим из Лондона. Понятно, что прибытие эксперта было оговорено заранее, а решение о его вызове принято еще до промежуточного доклада полиции.

О проведении экспертизы подробно рассказывается в пункте 4 заключительного доклада полиции от 11 сентября. При этом особо отмечается, что «экспертиза проведена не в лабораторных условиях и эксперт обладает ограниченными знаниями немецкого языка». Фамилия эксперта-почерковеда в опубликованном докладе закрашена, и ему не присвоен никакой номер, но в прилагаемых к полицейскому докладу показаниях самого эксперта от 26 августа 1987 года он уже фигурирует как г-н «48». Приведу эти показания полностью.

ЗАЯВЛЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ

Заявление от: «48»

Род занятий: Исследователь документов

Адрес: LABORATORY OF THE GOVERNMENT
CHEMIST Cornwall House, Waterloo Road, London
SE1 8XU

Телефон: 01-211-6707

Это заявление, состоящее из 3-х страниц, каждая из которых подписана мной, верно, насколько я знаю и верю, и я знаю, что, если оно будет подано в качестве доказательства, я буду подвержен судебному преследованию, если я умышленно заявил в нем что-либо, что я знаю как ложное или не верю, что это правда.

Датировано 26 августа 1987 года. Подпись:

1. Я, «48», являюсь главным научным сотрудником, ответственным за установление подлинности документов в Лаборатории государственного химического анализа, находящейся по указанному выше адресу. Лаборатория является подразделением Департамента торговли и промышленности. Это подразделение специализируется на изучении сомнительных в отношении подлин-

ности документов и сопоставлении и идентификации почерка и машинописи. Я занимаюсь исключительно этими обязанностями с 1974 года и неоднократно давал показания в судах. У меня есть диплом судебного научного общества в области экспертизы документов.

2. Я изучил некоторые документы и письменные принадлежности, представленные мне директорами тюрьмы, Межсоюзной тюрьмы Шпандау. Я изучил их в тюрьме Шпандау 25.8.87.

3. Я принял как ПОДЛЕЖАЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЮ запись «Veantwortet 14. VIII», сделанную синими чернилами на передней стороне, и все написанное, также синими чернилами, на обратной стороне страницы 1 двухстраничного машинописного письма от 20.7.1987 адресованного «Господину Рудольфу Гессу».

4. Я принял как ИЗВЕСТНЫЕ написанные Рудольфом Гессом рукописные записи в тетради формата А4.

5. Я также изучил 6 письменных принадлежностей, а именно:

(а) Тонкая серая ручка с голубым колпачком — красная пористая ручка*.

(б) Тонкая серая ручка с красным колпачком — красная пористая ручка, почти сухая.

(с) Серая ручка, без колпачка — синяя пористая ручка, почти сухая.

(d) Серая ручка, колпачок с красным концом — синяя пористая ручка.

(е) Серая ручка, колпачок с зеленым концом — зеленая пористая ручка.

(f) Ручка «Шнайдер Экспресс», стальной корпус — синяя перьевая авторучка.

* Пористая ручка — это разновидность тонкого фломастера, пишущего, как чернильная ручка. По своему внешнему виду пористая ручка не отличалась от шариковых и чернильных ручек.

6. По соображениям безопасности мои исследования проводились в офисах тюрьмы Шпандау, которые являются неидеальными, нелабораторными условиями, и я использовал только ограниченное портативное оборудование, которое я смог привезти с собой из Великобритании. Кроме того, в отношении экспертизы и сравнения почерка я был ограничен некоторыми моими очень незначительными знаниями о немецком языке и, в частности, особенностями, характерными для «старого» немецкого стиля* письма.

7. В рамках ограничений, изложенных в пункте 6 выше, я провел следующие исследования:

8. Подлежащие исследованию записи на обеих сторонах страницы 1 машинописного письма сделаны голубыми чернилами, хотя и имеют два разных оттенка. То, что расположено на передней части листа, представляется идентичным как по цвету, так и по характеристикам, с образцами, которые я сделал с помощью перьевой ручки, указанной в пункте 5 (f) выше. То, что расположено на обороте листа, представляется идентичным, опять же, как по цвету, так и по характеристикам с образцами, которые я сделал с помощью пористой ручки, указанной в пункте 5 (d) выше. (Ручка, обозначенная в пункте 5 (c), имеет аналогичное производство с последней и содержит синие чернила. Хотя чернила из этой ручки могут соответствовать написанию на обратной стороне запрошенного до-

* Старый, так называемый готический, шрифт использовался в немецком языке до середины XX века. Официально был отменен в 1941 году. Одновременно с конца XIX века параллельно использовалось и современное написание латиницей. Базовое образование Гесс получал во времена широкого применения готического шрифта. Это наложило отпечаток на его почерк на всю жизнь. Начертания отдельных букв в его письмах представляли смесь готического написания с традиционной латиницей.

кумента, в ручке осталось недостаточное количество чернил, чтобы получить адекватные сравнительные образцы.) Таким образом, из проведенных ограниченных, неразрушающих испытаний следует, что вопросные записи согласуются с тем, что они были произведены с использованием ручек / чернил, обозначенных в пунктах 5(f) и (d) (и / или (с), когда она заправлена чернилами). Однако я никоим образом не исключаю использование других ручек в подобной комбинации типов и чернил.

9. Я рассмотрел и сравнил подлежащие исследованию и известные записи.

10. Известные записи Рудольфа Гесса сделаны в основном на немецком языке с ограниченным количеством английского языка. Они варьируются от небольшой, относительно аккуратной формы, как видно, например, на стр. I тетради для записей, до более крупной формы, как показано, например, на стр. 137. Есть также некоторые вариации в беглости от качественного плавного написания до непринужденного стиля, имеющего отдельные штрихи внутри букв. Я не проводил подробный анализ каждой записи в этой тетради, так как это потребует значительного времени. Однако из таких исследований, которые я сделал, я нахожу сходство между различными записями в этой тетради, так что я мог принять все это как подготовленное одним человеком Рудольфом Гессом, и я принял его как таковое для целей дальнейшего сравнения.

11. Подлежащие исследованию записи состоят из аналогичной смеси малых и больших форм, спереди и сзади страницы I исследуемого документа, и выглядят как в известных записях. Все это, как представляется, было написано свободно. Я нахожу заметную область сходства между исследуемыми и известными записями,

и они согласуются друг с другом. Некоторые из этих сходств, такие как некоторые конструкции букв, могут считаться характерными немецкими особенностями и могут быть найдены, по крайней мере, в их общем дизайне во многих «старых» немецких письменах. Однако в дополнение к этим есть детальные особенности, которые я считаю более характерными для писавшего. Принимая мои ограничения в рассмотрении этих документов, как выражено в пункте 6 выше, я не вижу оснований сомневаться в том, что подлежащие исследованию записи написаны автором известных записей, Рудольфом Гессом.

Подпись: исследователь документов

Таким образом, в своих показаниях британский эксперт описывает исследуемый документ как двухстраничное машинописное письмо, на обороте первого листа которого и сделана записка. Но это совсем не похоже на рукописную записку, сделанную на одном листе обычной белой бумаги, которую запечатал в конверт начальник британского военного госпиталя полковник Хамер-Филип. То есть исследовалась вовсе не та записка, которую изъяли из кармана заключенного в госпитале.

Кроме текста самого письма эксперт-почерковед исследовал также «шесть письменных принадлежностей», которые он получил от дирекции тюрьмы для изучения. Но почему ему дали для исследования шесть предметов? Ведь в карманах Гесса, в двух футлярах для очков, находились три ручки, два фломастера и три карандаша. То есть письменных принадлежностей, подходящих для исследования, у Гесса на момент смерти было всего пять. Кто дал эксперту-почерковеду шестую авторучку? И откуда вообще в таком случае взялись письменные принадлежности, подвергавшиеся исследованию? Все ли авторучки имели отношение к Гессу?

Выводы, которые сделал почерковед по результатам исследования и которые он привел в своих показаниях, дают больше вопросов, чем ответов, по исследованному материалу. Англичанин выделил две авторучки, с помощью одной из которых могла быть сделана «предсмертная записка». Правда, в одной из этих двух авторучек не осталось чернил, поэтому получить адекватные образцы для сравнения почерковед не смог. Но как же тогда он смог сделать заключение о двух авторучках, если невозможно сравнить? При этом эксперт не исключает возможность использования других ручек и чернил. Из такого заключения следует, что «предсмертная записка» на обороте машинописного письма могла быть выполнена совсем другими «письменными принадлежностями», отличными от исследованных.

Вызывает вопросы и сам документ — заявление британского эксперта на трех страницах. Если заявления всех остальных свидетелей составлены на стандартных бланках, вверху которых типографским способом напечатано STATEMENT (заявление), то первый лист заявления британского почерковеда представляет собой лист обычной бумаги, вверху которого машинописным способом напечатано STATEMENT OF WITNESS (заявление свидетеля). На всех листах показаний свидетелей отпечатано STAFF IN CONFIDENCE, и только на первом листе показаний почерковеда такой отметки нет. Второй и третий листы заявления соответствуют всем стандартам. Для наглядности можно сравнить оформление первого листа показаний почерковеда с протоколами опроса других свидетелей.

Можно сказать, что показания британского эксперта-почерковеда сформированы из двух частей: первого листа, отпечатанного на пишущей машинке на листе обычной бумаги, и второго-третьего листов, оформленных на стандартных бланках полицейского опроса. Что из этого является истиной, а что подделкой?

STATEMENT OF WITNESS

Statement of : [REDACTED] 48
Occupation Document Examiner
Address LABORATORY OF THE GOVERNMENT CHEMIST
Cornwall House,
Waterloo Road,
London SE1 8XY
Telephone 01-211-6707

This statement, consisting of 3 pages each signed by me, is true to the best of my knowledge and belief and I make it knowing that, if it is tendered in evidence, I shall be liable to prosecution if I have wilfully stated in it anything which I know to be false or do not believe to be true.

Dated the 26 day of August 1987 Signed: [REDACTED]

1. I, [REDACTED] 48, am the Principal Scientific Officer in charge of the Questioned Documents Sub-Division of the Laboratory of the Government Chemist at the address given above. The Laboratory is a station of the Department of Trade and Industry. This sub-division specialises in the examination of questioned documents and the comparison and identification of handwriting and of typewriting. I have been solely employed on these duties since 1974 and have given evidence in courts on numerous occasions. I hold the Forensic Science Society Diploma in Document Examination.

2. I have examined certain documents and writing implements submitted to me by the Prison Governors, Spandau Allied Prison. I examined these at Spandau Prison on 25.8.87.

3. I have taken as QUESTIONED writing the entry "Veantwortet 14. VIII" in blue ink on the front and all of the writing, again in blue ink, on the back of page 1 of a 2-page typewritten letter dated 20.7.1987 addressed to 'Herrn Rudolf Hess.'

4. I have taken as KNOWN writing of Rudolf Hess the handwritten entries in an A4-size Notebook.

5. I have also examined 6 writing implements, viz:

(a) Slim grey pen with blue cap - red porous-tip pen.

Первый лист показаний британского эксперта-почерковеда. В пункте 3 описывается изучаемый документ — отпечатанное на машинке письмо на двух страницах. Форма листа показаний отличается от всех других, имеющихсся в деле

Стоит также отметить, что запись на первой странице исследуемого спорного письма, указанную как «Veantwortet 14.VIII», следует читать как «Beantwortet 14.VIII», что на немецком языке означает «Отвечено 14 августа». «Заключенный № 7» имел обыкновение делать пометки о своем ответе на получаемых им письмах: порядок в переписке он уважал. Вероятно, британский специалист действительно не был знаком с немецким языком, и принял рукописное старонемецкое написание буквы В за V, тем более что сходство на самом деле есть. А может, ошибка сделана кем-то сознательно, чтобы всем было понятно: эксперт языка не знал, даже элементарное слово не понял, оборудования для исследования у него с собой не было, условия исследования были далеки от идеальных. Соответственно никаких претензий к эксперту за его работу быть не может!

Но ведь Королевская военная полиция, а за ней и весь мир приняли три листа кем-то составленного документа под названием «Заявление свидетеля» за неоспоримое доказательство подлинности «предсмертной записки» «заключенного № 7». При этом по форме самого заявления видно, что этот документ подвергался каким-то изменениям. Но кто же вел опрос почерковеда? Подпись следователя Королевской военной полиции, принявшего данные показания, отсутствует, при том что на заявлениях всех других свидетелей подписи британских следователей стоят.

Таким образом, анализ материалов расследования, проведенного Королевской военной полицией в Межсоюзной тюрьме Шпандау в 1987 году по факту самоубийства заключенного № 7 Рудольфа Гесса, свидетельствует, что:

- а) исследованию подвергалась не та записка, что была изъята в госпитале из кармана заключенного;
- б) исследованию подвергались письменные принадлежности, не относящиеся к Рудольфу Гессу;

в) результаты проведенной экспертизы говорят о том, что почерк в исследуемой записке соответствует почерку Рудольфа Гесса;

г) показания британского эксперта-почерковеда, проводившего анализ предсмертной записки «заключенного № 7», с большой вероятностью фальсифицированы.

5. Снова вернемся к конверту, в который начальник британского военного госпиталя в Западном Берлине полковник Хамер-Филип сложил предметы, обнаруженные в карманах Гесса. В соответствии с показаниями Хамер-Филип запечатал конверт в присутствии советского врача. В тот же день начальник госпиталя передал конверт американскому директору МТШ господину Кину, который являлся на тот момент председательствующим директором тюрьмы.

Попробуем уточнить: а что сделал американский директор с конвертом, полученным от Хамер-Филипа? В своих кратких показаниях, сделанных 3 сентября 1987 года, господин Кин говорит о своем подчиненном — надзирателе Джордане и дает ему высокую оценку. Но он ни словом не упоминает о полученном им от начальника британского военного госпиталя конверте с вещами заключенного. Зато о конверте с вещами подробно рассказывает британский директор МТШ Ле Тиссьер. В его показаниях от 24 августа 1987 года говорится о получении американским директором МТШ конверта с вещами и вскрытии его в присутствии всех директоров. Среди этих вещей и находилась записка. Ле Тиссьер показал: «Я изучил записку заключенного и могу констатировать, что “Предсмертная записка” была написана на оборотной стороне первой страницы машинописного письма из двух страниц от Андреа Гесс, его невестки и жены Вольфа-Рюдигера Гесса, чье имя и домашний адрес напечатаны в начале листа. Письмо датировано 20.07.1987». Очевидно, что «записка на обороте машинописного письма» у Ле Тис-

сьера существенно отличается от «письма из одной странице обычной белой бумаги», которое изъят из кармана одежды «заключенного № 7» начальник британского военного госпиталя полковник Хамер-Филип.

Такие расхождения в описании «предсмертной записки» еще раз подтверждают, что выдаваемое за предсмертную записку «заключенного № 7» послание, написанное на оборотной стороне первой страницы машинописного письма, полученного от невестки, не является запиской, найденной после смерти Рудольфа Гесса в британском военном госпитале в его карманах.

6. О чем же шла речь в письме, выдаваемом за «предсмертную записку» «заключенного № 7» и помещенном в приложение «А» заключительного доклада полиции от 11 сентября 1987 года?

Перевод записки на русский язык выглядит так:

Просьба к директорам переслать это домой.

Написано за несколько минут до моей смерти.

Я благодарю вас всех, мои любимые, за все, что вы для меня любезно сделали.

Скажите Фрайбург, это доставляло мне чрезвычайное сожаление, что я вынужден был поступать на Нюрнбергском процессе так, как будто я не знал ее. Мне не оставалось ничего другого, в противном случае были бы невозможны все попытки обрести свободу.

Я был так рад увидеть ее снова, я ведь получал фотографии ее и вас всех.

Ваш Большой.

Упомянутая в записке госпожа Фрайбург — бывшая секретарь заместителя фюрера Хильдегард Фат. В семье Гесса ее называли Фрайбург. В 1941 году, во время подготовки Гес-

STATEMENT

Surname: Le Tissier Forenames: Anthony Hedley
 Date & Place of Birth: over 21 Height:
 Occupation: British Governor of Spandau Allied Prison
 Address: Spandau Allied Prison, Berlin
 Identity Card No.: Status:
 Date arrived in Command: Date to leave Command:

This statement, (consisting of 4 pages each signed by me), is true to the best of my knowledge and belief and I make it knowing that, if it is tendered in evidence, I shall be liable to prosecution if I have wilfully stated in it anything which I know to be false or do not believe to be true.

Dated the 24th day of August, 19 87. Signed: AH Le Tissier

I am Lieutenant Colonel (Retired) Anthony Hedley Le Tissier, MBE and I am employed by the British Military Government, Berlin, as the British Governor of Spandau Allied Prison.

On the afternoon of Mon 17 Aug 87, I was present at the British Military Hospital, Berlin, when Colonel Hamer-Philip, the Commanding Officer of the hospital, handed to Mr Darold Keane, the American Chairman Governor a sealed envelope containing the items other than clothing, removed from Allied Prisoner No 7 after his death.

I was present later that day when Mr Keane opened the sealed envelope at the meeting of the Board of Governors at the British Military Hospital and among the items contained in it was a note written by the prisoner on the back of a letter received by him previously. This note was addressed to his family via the Governors and announced his intention to commit suicide.

I have since examined the prison records and can state that the 'Suicide Note' was written on the back of the first page of a two-page typewritten letter from Andrea Hess, his daughter-in-law and wife of Wolf Rüdiger Hess, whose name and family address, [REDACTED], is printed at the head of the paper. The record sheet is signed 'Deiner Großelfinger', an expression used often in their mutual correspondence, but is in the handwriting of Andrea, not Wolf Rüdiger. This letter is dated 20.7.87.

The entry in the prisoner's mail book shows that this letter, described erroneously as coming from WR Hess, was presented to the censors on 29.07.87 and passed to the Chief Duty Warden the same day. The register shows this as one of two letters, the second one also recorded as coming from WR Hess and dated 30.07.87, have as yet not been returned to the secretariate. This is in accordance with the prison regulations that allow the prisoner to retain two letters in his possession at anyone time.

The Censor's Book, Folio 99, has the entry '22 Juli 1987 - 1 Brief W.R. Hess' indicating the date of receipt at the prison followed by an entry initialled by Snr Lt [REDACTED] showing that the letter was reviewed by the Board of Censors on 29.7.87.

Первый лист показаний британского директора тюрьмы Шпандау Ле Тиссьера, в которых излагается «официальная» версия того, как выглядела предсмертная записка «заключенного № 7»

са к полету в Великобританию, она, в частности, составляла для него ежедневные сводки погоды над Северным морем. На Нюрнбергском процессе Гесс, симулируя потерю памяти, не признал бывшую секретаршу, вызванную в суд в качестве свидетеля. Такой поступок уважаемого бывшего шефа привел женщину в замешательство, и она расплакалась на глазах у всех.

Эти слезы много лет впоследствии терзали душу Гесса. И на самой первой встрече с родными в декабре 1969 года, после многих лет добровольного отказа от свиданий, Гесс попросил супругу передать его извинения бывшей секретарше за его поведение в Нюрнберге. Но с тех пор прошло почти 20 лет! Зачем снова вспоминать об этом?

Сын Рудольфа Гесса Вольф-Рюдигер считал, что записка является подделкой и была скопирована со старой записи на оборот недавнего письма. Текст, вероятно, был написан в 1969–1970 годах, когда заключенный был тяжело болен и жизнь его висела на волоске. По мнению сына, записка осталась у директоров тюрьмы и не была своевременно передана семье. Косвенно на это указывают еще ряд факторов:

- отсутствие даты, что совершенно не характерно для педантичного Гесса;
- подпись «Ваш Большой» Гесс уже много лет назад в переписке с семьей заменил на просто «Ваш»;
- отсутствие упоминания о внуках.

Эпизод с извинениями бывшей секретарше впервые описан в книге Вольфа-Рюдигера Гесса, вышедшей в 1984 году, за три года до смерти отца, то есть когда ни о какой «предсмертной записке» не могло быть и речи.

Как указал в своих показаниях британский директор МТШ Ле Тиссьер, записка была извлечена из конверта с вещами заключенного в присутствии всех директоров Шпандау вечером 17 августа 1987 года. Действительно, в протоколе заседания директоров МТШ, начавшегося в этот день в 19.55,

говорится о вскрытии конверта с вещами и указывается, что кроме платков, очков и ручек там содержалось «одно письмо». Не более того. Ни о какой предсмертной записке речь не идет. А ведь все директора владели немецким языком, здесь же присутствовали также профессиональные переводчики, так что определить важность документа — если это предсмертная записка — не составляло труда. Или же определили, но решили не заносить эту информацию в протокол? Тогда кто настоял на таком варианте? Ведь любое решение в МТШ принималось только при единогласном мнении директоров.

Однако в протоколе следующего заседания директоров, начавшегося на следующий день, 18 августа, в 12.30 речь уже идет об оставленной Гессом перед самоубийством записке, написанной на обороте письма невестки. На заседании директора обсуждали сообщение для прессы по поводу смерти «заключенного № 7». Предлагаемые формулировки не устроили исполняющего обязанности советского директора МТШ А. Колодникова. Он взял тайм-аут для консультаций с руководством, после чего в 18.55 в тот же день открылось внеочередное заседание директоров. На нем было принято решение исключить из пресс-релиза слова: «Записка была найдена в его кармане». Почему советский директор возражал против этой фразы? Почему остальные директора согласились с его мнением? Скорее всего потому, что официальная «предсмертная записка» не была найдена в карманах Гесса.

Вернемся ко дню поступления «заключенного № 7» в британский военный госпиталь. Полковник Хамер-Филип показал, что при запечатывании конверта присутствовал советский военный врач, наблюдавший Гесса в МТШ. Бывший советский военный врач подполковник Ф. В. Козликов (Украина, Киев), работавший в тюрьме Шпандау в 1985–1987 годах, в интервью газете «Сегодня. UA» 17 августа 2007 года, вспоминая события 20-летней давности в британском военном госпитале в Западном Берлине, сказал: «По прибытии других врачей под

BERLIN GERMANY

SPECIAL MEETING

AP/EM(87)3

18th AUGUST 1987

M I N U T E S

of an extraordinary meeting of the Governors of Spandau Allied Prison held at the request of the Acting Soviet Governor at 1855 hrs on Tuesday, 18th August 1987.

Present: Mr KEANE USA Presiding
Lt Col LE TISSIER UK
M PLANET FR
Mr KOLODNIKOV USSR Acting Governor

1. The Soviet Acting Governor informed the Governorate that the purpose of the meeting was to announce that the Soviet Element was now prepared to approve the proposed Western Powers press statement providing two changes were made. The first change to remove the wording "investigation by authorities of the four powers" and the second change "A note was found in his pocket." to be removed.

All Governors noted the Soviet Element's approved version and expressed satisfaction with the new wording.

The American Chairman Governor stated that this special meeting was now adjourned at 1925 hrs.

|||||

USA UK FR USSR
Mr KEANE Lt Col LE TISSIER M PLANET Mr KOLODNIKOV

Копия протокола заседания директоров МТШ, начавшегося в 18.55 18 августа 1987 года. Решено исключить из пресс-релиза слова: «Записка была найдена в его кармане»

опись и росписи присутствующих было изъято содержимое карманов умершего, в том числе записка. В ней Гесс благодарил врачей и надзирателей за проявленные к нему внимание и заботу».

Конечно, Козликов не знал немецкого языка и не мог сам прочитать содержимое записки. Но немецким языком владели его коллеги — союзные врачи, и, вероятно, текст записки обсуждался в их среде после общего сбора. В любом случае это была собственно записка, но не послание, написанное на обороте машинописного письма.

Все вышесказанное еще раз подтверждает, что выдаваемое за предсмертную записку «заключенного № 7» послание, написанное на оборотной стороне первой страницы машино-

писного письма, полученного Гессом от невестки, не является запиской, найденной в кармане «заключенного № 7» после его смерти в британском военном госпитале в Западном Берлине 17 августа 1987 года.

Таким образом, в материалах расследования британской Королевской военной полиции по факту смерти «заключенного № 7» — Рудольфа Гесса — имеются как минимум следующие фальсификации:

1. Показания французского надзирателя Межсоюзной тюрьмы Шпандау, который 17 августа 1987 года должен был находиться рядом с «заключенным № 7» в британском военном госпитале, подменены ничего не значащими показаниями другого надзирателя.

2. Для исследования эксперту-почерковеду представили не ту записку, которую извлекли из кармана Гесса.

3. Для изучения эксперту-почерковеду были представлены письменные принадлежности, в том числе не принадлежавшие Рудольфу Гессу.

4. Показания английского эксперта-почерковеда, проводившего исследование «предсмертной записки», также, вероятно, фальсифицированы.

5. Записка, официально объявленная «предсмертной запиской Рудольфа Гесса», является подделкой, а не запиской, извлеченной из кармана «заключенного № 7» после его смерти.

При наличии такой доказательной базы можно в очередной раз громко заявлять на весь мир, что раз в материалах расследования есть фальсифицированные документы и сама «предсмертная записка» — подделка, то Рудольфа Гесса убили сотрудники специальных служб одной из заинтересованных стран.

Однако не будем торопиться с выводами и попытаемся ответить на вопрос: зачем это было нужно делать, если сам факт самоубийства был доказан?

1. Подмена показаний французского надзирателя

Французский надзиратель, проходящий в документах следствия как «г-н 20», действительно отсутствовал 17 августа в британском военном госпитале и не ехал в машине скорой помощи вместе с «заключенным № 7». Машина скорой помощи выехала из МТШ примерно в 15.35, а смена надзирателей происходила в 16.00. То есть нового французского надзирателя еще не было в МТШ к моменту отъезда в британский военный госпиталь. Старый же французский надзиратель «г-н 16», который заканчивал смену, по каким-то причинам не поехал в госпиталь. В госпиталь поехал только новый американский надзиратель, который пришел на смену раньше срока с целью пораньше сменить «г-на 2», то есть Джордана, так как последний работал последний день перед отпуском и попросил товарища подменить его пораньше. Об этом говорится в показаниях нового американского надзирателя, обозначенного в документах следствия как «г-н 8». К тому же в своих показаниях «г-н 8», перечисляя людей, ехавших с ним в машине скорой помощи, никак не упоминает «г-на 20».

Таким образом, чтобы не выставлять в дурном свете французскую сторону, кто-то из руководства Бюро специальных расследований британской Королевской военной полиции принял решение подменить показания французского надзирателя на показания одного из советских надзирателей, отсутствовавших в тот день в Шпандау. Скорее всего, это было сделано по просьбе французской стороны. Показания же советских надзирателей из материалов следствия были удалены вовсе.

2. Подмена предсмертной записки для исследования

После самоубийства Гесса 17 августа 1987 года начальник британского военного госпиталя в Западном Берлине достал

из его карманов письмо, написанное на одном листе обычной белой бумаги. Уже на следующий день 18 августа в протоколе заседания директоров было записано, что предсмертная записка написана на обратной стороне первого листа двухстраничного машинописного письма. Эту записку и представили на исследование эксперту. После описания в протоколе заседания директоров «новая предсмертная записка» стала официальным документом, поэтому она и подверглась исследованию.

3. Подмена письменных принадлежностей для исследования

Из карманов Гесса после смерти извлекли пять различных авторучек и фломастеров. Для исследования эксперту были представлены шесть письменных принадлежностей. Такое несоответствие говорит о добавлении в исследуемые письменные принадлежности дополнительных авторучек, чернила которых наиболее соответствуют чернилам, с помощью которых изготавливали «новую предсмертную записку».

4. Фальсификация показаний английского эксперта-почерковеда

Британские следователи только рекомендовали дирекции Межсоюзной тюрьмы Шпандау провести экспертизу предсмертной записки Рудольфа Гесса, и сами следователи никакой экспертизы не инициировали. Поэтому эксперта подбирала дирекция МТШ, она же отвечала за предоставление эксперту материалов для изучения: «предсмертной записки» и письменных принадлежностей. Что на самом деле было представлено для исследования, остается загадкой. Экспертиза проводилась британским экспертом на территории Шпандау в присутствии двух директоров тюрьмы, следователи при этом не присутствовали. Про-

токол опроса эксперта был составлен также в Шпандау на следующий день после проведения экспертизы. Кто конкретно из следователей составлял протокол опроса, неизвестно, вероятно, понимая сомнительность полученной экспертизы, британские следователи предусмотрительно не стали заверять своей подписью такую бумагу — показания британского эксперта-почерковеда. Однако умело поданная через нужные средства массовой информации версия об однозначном доказательстве подлинности «предсмертной записки» путем проведения экспертизы осталась как истина, не подлежащая сомнению, на долгие годы. А может, уже и навсегда.

5. Подделка предсмертной записки

Подделка предсмертной записки — наиболее загадочная часть фальсифицированного расследования. Зачем она потребовалась? Зная ее содержание, можно было бы почти точно определить мотивы самоубийства Рудольфа Гесса. А может, предсмертной записки не было совсем, а найденное в карманах покойного письмо никак не было связано со смертью 17 августа 1987 года? Возможные версии смерти Рудольфа Гесса, как и их взаимосвязь с содержанием предсмертной записки, рассмотрены в следующей главе.

Надо подчеркнуть, что официальным заказчиком расследования являлась сама дирекция МТШ и все оригиналы следственных документов направлялись ей. Других официальных лиц, заинтересованных в проведении расследования, в то время в мире не было.

Поэтому следователи в своих докладах только подтвердили отсутствие криминальной составляющей в этом деле и официально объявили о суициде. Анализировать предсмертную записку и разбираться в мотивах самоубийства — это не входило в круг обязанностей следствия. И если доклад о расследовании удовлетворил заказчика, значит, и работа сделана.

Из приведенного выше исследования материалов уголовного дела по факту смерти Рудольфа Гесса можно сделать однозначный вывод, что сотрудники британской Королевской военной полиции, как истинные джентльмены, спокойно идут на фальсификацию материалов проводимых ими исследований.

Материалы расследования смерти Рудольфа Гесса были сразу же засекречены британской стороной. Средствам массовой информации были представлены лишь отдельные детали, подтверждавшие официальную позицию (самоубийство). Однако версия о самоубийстве заключенного в тюрьме после сорока лет заточения для большинства людей выглядит странно, а в условиях отсутствия надлежащей информации почти однозначно говорит о том, что власти что-то скрывают. Да и противники официальной версии нашлись очень быстро.

Буквально через несколько дней после смерти во многих газетах и в телепередачах в разных странах мира появился комментарий бывшего американского директора МТШ Юджина К. Берда с опровержением официальной версии. Подполковник Берд с 1964 по 1972 год занимал должность американского директора МТШ и, пользуясь своим служебным положением, собирал материал для книги и вел с «заключенным № 7» беседы на различные, в том числе «запрещенные», темы. Но американские спецслужбы узнали об этом и доложили в Вашингтон. Берд был снят с должности, уволен из армии, причем правительство США официально запретило Берду публиковать свою книгу о Гессе. Однако бывший директор МТШ запрет проигнорировал, и в 1974 году в Лондоне вышла его книга «Самый одинокий человек в мире:

история о 30-летнем тюремном заключении Рудольфа Гесса»*. Поэтому в лице Берда репортеры и журналисты на долгое время нашли источник «жареной» информации о тюрьме Шпандау.

Бывший санитар тюрьмы Шпандау Абдалла Мелаоухи категорически отказывался давать показания британским следователям во время дознания, утверждая, что он всего лишь врач и не хочет быть втянут в политику. Вероятно, санитар боялся, что из-за долгого отсутствия на рабочем месте в день смерти Гесса его сделают крайним во всем случившемся. Но уже через некоторое время, поняв, что расследование завершено и на него никто не обращает внимания, Мелаоухи стал давать интервью, рассказывая свою версию про убийство Гесса. Внимание к его персоне было обеспечено надолго.

В условиях большого внимания мировой общественности к теме смерти в Шпандау Рудольфа Гесса бывший британский директор МТШ господин Тони Ле Тиссьер в 1994 году выпустил книгу «Прощание со Шпандау»**, рассказывающую о последних днях тюрьмы. Версию господина Ле Тиссьера, ставшую официальной и общепринятой практически во всем мире, можно кратко сформулировать так: «Михаил Горбачев обещал освободить Рудольфа Гесса из тюрьмы, однако не выполнил этих обещаний. Это стало причиной самоубийства Гесса. Факт самоубийства подтверждает и предсмертная записка». При этом британский директор подчеркивает, что советская сторона не поставила в известность о своих планах западных союзников.

Предсмертную записку, которая ничего не подтверждает, а наоборот, лишь вызывает дополнительные вопросы, мы уже рассмотрели выше. Что касается обещаний М. С. Гор-

* *Bird Eugene*. The Loneliest Man in the World: The Inside Story of the 30-year Imprisonment of Rudolf Hess. London: Secker & Warburg, 1974.

** *Le Tissier Tony*. Farewell to Spandau. Ashford: Buchan & Enright, 1994.

бачева освободить Гесса, то статьи в советских газетах «Кто и почему требует освобождения Гесса?»* и «Оправданию не подлежит»** однозначно говорят о позиции советского руководства — приговор Нюрнбергского трибунала должен быть исполнен до конца. Правда, господин Ле Тиссьер ссылается на то, что вопросы освобождения обсуждались на встрече советника советского посольства господина В. М. Гринина с сыном Гесса Вольфом-Рюдигером, а также во время встречи президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера с генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Москве. На мой вопрос о встрече с сыном Гесса весной 1987 года Владимир Михайлович Гринин, в 2010–2018 годах занимавший пост чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в ФРГ, однозначно сказал: «Ни о каком возможном освобождении речь не шла. Встреча состоялась по команде из Москвы в ответ на просьбу сына Гесса о такой встрече». Надо отметить, что ранее просьбы Вольфа-Рюдигера о подобных встречах просто игнорировались Москвой, но, вероятно, наступила эра «гласности», и было принято соответствующее решение.

В книге «Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов», подготовленной бывшим помощником генерального секретаря ЦК КПСС А. С. Черняевым, приводится запись беседы М. С. Горбачева с Р. фон Вайцзеккером от 7 июля 1987 года в Москве. Но и в ходе этой беседы не было сказано ни слова о Гессе. Правда, сегодня уже известно, что Михаил Сергеевич помимо официальных переговоров любил разговоры с иностранными лидерами «с глазу на глаз» без всяких протоколов...

Бывший санитар Межсоюзной тюрьмы Шпандау господин Абдалла Мелаоухи в 2008 году выпустил книгу «Я смотрел его

* Известия. 21.04.1987.

** Труд. 4.08.1987.

убийцам в глаза!»*. Версия санитаря следующая: «заключенного № 7» убили два сотрудника английских спецслужб, переодетые в форму американских военнослужащих. Англичане, дескать, очень боялись, что Рудольф Гесс, выйдя вдруг на свободу, расскажет всему миру что-то очень опасное о своем полете в Великобританию и проведенных там переговорах. Эта книга привела к новому всплеску интереса к Рудольфу Гессу и обстоятельствам его смерти.

Рассматривая эту версию, надо напомнить приведенную выше историю с капелланом французского гарнизона в Западном Берлине пастором Габелем, с 1977 года духовником Гесса, которого выгнали из армии за нарушения режима МТШ — он был связным заключенного с внешним миром. Естественно, что если бы Гесс хотел что-то рассказать миру о своих контактах в Великобритании, то у него было множество возможностей это сделать через пастора. За прошедшие 30 лет такие записи все равно бы уже всплыли. Но их нигде нет, да и пастор в опубликованных им дневниках о них не упоминает. Можно полагать, что о переговорах в Великобритании Гессу нечего было добавить к тому, что уже стало достоянием общественности еще на Нюрнбергском процессе.

За пять с половиной месяцев до смерти, 1 марта 1987 года, Рудольф Гесс попал в английский военный госпиталь в Западном Берлине с диагнозом «бронхит и воспаление левого легкого». Состояние было крайне тяжелое, несколько дней он даже лежал в коме на аппарате искусственного дыхания. При таком диагнозе в 93 года с болезнью сложно бороться. Но британские военные медики за пару недель вернули Гесса к жизни. Зачем? Неужели ради того, чтобы агенты британской спецслужбы через 5 месяцев задушили его в тюремном саду при

* *Melaouhi Abdallah*. Ich sah seinen Mördern in die Augen! Die letzten Jahre und der Tod von Rudolf Heß. Märkische Raute, 2008.

множестве свидетелей, да еще посвятив в этот план американцев и т. д.? Логика в этом нет. Таким образом, версия санитара Мелаоухи об убийстве с «британским следом» выглядит явно несостоятельной.

После выхода книги Мелаоухи в России прошла целая серия передач и публикаций, посвященных убийству Гесса. Причем их участниками были в том числе и бывшие сотрудники МТШ, например переводчица Неручева, директор Савин, врач Чекушин. Их мнение воспринималось публикой как истина в последней инстанции, а для журналистов повод выпустить передачу в прайм-тайм. Никого не смущало, что все эти люди закончили свою работу в тюрьме Шпандау задолго до смерти Гесса и, естественно, ничего не знали реального ни о самой обстановке в Шпандау в 1987 году, ни о здоровье последнего заключенного перед смертью. Основная версия, высказанная переводчицей Неручевой и поддержанная другими бывшими коллегами, гласила: «Состояние здоровья Гесса не позволяло ему самостоятельно даже завязать узел, а не то что совершить самоубийство».

Но если говорить о здоровье заключенного, то лучше поинтересоваться мнением врачей, непосредственно работавших с Гессом в 1987 году. «...Могу сказать, что при осмотрах заключенного выраженных клинических проявлений артрита не отмечалось — это можно проверить по протоколам заседаний врачей. Движения Гесса несколько ограничивала паховая грыжа — вполне естественное для такого возраста заболевание, — однако она не препятствовала его регулярным прогулкам. И раз мы коснулись этой темы, замечу, что для своих 93 лет он имел довольно неплохое здоровье. Вскрытие подтвердило известные ранее заболевания, не выявив новых», — это говорит в одном из своих интервью в 1999 году Ф. В. Козликов, военный врач, работавший в МТШ в последние годы перед смертью Гесса. «Мои внутренние органы, пожалуй, выглядят похуже», — это обронил профессор Кэмерон из Лондонского университета,

проводивший вскрытие Гесса. Профессору в то время было около 60 лет.

Ажиотаж российских средств массовой информации по поводу убийства Гесса заставил бывшего советского директора МТШ публично высказывать свое мнение. В большой статье «Смерть Рудольфа Гесса. Как это было на самом деле», опубликованной в «Литературной газете» в 2010 году, господин Владимир Черных тоже склоняется к версии, озвученной британским директором, но со своей спецификой: «Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер на встрече с Михаилом Горбачевым в июле 1987 года поднял вопрос об освобождении Рудольфа Гесса. Горбачев ответил в том смысле, что народ его не поймет. На этом обсуждение было закрыто». Советский директор считает, что это стало для Рудольфа Гесса крушением его последней надежды на освобождение и подтолкнуло к самоубийству.

В этой версии сомнительным выглядит лишь «крушение последней надежды». Пастор Габель в конце августа 1987 года опубликовал свои дневники, в которых он рассказывает о работе в Шпандау. В одной из записей от 20 марта 1985 года приведены слова Гесса: «Я не строю для себя никаких иллюзий. Если меня не освободили к моему девяностолетию, тогда мало надежды и на девяносто первый год». Заключенный не тешил себя надеждами на освобождение.

Ниже приводятся версии событий, произошедших в Межсоюзной тюрьме Шпандау 17 августа 1987 года, с обоснованием их возможности и невозможности. Они расположены по мере возрастания вероятности этих событий, естественно, по собственной оценке автора этой книги.

Версия № 5: Убийство

Если рассматривать версию убийства, то необходимо обращать прежде всего внимание не собственно на смерть Гесса, а на то, что за ней должно было последовать. А это прежде всего ли-

квидация Шпандау и полное уничтожение одной из важнейших точек «советского присутствия» в Западном Берлине. Как видно из рассекреченных сегодня американских документов, «советское присутствие» в Западном Берлине было настоящей головной болью американской стороны. А тюрьма Шпандау, в которой периодически находились вооруженные советские военнослужащие, считалась основной точкой такого присутствия. Об этом, в частности, говорится в рассмотренных нами ранее «Докладе советнику по национальной безопасности США господину Киссинджеру от 18 марта 1971 года» и «Письме американского советника в Бонне господина Джонсона французскому коллеге от 8 февраля 1982 года». После подписания в октябре 1982 года четырехстороннего протокола, предусматривающего полное уничтожение тюрьмы Шпандау после смерти Гесса, для того чтобы основная точка присутствия Советского Союза в Западном Берлине прекратила свое существование, нужна была всего лишь смерть «заключенного № 7». Возможно, что в августе 1987 года для США и их союзников возникла политическая необходимость в кардинальном сокращении «советского присутствия» в Западном Берлине.

В пользу этой версии говорит значительное американское присутствие на месте происшествия во время смерти Гесса. На прогулке в саду с «заключенным № 7» находился американский надзиратель Джордан. Правда, по его показаниям в момент самого происшествия он был не внутри садового домика, где происходили события, а снаружи. Внешнюю охрану тюрьмы Шпандау в августе месяце обеспечивал американский караул. В тюремном саду во время выхода в него «заключенного № 7» находился начальник караула — лейтенант американской армии. По его словам, он пришел туда для проверки дежурства часового. Когда Гесс шел в сторону садового домика, лейтенант прошел по дорожке рядом с ним и отправился на вышку № 3.

~~STAFF IN CONFIDENCE~~

Case No.: 53052/7

STATEMENT

Surname: 3 [REDACTED] Forenames: 3 [REDACTED]
Service No.: [REDACTED] Rank: Lt
Type of Engagement: [REDACTED] Height: [REDACTED]
Date and Place of Birth: [REDACTED]
Full Unit Address: [REDACTED]
Date due to leave Comd: [REDACTED] Date to leave Service: [REDACTED]

I am 3 [REDACTED] I am an American National, presently serving at 5th Bn, 502 Inf Regt, McNair Bks, Berlin.

The Allied Forces in Berlin are responsible for the security of the Allied Military Prison Spandau. Each of the Allies takes it in turn to provide guards for the prison.

During the period of 1 Aug 87 and 21 Aug 87 it was the turn of the American Forces to provide this guard. I was detailed to be the Commander of the guard during this period.

I am aware that there is only one prisoner in Spandau Prison at the moment and that is Rudolf Hess. His correct title is Allied Prisoner No 7 and I shall refer to him by that title throughout the rest of this statement.

During the period 1-21 Aug 87 my duties as the Commander of the guard were preventing Allied Prisoner No 7 from escaping, preventing anyone helping him to escape and preventing anyone causing damage to the exterior of the prison.

The responsibility of access to the prison and the supervision of Allied Prisoner No 7 lays with the prison wardens.

On Mon 17 Aug 87 I left the guardhouse about 0900 hrs and went to the guardroom which is situated within the walls of Spandau Prison. I checked all the guards and made sure there were not any problems. I remained within the confines of the prison until about 1200 hrs when I returned to the guardhouse for lunch.

About 1300 hrs that day I returned to the guardroom. I walked around the interior of the prison walls and checked on my guards. My guards on duty at that time commenced at 1200 hrs and were due to be relieved at 1600 hrs. The names of the guard were:

Guardroom:

Commander of the reliefs	10 [REDACTED]
1 sentry (post 7)	17 [REDACTED]
1 sentry (post 8)	13 [REDACTED]

- 9 -

STAFF IN CONFIDENCE

Первый лист заявления начальника американского караула,
охранявшего Межсоюзную тюрьму Шпандау
17 августа 1987 года

В то время, когда начальник караула поднялся на сторожевую вышку № 3, там кроме часового находился и разводящий караула — сержант Армии США. Сержант спустился с вышки, вышел на садовую дорожку за спиной заключенного и наблюдал за Гессом, пока тот не зашел в садовый домик. Лейтенант еще был на вышке, когда к нему подошел американский солдат-связист, которого в качестве поощрения отпустили в сад посмотреть на «заключенного № 7», и сообщил, что он не видел заключенного через окно, когда проходил мимо садового домика. Все эти описания взяты из протоколов допросов американских военнослужащих, составленных британскими следователями. То есть в то время, когда в садовом домике происходило главное событие, рядом в саду находились как минимум пять американцев, зафиксированных в протоколах следствия: надзиратель Джордан, лейтенант — начальник караула, сержант — разводящий караула, часовой на вышке № 3, солдат-связист, свободно шатающийся по охраняемой территории. Вполне мог быть и шестой американец, «случайно» проходящий в нужное время возле садового домика и даже зашедший в него, но никто из соотечественников его не видел, поэтому и английские следователи его не допрашивали. Конечно, следователи британской военной полиции вряд ли имели право обсуждать действия американских военнослужащих, поэтому оставили все эти факты полностью без внимания. Необходимо отметить, что еще два американских военнослужащих-медика прибыли в тюремный сад уже после того, как Джордан снял электрический кабель с шеи Гесса и забил тревогу. Этих двух медиков увидел санитар Мелаоухи и в своей книге сделал их английскими агентами-убийцами, переодетыми в американскую форму.

При подобной версии развития событий заключенный, естественно, не мог оставить никакой предсмертной записки и настоятельно потребовалось бы ее подделать. Факт подделки предсмертной записки говорит в пользу этой версии.

Возможным мотивом при рассмотрении версии убийства можно считать также необходимость устранения препятствий в виде тюрьмы Шпандау для решения «вопроса объединения Германии».

В 1986 — начале 1987 года в западногерманской печати стал активно обсуждаться вопрос о возможности объединения двух немецких государств. В настоящее время ясно, что и руководство Советского Союза в эти годы уже рассматривало гипотетические возможности образования единой Германии. Это подтверждается, в частности, рядом документов конца 1986 — начала 1987 года, опубликованных в книге «Михаил Горбачев и германский вопрос», подготовленной бывшим помощником генерального секретаря ЦК КПСС А. С. Черняевым*.

У руководства любого государства есть помощники-аналитики, задача которых — просчитать последствия возможных будущих событий и разработать меры, чтобы эти будущие события были наиболее благоприятными для родной страны. Западногерманские аналитики, чувствуя, что ГДР не устоит перед предложением об объединении, когда для этого настанет нужный момент, да и новое руководство СССР не отвергает такой возможности, просчитывали возможные варианты. Для объединения страны нужен вывод советских войск с территории Германии. Если в стране останутся армии двух враждебных друг другу блоков НАТО и Варшавского договора, то полноценного единого государства все равно не получится. А полному выводу советских войск из Германии мешает одна проблема — Межсоюзная тюрьма Шпандау. Вывести войска из Германии можно, дав команду министру обороны решением Политбюро ЦК КПСС. Об этом можно договориться с Горбачевым. Но ликвидировать тюрьму Шпандау никакое Политбюро не в состоянии. Нарушать же договоренности Нюрнберга

* Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986–1991. Сост., предисл. и примеч. А. А. Галкина, А. С. Черняева. — М., 2006. — 696 с.

в одностороннем порядке ни одна страна не решится. То есть, выведя всю группу войск из Германии, Советскому Союзу пришлось бы оставлять как минимум берлинскую бригаду для продолжения караула в Шпандау. Бригаде нужно снабжение, связь и еще много различного обеспечения. Одну бригаду тоже не оставишь в Германии, нужны части поддержки, авиация и т. д. В итоге вывод всей советской группы войск мог бы и не состояться в том виде, в котором он произошел впоследствии. Поэтому ликвидация Шпандау была выгодна ФРГ, США и НАТО в целом.

У немцев, конечно, не было прямого доступа в МТШ. Но весь несоюзный персонал Шпандау и союзный персонал западных стран жили в Западном Берлине, поэтому немецкие спецслужбы могли свободно взаимодействовать с любым из этих работников. О том, что западный персонал Шпандау ради денежного вознаграждения был способен на любые нарушения тюремного устава, и даже на кражу, мы подробно рассмотрели ранее. Сын Гесса Вольф-Рюдигер сказал в одном из своих интервью: «Если отец и действительно сам наложил на себя руки, то сделал это только под воздействием наркотиков». Многим хорошо памятли события времен распада СССР, когда почти каждый день кто-то из бывших высокопоставленных партийных деятелей или чиновников кончал жизнь самоубийством. Тогда тоже шли разговоры о гипнозе и наркотиках. А если версия сына верна и Гессу дали наркотик, от которого он захотел залезть в петлю?

За эту версию говорят политические события, произошедшие в ФРГ и ГДР в 1989–1990 годах.

Против этой версии говорят результаты токсикологической экспертизы внутренних органов Гесса, проведенной после вскрытия. Английские специалисты не нашли следов никаких подозрительных веществ. Правда, как английские специалисты могут подделывать материалы расследования, мы уже видели.

Не находится также повода для подделки не существовавшей при такой версии событий предсмертной записки, и можно считать, что подделка предсмертной записки Гесса свидетельствует против этой версии смерти.

А если немецкие спецслужбы обратились за помощью в решении «вопроса Шпандау» к своим западным союзникам? Сегодня известно, что Франция и Великобритания вовсе не жаждали видеть единую Германию и вряд ли бы согласились помогать в таком деле. Но США приветствовали возможность создания единого немецкого государства.

Таким образом, версию убийства Рудольфа Гесса можно рассматривать только при условии участия в нем специальных служб Соединенных Штатов. Но в этом случае все подозрение явно падало бы на американский караул и американского надзирателя Джордана. Думаю, что американские спецслужбы вряд ли стали бы работать так грубо.

Версия № 4: самоубийство во имя Германии для объединения страны

Учитывая сказанное выше, возникает вопрос: а если Гессу рассказали о такой парадоксальной ситуации, что его жизнь мешает будущему немецкого народа, мешает снова сделать Германию единым государством? Мог ли Гесс сам пожертвовать своей жизнью ради величия Германии? Лично мое мнение — мог. Но из-за ограниченности информации, имеющейся у Гесса в Шпандау, самостоятельно он не мог сделать такие глубокомысленные заключения о событиях, планирующихся в далеком будущем.

Пастора Габеля выгнали из тюрьмы Шпандау в 1986 году. Но вполне возможно, что он был не единственным каналом связи Гесса. Зная о том, что целый ряд западных надзирателей был заподозрен и даже арестован западными же спецслужбами за незаконное фотографирование в тюрьме или кражу вещей

заклученного, можно смело предположить, что кто-то из западных надзирателей вполне мог также использоваться в качестве канала связи с внешним миром, помимо Габеля. Таким образом, информация о возможности объединения Германии и негативном влиянии на этот процесс существования тюрьмы Шпандау могла быть принесена Гессу из-за стен тюрьмы.

За эту версию говорят политические события, произошедшие в ФРГ и ГДР в 1989–1990 годах, а также вера Гесса в возрождение Великой Германии и готовность отдать за нее жизнь.

Против этой версии выступает отсутствие в Германии достойного авторитетного человека, которому бы Гесс поверил до такой степени, что решился на самоубийство. Следует отметить, что даже близкие родственники — жена и сын — не являлись для Гесса авторитетами в политических вопросах.

В случае развития событий в соответствии с данной версией в предсмертной записке Гесса, скорее всего, говорилось бы что-нибудь о «Великой Германии». Это было бы неприятно для дирекции Межсоюзной тюрьмы Шпандау, но никак не являлось поводом для подделки предсмертной записки. Поэтому можно считать, что подделка предсмертной записки Гесса говорит против этой версии смерти.

Версия № 3: самоубийство как месть директорам Шпандау из-за американского надзирателя Джордана

В апреле 1987 года «заклученный № 7» устно пожаловался коменданту американского сектора Западного Берлина генералу Митчелу на чернокожего американского надзирателя МТШ господина Джордана. В мае 1987 года «заклученный № 7» направил письменную жалобу директорам Межсоюзной тюрьмы Шпандау на Джордана. Однако оба заявления заклученного были оставлены директорами тюрьмы

без должного внимания. Возможно, что Гесс решился на самоубийство в отместку директорам МТШ из-за отсутствия реакции на его жалобы.

За эту версию говорят произошедшие события, а также подделка предсмертной записки. При этом варианте развития событий Гесс в предсмертной записке мог прямо обвинить директоров тюрьмы Шпандау в бездействии по его жалобам. Ведь он же предупреждал, что Джордан представляет угрозу для его здоровья. Естественно, нельзя было бы допустить, чтобы такая записка стала достоянием общественности, и пришлось ее подделывать.

Настоящую предсмертную записку Гесса, кроме директоров МТШ, видел только начальник британского военного госпиталя в Западном Берлине полковник Хамер-Филип. Почерк Гесса тяжело читать даже специалистам, а смысл написанного понимается только после нескольких прочтений. Но в британском военном госпитале, когда полковник Хамер-Филип в присутствии советского военного врача Федора Козликова достал из кармана Гесса записку и прочитал ее, времени для детального изучения содержимого не было. Да и задача такая не стояла. Записку только бегло просмотрели. Правильно ли поняли читавшие смысл записки? Правильно ли перевели ее содержание советскому врачу, который не знал немецкого языка? В этом случае становятся понятны слова подполковника Козликова в интервью газете «Сегодня. UA» 17 августа 2007 года: «По прибытии других врачей под опись и росписи присутствующих было изъято содержимое карманов умершего, в том числе записка. В ней Гесс благодарил врачей и надзирателей за проявленные к нему внимание и заботу». Благодарность надзирателям в записке могла быть высказана не в прямом смысле, а фигуральном (иносказательном), но понять это с первого прочтения было невозможно. И, скорее всего, в записке Гесса после обвинений в адрес дирекции тюрьмы Шпандау и фразе о решении уйти из жизни

были примерно такие слова: «...За все это благодарите своего надзирателя...»

Против этой версии говорит только характер Гесса. Кончать жизнь самоубийством в отместку директорам тюрьмы Шпандау, а уж тем более в отместку чернокожему американскому надзирателю, — это никак не соответствовало статусу и жизненной позиции ближайшего сподвижника Гитлера.

Версия № 2: самоубийство как достойный уход из жизни «последнего фюрера Германии»

За сорок лет заключения в тюрьме Шпандау Гесс не только не раскаялся в совершенных им во времена нацистского режима преступлениях, но и продолжал считать себя «последним фюрером Германии». Ведь сам Гитлер назначил Гесса своим преемником, если что-то случится с Герингом. После смерти Геринга, находясь в Нюрнбергской тюрьме, Гесс, помня о своей великой миссии, пытался даже составить программу работы нового германского правительства и сформировать само правительство. Поэтому и уйти из жизни наци № 3 надо было соответствующим образом, как достойному преемнику Гитлера.

Вероятно, Гесс пришел к мысли о самоубийстве во время последнего нахождения в британском военном госпитале в марте 1987 года. Его состояние в эти дни было критическим. Гесс понял, что если он просто умрет в госпитале при очередном заболевании, он проиграет свою войну. Он будет просто заключенным, в отношении которого полностью исполнен приговор Нюрнбергского трибунала — пожизненное заключение. Страны-союзники будут радоваться, великая миссия тюрьмы Шпандау будет исполнена. Но Гесс не хотел давать победителям повод для радости, он хотел последний раз «продемонстрировать несломленную силу духа». Истинные нацисты сами принимают решение, когда им уходить из жиз-

ни. Если он уйдет из жизни сам, как сам фюрер Адольф Гитлер, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, руководитель пропаганды нацистской партии Йозеф Геббельс, официальный преемник фюрера и рейхсмаршал Герман Геринг, то он не только будет равный им, но и навсегда останется последним фюрером Германии.

За эту версию говорит поведение Гесса на всем протяжении тюремного заключения в Шпандау.

Против этой версии говорит подделка предсмертной записки. При таком развитии событий в предсмертной записке, скорее всего, говорилось бы примерно то же, что и в последнем слове Гесса на Нюрнбергском процессе: «Я не сломлен. Я не отрекаюсь. Я ни о чем не жалею». Обнародование такой записки дало бы толчок для новой волны выступлений неонацистов во всем мире, однако это вряд ли служит оправданием для ее подделки.

Версия № 1: инсценировка самоубийства для громкого напоминания о себе, по стечению обстоятельств ставшая реальностью

Весной — в начале лета 1987 года в западных средствах массовой информации развернулась масштабная кампания за освобождение Рудольфа Гесса. Подобные выступления бывали и ранее, но в этот раз основным поводом для подобных публикаций называлось якобы существующее желание руководства Советского Союза и лично М. С. Горбачева освободить Гесса. Анализ открытых на сегодняшний день советских документов показывает, что желания освободить Гесса из тюрьмы Шпандау никто из советских руководителей не высказывал, а вся информационная истерия являлась лишь следствием хорошо спланированной игры. Но о публикациях в СМИ, а также о положительной реакции на них значительной части граждан западных

стран Рудольф Гесс был кем-то проинформирован. Скорее всего, информация шла от его сына Вольфа-Рюдигера через одного из западных надзирателей.

В самом начале июля 1987 года в Москве прошла встреча генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера. На этой беседе президент ФРГ в числе прочих поднял вопрос о возможности освобождения Рудольфа Гесса. Что дословно ответил Горбачев на вопрос Вайцзеккера, даже сегодня выяснить не удастся. Принял ли Вайцзеккер и члены его делегации слова советского лидера как однозначный отказ? Судя по всему, немецкая делегация восприняла ответ так, что еще не наступило время для обсуждения этого вопроса. Разговор руководителей двух стран был также доведен до Гесса. А он решил ускорить наступление этого времени и громко заявить о себе, устроив для этого инсценировку попытки самоубийства с обвинением дирекции тюрьмы в ненадлежащем обращении с заключенным. Для мирового сообщества это стало бы достойным поводом для нового информационного ажиотажа вокруг «ситуации в Шпандау».

За свои 46 лет тюремной жизни Рудольф Гесс четыре раза пытался покончить с собой. Правда, многие свидетели и специалисты, изучавшие жизнь Гесса, отмечают, что в каждом случае был некий элемент игры, сведение счетов с жизнью не выглядело по-настоящему. Он бросился в лестничный пролет, но высота была маленькая, и Гесс только сломал ногу. Он проткнул свою грудь ножом для хлеба, а на самом деле только оттянутую складку кожи. Гесс дважды резал себе запястье в Шпандау, но каждый раз рана была неглубокой, надзиратели успевали его обнаружить, а прибывшие врачи зашивали рану прямо в тюрьме.

Летом 1987 года Гесс снова решил использовать опробованный уже способ привлечения к себе широкого внимания. Обвинения в адрес администрации тюрьмы Шпандау в ненад-

лежащем обращении с заключенным не были голословными, Гесс ссылался на конкретные конфликты с американским надзирателем Джорданом. Естественно, обвиняя дирекцию тюрьмы в бездействии, Гесс ничего не говорил в своей «предсмертной записке» о том, что он сам и провоцировал Джордана на эти конфликты, что он нашел слабые места в характере американца и умело на них играл. Так называемая «предсмертная записка» должна была стать своеобразной бомбой, подложенной под администрацию тюрьмы.

Для осуществления задуманного лучше всего подходили садовый домик и дежурство Джордана. Морально сломленный конфликтами с заключенным, возникавшими на пустом месте, американский надзиратель уже давно не заходил в садовый домик, если там находился Гесс. Джордан лишь изредка заглядывал в окно, проверяя заключенного. Времени для инсценирования самоповешения достаточно. Однако при исполнении задуманного Гесс не учел два фактора: свое фактическое здоровье и реальное время отсутствия надзирателя.

Говоря о здоровье Гесса, приведу слова советского военного врача подполковника Федора Козликова: «Человеку в 93-летнем возрасте при выраженном склерозе головного мозга достаточно было незначительного сдавливания шеи и испуга для асфиксии и остановки сердца»*. То есть даже легкое сдавливание шеи Гесса могло привести к летальному исходу. Возможно, Гесс это знал, но надеялся, что, как и в предыдущие разы, надзиратель своевременно его заметит и поднимет тревогу.

В протоколах расследования британской военной полиции указано, что американский надзиратель Джордан на пять минут оставил заключенного без внимания. А в приложении к докладу полиции от 11 сентября 1987 года дается даже примерный расчет времени происшедших в тюремном саду событий. Попробуем его проанализировать.

* Сегодня. UA. 17.08.2007.

~~RESTRICTED~~

ANNEX E
TO CCRIO 53052/7
DATED 11 SEP 87

APPROXIMATE TIMINGS
PRISONER NUMBER 7
MONDAY 17 AUGUST 1987

- 1355 hrs - ¹⁶ informed that Prisoner Number 7 is getting ready to go into the garden.
- 1410 hrs - ¹⁶ informed that the prisoner is on his way to the garden with Correction Officer ².
- 1430 hrs - Prisoner Number 7 enters summer house. Mr ² leaves the prisoner alone and sits about 10 m away from the summer house.
- * Note: Around this time ¹³ walked past the summer house and saw a coloured warder (Mr ²) nearby on a bench.
- 1435 hrs - Mr ² checks prisoner and sees him with cable tied around his neck - Mr ² enters summer house and renders first aid.
- 1445 hrs - Mr ² telephones main gate and requests medical assistance.
- 1448 hrs - Mr ² speaks to ⁹ at tower 3 asking for assistance.
- 1450 hrs - BMH Berlin receives 'OP PARADOX' following phone call from Mr ¹⁷.
- 1512 hrs - Ambulance and doctor at prison (travelled separately, arrived simultaneously).
- 1530 hrs - Ambulance leaves prison with Prisoner Number 7.
- 1610 hrs - Prisoner Number 7 certified dead at BMH Berlin.

** Note: These timings are approximately only and do not always coincide with the recollection of every witness

Расчет времени из доклада британской военной полиции

В 14.10 «заключенный № 7» в сопровождении надзирателя Джордана выведен в сад. Это время зафиксировано в книге записей старшего дежурного надзирателя.

В 14.30 «заключенный № 7» вошел в садовый домик, Джордан остался снаружи. Это время расчетное. Время в пути от здания тюрьмы до садового домика — 20 минут — взято следователями из показаний помощника британского директора МТШ господина Уормена. Действительно, при обычной прогулке Гесс тратил около 20 минут, чтобы добраться до домика.

Но маршрут его прогулки состоял из нескольких отрезков: при выходе на центральную дорожку сада Гесс поворачивал налево, доходил до конца дорожки, разворачивался, а затем шел в домик, который располагался на противоположном правом конце дорожки. В тот день, 17 августа 1987 года Гесс, выйдя на дорожку, сразу повернул направо и пошел к садовому домику. Об этом говорится в показаниях американских военнослужащих, находившихся в это время в саду. Таким образом, путь Гесса сократился примерно вдвое по сравнению с обычным маршрутом прогулки и, соответственно, занял не 20, а лишь 10–12 минут. Поэтому можно считать, что Гесс вошел в садовый домик не позднее 14.25.

В соответствии с расчетами следователей Джордан в 14.35 обнаружил Гесса с кабелем на шее, а в 14.45 позвонил дежурному надзирателю на воротах и запросил медицинскую помощь. То есть выходит, что Джордан в течение 10 минут пытался самостоятельно и безуспешно оказать заключенному первую помощь. Однако из показаний самого Джордана следует, что его действия в садовом домике были минимальными и кратковременными. На схеме сада, также приведенной в приложении к докладу полиции, видно, что расстояние от садового домика до входа в здание тюрьмы, где стоял телефон, составляет 47 метров. По показаниям американского часового с вышки № 3 Джордан бежал к телефону напрямую. Сколько времени нужно было Джордану перед этим, чтобы понять, что своими силами он оживить заключенного не сможет и надо вызывать помощь? На мой взгляд, пять минут для этого более чем достаточно. Получается, что Джордан обнаружил Гесса с электрическим кабелем на шее примерно в 14.40.

Таким образом, Гесс находился вне поля зрения американского надзирателя не пять минут, а около пятнадцати минут: с 14.25 до 14.40. Этого времени было вполне достаточно, чтобы Гесс привязал кабель к ручке окна, расположился на полу, намотал кабель на шею, слегка затянул. Но прихода надзирателя он

так и не дождался, и инсценировка самоубийства стала реальным самоубийством.

За эту версию говорят все события августа 1987 года, а также взаимоотношения Гесса и американского надзирателя Джордана.

Против этой версии у меня нет никаких доводов.

Подделка предсмертной записки при таком развитии событий была просто необходима администрации тюрьмы.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ШПАНДАУ: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ 1987 ГОДА

К весне 1987 года общая политическая обстановка вокруг Межсоюзной тюрьмы Шпандау была довольно напряженной. Бывшие союзники по Второй мировой войне стали настоящими врагами. Холодная война, противостояние армий Варшавского договора и Североатлантического блока (НАТО), гонка вооружений, политические козни друг другу на самом высоком государственном уровне стали обыденной нормой в отношениях между странами. Главными противниками в этом дуполярном мире и основными политическими игроками являлись, конечно, Советский Союз и Соединенные Штаты.

Общая политическая ситуация в мире оказывала непосредственное влияние на работу тюрьмы Шпандау. Управление МТШ осуществлялось на четырехсторонней основе, и любое решение в отношении тюрьмы или заключенного принималось только на основе согласия всех четырех сторон. Таким образом, ответственность за любое решение несли все четыре директора вместе и никто персонально. В то же время директора тюрьмы от США, Великобритании и Франции образовали своеобразную коалицию. По каждому обсуждаемому вопросу они преимущественно согласовывали между собой общую позицию и единым фронтом выступали на заседаниях директоров против советского директора. Ведущая роль в этом процессе принадлежала американской стороне, она фактически навязывала свое мнение союзникам по коалиции. Французы и англичане перио-

дически высказывали недовольство своим подчиненным положением, но изменить ситуацию не могли. Показательной в этом плане является выдержка из доклада американского советника по правовым вопросам Дональда Коблитца, сделанного 1 октября 1986 года коменданту американского сектора Берлина генералу Митчелу: «Главной проблемой в тюрьме является полное рассеивание полномочий, а соответственно, и ответственности. Это касается не только раскола между четырьмя в корне различными властями. Это периодически случайным образом встречается и внутри британской, а иногда и французской сторон. Тюрьма нуждается во введении политического руководства от трех миссий на регулярной основе».

Каждый директор МТШ мог вносить свои предложения по работе тюрьмы для обсуждения с коллегами. Но все директора действовали строго в рамках инструкций, получаемых от своего руководства. Эти инструкции основывались на мнение внешнеполитических и военных ведомств Великобритании, СССР, США и Франции. Можно считать, что по любому вопросу, обсуждаемому в тюрьме Шпандау, сходились мнения правительств и глав четырех стран. Не просто стран, а ведущих государств мира на тот момент. Таким образом, практически вся мировая политика в миниатюре проявлялась на заседаниях директоров МТШ.

Основным спорным вопросом, обсуждаемым не только директорами МТШ, но и, соответственно, правительствами четырех государств, являлся вопрос о возможности освобождения Гесса из тюрьмы и об изменении режима содержания заключенного. Ведомая Соединенными Штатами коалиция постоянно и методично выдвигала требования о смягчении условий содержания Гесса. Советская сторона, однако, считала, что решение Нюрнбергского трибунала должно быть выполнено в полной мере и тюремные условия не должны быть похожи на условия санатория. А условия содержания заключенных в Межсоюзной тюрьме Шпандау четко прописаны в Уставе тюрьмы.

Устав согласован и подписан уполномоченными представителями всех четырех стран, то есть является четырехсторонним международным документом. Нарушение его в одностороннем порядке, естественно, вызывает протесты у других стран. Но в мире идет холодная война. И если противник высказывает протест против каких-либо твоих действий, можно считать, что ты крепко ему досадила, а значит, выиграл этот конкретный маленький «холодный» бой.

Совсем не из гуманитарных соображений западные союзники периодически ставили вопрос о смягчении режима содержания Рудольфа Гесса. Они прекрасно знали, что постановка такого вопроса вызовет возражение у СССР, но считали, что давление на советскую сторону необходимо оказывать в любом месте и по любому поводу, где только есть возможность. Если повода нет, то его надо создать. Внутриполитическая ситуация в западных странах также периодически заставляла их государственных лидеров акцентировать внимание своей общественности на внешнеполитических вопросах, в частности тюрьме Шпандау.

Вот выдержки из некоторых телеграмм, направляемых из Западного Берлина и Бонна в адрес Государственного департамента США по вопросам тюрьмы Шпандау.

Телеграмма из американского посольства в Бонне государственному секретарю США от 16 марта 1984 года:

«Форин Офис сообщил нам, что канцлер Коль направил письма главам государств и правительств США, Франции, Великобритании и Советского Союза с просьбой освободить Рудольфа Гесса из тюрьмы Шпандау. По данным Форин Офиса, это обращение Коля было сделано в связи с тем, что в апреле Гессу исполнится 90 лет.

Коль долгое время просил Андропова согласиться на освобождение Гесса (но ему сказали «нет»), а также предложил нам, чтобы союзники попытались обыграть Советы в соглашении об улучшении условий тюремного заключения.

Мы считаем, что письмо канцлера является в основном проформой, и мы сомневаемся, что он или федеральное правительство ожидают, что Советы передумают, даже если Гессу вот-вот исполнится 90 лет. Однако мы могли бы использовать письмо канцлера в качестве основы для выработки единого подхода к Советам, в который также были бы включены просьбы об улучшении тюремного режима. Такой подход мог бы также принять во внимание и предложение президента Миттерана о новом объединенном демарше против Советов».

Телеграмма из американской военной миссии в Западном Берлине государственному секретарю США от 23 октября 1984 года:

«1. Британская миссия недавно проинформировала нас о конкретном желании устроить демарш в отношении позиции Советов по освобождению Гесса или, по меньшей мере, добиться улучшения условий его содержания.

2. Наше мнение таково:

(а) Мы не считаем, что Советы согласятся на освобождение Гесса в ответ на еще одно обращение союзников.

(б) Принципиально мы не будем выступать против очередного демарша, если британцы столкнутся с сильным давлением внутри страны и им нужно будет показать, что они «что-то сделали в последнее время для Гесса».

(с) Чем больше союзники сосредотачиваются на освобождении, тем меньше вероятность, что Советы согласятся на скромные шаги по улучшению условий тюремного заключения Гесса.

3. Что касается улучшения содержания, то мы считаем, что заслуживают рассмотрения следующие предложения:

а) Увеличение количества писем, которых Гессу разрешено отправлять и получать (в настоящее время по одному в каждом направлении раз в неделю).

б) Возможность более частых и длительных свиданий в тюрьме (в настоящее время один часовой визит в месяц, два визита по часу в декабре).

с) Возможность посещения Гесса более чем одним человеком одновременно. Это должно включать и сопровождение во время свидания внуков Гесса. (Советы согласились в порядке исключения, чтобы внуки посетили Гесса к его 90-летию в апреле прошлого года. Сын Вольф-Рюдигер Гесс в конечном итоге отказался принять это предложение, сославшись на условия такого визита как неприемлемые: в частности, присутствие четырех представителей власти во время свидания).

d) Разрешить Гессу обмениваться рукопожатиями с членами семьи при посещениях.

e) Разрешить Гессу телефонные разговоры с женой в Баварии. (По всей видимости, из-за возраста и плохого здоровья жена Гесса не посещала его уже несколько лет. Во время первой инспекции тюрьмы в августе новый американский комендант М. Г. Митчел спросил, может ли Гесс пользоваться телефоном. После того как ему сказали, что это не разрешено, он попросил американского директора тюрьмы решить этот вопрос. Впоследствии советский директор отклонил официальное предложение американского директора)».

Телеграмма из американской военной миссии в Западном Берлине государственному секретарю США от 27 декабря 1984 года:

«На заседании четырех директоров тюрьмы Шпандау 27 декабря Советы отвергли западные предложения по улучшению условий содержания, сославшись на инструкции от своих властей. Советский директор заявил, что советская сторона «не считает возможным обсуждать какие-либо предложения американской стороны о возможности послабления условий содержания заключенного». В соответствии с инструкциями советский директор сопроводил это отклонение западных предложений сильным протестом против того, что американский комендант снова обменялся рукопожатиями

с заключенным 17 декабря во время своей инспекции тюрьмы в "американский месяц".

Мы будем консультироваться с британской и французской миссиями в отношении дальнейшего обсуждения западных предложений на уровне директоров. У нас, однако, нет оптимизма, что Советы вообще сделают какие-либо уступки».

MM [REDACTED] USBERLIN 003922

ACT: PDL 3 INFO: AMB DCM D/CHRON/5
HVZCZCEN617
PP RUEHMO
DE RUFHJA #3922 3621702
ZNY CCCCC ZZH
P 271701Z DEC 84
FM USMISSION USBERLIN
TO RUEHC/SECSTATE WASHDC PRIORITY 1427
RUFHOL/AMEMBASSY BONN PRIORITY 5190
INFO RUFHEB/AMEMBASSY BERLIN 6922
RUEHLD/AMEMBASSY LONDON 4602
RUEHMO/AMEMBASSY MOSCOW 4779
RUFHFR/AMEMBASSY PARIS 5166
RUFHNA/USMISSION USNATO 4618
BT

UNCLASSIFIED *Berlin* (FG12)

LOG: 01 510
27 DEC 84 1705
CN: 63556
CHRG: PRDG
D1ST: POLX

Nez War Crimes Disclosure Act
Release/Declassify Deny _____
Declassify/Release in part/Excise _____
NWCCA 3(b)(2) () () ()
on _____ send to _____

[REDACTED] USBERLIN 03922

DECAPTIONED

E.O. 12356: DECL: DADR
TAGS: PGDV, AKB, BZ, UR
SUBJECT: RUDOLF HESS; AMELIORATION OF CONDITIONS OF IMPRISONMENT

REFS: (A) USBERLIN 3899
- (B) USBERLIN 3818

1. [REDACTED] - ENTIRE TEXT.

2. AT THE DECEMBER 27 MEETING OF THE FOUR SPANDAU PRISON GOVERNORS, THE SOVIETS REJECTED THE WESTERN PROPOSALS FOR AMELIORATION (REFTELS). CITING INSTRUCTIONS FROM HIS AUTHORITIES, THE SOVIET GOVERNOR STATED THAT THE SOVIET ELEMENT DID NOT CONSIDER IT POSSIBLE TO DISCUSS ANY SUGGESTIONS OF THE AMERICAN ELEMENT WITH A VIEW TO RELAXATION OF THE CONDITIONS OF IMPRISONMENT OF THE PRISONER. THE SOVIET GOVERNOR FOLLOWED THIS REJECTION OF THE WESTERN PROPOSALS WITH A STRONG PROTEST, ON INSTRUCTIONS, AGAINST THE U.S. COMMANDANT'S HAVING AGAIN TAKEN HANDS WITH THE PRISONER DURING HIS AMERICAN MONTHLY INSPECTION OF THE PRISON ON DECEMBER 17.

3. COMMENT: WE WILL CONSULT THE BRITISH AND FRENCH MISSIONS REGARDING FURTHER DISCUSSION OF THE WESTERN PROPOSALS AT THE LEVEL OF THE GOVERNORS. WE ARE NOT, HOWEVER, SANGUINE THAT THE SOVIETS WILL MAKE ANY CONCESSIONS WHATSOEVER. END COMMENT. LEDSKY

BT
#3922
NNNN
MM [REDACTED] USBERLIN 003922

really big stuff!

8629 2/5

UNCLASSIFIED

Телеграмма из американской военной миссии в Западном Берлине
государственному секретарю США от 27 декабря 1984 года

Выполняя общую политическую установку правительства США на смягчение условий содержания Рудольфа Гесса, комендант американского сектора Берлина генерал Митчел во время каждого посещения тюрьмы Шпандау нарушал Устав МТШ: здоровался с «заключенным № 7» за руку и разговаривал с ним по-английски. Естественно, это каждый раз вызывало протест у советского директора, а значит, засчитывалось как «победа» американского генерала.

В условиях поощрения мер по смягчению режима содержания и одобрения их на самом высоком уровне руководством западных стран надзиратели Великобритании, США, Франции, непосредственно общавшиеся с Гессом, вынуждены были всячески угождать заключенному, стараться выполнять все его просьбы и пожелания, ни в коей мере не противоречить ему. Бывший заместитель фюрера был хорошим психологом и умело пользовался таким положением вещей. Отношения между заключенным и надзирателями в тюрьме Шпандау кратко, но очень точно описал капеллан французских войск в Западном Берлине, бывший тюремный пастор Шарль Габель в одной из своих дневниковых записей: «Он ведет себя как хозяин дома и как хозяин своего окружения, не считая русских, конечно».

Чернокожий американский надзиратель Джордан начал работать в Шпандау в 1979 году, когда последний заключенный уже был «хозяином своего окружения». Вскоре начались их конфликты на расовой почве. Американский надзиратель докладывал о каждом инциденте своему директору, но господин Кин не мог ничем помочь сотруднику. Ни о каком даже мягком наказании заключенному за расовую неприязнь к надзирателю не могло быть и речи в рамках проводимой американским государством политики в отношении Гесса. Тем более что эта политика велась в противовес позиции Советского Союза. Американский директор при случае лишь делал небольшие замечания «заключенному № 7», но тот их

игнорировал. Джордан фактически стал заложником большой политической игры.

Западные надзиратели — сослуживцы Джордана — тоже узнали со временем о необычных отношениях американца с подопечным. Но они и вовсе не могли повлиять на ситуацию. С одной стороны, воспитание заключенного не входило в их служебные обязанности, с другой стороны, у них самих проблем в отношениях с «хозяином» не было. Таким образом, даже в среде своих товарищей — западных надзирателей Джордан стал особенным. Советские же надзиратели выполняли свои обязанности строго в соответствии с Уставом МТШ, никаких «панибратских» отношений с заключенным у них не могло быть в принципе. Поэтому не все из них даже понимали проблемы Джордана.

Как показало время, характер Джордана по твердости не шел ни в какое сравнение с характером Гесса. У американца быстро сдали нервы. Он боялся лишней раз вызвать неудовольствие заключенного и стал просто его сторониться. При дежурстве на воротах общение с заключенным отсутствует совсем. Старший дежурный надзиратель имеет возможность издалека контролировать действия заключенного, вступая с ним в контакт только в случае крайней необходимости. Дежурство на этих постах трудностей для Джордана не представляло. Самым страшным для американца было дежурство в блоке возле камеры «заключенного № 7». Когда Гесс находился в камере или в телевизионной комнате, за ним можно было наблюдать из коридора через специальные окна в дверях без непосредственного общения. Но на прогулке в тюремном саду надзиратель должен быть рядом. Однако Джордан и здесь приспособился. Рядом с Гессом он находился только несколько секунд, пока они вместе ехали в лифте из камерного блока в сад и затем назад. Из лифта американец сразу уходил вперед и наблюдал за передвижением заключенного по саду с большого расстояния. Когда Гесс заходил в садовый домик, вход в него

Джордану был заказан. Американский надзиратель оставался гулять на улице. Он лишь изредка заглядывал в окно, контролируя подопечного. Гесс видел и чувствовал такое поведение чернокожего американца и умело его использовал, периодически подогревая ситуацию, устраивая ту или иную мелкую провокацию в отношении Джордана. Это продолжалось несколько лет.

Оказавшись в марте 1987 года в британском госпитале, Гесс понял, что любое следующее заболевание может стать для него роковым. У него оставался последний шанс еще раз попытаться выйти на свободу — громко заявить о себе и своем положении так, чтобы привлечь самое пристальное внимание руководителей всех стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Тем более в последние два года кардинально изменилась политическая ситуация в Советском Союзе. И не случайно мировые средства массовой информации писали в то время о готовности нового советского руководства рассмотреть вопрос об освобождении Гесса. Один из вариантов гарантированного обращения на себя внимания — попытка самоубийства. Именно попытка, после которой тебя возвращают к жизни. Гесс проделывал это уже четыре раза за свое долгое пребывание в тюрьме. Должно получиться и в пятый раз. Тем более что врачи британского военного госпиталя доказали свое мастерство, вернули его к жизни совсем недавно. А если еще написать письмо в виде предсмертной записки с обвинениями в адрес администрации тюрьмы в ненадлежащем обращении с престарелым заключенным, то скандал на весь мир обеспечен. А значит, к его судьбе вновь будет привлечено внимание мировой общественности и мировых лидеров.

Выглядеть попытка самоубийства должна очень реально. Где и как осуществить это? Наиболее подходящее место — садовый домик, время — дежурство Джордана. В садовом домике есть длинный электрический провод, который много лет уже лежит на полу и соединяет напольную лампу с розеткой. Под

этой лампой заключенный читает газеты. По его просьбе надзиратели изредка переставляют кресло и лампу в разные места домика в зависимости от погоды и настроения. Кабель-удлинитель позволяет это делать легко и быстро. На окне домика есть металлическая Т-образная ручка. Гесс свободно дотягивается до нее, сидя в кресле, чтобы помочь себе встать. Когда заключенный стоит, то оконная ручка находится на уровне подбородка, поэтому привязать к ней кабель не составляет трудностей. Дежурство американского надзирателя Джордана наиболее подходит для имитации самоубийства. Американец не заходит в садовый домик, а лишь изредка через 10–15 минут заглядывает в окно. Времени достаточно, даже учитывая старость и некоторую ограниченность в движениях. Чтобы с Джорданом не вышло промаха, можно усилить на него психологическое давление, чтобы он еще сильнее сторонился бывшего заместителя фюрера.

После выхода из госпиталя и восстановления здоровья Гесс начал готовить почву для осуществления задуманного. В апреле он организовал Джордану первую серьезную провокацию, потребовав срочного вызова врача из британского военного госпиталя. Ее следствием стала жалоба генералу Митчелу и требование уволить Джордана. Что генерал докладывал в Вашингтон по итогам этой инспекции, да и докладывал ли вообще, учитывая позицию Государственного департамента США в отношении заключенного, на сегодняшний день доподлинно неизвестно.

Второй конфликт с Джорданом заключенному удалось организовать в мае. Поводом послужила сумка с газетами, которую Гесс пытался отдать Джордану. Приказной тон бывшего «заместителя фюрера» вывел чернокожего американского надзирателя из себя. Гесс на это и рассчитывал. Итогом этого конфликта стала письменная жалоба заключенного директорам МТШ на Джордана и повторное требование уволить его как «представляющего опасность для здоровья»

старика. Это была первая и единственная в истории Межсоюзной тюрьмы Шпандау письменная жалоба заключенного на надзирателя. В архивах четырех стран и до сегодняшнего дня хранятся доклады директоров Шпандау по поводу этой жалобы. Какие выводы были сделаны на их основе? Пока неизвестно.

В результате разбирательств по поводу двух жалоб и дачи множества объяснений Джордан совсем упал духом и стал еще больше сторониться Гесса. А так как видимого результата жалоб не было, американец продолжал работать в тюрьме, то у Гесса к тому же появился повод в обвинении администрации тюрьмы в бездействии. Таким образом, к июню «заключенный № 7» был готов имитировать самоубийство и нанести свой удар по дирекции тюрьмы. Но тут пришло известие от сына, что в начале июля президент ФРГ Рихард фон Вайцеккер едет с визитом в Москву и будет встречаться с Михаилом Горбачевым. Визит был запланирован давно, но только сейчас Вайцеккер согласился поднять на встрече с Горбачевым вопрос об освобождении Гесса. И совсем неизвестно, какой ответ даст новый советский лидер на немецкое предложение. Гесс решил дожидаться итогов переговоров.

Информация о результатах московских переговоров дошла до Гесса к концу июля. Встреча в Москве не принесла «заключенному № 7» никаких надежд, и он решил действовать самостоятельно. Осталось только определить нужное время — «день X». Во-первых, в этот день на смене не должно быть советских надзирателей. Эти ребята сами не оставляют его одного без присмотра ни на минуту и запросто могут прийти в сад проверить прогулку, если дежурят старшими смены. У надзирателей выходной через три дня на четвертый, нетрудно вычислить дни, когда советских представителей не будет в тюрьме. Во-вторых, в этот день именно Джордан должен выйти с ним на прогулку в сад. А узнать это можно только ночью в тот самый «день X». Ночью же можно написать и записку. Писать

послание заранее было бы опасно, так его могли обнаружить надзиратели.

Американских надзирателей всегда было четверо, а не пятеро, как у других стран. Возможно, американцы сэкономили государственные средства, а может, просто делили пятую зарплату надзирателя между собой. При восьмичасовом дежурстве четырех надзирателей очередность их появления на сменах в течение трех дней дежурства была постоянной. Если в первый день трехдневки Джордан приходил на смену после Новака, то и на третий день он мог появиться на дежурстве только после Новака. Порядок заступления надзирателей на посты в течение одних суток был строго регламентирован: надзирателя на воротах менял его же товарищ, сменяющий старшего дежурного надзирателя соотечественник заступал на дежурство в блок, а сменяющий дежурного в блоке становился старшим дежурным надзирателем. За многолетнее пребывание в Шпандау Гесс отлично знал эти особенности. Поэтому легко мог вычислить: Джордан попадает днем на дежурство в блок и идет с заключенным на первую прогулку, если ночью с 0.00 часов старшим смены надзирателей является Новак. Но определить, кто является старшим дежурным надзирателем в ночную смену, заключенному практически невозможно. Надзиратель имеет возможность контролировать заключенного в камере из коридора, поэтому заключенный его не видит. Но Джордан идет с заключенным на вторую прогулку после обеда, если Новак с 0.00 часов «дня X» дежурит в блоке. А это определить очень просто, стоит лишь выйти в коридор. Поэтому остается только дожидаться этого дня, когда у советских надзирателей будет выходной, а американский надзиратель Новак ночное дежурство начнет в блоке.

17 августа 1987 года оба условия сошлись: у советских надзирателей был выходной, а американский надзиратель Новак с полуночи заступил на дежурство в блок. Около двух часов ночи «заключенный № 7» проснулся, вышел в коридор

и увидел Новака. Он понял, что «день X» настал. Он попросил разрешения включить в камере свет и стал что-то писать. В этом не было ничего необычного. Во время бессонницы Гесс иногда писал или читал по ночам. Но это длилось, как правило, полчаса-час. В эту ночь он сидел над листом бумаги до конца дежурства американца.

Около четырех часов утра Новак ушел дежурить на ворота, а в блок заступил французский надзиратель Парамон. В камере заключенного горел свет, а сам он сидел на кровати. Перед ним на столике лежали листки бумаги и авторучки. Было понятно, что Гесс что-то пишет. Он продолжал работать над посланием до самого утра. В 6.45 санитар Мелаоухи пришел на работу, а примерно в семь часов утра заключенный вышел из камеры. Санитар помог Гессу принять душ, побриться, переодеться. Утро начиналось как обычно. Ничто не говорило о том, что заключенный не спал практически всю ночь.

В восемь часов утра на дежурство в блок заступил британский надзиратель Миллер. Гесс почти сразу обратился к нему с просьбой предоставить бумагу для написания письма. Англичанин не мог выполнить подобную просьбу, так как в этот утренний час в тюрьме не было еще ни одного директора, чтобы разрешить внеплановую выдачу писчей бумаги. Конечно, за 40 лет нахождения в Шпандау «заключенный № 7» прекрасно знал, когда и как выдается бумага для письма. Но ему надо было привлечь внимание британского надзирателя к его письму именно в этот день.

Таким образом, ночью и утром 17 августа Гесс ясно дал понять надзирателям всех трех стран — США, Франции, Великобритании, дежурившим в эти сутки, что он пишет что-то очень важное.

На первую прогулку в этот день заключенный не пошел, и около 11.30 Миллер убыл на обед. В районе полудня американский надзиратель Джордан заступил на дежурство в блок.

«Заключенный № 7» был в хорошем настроении и казался веселым. Он своевременно известил Джордана о желании выйти на прогулку и стал одеваться. Вдвоем они спустились из камерного блока в сад. Никакую сумку с газетами в этот день заключенный с собой не брал. Из лифта Джордан быстро ушел вперед к садовому домику, а Гесс не спеша начал двигаться к своей цели. Время было примерно 14.10.

Заключенный дошел до центральной садовой дорожки и повернул направо к садовому домику. В этот день он не стал совершать свою обычную прогулку на левый край дорожки, а сразу пошел в домик. Навстречу Гессу по садовой дорожке шел американский лейтенант — начальник караула, охранявшего тюрьму. Обычно при таких случайных встречах заключенный останавливался и изучающее рассматривал военнослужащего. Но в этот раз он не обратил на офицера никакого внимания. Гесс зашел в садовый домик и закрыл за собой дверь. Можно сказать, под самым носом у Джордана. Американский надзиратель остался снаружи и расположился под деревом с той стороны домика, где нет окон.

Войдя в домик, Гесс сразу приступил к делу. Он поднял с пола кабель, отключил его от розетки и от напольной лампы. Затем привязал кабель к ручке на окне. Это не составило большого труда, так как розетка на конце кабеля надежно фиксировала узел. Заключенный лег спиной на пол, прислонив плечи и голову к стене под окном. Он завязал на кабеле простой узел, накинул петлю на шею, а затем еще раз обмотал кабель вокруг шеи и стал ждать. В нужный момент, когда Джордан будет подходить к домику для проверки, заключенный будет держать свободный конец кабеля рукой, а одно плечо просто опустит вниз. Будет выглядеть как естественное самоповешение. Гесс прекрасно знал, что с потерей сознания рука ослабеет и полного удушения не получится. К тому же даже при традиционной казни на виселице, если не ломаются шейные позвонки, смерть жертвы

наступает только через четыре-пять минут. Но он-то почти весь лежит на полу, поэтому все должно закончиться лишь временной потерей сознания. А там надзиратель придет на помощь.

Ждать пришлось недолго. За дверью послышались шаги. Заключенный покрепче прихватил кабель рукой, опустил левое плечо вниз. Сознание медленно покидало Рудольфа Гесса.

Американский солдат-связист из состава караула, которого в качестве поощрения отпустили в сад посмотреть на «заключенного № 7», подошел к садовому домику и заглянул в окно. Это было нарушением обязанностей караульных, поэтому солдат не рассматривал подробно внутренности домика. Просто заключенного на своем месте в кресле он не увидел. А Гесс в это время с кабелем на шее лежал под окном, в которое заглядывал американец. Солдат отправился к караульной вышке № 3, на которой кроме часового находился и начальник караула, и рассказал, что не увидел заключенного в домике. Часовой и офицер лишь посетовали, что сегодня связисту не повезло.

Американский надзиратель Джордан в это время продолжал сидеть под деревом. Завтра у американских надзирателей «пауза», а у Джордана начинается отпуск. Он уже купил на сегодняшний вечер билеты для поездки. Кроме того, он попросил своего коллегу Пайца прийти на смену немного пораньше, чтобы было достаточно времени для сборов в дорогу. Таким образом, до прихода Пайца и наступления отпуска Джордану оставалось меньше часа. Американец сидел и строил планы на отдых. В какой-то момент он решил проверить заключенного.

В отличие от солдата Джордан через окно увидел Гесса, лежащего спиной на полу. Американец вбежал в домик, приподнял заключенного, снял с шеи кабель. При этом он для себя отметил, что кабель сошел очень легко. Надзиратель поудобнее расположил Гесса и побежал звонить по телефону

старшему смены, докладывать о случившемся. Он не мог воспользоваться рацией, так как батареи радиостанций надзирателей к этому времени уже полностью отказывались работать, а замены не было. После звонка Джордан вернулся в домик. Заключенный не подавал признаков жизни. Джордан понимал, что, пока придут врачи из британского госпиталя, пройдет еще довольно много времени. Поэтому он побежал к караульной вышке № 3, расположенной в саду тюрьмы недалеко от домика, и попросил медицинской помощи у часового. Часовой немедленно передал сообщение начальнику караула. Офицер поспешил в сад. Он увидел лежащего в садовом домике «заключенного № 7». Гесс был без сознания, казалось, он не дышал, но начальник караула отметил у него очень слабый пульс.

Вскоре в сад прибежали два американских военных фельдшера из состава караула. Обученные оказывать первую помощь на поле боя молодым военнослужащим, американцы сразу начали делать Гессу искусственное дыхание. Послышался хруст ломаемых старческих ребер. Однако в условиях реанимации это считается нормальным. Тем не менее сознание к Гессу не возвращалось.

Потом в сад пришел тюремный санитар Мелаоухи, за ним британский военный врач, приехала машина скорой помощи. Все собравшиеся пытались реанимировать «заключенного № 7», но тщетно. Гесса погрузили в машину скорой помощи и отвезли в британский военный госпиталь, где в 16.10 начальник госпиталя констатировал его смерть.

После того как в госпитале собрались все четыре союзных врача, наблюдавшие Гесса в тюрьме Шпандау, полковник Хаммер-Филип достал из карманов покойного все, что в них было. Полковник собирался сделать рентгеновское исследование тела Гесса, не снимая одежды, а посторонние предметы могли исказить информацию на снимках. Среди предметов, извлеченных из карманов Гесса, было и письмо, написанное синими черни-

~~STAFF IN CONFIDENCE~~

Case No.: 53052/7

STATEMENT

Surname: 13 Forenames: 13
Service No.: [redacted] Rank: [redacted]
Type of Engagement: [redacted] Height: [redacted]
Date and Place of Birth: [redacted]
Full Unit Address: [redacted]
Date due to leave Comd: [redacted] Date to leave Service: [redacted]

I am 15 [redacted], presently serving with my unit 5/502 Infantry Regt, Combat Support Company in Berlin.

On Mon 17 Aug 87, I was detailed to carry out prison guard at the Spandau Prison Berlin, the only inmate of the prison being Rudolf Hess who I shall now refer to as Allied Prisoner No 7.

From looking at the guard shift rosta for Mon 17 Aug 87, I established that I was to be on guard duty between 1200 hrs and 1600 at point 8, which is the central switchboard.

Subsequently about 1135 hrs Mon 17 Aug 87 I reported for duty at the guardroom. The guardroom being a building situated outside the prison walls.

The Officer Commanding of the guard being 3 [redacted], the [redacted] in charge being 11 [redacted].

Having been inspected for duty by 10 [redacted] of my unit the ongoing guard which included myself were marched into Spandau Prison to commence duty.

I would like to point out that point 8 is located within the main prison building complex near the main entrance on the front wall.

About 1202 hrs I actually took over duty on point 8. I remained on duty at point 8 until 1445 hrs when I received a radio message from 9 [redacted] a member of the guard who was manning observation post 3.

9 [redacted] informed me that Allied Prisoner 7 was out in the grounds, if I was interested in having a look.

Due to the fact that I was not alone at point 8, I was able to leave my duty post and go outside in the hope of seeing Allied Prisoner No 7.

Having left point 8 I walked on the footpath past observation posts 5 and 4.

Between observation points 4 and 3 is a small building known as the rest house. The rest house is about 10 meters to the right of the footpath.

- 44 -
~~STAFF IN CONFIDENCE~~

**Первый лист показаний американского военнослужащего,
который подходил к садовому домику
во время самоубийства Гесса**

лами на листе обычной белой бумаги. Все вещи были запакованы в конверт, и врачи поставили на нем свои автографы. После этого тело Гесса усадили в кресло-каталку и, не снимая одежду, сделали рентгеновские снимки. Затем труп поместили в холодильную камеру.

Когда в госпиталь приехал американский директор МТШ господин Кин, полковник Хамер-Филип вручил конверт с вещами Гесса ему как председательствующему директору тюрьмы в августе. При этом присутствовал британский директор тюрьмы господин Ле Тиссьер. Вскрыли два директора конверт самостоятельно или дождались всех директоров, сегодня остается только гадать. Однако в 19.55 прямо в госпитале началось совещание всех четырех директоров, на котором, в частности, рассматривалось и содержимое конверта. В протоколе заседания записали, что в конверте вместе с другими вещами находилось одно письмо — без каких-либо подробностей.

Однако и американский, и британский директора сразу поняли, какую угрозу несет предсмертная записка Гесса. Обвинения в ненадлежащем обращении надзирателя с заключенным и бездействии директоров по факту жалоб заключенного могли дорого стоить самим директорам. Особенно это касалось американского директора, так как обвинения были в основном в его адрес и самоубийство произошло во время дежурства его подчиненного. При внутреннем служебном расследовании действия американского директора, а особенно надзирателя Джордана, классифицируются минимум как халатность. Но это было не главное. Записка ясно показывала, что проводимая много лет западными странами политика в отношении тюрьмы Шпандау, направленная на заигрывание перед заключенным путем попыток смягчения режима содержания, полностью провалилась. Рудольф Гесс не встал на их сторону. Но эта политика велась исключительно в противовес действиям советской стороны. Получается, что Советский

Союз выиграл у Запада не какой-то один «холодный бой», а целую битву вокруг тюрьмы Шпандау в мировой холодной войне. Как об этом будут докладывать президенту США и премьер-министру Великобритании? Какие последствия будут для самих директоров, для военной администрации Западного Берлина, для сотрудников и руководителей Государственного департамента США и Форин Офиса Великобритании, для всех тех, кто формировал эту политику? Такую предсмертную записку нельзя было демонстрировать посторонним, требовалась ее подмена.

На счастье, в сейфе американского или британского директора МТШ сохранилась старая записка Гесса, написанная им в конце 1969 года. У него тогда произошло прободение язвы, осложнившееся разлитым перитонитом, и он впервые попал в британский военный госпиталь в Западном Берлине. В ночь на 29 ноября у Гесса возникло чувство, что он умрет. Он потребовал пригласить к нему доктора Зайдля и немецкого нотариуса, чтобы засвидетельствовать подлинность заявления, которое намеревался подписать. Еще он попросил известить своего сына. Конечно, никакого адвоката и нотариуса к Гессу не пригласили. В ту ночь он так и не умер, но предсмертную записку подготовил. Так как в записке Гесс коснулся запретной темы — Нюрнбергского процесса, то тюремное начальство оставило ее у себя, вместо того чтобы отправить семье. Почти через 20 лет эта предсмертная записка вновь появилась на свет.

Сразу после констатации смерти «заключенного № 7» в его камере был произведен обыск и изъяты все записки и письма. В том числе и письмо от невестки, датированное 20 июля 1987 года. Лучшей основы для доказательства, что предсмертная записка написана недавно, трудно и придумать. Правда, письмо было на двух страницах, а не на одной, но это были уже детали. Осталось перенести старую предсмертную записку на обратную сторону письма невестки.

Черно-белые копировальные аппараты, в основном производства компании «Ксерокс», в 1987 году были довольно широко распространены в различных западных учреждениях. Однако руководство «серьезных» организаций использовало уже и цветные чернильные копии. В массовом применении они появились значительно позже, но командование британского и американского гарнизонов в Западном Берлине на тот момент такую технику имело. С помощью этого аппарата старую записку Гесса, написанную синими чернилами, скопировали на оборот первой страницы письма от невестки. При этом, естественно, не стали переносить дату.

Подделку предсмертной записки провели в течение ночи, и на следующем заседании директоров, начавшемся 18 августа в 12.30 в тюрьме Шпандау, речь шла уже конкретно об оставленной перед самоубийством записке, написанной на обороте письма невестки. На заседании директора обсуждали сообщение для прессы по поводу смерти «заключенного № 7». Предполагалось заявить, что предсмертная записка была найдена в кармане заключенного после смерти. Однако такая формулировка не устроила исполняющего обязанности советского директора МТШ А. Колодникова. Он взял время для консультаций с руководством, и повторное в тот день внеочередное заседание директоров началось в 18.55. На этом заседании было принято общее решение исключить из пресс-релиза слова: «Записка была найдена в его кармане».

Несмотря на то что в официальном заявлении, подписанном всеми директорами тюрьмы Шпандау, слова о месте обнаружения записки отсутствовали, западные директора в своих персональных интервью различным средствам массовой информации говорили именно о кармане заключенного, из которого якобы была извлечена записка. Следователи британской военной полиции в протоколе расследования также записали

не официальную формулировку от всех директоров тюрьмы по поводу обнаружения предсмертной записки, а лишь слова британского директора.

По идее, такую подделку записки специалист должен легко различить. Но британские следователи только посмотрели на письмо, и оно осталось у директоров МТШ. Для использования в ходе расследования полицейским дали копию письма. Лондонский эксперт-почерковед проводил исследование записки и определил, что она написана почерком Гесса. Никаких других однозначных выводов он не сделал. Эксперт не стал исследовать наличие на поверхности бумаги давленого следа, оставляемого авторучкой или фломастером при написании. Скорее всего, у него не было с собой соответствующего оборудования, и он честно заявил об этом в своих показаниях. Ну а то, что специалисту для исследования выдали не пять, а шесть авторучек и фломастеров, говорит только о том, что кто-то пытался подобрать фломастер с синими чернилами, примерно похожими на чернила в копировальном аппарате, но увлекся и забыл о нужном количестве письменных принадлежностей. Семье Гесса со временем также была передана копия письма, а оригинал остался у директоров МТШ и был уничтожен вместе с оригиналами всех документов тюрьмы осенью 1987 года. Таким образом, подделка «предсмертной записки» Рудольфа Гесса не представляла больших сложностей в то время и при той организации дознания.

Так в чем же просчитался Рудольф Гесс, пятый раз в жизни пытаюсь имитировать самоубийство? Он никак не мог предусмотреть, что к садовому домику вместо надзирателя Джордана подойдет простой американский солдат. Его шаги Гесс принял за шаги Джордана и слишком рано затянул провод на шее. А Джордан пришел намного позже. В результате в бессознательном состоянии Гесс находился значительно больше времени, чем позволяли его здоровье и возраст. Итог — асфиксия и остановка сердца.

Рудольф Гесс просчитался и в том, что его записка дойдет до средств массовой информации, а значит, до широкой общественности. Записка писалась в расчете на то, что он останется жить. В этом случае содержание записки никто подменить не смог бы. А так она исчезла бесследно навсегда. Что же все-таки на самом деле было написано в предсмертной записке Рудольфа Гесса? Это остается последней тайной Шпандау.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Дневник надзирателя Шпандау	7
Первое знакомство (7 января 1986 года).....	7
Глава 1. Заключенный номер семь (Январь 1986 года).....	10
Глава 2. Заместитель фюрера (Февраль 1986 года).....	50
Глава 3. Полет в Великобританию (Весна 1986 года).....	84
Глава 4. Несостоявшийся миротворец (Лето 1986 года)...	110
Глава 5. Нюрнбергский трибунал (Осень 1986 года).....	132
Глава 6. Безумец или симулянт? (Зима 1986/87 годов).....	156
Глава 7. Нераскаявшийся нацист (Весна 1987 года).....	184
Глава 8. Пароль «Парадокс» (Лето 1987 года).....	208
Прощай, Шпандау! (1 сентября 1987 года).....	233
Часть 2. Смерть Гесса: документальное расследование	237
Глава 9. Смена времен (2017 год).....	237
Глава 10. Неизвестные документы Нюрнбергского процесса.....	254
Глава 11. Операция «Теннисон».....	281
Глава 12. Зачем фальсифицировали материалы расследования?.....	316
Глава 13. Обстоятельства смерти: факты и домыслы.....	340
Глава 14. Последняя тайна Шпандау: реконструкция событий 1987 года.....	361

Андрей Николаевич Плотников
ТАЙНА СМЕРТИ РУДОЛЬФА ГЕССА
Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы Шпандау

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *А. В. Сушковой*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Л. А. Куртова*

ООО «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 05.07.2018
Формат 125×210. Усл. печ. л. 17,01
Тираж 1500 экз. Заказ 7174

ISBN 978-5-9950-0914-6

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Андрей Николаевич Плотников

был надзирателем от СССР в Межсоюзной тюрьме Шпандау в то время, когда там скончался Рудольф Гесс. Опираясь на знание внутренней жизни, распорядка и особенностей режима тюрьмы, взаимоотношений персонала, а также на основе большого количества документов, автор провел детальное историческое расследование, проливающее свет на события 1987 года, споры о которых тянутся уже более тридцати лет.

Рудольф Гесс — один из самых талантливых иерархов нацистского рейха, заместитель фюрера, второй преемник Гитлера после Геринга. Ближайший соратник Гитлера с самого начала его политической борьбы, он до конца верил в гениальность фюрера и праведность его идей. В 1941 году Гесс в одиночку со-

вершил перелет в Шотландию в надежде договориться о союзе, которого страстно желал Гитлер, однако, был арестован и провел в заключении более сорока лет, где и был найден повешенным 17 августа 1987 года. Был ли это акт отчаяния заключенного или тщательно спланированная операция спецслужб, неизвестно до сих пор. Книга, написанная непосредственным очевидцем событий, наконец раскрывает истинные обстоятельства смерти «тени фюрера».

